

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2013

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

Приокские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2013 — 3(32)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	
«Воспоминание о будущем».....	3
К 270-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГАВРИЛЫ РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА (1743—1816)	
От редакции.....	11
Избранные стихотворения Г. Р. Державина.....	11
Владислав Ходасевич. Державин (глава из книги).....	26
К 275-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО ЭНЦИКЛОПЕДИСТА АНДРЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛОТОВА	
Рагим Мусаев. Репертуарная политика первого детского театра России.....	46
ПОВЕСТЬ	
Наталья Квасникова. От сатирика слышу!.. (художественно-публицистическая повесть).....	59
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ	
Лилия Агадулина. Мы давно знакомы.....	87
Николай Макаров. Хлеб.....	90
Анна Барсова. Солнечный зайчик.....	93
Федор Ошевнев. Компенсация.....	97
Рудольф Артамонов. Кипрские ночи.....	113
Татьяна Камаева. Кровинушка.....	120
Яков Шафран. Бомж.....	124
Сергей Овчинников. Лиза.....	134
Сергей Крестьянкин. Посмотри вокруг.....	141
Татьяна Рогожина. Басоня.....	149
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ	
Валерий Кулешов. <i>Personalia</i>	152
Леонид Золотухин. Белоусовский парк.....	158
Владимир Гудков. Стихотворения для детей.....	161
Роман Никишин. Страна несбывшихся надежд.....	164
Наталья Кожемяко. Пастушок.....	167
Игорь Мельников. Знает Бог.....	170
Владимир Сапожников. Наваждение.....	173

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

Ефремовское литературное объединение «Родник» (От редакции, Николай Титов, Сергей Жигалин, Серафим Парадизов, Вячеслав Мальцев, Виктор Истягин).....	174
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Сергей Либерт. Из цикла «Вредные привычки».....	187
Игорь Карлов. Обретение смысла.....	192
ФИЛОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА	
Александр Субетто. Ноосферно-социалистическая миссия XXI века.....	197
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИКОСКИХ ЗОРЯХ»	
Григорий Шувалов. Стихи.....	220
ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ	
Сергей Лебедев. Детство на Ветлуге (окончание).....	223
Олег Яковлев. Автономное плавание (окончание).....	235
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Игорь Герасимов. Слово про поход Игоревый, Игоря, сына Святослава, внука Олегова.....	247
Елена Соколова. О евангельских картинах Поленова.....	261
Кирилл Усанин. Правда жизни.....	263
Алексей Корнеев. Плыви, «Ковчег», и не сбивайся с курса.....	265
Николай Струна. Стихов необоримый свет (Палитра современной тульской поэзии).....	267
Александр Хадарцев. Его стезя.....	289
Геннадий Маркин. Святой против Льва.....	292
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	294

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Вячеслав БОТЬ (Тула)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
Правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Наталья КВАСНИКОВА (Москва) — зав.
отделом публицистики и литературоведения
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом
критики
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
литературы Поволжья
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав.
отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом
поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор
Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), президент
Академии российской литературы

Зав. редакцией Яков ШАФРАН (Тула)
Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Латвия)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Подъем» (Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тульская правда»
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.pz-tula.ru (в PDF формате) См. также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ»

Заголовок заключен в кавычки, ибо это название очень популярного в 70-х годах зарубежного фильма, шедшего большим экраном и в СССР. Он запомнился не только сюжетом, но и характерной фамилией режиссера — Деникин; правда, в оригинале ударение на первом слоге, но у нас он тотчас проассоциировался с фамилией Антона Ивановича, главного белогвардейца Гражданской войны, в советских учебниках истории даже затмившего адмирала Колчака...

Сюжет же фильма, стандартный уже тогда для западного кинозрителя, для советских людей был новым, необычным: поиски исторических артефактов присутствия внеземных цивилизаций на нашей планете, «заглядывание» в будущее, когда земляне, возможно, снова столкнутся с братьями по разуму и так далее. Общий лейтмотив: ничто не ново под луной; даже в короткой по астрономическим меркам эпохе цивилизации и культуры на Земле возможны повторяющиеся циклы. Как вечно возрождающийся Осирис в древнеегипетской религии. Как птица Феникс...

К чему такая ностальгическая преамбула? А к тому, что мечтать о будущем, вспоминая славное прошлое русской и советской литературы XIX—XX веков, вовсе не вредно. И сразу оговоримся: одно из назначений настоящего очерка — снять некоторое внутреннее напряжение, что возникло у читателей «Приокских зорь», судя по их откликам, от содержания «Колонки главного редактора» предыдущего номера журнала. Так сказать, холодо-тепловая шоковая терапия, используемая в восстановительной медицине, а проще — русская баня с «вылетом» для окунания в сугроб...

А если серьезно говорить, то переживаемый не только нами, но и всем миром, постлитературный период цивилизации — не окончательный приговор, но лишь очередное звено «цикла Осириса». К сожалению для нас, современников, огорчительное звено, имманентное разворачивающемуся сейчас процессу глобализации; см. наш очерк «Глобализация как ноосферный процесс» в одном из предыдущих номеров журнала. В единстве и неизблемости законов природы все это сродни температурным циклам в атмосфере Земли. Еще не утихли панические вопли в мировых СМИ по поводу «необратимого глобального потепления», как уже на глазах «плюс» стал меняться на «минус», а серьезный научный прогноз свидетельствует: уже в конце XXII века нас ожидает очередной малый ледниковый период; предыдущий имел место быть в XIV веке — посмотрите в музее или в альбомах картины «старых голландцев», на которых типичный сюжет: те самые голландцы «рубятся» в хоккей на промерзших искусственных водоемах...

Сметливый читатель уже понял: далее речь пойдет о грядущем новом литературном периоде: если не человечества, то нашего отечества. Ну-у, примерно так. Но здесь снова говоримся, опять же вспомнив упомянутого в предыдущей, «постлитературной» «Колонке» критика Юрия Селезнева и нашего современника Александра Проханова. Особенно Селезнева, лекции которого в Литературном институте слушал в свое время предельно внимательно.

Был Селезнев выдающимся литературным критиком и постоянно говорил нам о

скором творческом взлете русской, советской словесности. Нам, только постигающим азы писательства, казалось: что-то нашему наставнику известно в прогностическом плане, раз он так уверен в грядущем позитиве, но что он полагает пока излишним озвучивать — в смысле говорить изустно и в своих публикациях об онтологии, первооснове ожидаемого творческого импульса...

Сейчас же, спустя треть столетия после тех лекций, думаю, не ошибусь, если попробую «проникнуть» в творческую лабораторию нашего замечательного учителя. Скорее всего, Юрий Иванович в своих убеждениях исходил, как говорят в математике, «от обратного», ибо потребность в прогнозе-идеале обычно возникает у творческого человека из-за неудовлетворенности настоящим. Это и есть движущий мотив. По всей видимости давила ситуация в советской литературе семидесятых годов: бал правили «шестидесятники» и «деревенщики». Не зная подспудных мыслей выдающегося критика, далее говорю только «от себя»: как я думал тогда, причем к сегодняшнему дню мнения не изменил.

Кстати, один из маститых рецензентов на мою дипломную работу по окончании Литинститута, позже изданную книгой «На островах», резюмировал: «...Алексей Яшин является типичным представителем крайне левых «деревенщиков». Ни много, ни мало.

...Это только кажется — и сейчас, и тогда, что «шестидесятники» и «деревенщики», обычно же эти течения объективизировались, сливались в конкретных громких «именах» тогдашнего литературного процесса, являлись выразителями дум и чаяний читающего народа. Поскольку же в 60—70-е годы читали массово, то речь идет, вообще говоря, о всем советском социуме: от сугубой интеллигенции до рабочих «от станка» и сельской молодежи. Причем под советским социумом понимается не только его русский, русскоязычный ареал, но в определенном смысле и интеллигенция, молодые поколения союзных республик. На русских, на Москву тогда равнялись...

Действительно, шестидесятники-деревенщики (давайте, объединим и раскавычим эти термины) появились в нужное время и в нужном месте. Но сначала приведем биографическую справку из книги В. В. Огрызко*: «Селезнев Юрий Иванович (1939—1985) вечный борец, в 1977 году на конференции «Классика и мы» он заявил, будто в литературе уже давно идет третья мировая война, тогда же его приставили первым заместителем к Сергею Викулову в журнал «Наш современник»**, но начальник при поддержке Юрия Бондарева все сделал, чтобы отчаянного критика вскоре с работы убрали (официально Селезнева выгнали за то, что он проморгал в какой-то статье слово «руссофобия»)» (С. 515).

...Для полноты характеристики натуры Юрия Селезнева приведем еще одну ремарку из замечательно-содержательной книги В. В. Огрызко: «Его интересовали искания современной прозы, творчество Белова, Лихоносова, Распутина... Но главной своей работой он считал книгу о Достоевском для молодежи» (С. 37).

И еще заместим, что Селезнев, будучи зав. редакцией серии «ЖЗЛ», сделал ее явлением русского, советского литературного процесса. Все же его невзгоды начались после того, как он в № 11, 1981 года «Нашего современника» напечатал повесть В. Крупина «Сороковой день», вызвавшую гнев партайгеноссе на Старой площади...

Теперь читатель живо представит себе личность Юрия Ивановича, его творческое реноме и одиозность его нестандартной натуры на фоне тогдашней, по преимуществу, серой писательской биомассы...

* Огрызко В. В. Против течения. Статьи и заметки о современной литературе / Вст. ст. Ивана Гобзева. — М.: Литературная Россия, 2010. — 544 с.

** Первым главным редактором «Нашего современника» был Борис Михайлович Зубавин — мой учитель, то есть руководитель семинара прозы, по Литинституту. — Прим. авт.

Теперь же вернемся к шестидесятникам-деревенщикам, появившимся в нужное время и в нужном месте: в 60—70-е годы «золотой» советской эпохи тех лет... Еще раз извиняемся, еще раз *nota bene*. Внимательный читатель «колонок» нашего журнала уже отметил: ваш покорный слуга никогда не употребляет имен собственных, ведь речь о современных литераторах. Во-первых, их имена и так «просвечивают» из контекста, то есть человек литературно просвещенный без труда угадывает персоналии, а неофиту их и знать не интересно. Во-вторых и в главных: у нас — имеется в виду весь социум, окормляемый СМИ и чиновниками всех рангов — все более и более крепнет позиция обезьянничества с Запада (вспоминайте хрестоматийного «аршавского портного»). Самое паскудное, извините за «мягкую» степень грубости, что с той же Америки берут не лучшее, что у них имеется, но что явно не вписывается в русские традиции.

...Мы уже не говорим о холерической мировой кампании «борьбы» с курением и употреблением виски-джина-водки. Всякому самодостаточно мыслящему человеку уже давно понятно: вся эта «борьба» лоббируется на планетарном уровне некими заинтересованными силами... Но вот юридический американизм: пресловутая ювенальная юстиция, все возрастающая роль адвокатского крючкотворства... Особенно последнее. Вспомните, уважаемый читатель: что вы слышали об адвокатах в советское время? — Да почти ничего. А сейчас мы вплотную приблизились к американской ситуации, когда рядовой янки-дудль без адвоката, извините за легкое преувеличение, опасается зайти в туалет или сходить «налево» к любовнице.

Вот поэтому мы и стараемся не упоминать имен собственных: недохвалишь, а то и вовсе неодобрительно отзовешься — жди повестку и адвоката стороны обвинения. Не сам обиженный литератор «вчинит иск», так сонм вечно голодных наследников набежит...

Так все же — появление шестидесятников-деревенщиков в «золотую» советскую эпоху. Они оказались читающей страной, то есть тогда в с е й страной, архивостребованы после долгого периода необходимо-номенклатурной литературы. Как расслабляющий теплый душ по-домашнему после изнурительного трудодня в жару-пекло, а для служащих еще и в галстук и пиджачной паре.

Сталин — вот истинно притча во языцех! — здесь был ни при чем. Потому и пишем сложносочиненно: «необходимо-номенклатурная». Шолохов, Федин, Гладков, Фадеев, Мариэтта Шагинян, Всеволод Кочетов и все другие — писатели «горьковского призыва» — тоже пришли в свое время и в нужное место. А время-место, как в квантовой механике, у всех их было единым и трудным, ибо приходилось во имя поставленной цели порой «наступать на горло собственной песне», — это построение великой советской страны: империи по мощи и государственным амбициям, общества — по социальной гармонии, где впервые в мировой истории каждый осознал себя Человеком!

Но подошла пора и для теплого душа: мировая система социализма создана, народ накормлен телесно, а международный авторитет страны настолько высок, что даже ООН с подачи СССР дала щелчок по носу мировой финансово-олигархической системе империализма, приняв резолюцию, осуждающую воинственную идеологию сионизма.*

Недостаточно накормить народ пищей телесной, потребовался и деликатес для духовно созревшего советского человека, в том числе, конечно, и литературный. Так и был дан зеленый свет шестидесятникам-деревенщикам, самим людям грамотным,

* Для современной масс-медиа наши СМИ, кося известно под кого, именуют сионизмом стремление потомков ветхозаветного народа к переселению на историческую родину... Последнее даже в самом Израиле имеет свое название: алия.

с большим жизненным опытом, если и не фронтовикам, то детям войны и послевоенных трудных лет.

Несомненно, что некоторую роль в их созревании, особенно у фронтовиков, играл и «комплекс 1812-го года»: повидали мир с брони танков, «пол-Европы прошагали», расширили кругозор. Конечно, даже в мыслях у них не было стремления к «декабризму»; упаси Господь! Но мир-то повидали, хотя бы через прицел мосинской винтовки...

Хрущевская «оттепель», хотя бы в пику ненавистному ему Сталину, сменившее ее брежневское благодушие и стали тем полем, на котором разыгрывался сценарий литературного процесса 60—80-х годов. Чем он характеризовался? С одной стороны, несомненный талант истинно русских, советских писателей (поэтов и драматургов, конечно же), требующий безудержного развертывания. Тем более, что огромная аудитория страны духовно подготовлена к «теплому душу», высокограмотна и благожелательна.

Неплохо и со второй стороны: негласный договор с ведомством товарища Сулова со Старой площади. Суть его хорошо интерпретируется английским кодексом самовыражения: при беседе на самые щекотливые темы джентльмены не имеют в виду присутствующих. Плюс девиз железного канцлера Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайтесь».

Так и здесь: говорите и пишите что народ с интересом воспринимает, но «не трогайте за вымя» партию и правительство, не забывая к месту вставить и доброе, ненавязчивое слово о них. Насчет советской власти даже конкордат не требовался: для шестидесятников-деревенщиков она мать родная. А партия-правительство в тоге непогрешимости римского папы гарантирует литераторам необходимо-достаточную свободу творчества, для дисциплинирования и остротки планово-поощряемую образцовую поркой. Это как в «Капитанской дочке» супруга коменданта крепости направляет судебное действо в отношении подравшихся в бане из-за шайки воды: разобраться да обоих и наказать!

Так и появились в произведениях 60—80-х годов отрицательные персонажи чином не выше заведующих райкомхозами. Как товарищ Саахов в «Кавказской пленнице». Даже без акцентации на их членстве в «нашей партии».

Будем предельно справедливы в оценке творчества шестидесятников-деревенщиков: они с честью выполнили возложенную на них Историей культуртрегерскую миссию, обогатив изредка русскую и советскую в особенности литературу, доведя до совершенства метод социалистического реализма, как дальнейшего развития традиционного русского критического реализма.

При такой солидной методологической базе последняя в определенном смысле оказалась клеткой-западной для литературного творчества. Все дело в закостеневшей к 60-м годам идеологии. Как и предупреждал Генералиссимус* в начале пятидесятых годов — знаменитая дискуссия о насущном создании политэкономии социализма, которую Маркс не создал, да и не мог по определению создать, — догматизация марксизма-ленинизма в условиях построенного в СССР социализма есть ситуация тупиковая. Что спустя три десятилетия увы, подтвердилось самым горестным для страны образом...

Выше головы не прыгнешь (исключая Брумеля), раз приняли наши писатели правила игры, то и сами оказались в позиции пата. Осознание этого приходит только сейчас, но, скорее всего, как раз Селезнев-то это прекрасно понимал. Отсюда и его неизбывная мечта о грядущем творческом импульсе, который когда-то пронзит

* Автор «Колонки» ни в коей мере не навязывает своего мнения, но все же рекомендует ознакомиться с книгой: Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление. — М.: «Московский Парнас», 2010.

русскую словесность. Понятно, что даже в раскованной атмосфере и аудитории Литинститута Юрий Иванович не мог говорить открытым текстом. Это было бы почище его «третьей мировой войны в литературе» и достопамятной «русофобии» (см. выше).

Мы «заявили» в контексте настоящего очерка два имени: Юрия Селезнева и Александра Проханова. В смысле их оптимизма о будущем русской литературы. Что касается второго из названных, то главный редактор «Завтра» как раз и является неизбыточным оптимистом. Читайте его передовицы к каждому номеру «газеты государства Российского».

...И мы задумаемся о грядущем новом литературном периоде: грядет ли он, вообще вероятен ли, каковы его ожидаемые черты? Вопросов много — были бы аргументированы ответы в рамках «воспоминания о будущем».

Опять-таки *nota bene*. Автор этих строк, являясь не только литератором, но и ученым в области эволюционной биологии и биофизики, биоинформатики тоже, в настоящее время работает над десятой книгой своей многотомной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы», имеющей характерное название: «Аналоговое и цифровое мышление». Суть развиваемой в книге концепции в том, что процессы мышления каждого человека характеризуются двойственностью представления и обработки биологической информации. То есть речь идет о сочетании аналогового и цифрового, значит, дискретного мышления. В процессе эволюции человека, особенно в исторический период цивилизации и культуры, соотношение между «весом» аналогового и цифрового мышления постоянно изменялось. В настоящее время, когда мы воочию наблюдаем переход биосферного этапа эволюции в ноосферный (по В. И. Вернадскому), наметилась четкая и однозначная тенденция угнетения аналогового, творческого мышления цифровым, компьютерным. Как это отражается на литературном процессе — см. «Колонки» в двух предыдущих номерах «Приокских зорь». Это мы напоминаем читателю.

Компьютерно-цифровое мышление явно не внушает оптимизма в части нашего литературного ренессанса. На чем же зиждется наша робкая надежда на восстановление *status quo* в отечественной словесности? Можно назвать следующие факторы «реабилитации».

Взятие Интернета под контроль государством, но реальнее — «содружеством» глобализованных государств, то есть мировой контроль. Такие попытки уже стали притчей во языцех. Уже реальный, с угрозами отключения сайтов, контроль над содержанием «Википедии» — свободной виртуальной энциклопедией, одним из немногих полезных творений Интернета.

Другой скандал разгорелся в начале июня сего года. Когда достоянием гласности стало предоставление крупнейшими (а они почти все американские) интернет-компаниями доступа ЦРУ ко всем своим сайтам, то есть глобальный шпионаж в виртуальном мире. Много и других примеров, из которых однозначно следует тенденция.

Но читатель спросит несколько ошарашено: «Но причем тут литература, литературный процесс?» — В точку попал уважаемый читатель. Интернетовская, компьютерная литература — главный противник и перехватчик аудитории, особенно молодой, литературы *творческой*, то есть духовно-словесной, на возрождение которой в новом довлеющем импульсе мы и уповаем.

...Только сугубый идеалист или фарисей полагает, что люди тянутся к Интернету дабы научно или духовно обогатиться. Ученый и без того знает свой предмет, чтобы тратить время на поиски чего-то в 100 %-м информационном шуме «мировой паутины». А читатели художественных произведений с сайтов Интернета? Здесь дело несколько иное. Если ученый сквозь информационный шум отыскивает

крупницу знания, то потребитель компьютерной литературы суть потребитель... информационного шума, каковым и является эта литература.

Еще раз напомним читателю, что под компьютерной литературой понимается нечто иное, нежели, например, чтение того же Толстого или Чехова на экране. Опять же отсылаем за уточнением к предыдущим двум «Колонкам» журнала. Здесь разница, как тот же Антон Павлович писал, все одно что плотник супротив столяра. А говоря языком церковно-славянским, есмь чин ангельский и чин диавольский...

То есть компьютерная литература потребляется в качестве некоторого, причем неосновного блюда в виртуальном обеде: что-то навряде закуски у водочного столика или сыра перед десертом. Во всяком случае, это не черепаший супчик, не бифштекс с кровью... даже не заливной осетр или кулебяка в сложном ранжире меню трактира Тестова... извиняемся, «инженера Gogol'a».

Прикованный виртуальными кандалами к «компю» потребитель пробегает свой ежедневный (ежевечерний) обед: поднадоевшие «Одноклассники», губернский якобы оппозиционный сайт (в Туле — «Пряник.ру»), новости, так сказать, интима физиологического и внутри- и внешнеполитического и так далее. Где-то он попадает на литературный сайт, где пробегает глазами окончание фантастического романа об особенностях морфологии межгалактических ящеров.

Теперь представьте себе, что наиболее «забойные» сайты законодательно прикрыты, а после принятия «антиколумбовского» закона о табакокурении и целой кучи законоуложений с угрозой миллионных штрафов сомневаться в таковом сложно, самые посещаемые социальные сети «zagnat w butilka» (см. Ильфа — Петрова) — и что получим? — Получим то, чего и добьется государство, а скорее — глобализованное сообщество: выхолощенный от всяких «свобод» Интернет, к которому мигом все его бывшие адепты теряют интерес. А это уже мощный стимул к возвращению к истинной художественной литературе, ибо, согласно Лейбницу, «природа не терпит пустоты». ...Если, конечно, к этому гипотетическому «взятию под контроль» времени усилиями того Интернета не произойдет полное расчеловечивание (термин А. А. Зиновьева). Но здесь уже и никакая литература не будет нужна:

А то — умрет предмет литературы
И станет чем-то вроде лигатуры —
Отживший тлен — предбывшие таланты...*

Так что вполне возможный вариант, главное, соблюдаются два известных русских принципа: а) нет худа без добра; б) «вот приедет барин, барин нас рассудит».

«Вино, женщины и искусства принадлежат избранным». Это хорошо апробированный историей — ближней и дальней — способ качественного подъема художественной литературы. Даже как-то неудобно характерные примеры приводить; ведь все-таки «толстые» журналы сейчас читают исключительно люди образованные, в смысле, получившие добротное, массово-лучшее в мире советское воспитание-образование, а не купившие диплом экономиста-юриста на интернет-торгах в Харцепетовском филиале Заозерской высшей академии бизнеса и менеджмента.

Кстати, просьба не ассоциировать этот (возможный) путь с концепцией «литературы для литературы». То — другое совсем и по другому поводу...

Поскольку, как мы выше оговорились, читатели «Приокских зорь» есть люди с добротным образованием, то они прекрасно поймут и музыкальное сравнение «литературы для избранных» и «литературы для литературы». Сейчас все околоцерковное в моде, потому и пример возьмем из православных распева а'капелла.

* Яшин А. А. Видение на Патмосе: Роман-предвидение / Предисл. Л. В. Ханбекова. — М.: «Московский Парнас», 2011. — С. 256.

Православное пение есть сочетание собственно а' капелла хора, обычно женского, и «дьяконских» басов-профундистов; от латинского *profundis* — глубина. Если басы исполняют свою партию в контроктаве на фоне энергичного пиано хора — это аналог литературы для широкого читателя; или «избранного», но все равно читателя. Но вот если на фоне тишайшего, нежнейшего пиано хора басы контр-октависты спускаются вплоть до ноты соль контр-октавы, почти до инфразвука — это «литература для литературы». Высокое, понятно, искусство, но им в полной мере наслаждаются сами исполнители. Или очень тонкие ценители, что то же самое.

...Все же вспомним и историю. Собственно, любая литература развивалась и достигала вершин, далее уже не превосходимых, именно в статусе «для избранных». Так было в Древнем Риме, когда эстеты и «эстеты» навроде Калигулы наслаждались высоким слогом античной поэзии и драмы, а свободным гражданам — о рабах и вовсе не говорим — всю эту духовную пищу заменяли страсти на боях гладиаторов: хлеба и зрелищ! До боли знакомая ситуация нашего сегодняшнего бытия: только сейчас избранные — немногие почитатели словесности из «старых кадров», а ничего не ведающий и, главное, не желающий и слышать о «предмете литературы» (см. стихотворные строчки выше), современный а'ля Древний Рим плебс — это довольствующиеся нынешним гладиаторским театром: «комп» для молодых, городские рынки и супермаркеты для женщин, для имеющих власть и/или деньги. Аналогия полнейшая.

А разве «девушки-красавицы» распевали за жнивьем или прядением при лучине «Воспоминания» и «Мой дядя честных правил...»? Потому и знаменитое хождение в народ в 60—70-х годах позапрошлого века во многом не удалось из-за попыток бывших семинаристов апеллировать в описаниях жестокости помещиков и чиновников ссылкой на литературные образы...

Теперь в данном аспекте о возможном будущем. Эпоха глобализма неизбежна; см. наш очерк «глобализация как ноосферный процесс» в «ПЗ», № 3, 2009, С. 228—242. На первых порах, которые уже стомильными шагами наступают, это будет мировой олигархат, в России с нацспецификой: чиновничье-финансовый. Ведь в конце концов нахватают эти чиновники-олигархи и кормящаяся с их рук челядь мешки денег, наедятся от пуза от «советского голода», перевозят в кушавели вагонами всех московских проституток высшего разряда... а там и дети-внуки подрастут, получив образование-воспитание в лондонах и нью-йорках, усвоив, что «элита» должна демонстрировать себя в оперных театрах и при беседах упоминать литературные имена. Вот и потянет их в театры и к чтению изящно написанного.

Ну, с театрами-то для избранных у нас вопрос уже решен посредством стоимости билетов в престижные обиталища Мельпомены и Полигимнии от ста тысяч рублей и выше. Но потребуются и эта самая изящная литература, а не безграмотные творения «компьютерициков». А им: здравствуйте, мы туточки, хотите — сотворим рашен-вариант «В поисках утраченного времени», а пожелаете себе для выработки адреналина пощекотать нервишки, так мы и ремейк «Фомы Гордеева» сработаем!

Нравится это вам, уважаемые авторы «Приокских зорь»? Едва ли, да и ждать долго, да все одно опередают; как говорят в Одессе: классики мигом набегут!

...Можно классификацию будущего отечественной словесности продолжить: варианты один ярденее другого получатся, но все какие-то диковинные. Вредное это дело — вспоминать о будущем; все одно пальцем в небо попадешь. Да и сама цель написания настоящей «Колонки» не есть рецептура и успокоение, но напротив — подстегнуть авторов и читателей «Приокских зорь» к размышлениям о современном состоянии отечественной словесности. Все же, как представляется, сейчас остается нам, еще пекущимся о поддержании и дальнейшем развитии русского ли-

тературного процесса один, своеобразный, но столь родной путь, указанный Львом Николаевичем Толстым: самосовершенствование. Все остальное приложится. Было бы к чему прилагать.

Позвольте же завершить настоящую «Колонку» строчками из уже упоминавшегося выше «Видения на Патмосе»:

*О днях утех и месяцах трудов
Играючи мурлычет киска-муза
И не желает признавать союза
Меж ними, а вопрос не так уж нов.*

*Нельзя разъединять участки мозга:
Тот бьет кувалдой, этот — домино.
Опасно раздвоенье, как вино;
Кто позабыл — соленая тем розга!*

*В единстве тесном мысли и души
Вопросы и сомненья разреши:
Ведь бытие не терпит отчужденья.*

*Жить бездуховно — значит и не жить,
А «не гореть» — синоним слову «гнить»,
И между ними нету примиренья.*

* * *

*Пушай порою слог наш и суров,
Готов серьезно с вами объясниться:
Писать слащаво — лишь о стенку биться
И все равно не избежать пинков.*

*«Глаголом жечь сердца...», — сказал Поэт,
Не мне чета, — Поэт большебуквенный!
И длится бой с успехом переменным
Уже с тех пор почти две сотни лет.*

*Ворвусь с кнутом в бездушье канцелярий,
Где плесенью покрылся лапидарий
И гнилью растекается округ.*

*Брожу я бледной, нездоровой тенью,
На сердце боль и горечь, ночь ли, день ли:
Где ты, за мерзостью злотея, друг?*

...Вроде как к месту?

К 270-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГАВРИЛЫ РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА (1743 — 1816)

От редакции: 14 июля 2013 года исполнилось 270 лет со дня рождения русского общественного деятеля, губернатора Олонецкой губернии (г. Петрозаводск, Карелия) и министра правительства Российской империи при Екатерине Второй, выдающегося поэта и представителя русского классицизма Гаврилы Романовича Державина (1743 — 1816). Все мы со школьных лет помним строки А. С. Пушкина: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил». Это благословение в полной мере ощущает и наш журнал с орденом Державина на обложке. Редакция, редакция, а главное — авторы в своей работе и творчестве стремятся быть достойными имени выдающегося поэта и деятеля русской культуры.

В определенном смысле Державин, восприняв русский классицизм, особенно в части поэзии, идущий от Ломоносова и поэтов первой половины восемнадцатого века, максимально развил его и тем самым подготовил эпоху Пушкина и Жуковского, начиная с которых русская литература приобрела свое сугубое национальное лицо, создав мировой феномен русской литературы. Ниже мы воспроизводим лучшие стихотворения Державина и главу из биографической книги «Державин» выдающегося русского поэта Владислава Фелициановича Ходасевича: лучше поэта о другом поэте никто не напишет!

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

ЧИТАЛАГАЙСКИЕ ОДЫ

1. Ода на ласкательство

1.

Какое священное поревание, кое божество меня одушевляет и коль сильнейший огонь разжигает мои мысли? Прииди ко мне, о Муза! да паки тобой приму я лиру и последую твоим красотам. Поборствуй мне, добльственный Алкид, ты, которого бесстрашная бодрость низлагала ужаснейших чудовищ! В подобие тебе, яко отмститель вселенной, еще с опаснейшим чудовищем и я долженствую братися.

2.

Вихри, разящие жестокостию свою корабли о камень; моря, покрытые в кораблекрушение тысящами дерзновенных мореходцев; ветры, творящие тлетворным своим дыханием из земли опустошенной гнусное позорище Атропы,— не так страшны, как стрелы ласкательства, которые вредят сердца героев.

3.

Нравное ласкательство есть чадо собственного своего прибытка. Притворство, воспитавшее оное, даровало ему убранство добродетелей. Оно, приседая непрестанно при подножиях трона, фимиамом тщеты окружает оный и упоевает им мужей и царей великих. Личиной учтивости прикрывается пресмыкающаяся подлость лживых его потаканий.

4.

Тако клубящаяся змия, лежащая сокровенно во злаке, приуклоняет кичливую главу свою пред безопасным Африканцем. Она ползет, дабы напасть, и вред желающей угрызть несется под сеннолистием и под цветами, или також неосторожного путника, вместо истинного света, прельщают огни блудящие мгновенным своим блистанием.

5.

Коварный льстец скрывает под обманчивую сладостию своих безпрестанных хвал наивреднейший яд. Уста его лживы и обманчивы; язык его стрела изощренно-убивственная, внезапно прилетающая, попадающая и пронзающая, подобно яко лютое пение Сирен с удовольствием смерть приносит.

6.

Небо! какое преобразование делает из трости кедр, из терния розу, из скнипа Минотавра! Мевий тотчас сделался Вергилием, Терсит явился соперник Ахиллесов, и все стало одно с другим смешанно. Государи! научайтесь познавать ласкательство: оно есть то, котораго обожения пороки ваши творят добродетелями.

7.

Часто его низкость благоговееет пред отвращения достойным тираном и, словаслова его мерзости; продает за дорогую цену свое ему благоухание. Высоковейное счастье, измена и благополучная дерзость находят себе почитателей. Ежели бы Картуша украсила корона, или Катилина был на престоле, то не имели ли б и они своих ласкателей?

8.

Когда разгоряченная кровь моя, из жил в жилы стремящаяся, воспламеняется и скоропостижный огонь приносит биющемуся моему сердцу; когда потемненный мой разум уже оставляет меня моему беснованию: вотще тогда бесстыдный льстец обманчивым своим красноречием будет выхвалять и цвет лица моего и совершенство моего здравия.

9.

Вместо того, чтоб скаредное ласкательство благообразило наши пороки, то искажает сие преступное богопочтение у витязей славу. Люди могут нас хвалить или хулить; но мы остаемся таковы, каковы есмы: немощны или здоровы, откровенны или скрытны. Нет, не витийство человеков, но глас совести моей одобряет мои добродетели.

10.

Людовик, который потряс землю, которого руки сильно ужасались, был очень велик на войне, но весьма мал на театре. Все знаки чести, посвященные государями собственной их памяти, делают триумфы их ненавистными, и я не познаю уже гордого разорителя Вавилона на его престоле, когда он велел себя нареши сыном Божиим.

11.

Восстаните от упиения вашего, государи, князи, мудрецы и герои, и победите слабость вашу, владычественные лавры ваши делающую поблекшими. Воззрите на море

заблуждения, в которое из суеты самолюбие ваше вас низвергает. Мужайтесь, бодрствуйте против ласкателей и разбейте неверное зеркало, сокрывшее пред вами правду.

12.

О ясноблещущая истина, дочь бессмертная неба! снесися к сим местам из лучезарного твоего жилища. Свет твое наследие: рассыпь туманные облака, чем гордость помрачает наш разум; да прейдет она яко мгла густая, исчезающая от тихих лучей грядущего на горизонт утреннего солнца.

13.

Вельможи, последующие примерам Циня и Морнея, вы единственно заслуживаете храм, посвященный именам великим. Ваши тонкие укоризны при напоминовании умеют нравиться, и вы суть одни друзья справедливые. Ласкатели! не употребляйте теперь более вашей лести, не думайте, чтоб вы меня обмануть могли. Я познаю уже ваши неприязненные стрелы.

14.

Цезарион, друг истинный и нежнейший нежели Пирид! в тебе нахожу я пример из первых всех добродетелей. Обличай дерзновенною дружбою твоею безослабленно мои заблуждения и пороки. Так очищает и разделяет золото в горниле огонь от прочих низких металлов.

VI. Ода на знатность

Не той здесь пышности одежд,
Царей и кукол что равняет,
Наружным видом от невежд
Что имя знати получает,
Я строю гусли и тимпан;
Не ты, сидящий за кристалом
В кивоте, блещущий металлом,
Почтен здесь будешь мной, болван!
На стог поставлен, на позор,
Кумир безумну чернь прельщает;
Но чей в него проникнет взор,
Кроме пустот не ощущает.
Се образ ложных молвы,
Се образ грязи позлащенной!
Внемлите, князи всей вселенной:
Статуи, без достоинств, вы!
При блюде в пиршестве златом
Калигула, быть мнимый богом,
Не равен ли с своим скотом?
И ты, вельможа, в блеске многом
Не так ли твой как пышен цуг?
Не только ль славен ты кудрями,
Всяк день роскошными столами
И множеством нарядных слуг?
Творящ в Ареопаге суд,
Под кровом злата и виссона,
Фемиды свято место тут:
Беги из-за зеркальна трона,
Кол ты неправеден, Катон!

На что и правосудье в свете,
Когда есть стольник в той примете,
Что стал другой Шемякин он?
К чему способности и ум,
Коль дух наполнен весь коварства?
К чему послужит вождя шум,
Когда не щит он государства?
Емелька с Катилиной — змей;
Разбойник, распренник, грабитель
И царь, невинных утеснитель, —
Равно вселенной всей злодей.
В триумфе, в славе, под венцом,
Герой, Помпея победитель,
Июлий жаждущим мечем
Не стал ли Рима обагритель?
Славней Екатериной быть:
Престав быть чуждым страх границам,
Велела слезы стерть вдовицам,
Блаженство наше возвратить.
О вы, верховная главы,
Сыны от крови светлородной!
Тогда достойны знати вы,
Когда душою благородной,
Талантом, знаньем и умом
Примеры обществу даете,
И пользу оному ведете
Пером, мечем, трудом, жезлом.
Дворянства взводит на степень
Заслуга, честь и добродетель;
Не гербы предков, блеску тень,
Дворянства истинна содетель:
Я князь, коль мой сияет дух;
Владелец, коль страстями владею;
Болярин, коль за всех болею
И всем усерден для услуг.
Пред нами древностью своей,
О князи мира, не гордитесь:
Каков Евгений, Тюрень, мужей
Представьте, ими возноситесь,
Но в русском множестве дворян
Герои славнее бывали
И ныне царство подпирали;
Меж прочих сей в пример вам дан:
Отечеству Румянцов друг
И прямо света хвал достоин.
Велик, что в нем геройский дух,
Но боле, что Восток спокоен
И Север стал его рукой.
Когда уста не прославляют,
На то лишь только умолкают,
Чтоб мирной чтить его душой.

К ЛИРЕ

Звонкоприятная лира!
В древни златые дни мира
Сладкою силой твоей
Ты и богов и царей,
Ты и народы пленяла.

Глас тихоструйный твой, звоны,
Сердце прельщающи тоны
С дебрей, вертепов, степей
Птиц созывали, зверей,
Холмы и дубы склоняли.

Ныне железные ль веки?
Тверже ль кремней человеки?
Сами не знаясь с тобой,
Свет не пленяют игрой,
Чужды красот доброгласья.

Доблестью чужды пленяться,
К злату, к серебру лишь стремятся,
Помнят себя лишь одних;
Слезы не трогают их,
Вопли сердец не доходят.

Души все льда холоднея.
В ком же я вижу Орфея?
Кто Аристон сей молодой?
Нежен лицом и душой,
Нравов благих преисполнен?

Кто сей любитель согласия?
Скрытый зиждитель ли счастья?
Скромный смиритель ли злых?
Дней гражданин золотых,
Истый любимец Астреи!

БОГ

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: бог.

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий,—
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,
В твоём величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавший все единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнца от тебя рождаются;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой — как ночь пред днем.

Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом

Стократ других миров,— и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой — ничто.

Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величием твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и ты!

Ты есть! — природы чин вещает.
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое создание я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей

Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

БЕССМЕРТИЕ ДУШИ

Умолкни, чернь непросвещенна,
Слепые света мудрецы!
Небесна истина, священна!
Твою мне тайну ты прорцы.
Вещай: я буду ли жить вечно?
Бессмертна ли душа моя?
Се слово мне гремит предвечно:
Жив Бог! — Жива душа твоя!

Жива душа моя! и вечно
Она жить будет без конца;
Сиянье длится беспресечно,
Текуще света от Отца.
От лучезарной единицы,
В ком всех существ вратится круг,
Какие ни текут частицы,
Все живы, вечны: — вечен дух.

Дух тонкий, мудрый, сильный, сущий
В единый миг и там, и здесь,
Быстрее молнии текущий
Всегда, везде и вкупе весь,
Неосязаемый, незримый,
В желаньи, в памяти, в уме
Непостижимо содержимый,
Живущий внутри меня и вне.

Дух, чувствовать, внимать способный,
Все знать, судить и заключать;
Как легкий прах, так мир огромный
Вкруг мерить, весить, исчислять;
Ревущи отвращать перуны,
Чрез бездны преплывать морей,
Сквозь своды воздуха лазурны
Свет черпать солнечных лучей;

Могущий время скоротечность,
Прошедше с будущим вязать;
Воображать блаженство, вечность,

И с мертвыми совет держать;
Пленяться истин красотою,
Надеяться бессмертным быть:
Сей дух возможет ли косою
Пресечься смерти и не жить?

Как можно, чтобы Царь всемирный,
Господь стихий и вещества —
Сей дух, сей ум, сей огонь эфирный,
Сей истый образ Божества —
Являлся с славою такою,
Чтоб только миг в сем свете жить,
Потом покрылся б вечной тьмою?
Нет, нет! — сего не может быть.

Не может быть, чтоб с плотью тленной,
Не чувствуя нетленных сил,
Противу смерти разъяренной
В сражение воин выходил;
Чтоб властью Царь не ослеплялся,
Судья против даров стоял,
И человек с страстями сражался,
Когда бы дух не укреплял.

Сей дух в Пророках предвещает,
Парит в Пиитах в высоту,
В Витиях сонмы убеждает,
С народов гонит слепоту;
Сей дух и в узах не боится
Тиранам правду говорить:
Чего бессмертному страшиться?
Он будет и за гробом жить.

Премудрость вечная и сила,
Во знаменье чудес своих,
В персть земну душу, дух вложила,
И так во мне связала их,
Что сделались они причастны
Друг друга свойств и естества:
В сей водворился мир прекрасный
Бессмертный образ Божества!

Бессмертен я! — и уверяет
Меня в том даже самый сон;
Мои он чувства усыпляет,
Но действует душа и в нем;
Оставляя неподвижно тело,
Лежащее в моем одре,
Он свой путь совершает смело,
В стихийной пролетая пре.

Сравним ли и прошедши годы
С исчезнувшим, минувшим сном:
Не все ли виды нам природы
Лишь бывших мечт явятся сонм?
Когда ж оспорить то не можно,
Чтоб в прошлом време не жил я:
По смертном сне так непреложно
Жить будет и душа моя.

Как тьма есть света отлученье:
Так отлученье жизни, смерть.
Но коль лучей, во удаленье,
Умершими нельзя почесть:
Так и души, отшедшей тела,
Она жива, — как жив и свет;
Превыше тленного предела
В своем источнике живет.

Я здесь живу, — но в целом мире
Крылата мысль моя парит;
Я здесь умру, — но и в эфире
Мой глас по смерти возгремит.
О! естли б стихотворство знало
Брать краску солнечных лучей,
Как ночью бы луна, сияло
Бессмертие души моей.

Но если нет души бессмертной:
Почто ж живу в сем свете я?
Что в добродетели мне тщетной,
Когда умрет душа моя?
Мне лучше, лучше быть злодеем,
Попрять закон, низвергнуть власть,
Когда по смерти мы имеем
И злой и добрый равну часть.

Ах, нет! — коль плоть разрушась тленна
Мертвила б наш и дух с собой,
Давно бы потряслась вселенна,
Земля покрылась кровью, мглой;
Упали б троны, царства, грады
И все погибло б зол в борьбе:
Но дух бессмертный ждет награды
От правосудия себе.

Дела и сами наши страсти,
Бессмертья знаки наших душ.
Богатств алкаем, славы, власти;
Но, все их получа, мы в ту ж
Минуто вновь — и близ могилы —

Не престаем еще желать;
Так мыслей простираем крылы,
Как будто б ввек не умирать.

Наш прах слезами оросится,
Гроб скоро мохом зарастет:
Но огонь от праха в том родится,
Надгробну надпись кто прочтет;
Блеснет,— и вновь под небесами
Начнет свой феникс новый круг;
Все движется, живет делами,
Душа бессмертна, мысль и дух.

Как серный пар прикосновеньем
Вмиг возгорается огня,
Подобно мысли сообщеньем
Возможно вдруг возжечь меня;
Вослед же моему примеру
Пойдет отважно и другой:
Так дел и мыслей атмосферу
Мы простираем за собой!

И всяко семя, роду сродно
Как своему приносит плод:
Так всяка мысль себе подобно
Деянье за собой ведет.
Благие в мире духи, злые
Суть вечны чада сих семян;
От них те свет, а тьму другие,
В себя приемлют, жизнь, иль тлен.

Бываю весел и спокоен,
Когда я сотворю добро;
Бываю скучен и расстроен,
Когда соделаю я зло:
Отколь же радость чувств такая?
Отколь борьба и перевес?
Не то ль, что плоть есть персть земная,
А дух — влияние небес?

Отколе, чувств но насыщенье,
Объемлет душу пустота?
Не оттого ль, что наслажденье
Для ней благ здешних суета?
Что есть для нас другой мир краше,
Есть вечных радостей чертог?
Бессмертие стихия наша,
Покой и верьх желаний — Бог!

Болезнью изнуренна смертной
Зрю мужа праведна в одре,

Покрытого уж тенью мертвой;
Но при возблещущей заре
Над ним прекрасной, вечной жизни
Горе он взор возводит вдруг,
Спеша в объятие отчизны,
С улыбкой испускает дух.

Как червь, оставя паутину
И в бабочке взяв новый вид,
В лазурну воздуха равнину
На крыльях блещущих летит,
В прекрасном веселясь убранстве,
С цветов садится на цветы:
Так и душа, небес в пространстве,
Не будешь ли бессмертна ты?

О нет! — бессмертие прямое —
В едином Боге вечно жить,
Покой и счастье святое
В его блаженном свете чтить.
О радость! — О восторг любезный!
Сияй, надежда, луч лия,
Да на краю воскликну бездны:
Жив Бог! — Жива душа моя!

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

*Energie ist das oberste Gesetz der Dichtkunst,
sie malet also nie wertm"assig*

Собой не может быть никто.

Я без воззваний жил во Званке,
где звонки соловьи поют.
Приблудной Музе-оборванке
во флигеле я дал приют.
Она на пальцах вышивала
апостолов, орлов и львов,

и Дашенька не выживала
из флигеля мою любовь.
Ни в чем пииту не переча,
оне ложились на кровать.
Любил обеих он, так неча
обеим было ревновать.
И он не чаял в них измены,
ниже волнения молвы.
Сколь верны Росския Камены!
И жены тоже таковы.

Да что пиит! (Будь он неладен!)
Висит промежду перекадин!
Но невозможно жить без жертв.
Воистину тот жив, кто гладен,
кто сыт да гладок — полумертв.
Покой мой дряхлый мне отраден,
и нет на мне чертовских черт.
И если все еще я жаден,
так вот уж не до райских гадин.

Ужели жил я долго вскую
на животрепетном краю,
очами глядя волховскую
всегда пременную струю?
А дура Муза говорила
на перепутии стихий:
«Люблю тебя! Крути, Гаврила,
и перемалывай стихи!»

Но так ли глупы те чинуши,
которым вечность суждена,
что прозаклаживают души
под милости и ордена?
А что им крикнуть (не «тубо» же),
сим комнатным и гончим псам?
На них управы нету, Боже!
О том Ты ведаешь и Сам.

Но Званка, Званка, крепостная
моя красавица со мной!
И доживаю допоздна я
хозяйски жизнью запасной.
Ломаю понемногу время,
в отставку выгнав целый век.
Сижу во Званке, как в гареме,
я, православный человек.

По осени брожу по ржавой,
когда дожди меня поят,
и я Российской державой,

как бабой доброю, обьят.
Шагаю по стерне шершавой,
хлебаю живописны щи...
А что там слышно за Варшавой?
Европа ропшет? Ну, ропщи!

Живу во Званке я под старость.
Приди, отец архимандрит,
и зри, как она мудрит,
ввергаясь и в покой и в ярость!
Займи очей моих ревнивых,
иди по строгой борозде
и зри, как блещут зори в нивах
и стелят шелком по воде!
Внемли же стук колес и гумен,
и песнь, что бьет ключом из дев!
И за меня молись, игумен,
молебен, яко длань, воздев!

Я в иноческий чин не лезу,
и все мое еще при мне.
Да уподоблюсь я железу
и звездному огню в кремне!

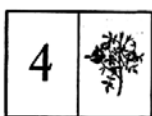
Устрою нынче я смотрины
для полнотелой осетрины.
Приди же, отче, а на нас
умильно взглянет ананас.
На должно тут же сядет место
и белорыбица-невеста,
преображенная в балык.
Резвятся крохотны пороки,
когда, еще слагая строки,
пиит уже не вяжет лык.

Да будешь, Боже, Ты преславен
во всех житейских чудесах!
Я, росс и Гавриил Державин,
о сем писях, еже писях.

Владислав Ходасевич

ДЕРЖАВИН*

Это была, пожалуй, самая веселая пора екатерининского царствования. Минувшие войны были победоносны, значение России возрастало, осыпанное милостями дворянство приходило в себя после ужасов пугачевщины; даже в царской семье, казалось, расцветал мир: овдовевший великий князь вступил в новый брак, и вторая супруга на время сблизила его с матерью. Двор и Петербург жили занятой и кипучей жизнью, в которой великолепие мешалось с убожеством, изысканность с грубостью. Шестерка лошадей насилу вытаскивала золоченую карету из уличной грязи; фрейлины разыгрывали пасторали на эрмитажных собраниях — случалось, что после того их секли; вельможи собирали картины, бронзу, фарфор, отвешивали друг другу версальские поклоны и обменивались оплеухами; императрица переписывалась с Гриммом; Митрофан Простаков не хотел учиться, хотел жениться; вист, фараон и макао процветали везде — от дворца до лачуги.

Полученные земли Державин заложил в банке; это не обеспечивало его будущности, но вместе с карточной игрой давало возможность существовать пристойно в ожидании лучшего. Найти службу значило прежде всего найти приятелей. Державин стал возобновлять былые знакомства и искать новых. Служба должна была быть штатская: мундиры вокруг Державина постепенно сменялись бархатными кафтанами.

Трудная молодость сделала его отчасти скрытным и замкнутым, с тем вместе он умел быть приятным. У Алексея Петровича Мельгунова, на Мельгуновском тенистом острове (том, что впоследствии перешел к Елагину, обер-гофмейстеру), на пикниках, среди умной и просвещенной беседы он был занимателен. Масоны из мельгуновских друзей звали его в свою ложу, но он воздержался. Он был свой человек и на пышных пиршествах князя Мещерского с генералом Перфильевым, и среди людей не столь знатных, там, где попросту пенилась старая серебряная кружка, налитая пополам русским и английским пивом (в пиво сыпались гренки и лимонная корка). Женщины, чаще всего доступные участницы холостых пирушек, находили в нем предприимчивого и веселого поклонника. Между возлюбленными, как между винами, не имел он особых пристрастий: любил всех равно.

* Глава 4 из книги: Ходасевич В. Ф. Державин. — М.: Мысль, 1988. — С. 79—108.

Вот красно-розово вино:

*За здоровье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
Ты тож, румяна, хороша:
Так поцелуй меня, душа!*

*Вот черно-тинтово вино:
За здоровье выпьем чернобровых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст лиловых!
Ты тож, смуглянка, хороша:
Так поцелуй меня, душа!*

*Вот золото-кипрское вино:
За здоровье выпьем светловласых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст прекрасных!
Ты тож, блондинка, хороша:
Так поцелуй меня, душа!..*

Братья Окуневы, у которых пять лет тому назад, выйдя в прапорщики, приобрел он в долг первую свою карету, теперь ввели его в дом князя Вяземского. Это было знакомство особой важности: князь Александр Алексеевич был андреевский кавалер и генерал-прокурор Сената, то есть приблизительно совмещал должности министров финансов, внутренних дел и юстиции. Возвышением он обязан был своей глупости: поручая ему ведение важных дел, Екатерина могла быть спокойна, что никому не придет в голову приписывать Вяземскому ее собственные заслуги. Впрочем, рекомендованный государыне еще Орловыми, Вяземский умел быть отличным служакой; угрожая государыне, не забывал и себя, то есть воровал, но в меру; был неразборчив в средствах и деятелен, потому что завистлив. Он жил на Малой Садовой в собственном доме, где, кстати, помещалась и тайная канцелярия: иногда он лично присутствовал при допросах. Никто его не любил, но все у него бывали: как не бывать у генерал-прокурора? Ему было пятьдесят лет. Жена его, урожденная княжна Трубецкая, была значительно моложе своего супруга и старалась придать дому некоторую приятность.

Ища покровительства Вяземских, Державин постановил их очаровать и скоро того достиг. Он стал проводить у них целые дни, сделался своим человеком. Иногда читал князю вслух, «большую частью романы, за которыми нередко и чтец, и слушатель дремали»: Вяземский — потому, что именно так и смотрел на литературу, как на снотворное средство, а Державин — по врожденной сонливости (при всей кипучести своего характера он обладал странным свойством: порою даже среди оживленной беседы внезапно его охватывал сон). Вечерами играли в вист; эта игра не давалась Державину. К счастью, в то время как другие вельможи играли на бриллианты, черпая их из шкатулки ложкою, у Вяземских игра шла по самой маленькой (хозяин дома был скуп). Что касается княгини, то Державин порою сочинял от ее имени стихи, обращенные к супругу, «хотя насчет ее страсти и привязанности к нему не весьма справедливые, ибо они знали модное искусство давать друг другу свободу». Княгиня была к Державину столь благосклонна, что даже хотела выдать за него свою двоюродную сестру, княжну Урусову, славную стихотворицу того времени, но Державин отшутился. (Княжна так и осталась старой девой.)

После всего этого не покажется удивительным, что лето 1777 года Державин провел в имении Вяземских под Петербургом. Наконец в августе месяце открылась в Сенате вакансия, и Державин назначен был экзекутором 1-го департамента (государственных доходов). Должность была довольно видная, но требовала немалых трудов. Отношения с сослуживцами тотчас сложились отличные: главным начальником был князь Вяземский, а ближайшим и непосредственным — обер-прокурор 1-го департамента Резанов, с всею семьей которого Державин давно был в дружеских отношениях.

Точно так же он и раньше знаком был, а теперь сошелся короче с обер-секретарем Александром Васильевичем Храповицким. Это был толстый, веселый человек, не лишенный лукавства, любивший наблюдать молча, но умевший порою сказать словцо острое и проницательное. В юности подавал он поэтические надежды, но лиру почти забросил, однако усердно вписывал в особую книгу вольные стихи, написанные другими. Вообще любил собирать документы, записки, письма, вел дневники. В нем дремал историк.

Осип Петрович Козодавлев, такой же экзекутор, как и Державин, но во 2-м департаменте, был умом куда проще, зато в свое время учился в Лейпцигском университете, переводил с немецкого и сам баловался стишками (впрочем, кто ими не баловался?). Очень был юркий и обязательный человек. Вскоре после начала их знакомства, 30 августа, в день Александра Невского, Державин был приглашен к Козодавлеву посмотреть из окна крестный ход. Были и другие гости, среди которых одна девица особенно привлекала внимание. Было ей лет семнадцать. Черные, как смоль, волосы, острый, с легкой горбинкой нос, из-под черных бровей — огненные глаза на несколько бледном, словно нерусском, слегка бронзовато-оливковом лице — все изумило Державина. Она была с матерью. Державин осведомился о фамилии. Б а с т и д о н о в ы был ответ. Державин уехал. Смуглая красавица не выходила у него из памяти. Зимой он встретил ее в театре, и вновь она поразила его.

* * *

23 февраля, на масленой неделе в пятницу, младший из братьев Окуновых, быв на конском бегу, из-за чего-то поссорился с Храповицким. Дошло до того, что они ударили друг друга хлыстиками и порешили быть поединку. Храповицкий объявил своим секундантом младшего сенатского секретаря Александра Семеновича Хвостова (Хвостов писал стихи, и двадцатилетний братец его двоюродный, Дмитрий Иванович, тоже писал, да так плохо, что уж тогда смеялись). Окунев же прискакал к Державину, в свою очередь прося быть секундантом. Державину эта просьба не улыбалась: он боялся испортить отношения с Храповицким. Как быть? Он дал Окуневу согласие, но при условии, что наперед посоветуется с Резановым: если Резанов не посмотрит косо — Державин будет секундантом, в противном же случае вместо себя приведет Гасвицкого, того самого офицера, которого некогда в Москве спас от шулеров. В согласии Гасвицкого он не сомневался.

На том и порешили. Державин поехал к Резанову, но не застал дома: сказали, что он на Васильевском острове у герольдмейстера Третьяковского на блинах. (Это был Лев Васильевич Третьяковский, сын покойного поэта.) Делать нечего, отправился Державин на Васильевский остров. Наступил уже вечер, обед кончился, гости разъезжались. Запорошенный снегом Державин вбежал в переднюю, там, возле матери, в ожидании своей кареты стояла о н а!

Встреча была мгновенна. Через минуту красавицы уже не было, но после того с Резановым говорил Державин торопливо и бестолково — то о дуэли, то о девице Бастидоновой. Вдруг объявил, что готов жениться: Резанов смеялся, не понимая, шу-

тит он или говорит правду. От секунданта советовал по возможности уклониться, напомнив, что Храповицкий — любимец Вяземского.

Тогда Державин поехал звать Гасвицкого, но и того не застал. Все еще думая о черноокой девице, оставил записку: изложил дело, сообщил, что дуэль состоится завтра, в таком-то часу, в лесу под Екатерингофом, просил приехать. Потом наконец вернулся домой, велел подать свечи, припомнил весь этот странный и суетливый день и уснул влюбленным бесповоротно.

В субботу поутру, не имея ответа от Гасвицкого, пришлось Державину ехать в Екатерингоф. Там все уже были в сборе. Направились к лесу. По дороге Державин старался примирить противников, и это ему легко удалось, ибо отважными забияками они не были. Пока добрались до назначенного места, враги уже целовались. Хвостов, однако, сказал, что должно бы им хоть для вида поцарапаться, чтобы не было стыдно. Державин возразил: если противники помирились без боя, никакого в том стыда нет. Хвостов начал спорить, Державин вспылil, и слово за слово, дошло до того, что горячие секунднты схватились за оружие. По пояс в снегу, они уже обнажили шпаги и стали в позитуру. В самое это мгновение весь красный от спешки и от того, что был прямо из бани, явился Гасвицкий. Бросившись между Державиным и Хвостовым, он пресек битву. Тогда всей компанией отправились в трактир, выпили кто чаю, кто пуншу и отпраздновали общее примирение.

Меж тем красавица все предносилась воображению Державина. Едучи домой с Гасвицким, он ему открылся. На другой день, в прощенное воскресенье, был при дворе большой маскарад. Влюбленный явился на нем вместе с наперсником, оба в масках. Гасвицкому предстояло взглянуть на девицу беспристрастными дружескими глазами. Державин тотчас увидел ее в толпе и громко воскликнул:

— Вот она!

И мать и дочь обернулись, поглядели пристально. Во весь маскарад, следуя по пятам за ними, кавалеры наши старались приметить поведение молодой красавицы, с кем и как она обращается. «Увидели знакомство степенное и поступь девушки во всяком случае скромную, так что при малейшем пристальном на нее незнакомом взгляде лицо ее покрывалось милою, розовою стыдливостию. Вздохи уже вырывались из груди улыбавшегося экзекутора». Наперсник вполне им сочувствовал. Тут же примерно подсчитали державинские достоинства, и решено было свататься.

Восторгов своих Державин не скрыл и от прочих друзей, бывших на маскараде. Так что на следующий день, в чистый понедельник, за обедом у Вяземских над Державиным стали уже подтрунивать за вчерашние маскарадные шашни. Вяземский спросил:

— Кто такая красавица, которая столь скоропостижно пленила?

Державин назвал фамилию. Это не понравилось управляющему ассигнационным банком действительному статскому советнику Кирилову, который присутствовал на обеде. Когда встали из-за стола, он отвел Державина в сторону:

— Слушай, братец, нехорошо шутить на счет честного семейства. Сей дом мне коротко знаком: покойный отец девушки, о коей речь идет, мне был друг, да и мать ее тоже мне приятельница; шутить при мне на счет сей девицы я тебе не позволю.

— Да я не шучу, я поистине смертельно влюблен.

— Когда так, что ты хочешь делать?

— Искать знакомства и свататься.

— Я тебе могу сим служить.

Положено было завтра же ввечеру, будто ненарочно, заехать в дом Бастидовой.

Великий князь Павел Петрович родился 20 сентября 1754 года. Тотчас после того, как духовником их высочеств была прочтена очистительная молитва, императрица Елисавета Петровна явилась в спальню великой княгини и забрала младенца к себе. С этой минуты мать почти не видала его и всей душой раз навсегда возненавидела мамушек и нянюшек, попечению коих он был вручен. Первое место среди этих женщин, естественно, занимала кормилица по имени Матрена Дмитриевна. Ее тогдашняя фамилия до нас не сохранилась. Вскоре, впрочем, она овдовела, а в 1757 году вступила во второй брак. Избранником ее сердца был Яков Бенедикт Бастидон, родом португалец, в Россию приехавший из Голштинии: Петр III, тогда еще великий князь, привез его в качестве своего камердинера. От Бастидона — в России звали его Бастидоновым — у Матрены Дмитриевны было четверо детей: сын и три дочери. Из них семнадцатилетняя Екатерина Яковлевна и была та самая, что покорила сердце Державина.

К тому времени, когда произошла эта знаменательная встреча, самого Якова Бастидона уже не было на свете: Матрена Дмитриевна овдовела вторично. Была она женщина многоопытная, пронырливая и жадная, но обстоятельства ее выходили довольно трудны. Детям она старалась дать пристойное воспитание, дочерей надо было одеть и вывезти, а покойный муж больших средств не оставил. Давно миновали счастливые времена, когда сама Елисавета Петровна наряжала Матрену Дмитриевну к венцу, когда на свадьбе гремела придворная музыка и государыня изволила танцевать. О милостях нынешней императрицы нечего было думать: Екатерина, как сказано, терпеть не могла Бастидоных. От великого князя Павла Петровича помощи тоже не было: выкормыш Матрены Дмитриевны сам постоянно нуждался в деньгах. Поэтому семья жила по-мещански скромно, почти бедно, в собственном, но не большом доме у церкви Вознесения.

27 февраля, во вторник на первой неделе великого поста, вечером подъехали к этому дому Кирилов с Державиным. Гостей в такой день не ждали. Босая девка с сальной свечой в медном подсвечнике встретила их в сенях. Кирилов объявил хозяевам, что, проезжая мимо с приятелем, захотелось ему напиться чаю. Тут он представил Державина. После обыкновенных учтивостей сели. Та же босая девка подала чай. Часа два провели в общежительном разговоре. Сестры-красавицы хохотали и говорили много, пускаясь в хитрые пересуды, чтобы выказать остроумие свое и умение жить в большом свете. Катенька же сидела тихо, вязала чулок и вмешивалась в беседу с великой скромностью, рассудительно и пристойно. Влюбленный не только «жадными очами пожирал все приятности, его обворожившие», но и старался заметить все — от разговора до утвари. Заключил наконец, что люди небогатые, но честные, благочестивы нравом и опрятны в одежде. Откланиваясь, новый знакомый просил позволения и впредь быть к ним въезжу.

На другой день Кирилов явился к Матрене Дмитриевне и от имени Державина сделал настоятельное предложение. Мать отвечала, что сразу не может решиться, и просила дать несколько дней сроку, чтобы разведать о женихе. Но Державину, разумеется, не терпелось. В Сенате служил еще один знакомый Бастидоновых, некто Яворский. Державин просил и его подкрепить сделанное предложение. Яворский пообещал.

Меж тем влюбленный стал часто ездить пред домом любезной особы. Это входило в правила ухаживания. Катенька со своей стороны полюбила сиживать у окна. Вскоре после беседы с Яворским Державин выследил такой час, когда матери дома не было, и решился заехать. Хотелось ему узнать мысли самой невесты. Вошел, он по обыкновению поцеловал руку и сел рядом с Катенькой. Затем просто, без обиняков, спросил, известна ли она об искании его.

— Матушка сказывала,— был ответ.

— Что ж вы думаете?

— От нас не зависит.

— Но если б от вас, могу ли я надеяться?

— Вы мне не противны,— сказала красавица вполголоса и покраснелась.

Тогда он бросился на колени и стал целовать ее руки. Тут, как в доброй старой комедии, открылась дверь и вошел Яворский.

— Ба, ба! И без меня дело обошлось! — вскричал он.— Где матушка?

— Она поехала разведать о Гавриле Романыче.

— О чем разведывать? Я его знаю, да и вы, как вижу, решились в его пользу. То, кажется, дело и сделано.

Вскоре вернулась Матрена Дмитриевна. Среди объятий, слез, поцелуев Державин с Катенькой были помолвлены. Госпожа Бастидонова все-таки объявила, что для окончательного сговора нужно соизволение великого князя, который, как молочный брат Катеньки, почитался ее покровителем. Само собой, дело шло не столько о соизволении, сколько о помощи в рассуждении приданого. Через несколько дней Державин с будущей тещей предстали перед наследником. Чувствительный и уязвленный Павел Петрович сердечно радовался каждому знаку внимания. Он принял гостей в кабинете, говорил с ними долго, обласкал чрезвычайно и отпустил, обещав хорошее приданое, «как скоро в силах будет». В силах, однако ж, он так и не оказался.

Свадьбу сыграли 18 апреля 1778 года. За два дня перед тем из Казани пущено было такое письмо:

«Государыня моя, Екатерина Яковлевна! Любезное письмо ваше от 14 марта я с немалым удовольствием приняла, и, когда уже по благословению Божию судьба соединяет вас в супружество моему сыну, сие есть мое обрадование, и взаимно обнадеживаю вас моею к вам усердностью и материнской любви горячностью, и желаю, чтобы я была счастлива в старости моей вашим почтением и любовью, кою я уже и предвижу, отчего зависит мое благополучие и утешение, и в знак к вам моей любви при сем посылаю гостинец хотя не в драгих вещах состоящий, но оно от моего искреннего усердия; прими; моя любезная, и будь благословенна Божиею милостию и уверьтесь, что я вам во всю мою жизнь усердная.

Матушке вашей, милостивой государыне моей, свидетельствуйте мое почитание и прошу о принятии меня в ее благосклонность, и я с моей стороны оное сохранять, конечно, не премину, а затем пребываю охотная вам во услугах

Фекла Державина».

* * *

Державин женился стремительно, но вовсе не очертя голову. Впервые переступив порог бастидоновского дома (в тот памятный вечер, когда приехал туда с Кириловым), он сразу стал зорко всматриваться в невесту и, если бы не нашел того, что ему было нужно, не стал бы свататься, отступился бы. В числе его прочных и простых взглядов был и взгляд на семейную жизнь. Он хотел быть в доме главою, тем более женясь тридцати пяти лет на девушке, которая была ровно вдвое моложе его. Будучи сам порывист и неуступчив (что почитал в себе отчасти даже достоинствами), от жены он требовал вовсе иных добродетелей: «тихость и смирение суть первые достоинства женщин, и они одни те истинные превосходства, которые все их прелести и самое непорочнейшее их поведение украшают. Без них страстнейшая любовь — вздор».

Тихость и смирение он подметил в Екатерине Яковлевне при первой беседе, а угадал, пожалуй, и раньше — при первом на нее взгляде. И в самом деле, то были ее

первейшие добродетели. Если он собирался быть с нею строгим, то оказалось тотчас же, что этого не требуется. Она была перед мужем тиха и смиренна, и это давалось ей безо всякой борьбы, без самопожертвования: во-первых, потому, что так она понимала свой долг, во-вторых, потому, что мужа считала умнее себя и во всех отношениях превосходнее, а в-третьих, и это, конечно, главное, потому, что его любила. Выходила за него, может быть, без особой страсти, но потом словно влюблялась все горячее и крепче. Ее сердечная преданность была безгранична, верность — мало сказать непоколебима: просто она даже никогда не подвергалась и не могла подвергнуться никакому испытанию.

При всей кротости Екатерина Яковлевна не была, однако же, безвольна. Благожелательная ко всем, она была уступчива лишь до известного предела и в случае необходимости могла постоять за себя, а в особенности за мужа. Была добра без навязчивости, почти незаметно, ласкова — без слащавости, приветлива — без унижения. Словом, самые чувства и добродетели, сильные, но подчиненные внутренней гармонии, были развиты в ней так же стройно, как она была стройна внешне. Самому Державину лишь постепенно открылась ее пленительность. И он перед нею не размякал, но какая же могла быть речь о суровости или строгости, если его любовь изо дня в день, а после — из году в год только росла и крепла? В то время поэты любили давать прозвания своим возлюбленным. Темиры, Дафны, Ли-леты, Хлои, как чужеземные птицы, налетели в поэзию. Державин своей жене дал русское, задушевное имя Пленира.

Вскоре после свадьбы он взял четырехмесячный отпуск и повез жену в Казань — показать ее своей матери. Екатерина Яковлевна без усилий пленила и свекровь, и все казанское общество. Когда вернулись Державины в Петербург, директор казанской гимназии Каниц писал: *«Noch lange werden die verntiftigen unter den Casanschen Schonnen, daran gedenken, dass die junge, verehrungswerte Catharina Jakowna sich eine Zeitlang hier aufgehalten habe»**.

Денежные дела улучшались. Имение Маслово, пущенное с публичного торга, почти целиком досталось Державину как главному кредитору. Уплаченные из выигрыша двадцать тысяч вернулись к нему в виде трехсот душ в Рязанской губернии. Заключив мировую с одним из казанских соседей, он получил еще восемьдесят. Когда правительство стало безденежно раздавать новоприобретенные днепровские земли, Державин раздобыл себе в Херсонской губернии 6000 десятин со ста тридцатью душами запорожцев. Таким образом, вместе с пожалованными при выходе из полка тремястами, а также с материнскими и отцовскими всего очутилось за Державиным больше тысячи душ. Это был уже известный достаток. Сюда надо прибавить сенатское жалованье. Державины могли жить «приличным домом».

Они поселились на Сенной площади. Счастливый Державин был чрезвычайно радушным хозяином. Поэзия гостеприимства была ему введена. Хвостов, Храповицкий, Резановы, Козодавлев, Окуневы, порою сам генерал-прокурор с супругою стали его гостями. Но сердце больше лежало к нескольким новым знакомым.

С молодым стихотворцем Василием Васильевичем Капнистом первая встреча произошла еще в полку. Теперь знакомство перешло в дружбу. Родом малоросс (он не только говорил, но и писал с малороссийским выговором: Катеньку звал Катерина Яковлевна), Капнист был отчасти увалень, был порою хмур и склонен к обидчивости, но при всем том человек добрейший и великий семьянин. Впрочем, женат он был лишь недавно.

* Долго еще будут вспоминать умницы средь казанских красавиц, что юная и уважаемая Екатерина Яковлевна пробыла здесь некоторое время.— нем.

Две молодые четы коротко сблизились, и это повело к тому, что вскоре вокруг Державиных образовался целый кружок. Дело в том, что у Александры Алексеевны Капнист (урожденной Дьяковой, дочери сенатского обер-прокурора) была сестра, Марья Алексеевна, девушка очень милая и собой преизрядная. Два друга Капнистов были в нее влюблены (надо ли прибавлять, что оба принадлежали к числу стихотворцев?).

Первого звали Львов Николай Александрович. Судьба была к нему благосклонна. Приятный лицом, состоятельный, имевший очень большие связи, хорошо образованный, был он зараз поэт, музыкант, живописец и архитектор. Ничего вполне замечательного не довелось ему создать ни в поэзии, ни в живописи, ни в архитектуре, ни в музыке. Но всюду он был умным и тонким ценителем. Не без приятного легкомыслия он одновременно переводил Анакреона и строил церкви. Стихи его были не глубоки, но забавны, веселы, бодры, как сам он был всегда легок, весел и бодр. Много он суетился, любил хлопотать за приятелей, покровительствовать, шуметь и блистать. Впрочем, делал все это со вкусом и не без тонкости. Был чувствителен. Маша Дьякова отвечала на его чувства нежной взаимностью; но отец ее почему-то был против этого брака.

Другой поклонник был сын обрусевшего немца Иван Иванович Хемницер. Он ничем не походил на Львова. Был настроен: философически, сдержан, задумчив, отчасти потому, может быть, что уж очень был нехорош собою, даже до безобразия. Как раз незадолго до женитьбы Державина вернулся он из заграничной поездки, влюбился в Машу Дьякову и стал самым прискорбным образом за нею ухаживать. Притворялся щеголем, петиметром, густо пудрил уродское лицо свое и сажал на него мушки. Любви не скрывал, даже посвятил Машеньке первую книгу своих сказок и басен, но все было напрасно. Ни Маша, ни счастливый соперник над Хемницером не смеялись (по крайней мере при нем), к чувствам его относились бережно. Львов, пожалуй, даже особенно был с ним ласков, но бедный Хемницер еще не знал самого горького обстоятельства: Маша Дьякова жила у отца, значилась в девушках, но была уже тайно повенчана с Львовым.

Семеро друзей сходились часто. Три прелестные женщины и четыре поэта связаны были любовью, дружбой, беседами об искусствах. Екатерина Яковлевна рисовала силуэты или занималась рукоделием. Львов руководил ее искусными вышиваниями. Иногда посещали Львова на его даче, близ Невского монастыря, на Охте. Там в память прочного союза каждый посадил по молодому вязу или по сосенке. Порою мелькала среди этого общества красивая, чернокудрая, не по летам высокая девочка. Это была третья из сестер Дьяковых — Даша. Впрочем, ей было всего лет одиннадцать.

* * *

В 1777 году умер Сумароков. Теперь на вершинах российского Парнаса гремели действительный статский советник Херасков и кабинетный переводчик Василий Петров, семинарист, имевший честь слыть «карманным ее величества стихотворцем», каковым прозвищем он весьма гордился. Оба, однако ж, были значительно старше Державина: их слава началась еще при Ломоносове. Но и ближайшие сверстники Державина не оставались в тени. Княжнин родился в 1742 году, Богданович — в 1743-м, Фонвизин — в 1744-м. От каждого из них Державин по возрасту разнился не годами, а месяцами. Но Княжнин был известен уже «Дидоной», Богданович написал «Душеньку» и пребывал «на розах», Фонвизин прославился «Бригадиром», путешествовал за границей и дружил с самим Никитою Паниным. Рядом с ними Державин был просто никто.

Два стихотворения, напечатанные им перед самой пугачевщиной, справедливо прошли незамеченными. После пугачевщины выдал он «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае». Они были замечены только среди поэтической молодежи. Будучи летами гораздо старше, Державин оказался литературным, сверстником Капниста и Львова. Он смиренно склонялся перед авторитетами, они с авторитетами готовы были бороться. Но, ища новизны и даже отчасти чуя к ней верный путь, сами они оставались поэтами заурядными. Напротив того, Державин, стремясь подражать, оказывался произвольно оригинален.

Его познания были слишком невелики. Он пополнял их жадно, но беспорядочно. С того дня, как он вышел из гимназии, учиться ему было некогда, к тому же он не умел учиться. Читалагайские оды были чудесной победой гения над безграмотностью. Свой собственный стих Державин обрел, имея весьма спутанные понятия о стихах вообще, не зная простейших правил, которые для Капниста и Львова были детской азбукой, Державин делал ошибки в размере, в рифме, в цезуре, даже в языке: самые неотесанные провинциализмы уживались у него рядом с явными германизмами (немецкий язык был для него языком поэзии).

Его неопытность была очевидна Капнисту и Львову, но они, может быть, почувяли, что Державин превосходит их дарованием. В общем же почитали его себе равней, видели в нем возможного соратника и старались просветить в духе новых веяний. Эти новые веяния были не слишком ясны им самим, но они зачитывались Горацием и находили великие откровения в теории Батте. Теперь мы можем сказать, что то были первые, остро переживаемые, но смутно осознанные влечения к реализму, которым силою вещей пора было зародиться в русской поэзии. Этим влечениям предстояла долгая и славная жизнь, но тогда, при первом своем зарождении, они выражались в попытках заменить условности ломоносовской школы новыми условностями, представлявшими, однако же, некий шаг вперед.

Впоследствии Державину казалось, будто именно в это время под влиянием Львова, Капниста и Хемницера в его поэзии совершился глубокий перелом. В действительности такого перелома не было. Учителя неопытные и сами себе не вполне уяснявшие сущность своего учения, Львов и Капнист не столько внушили Державину новые поэтические идеи, сколько попросту исправляли его просодические и стилистические ошибки, не умея, однако, дать в руки ученику верные способы избежать таких же ошибок в будущем. Особенно тут старался Львов, чинивший державинские стихи с тою же дружеской хлопотливостью, с какой он устраивал служебные дела Хемницера и Капниста.

В глубине же державинской поэзии происходило медленное и закономерное развитие. Действительно, оно кое в чем совпадало с чаяниями Капниста и Львова: тут чутье их не обмануло, Державин был их естественным соратником. Но это развитие протекало самостоятельнее, чем казалось самому Державину. После «Читалагайских од», написанных до литературной встречи с Капнистом и Львовым, следующий важный этап его поэзии составили стихи на смерть Мещерского. Но как раз они-то и связаны всего непосредственней с теми же «Читалагайскими одами».

*Едва увидел я сей свет,
Уже зубами Смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет,
И дни мои, как злак, сечет.*

*Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает:*

*Монарх и узник — снесь червей,
Гробницы злость стихий снесает;
Зияет Время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глохает царства алчна Смерть.*

*Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою;
На то, чтоб умереть, родимся;
Без жалости все Смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит.*
.....

*Смерть, трепет естества и страх!
Мы — гордость, с бедностью совместна:
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,*

*А завтра — где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век...*

Где только не искали источников, из которых почерпнуты будто бы отдельные частности и сама мысль этих стихов! И у Горация, и у Геллера, и у Петрова, и в Библии... Не обратили внимания лишь на то, что и мысль, и все замеченные параллельные места (и еще ряд незамеченных) имеются гораздо ближе: в той из «Читалагайских од», которая переведена из Фридриха и называется «Жизнь есть сон»: «О Мовтерпий, дражайший Мовтерпий, как мала есть наша жизнь!.. Лишь только ты родился, как уже рок того дня влечет тебя к разрушающей ноши...» Много мыслей и образов перенесено из оды Фридриха в оду на смерть Мещерского, вплоть до знаменитого обращения к Перфильеву: «Сей день иль завтра умереть, Перфильев! должно нам конечно», навеянного обращением Фридриха к Мовтерпию*.

Между «Читалагайскими одами» и одой «На смерть князя Мещерского» нет скачка, есть лишь огромное поэтическое развитие, которое становится особенно заметно именно потому, что так очевидна связь между ними. В стихах, родственных стиху «Читалагайских од», но несравненно более совершенных, Державин говорит о владычестве смерти. В этом следует он за Фридрихом, но превосходит его. Державинская ода короче и сильнее. В ней каждое слово бьет прямо в цель. Такой лапидарности и точности Державин, быть может, не достигал уже никогда впоследствии. Уже самая постановка темы замечательна. Державин не рассуждает, как Фридрих, но развертывает свою тему на конкретном примере, который, однако же, избран с таким расчетом, чтобы ода не оказалась слишком прикреплена к случаю.

* Который есть не кто иной, как французский ученый Мопертюи. Эта забавная ошибка произошла от необразованности и торопливости Державина. Французское Maupertuis он прочел на латинский лад да еще по рассеянности переставил буквы: получился Maupertius, превратившийся по-русски в Мовтерпия. Этому легендарному лицу суждено было на многие годы стать спутником самых мрачных раздумий Державина.

Мещерский не был человеком выдающимся. В его лице Державин не оплакивает ни героя, ни прерванного поприща, ни кем-либо понесенной утраты. Мещерский — просто богач, «сын роскоши, прохлад и нег», ничего больше; В его жизни представлена сама сладость жизни. Чем чувственней и обильней житейские блага, от коих его похищает смерть, тем разительней выступает предмет всей оды. Картина еще усилена внезапностью смерти. «Где стол был яств, там гроб стоит»: невозможно сказать общее и в то же время конкретнее, короче и в то же время сильнее.

Державин не был другом Мещерского, был просто знакомым. Ходил слух, будто во времена пугачевщины он вешал людей «более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости». Это неверно. Но верно то, что с самой читалагайской поры размышления о смерти стали для него притягательны. Он охотно им предавался — среди счастья и довольства в особенности. Есть некое поэтическое сладострастие в том, как здоровый, благополучный, окруженный друзьями, любимый и любящий Державин созерцает смерть Мещерского и по поводу нее философствует. Четыре года он таил и вынашивал эти мрачные образы, выжидая лишь последнего толчка, подходящего случая, чтобы придать им форму и с творческим наслаждением выбросить из себя. Таким случаем была смерть Мещерского. Резкие жизненные контрасты прельщали Державина так же, как резкие столкновения слов и образов. Эти стихи о скоротечности жизни и ложности счастья писал он как раз в те дни, когда твердо верил в свое счастливое будущее. Это верование прорвалось наружу, недаром в одной из заключительных строф он сказал о самом себе: «Зовет, я слышу, славы шум». То было первое из числа пророчеств, которых впоследствии он находил много в своих стихах и которыми столь гордился.

* * *

Тогда все поэты служили — звания писателя не существовало. Общественное значение литературы уже признавалось, но на занятие литературой смотрели как на частное дело, а не общественное. Что касается Державина, то в его понятиях поэзия и служба были связаны особым образом.

Он, конечно, не думал, что чин или орден могут прибавить достоинства его стихам; равным образом не смотрел он и на стихи как на способ для добывания орденов и чинов; это пошлое представление пора забыть. Дело обстояло иначе, гораздо серьезнее и достойнее. К началу восьмидесятых годов, когда Державин достиг довольно заметного положения в службе и стал выдвигаться в литературе, поэзия и служба сделались для него как бы двумя поприщами единого гражданского подвига.

Поездка по Волге, предпринятая Екатериной в 1767 году, подтвердила ее неутешительные мысли о внутреннем положении России. Случаю было угодно, чтобы эти печальные наблюдения были сделаны в тех самых местах, где прошло горькое детство Державина и невеселая его юность. Угнетение, произвол, бесправие, бессудье — вот что увидела государыня во глубине страны. То, что ей было показано лишь издали и отчасти, Державину было давно ведомо безо всяких прикрас по личному опыту и по опыту его близких. Врожденная бедность, несмотря на дворянское звание, рано приблизила его к простому народу, и память об этой близости никогда в нем не угасала: жила в воспоминаниях об избитом отце, о челобитнице-матери, плачущей у приказных дверей, о собственном сиротстве, о грубостях и обидах солдатчины; жила эта память и в складе его ума, отчасти мужицкого, и в чертах житейского обихода, и в его отношении к собственным крепостным, и, наконец, в самом языке его.

На усмирении пугачевщины Державин отправился по карьерным соображениям; он и умирал ее со всеусердием — по тем же соображениям и по долгу присяги, и потому, что Емельян Пугачев был в его глазах жестоким и грязным обманщиком. Но

вот что весьма замечательно: не в личности Пугачева, конечно, но в пугачевщине, как движении народном, он очень скоро почувал если не правду, то все же логику. Понял, что возмущение имеет свои причины и оправдания. След этих раздумий — в его письме к казанскому губернатору Бранту от 4 июня 1774 года: «Доложить вашему высокопревосходительству имею: надлежит искоренить взятки. Говорить о истреблении заразы сей потому я за должное себе поставляю, что разливание оной наиболее всего, по моим мыслям, способствует злу, терзающему наше отечество». Но это лишь след, лишь то, что Державин по своему положению мог сказать к слову и в официальной бумаге. Мысли его шли дальше. Это видно из того отношения, которое в пору пугачевщины стало у него складываться к самодержавной власти и к личности самодержца.

Уже в ранних (очень слабых) стихах Державина, посвященных Екатерине, находим многословные рассуждения о ее заслугах и общественных добродетелях. Однако ж автор нигде не говорит о том, что эти заслуги суть основание и оправдание ее власти. Державину с малых лет была внушена идея о святости самодержавия, о его происхождении свыше. В глазах молодого Державина помазанник прав и велик уже в силу своего помазания. (Разумеется, очень хорошо, если притом имеются за ним и заслуги.)

После пугачевщины у него от этих воззрений ничего не осталось. Насколько повлияла тут пугачевщина, решить невозможно, у нас нет прямых данных. Но в самом факте сомнения быть не может: уже в пору писания «Читалагайских од» Державин так или иначе расстался с идеей о божественном происхождении царской власти. Помазание и титул перестали для него значить что бы то ни было. Отныне в его глазах «пышность одежд» равняет царей не только с богами, но и с куклами. Императорская порфира не мешает ее носителю падать и еще ниже:

*Калигула, быть мнимый богом,
Не равен ли с своим скотом?*

Два года спустя в «Эпистоле И. И. Шувалову» мысль эта повторена:

*О! жалкий полубог, кто тщетно носит сан:
Пред троном он ничто, на троне истукан.*

Отсюда вовсе не следует, что Державин не признает царской власти. Он только ищет для нее иной источник и иную опору. Вот отрицательная формула, из которой, однако ж, легко вывести и положительную:

*Пускай в подсолнечную трубит
Тиран своим богатством страх;
Когда народ кого не любит,
Полки его и деньги — прах.*

Это неуклюже, но ясно. Это значит, во-первых, что властитель, не опирающийся на народную любовь, в сущности безвластен. Во-вторых, что он и не царь, а тиран, захватчик власти, которого можно согнать с престола, не совершая никакого святотатства. Следовательно, царя от тирана отличает не помазание, а любовь народа. Только эта любовь и есть истинное помазание. Таким образом, не только опорой, но и самым источником царской власти становится народ. Эта мысль не вяжется с укоренившимися представлениями о Державине. Однако ж она не случайно, не в «по-

этическом жару» высказана: Державин постоянно к ней возвращается, она отныне лежит в основе его воззрений, и без нее понять Державина невозможно.

Под словом *наро́д* он склонен был разуметь всю нацию, и это ему удавалось, пока шла речь о делах военных или дипломатических, пока *русска́й* народ противопоставлялся какому-нибудь иному. Но лишь только взор Державина обращался во глубину страны, непосредственное чувство тотчас побуждало его звать народом лишь обездоленную, бесправную часть нации. Дело, однако, шло вовсе не об одном крестьянстве: бедный дворянин, вотще ищущий суда и управы на богатого соседа, или мелкий чиновник, прижимаемый крупным, в глазах Державина были такими же представителями народа, как и крестьянин, страждущий от произвола помещичьего. Словом, так выходило, что, кто страдает, тот и принадлежит к народу; царь же народный — защита и покров всего слабого и угнетаемого от всего сильного и угнетающего.

На Екатерину Державин взирал с благоговением. Он ожидал, что именно ей дано стать такой народной монархиней, «радостью сердец», способной облегчить народную долю, защитить слабых, укротить сильных, утереть слезы вдов и сирот. Эти надежды казались ему тем более основательными, что первые уроки вольнодумства были даны ему самой жизнью, а вторые, более систематические, он извлек из екатерининского Наказа, этого собрания самых передовых, самых гуманных и либеральных идей, дотоле высказанных в России (да и не только в России: недаром распространение Наказа было воспрещено во Франции). Екатерина была его наставницей: уже в «Читалагайских одах» он делает прямые заимствования из Наказа. Больше того: Наказ и созыв Комиссии по составлению проекта нового уложения воодушевили Державина главной мыслью, которой суждено было стать основанием его поэтического и служебного пафоса.

После того как существующее законодательство было с высоты трона объявлено несовершенно и не ограждающим народ от произвола и кривотолка; после того как отсутствие законности было признано первым злом русской жизни; после того как законопослушание было названо основной добродетелью не только подданного, но и монарха,— у Державина, можно сказать, открылись глаза. Простое слово *зако́н* в русском тогдашнем воздухе прозвучало как откровение. Для Державина оно сделалось источником самых высоких и чистых чувств, предметом сердечного умиления. *Зако́н* стал как бы новой его религией, в его поэзии слово *зако́н*, как Бог, стало окружено любовью и страхом.

Наказ между тем давно лежал под сукном, а Комиссия была распущена. Это не смущало Державина. Екатерина в его глазах была навсегда озарена сиянием Наказа. Упрямый и прямолинейный, он в воображении своем наделял и ее этими двумя свойствами, которых в ней как раз не было. Тех сложных политических и личных обстоятельств, в которых протекала жизнь государыни и которые постепенно уводили ее от возвышенных предначертаний Наказа, он отчасти не знал, отчасти не хотел знать. Весьма рационалистически лишив монархию религиозного ореола, он в целостности перенес этот ореол на голову данной монархини. Его поэтический гиперболизм превращался тут в политический. Екатерина в его глазах сделалась обладательницей гражданских, то есть вполне человеческих, добродетелей, но в полноте и степени уже не человеческой, а титанической. Он допускал, что на ее пути могут встретиться и препятствия, и несчастья, но с безжалостной требовательностью обожателя готов был им радоваться:

*Услышьте, все земны владыки
И все державные главы!*

*Еще совсем вы не велики,
Коль бед не претерпели вы!
Надлежит зло претерпеть пятой,
Против перунов ополчиться,
Самих небес не утрашиться
Со добродетельной душой.*

Богиню он хотел окружить жрецами, ее достойными. Он видел пороки и происки вельмож. Ему представлялся выбор: бичевать порок или поощрять добродетель. Он не хотел вовсе отказаться от первого, но избрал преимущественно второе: вот почему он не стал сатириком. Изображение добра представлялось ему более плодотворным, нежели обличение зла. Он старался создать образец вельможи добродетельного, великодушного, бескорыстного, пекущегося о народном благе:

*Я Князь, коль мой сияет дух,
Владелец, коль страстьми владею,
Болярин, коль за всех болею...*

«Друг, царский и народный» — вот, по его определению, истинный вельможа. Такими виделись ему Бибииков, И. И. Шувалов. Таким он желал стать и сам. Тут, именно в этой точке, поэтическая деятельность соприкасалась у него со служебной. По его мнению, слова поэта должны быть им же претворены в дела. Обожитель Екатерины мечтал быть ее верным сподвижником, поклонник Закона хотел стать его неколебимым блюстителем.

* * *

В 1779 году здание Сената перестраивалось. Державин по должности экзекутора наблюдал за работами. Между прочим, зала общего собрания была украшена новыми барельефами, изваянными Рашетом. По окончании работ Вяземский вздумал осмотреть залу. На одном из барельефов представлен был храм Правосудия; императрица в образе Российской Минервы вводила в него Истину, Человеколюбие и Совесть. Поглядев на обнаженную фигуру Истины, Вяземский сделал кислое лицо и обратился к Державину:

— Вели ее, братец, несколько прикрыть.

Может быть, он не намеревался придать этим словам аллегорический смысл, но для Державина они прозвучали именно так. Чем ближе знакомился он с делами, тем видел яснее, что «стали от часу более прикрывать правду в правительстве». Кое-какие проделки генерал-прокурора он уже приметил. В следующем году между ним и начальником впервые пробежала черная кошка.

Только что были учреждены экспедиции о государственных доходах и расходах. Они находились в ведении генерал-прокурора. Державин был назначен одним из советников экспедиции доходов, и это поставило его в непосредственную служебную близость к Вяземскому. Для начала надобно было составить «начертание» о круге действий и об обязанностях экспедиций. Случилось так, что те, кому надлежало бы этим заняться (в том числе Храповицкий), уклонились, и Вяземский поручил дело Державину — с неохотою, ибо почитал его не довольно опытным. Последнее было справедливо. Сам Державин не без отчаяния принялся за работу, постановив, однако же, лицом в грязь не ударить. Он заперся у себя и не велел никого принимать. «Поелику ему была дика и непонятна почти материя, то марал, переменял и наконец через две недели составил кое-как целую книгу без всякой посторонней помочи». На

общем собрании экспедиции, когда читался державинский труд, Вяземский всячески придирался, но все же вынужден был представить «начертание» государыне; оно было подтверждено и вошло в Полное Собрание Законов (XXI, 15. 120).

Конечно, Державин был весьма горд: без знаний, без подготовки удалось ему выполнить поручение важное и ответственное. Он ждал награды — и не получил. Даже так выходило, что его труд едва ли не пытались приписать Храповицкому. Обиженный Державин поведал горе приятелю своему Львову, Львов был, что называется, правой рукой Безбородки, тогда состоявшего одним из секретарей государыни. Державин через голову Вяземского был произведен в статские советники. Понятно, какую досаду вызвало это в генерал-прокуроре, тем более что Безбородко был в числе его недругов. Он все же старался скрыть раздражение: приязнь между семействами Вяземских и Державиных еще поддерживалась, княгиня очень любила Екатерину Яковлевну.

Настал, однако же, день, имевший решительное влияние не только на отношения Державина с генерал-прокурором, но и на всю его жизнь. То было в конце мая 1783 года. Державин обедал у Вяземских. Он был не в духе: с часу на час должно было решиться одно дело, исход которого тревожил его уже несколько месяцев. Вдруг после обеда, часу в девятом, вызывают его в переднюю: там стоит почтальон с пакетом. На пакете странная надпись: «Из Оренбурга от киргизской царевны мурзе Державину», а внутри — осыпанная бриллиантами золотая табакерка с пятьюстами червонцев.

Державин тотчас догадался, что это и есть решение его участи. «Но не мог и не должен был принять это тайно, не объявив начальнику, чтобы не подать подозрения во взятках; а для того, подошед к нему, показал».

— Что за подарки от киргизцев? — гневно проворчал было генерал-прокурор. Но, осмотрев табакерку, он тоже все понял: посылка была от императрицы.

— Хорошо, братец, вижу и поздравляю, — сказал Вяземский. — Возьми, коли жалуют.

При этом постарался он улыбнуться, но улыбка вышла язвительная...

«Оду к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице» Державин написал еще в прошлом году, но ее вольный тон и насмешливые намеки на сильнейших вельмож (даже на Потемкина) показались опасны самому автору. Львов и Капнист были того же мнения. Решено было оду прятать, но проницательный Козодавлев, живя с Державиным в одном доме, однажды увидел ее на столе, прочел несколько строк и упросил показать полностью. Потом, под страшными клятвами, взял списать для некоей госпожи Пушкиной, любительницы поэзии, а через несколько дней ода уже очутилась у И. И. Шувалова — разумеется, по секрету. Шувалов в застольной беседе прочел ее нескольким господам — опять-таки по секрету. Они по секрету пересказали ее Потемкину — Потемкин ее затребовал от Шувалова. Тот в страхе, вызвал Державина и спросил, как быть: посылать целиком или выбросить строфы, относящиеся к Потемкину? Постановили послать целиком, чтобы не возбуждать лишних подозрений. Тут только узнал Державин, какую огласку получили его стихи. Он поехал домой «с крайним прискорбием». Все это могло кончиться для него плохо.

Несколько месяцев ждал он последствий и томился неизвестностью. Меж тем к весне 1783 года княгиня Дашкова, будучи директором Академии наук, задумала издавать журнал. Козодавлев в ту пору при ней состоял советником. Опять ничего не сказав Державину, он принес Дашковой «Фелицу» — и 20 мая, в субботу, ода внезапно появилась в первой книжке «Собеседника любителей русского слова». Теперь она должна была дойти до императрицы. Державин жил в страшном волнении, не зная, чего ожидать. В день обеда у Вяземских приход почтальона разрешил все — страхи сменились великой радостью.

К тому, что писали о ней в стихах и в прозе, Екатерина была любопытна. Прежние похвалы Державина, в сущности более громкие и глубокие, нежели те, которые заключались в «Фелице», она, вероятно, тоже читала. Но они даже не запомнились — потонули в хоре привычной лестии. А над «Фелицей» она несколько раз принималась плакать. «Как дура, плачу», — сказала Дашковой. Почему же она была так растрогана?

Она не слишком любила стихи, не много в них понимала и самого вещества поэзии не чувствовала. Вопросы чистой поэзии не занимали ее. При всей любви к литературным упражнениям она не умела составить ни одного стиха и сама в том признавалась; даже легонькие куплеты для своих комедий заказывала другим. Чем выше парило стихотворение, чем было высокопарнее (вернем этому слову его прекрасный первоначальный смысл), тем слабее оно доходило до ее слуха, тем менее было способно затронуть в ней чувства.

«Фелица» должна была прийтись ей по вкусу и пониманию именно теми особыми свойствами, которые снижали это произведение как собственно оду: своей сатирической стороной, своим легким, шутливым тоном, своим бытовым, приближенным к обыденности материалом, наконец, самым слогом, который Державин так метко назвал «забавным», с его «низким» словарем и обильными заимствованиями из повседневной речи. Эти же качества вызвали бурный успех «Фелицы» и у большинства тогдашних читателей (в том числе у многих стихотворцев), и у потомства. Не должно, однако, смотреть на «Фелицу» как на преобразование оды. На самом деле то было не преобразование, а разрушение. Конечно, значение «Фелицы» в истории русской литературы огромно: с нее (или почти с нее) пошел русский реалистический жанр, этим она способствовала даже развитию русского романа. Но ода как таковая в ней не преобразована, потому что она сама переставала уже быть одой: да такой степени в ней нарушена одическая традиция русско-французского классицизма.

Но вернемся к Екатерине. Конечно, не литературными свойствами «Фелицы» были вызваны ее слезы: эти литературные свойства только открыли императрице доступ к пониманию оды, сняли печать со слуха.

Чувствительность не была ей чужда, знавала она и сильные увлечения. Случалось, что приступы горя или гнева овладевали ею, но при всем том здравый смысл покидал ее разве лишь на мгновения. В частности, она очень трезво и просто смотрела на собственную особу. Дальше всего она была от того, чтобы считать себя каким-нибудь сверхъестественным существом. Когда ее изображали богиней, она принимала это как должное, но не узнавала себя в этих изображениях. Шлем Минервы был ей велик, но одежды Фелицы пришлись как раз впору. Державин думал, что внешняя шутливость тут искупается внутренним благоговением. В глазах же Екатерины это было как раз такое изображение, которому она могла наконец поверить. То, что казалось Державину почти дерзостью с его стороны, нечаянно обернулось лестью, проникшей Екатерине в самое сердце. В «Фелице» она увидала себя прекрасной, добродетельной, мудрой, но и прекрасной, и мудрой, и добродетельной в пределах, человеку доступных. А сколько внимания было проявлено автором не только к ее государственным трудам, но и просто к привычкам, обычаям, склонностям, сколько подмечено верных и простых черт, даже обиходных мелочей и пристрастий! Словом, при всей идеальности портрет и на самом деле был очень схож. Екатерина считала, что безымянный автор разгадал ее всю — от больших добродетелей до маленьких слабостей. «Кто бы меня так хорошо знал?» — в слезах спрашивала она у Дашковой.

Даже такая в сущности мелочь, как выгодное сравнение с окружающими вельможами, доставила ей удовольствие. Это сравнение было вполне в ее духе: она не хотела быть выше сравнений. Она довольно суетливо принялась рассылать оттиски

«Фелицы» Потемкину, Панину, Орлову — всем, кто задел был автором: императрица и самодержица всероссийская любила разыгрывать с приближенными забавные *witz'yi** в духе доброго старого анхальт-цербстского захолюстья. Табакерка с червонцами, посланная «мурзе Державину» от имени киргизской царевны, конечно, принадлежала сюда же. Но она разом ставила Державина очень высоко, как бы, вводила его в круг людей, с которыми императрица шутит.

В тот майский вечер с табакеркой Фелицы в кармане Державин уходил от Вяземского новой знаменитостью. Последующие дни принесли ему такую шумную литературную славу, какой Россия до тех пор не видывала. В поэтическом отношении эта слава была бы справедливее, если бы последовала тотчас за стихами на смерть Мещерского. Но были общественные причины ей прийти именно теперь. Дух «Фелицы» стал духом «Собеседника». Журнал сделался прибежищем смелой общественной критики. Похвалы Екатерине в нем сочетались с острой полемикой по поводу таких предметов, о каких прежде молчали. Екатерина собственными писаниями тому способствовала, пока не пришлось ей полемику прекратить, ибо языки развязались слишком.

* * *

Екатерина любила давать прозвища. Вяземского она звала Брюзгой. Был он человек желчный. У него не было оснований заводить Державину, но его раздражало, зачем отличают Державина не через его посредство. Когда же отличие выпало за стихи, генерал-прокурор вышел из себя. После «Фелицы» он уже «равнодушно с новопрославившимся стихотворцем говорить не мог: привязываясь во всяком случае к нему, не только насмеялся, но и почти ругал, проповедуя, что стихотворцы не способны ни к какому делу». Следует, впрочем, и пожалеть его. Судьба была немилосердна к этому человеку, имевшему мужество ненавидеть поэзию открыто: чуть не все его подчиненные были стихотворцами.

Как ни упоен был Державин милостью императрицы, он по мере сил сдерживался, пока дело не шло дальше насмешек и происков, направленных лично против него. С Вяземским он то ссорился, то мирился (мирили по обыкновению жены). Коса все же нашла на камень, когда задеты были его гражданские чувства, его преданность делу и долгу.

В 1783 году была закончена последняя так называемая ревизия, которая ввиду увеличения оброка с казенных и частновладельческих крестьян должна была дать государству заметное повышение доходов. Полученные от губернаторов ведомости об ожидаемых поступлениях предстояло принять во внимание при составлении доходной табели на предстоящий год. Вдруг Вяземский, ссылаясь на неясность и неполноту этих новых ведомостей, потребовал, чтобы табель составили на основании старых. На деле это должно было привести к тому, что доходы будут показаны значительно ниже тех, которые поступят в действительности. Против такой утайки восстал Державин: он не мог допустить, чтобы государыня была обманута.

Замечательно, что поведение генерал-прокурора он себе объяснял довольно еще невинно. Предполагал он, во-первых, что Вяземский, воюя за власть с губернаторами, хочет под них подкопаться, изображая их нерадивость; во-вторых же — что Вяземский, зная расточительность Екатерины, скрывает от нее часть доходов, чтобы в подходящую минуту, «будто особым своим изобретением и радением», найти для нее лишние деньги и тем выслужиться. Державин не знал, что сокрытие доходов не Вяземским было придумано и практиковалось еще при Елизавете Петровне генерал-

* Шутки. — нем.

прокурором Глебовым ради обыкновенного воровства. Едва вступив на престол, Екатерина проверила счета и открыла целых двенадцать миллионов утайки. Вяземский был не доблестней своего предшественника.

Как бы то ни было, после тяжелых сцен с генерал-прокурором Державин забрал ведомости домой, сказался больным и через две недели представил собранию экспедиции новую, свою табель. Сколько ни придирались к ней, были вынуждены признать, что доходу может быть показано по крайней мере на восемь миллионов более, чем в прошлом году. «Нельзя изобразить, какая фурия представилась на лице начальника».

Победа все-таки обошлась Державину дорого. Дальнейшая служба при Вяземском стала невозможна, он подал в отставку и определением Сената был уволен в чине действительного статского советника. Конфирмуя доклад об его увольнении, императрица сказала Безбородке: «Скажите ему, что я его имею на замечании. Пусть теперь отдохнет, а как надобно будет, то я его позову». Всю историю с сокрытием доходов она знала в точности. О преследованиях, которым Державин подвергался со стороны Вяземского, Фонвизин прозрачно намекал на страницах «Собеседника», и смысл этих намеков, конечно, известен был государыне. Но Вяземский не услышал от нее ни одного упрека. Если б Державин надо всем этим задумался, он, может быть, уже теперь понял бы то, что ему пришлось понять много позже.

* * *

Был слух, что казанский губернатор уходит в отставку. Державин стал метить на его место. Предстояли об этом хлопоты, но Державин решил наперед, что поедет в Казань при всяком исходе: либо губернатором, либо просто отдохнуть и хозяйствовать года на два. Как раз в это время мать написала ему, что тяжело больна, не надеется выжить и просит приехать проститься с нею (шесть лет они не видались).

В феврале 1784 года, покуда стоял санный путь, Державин отправил в Казань весь домашний скарб, но сам с женой задержался еще в Петербурге. Губернаторство в общем было обещано, однако дело нужно было подталкивать. И вот посреди хлопот, стараний, подчас унижений и забеганий пред сильными сего мира стало его тревожить беспокойство вовсе иного рода.

Года четыре тому назад, во время пасхальной заутрени в Зимнем дворце, посетило его вдохновение. Приехав домой, он в горячности положил на бумагу первые строки оды:

*О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц, в трех лицах Божества!
Дух, всюду суций и единый...*

Но порыв миновал, мышцы душевные ослабели. Отвлекаемый службой и светскими суетами, сколько ни принимался он — продолжать не мог. Про себя постоянно, однако же, возвращался к начатой оде, в глубине памяти копил мысли и образы, то собственные, то извлеченные из чтений. За четыре года все это в нем наконец созрело и стало проситься наружу. Теперь, на свободе, он опять взялся за перо, но все-таки суета житейская, городская мешала ему. Сердце хотело уединения, он решил бежать. Вдруг объявил жене, что едет осматривать белорусские свои земли, в которых никогда не был, хоть владел ими семь лет. Стояла самая распутица, о дальней дороге нечего было думать. Жена удивилась, но он ей не дал опомниться. Доскакал

до Нарвы, повозку и слуг бросил на постоялом дворе, снял захудалый покойчик у старой немки и заперся в нем.

Он писал, пока сон не валил его на постель, а проснувшись, вновь брался за работу. Старуха носила ему пищу. Он работал в таком же диком уединении, в таком же неистовом напряжении телесных и душевных сил, в каких Челлини отливал некогда своего Персея. Так продолжалось несколько дней.

То была вновь высокая ода. Державин сам с замиранием сердца ощущал высоту своего парения. Образы и слова он вновь громоздил, точно скалы, и, сталкивая звуки, сам упивался звуком их столкновений. Он написал немного — около ста строк всего. Из них не все сделаны из одинаково драгоценного материала, но все равновесны и одинаково наполнены. В этих стихах не трудно узнать автора «Читалагайских од». Но там все-таки был перед нами отчаянный подмастерье, работавший наугад, знавший замечательные удачи, но местами лишь портивший материал; теперь это полный мастер. Не трудно узнать в нем и лаконического автора оды «На смерть Мещерского». Но теперь его лаконизм перестал быть порывист и угловат. В «Боге» Державин привел в движение какие-то огромные массы; столь же огромна сила, на это затраченная, но ни единая частица ее не пропадает даром, и надсада, усилия мы нигде не видим. Таково на сей раз его господство над материалом, что с начала до конца все в оде движется стройно и плавно, несмотря на то что в процессе работы он постепенно отходит от первоначального замысла. Вдохновение владеет им, но материалом владеет он.

Его первую целью было вообразить величество Божие. Взор его устремлен был к Богу. Но по мере того как предмет ему открывался, его охватывало изумление перед собственной способностью к подобному постижению. Смотри на собственное отражение в оде, видел он отражение Бога в себе самом — и все более поражался:

*Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт,
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и ты!*

*Ты есть! — Природы чин вещает,
Гласит, мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет:
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.*

С этого стиха ода Богу стала одой божественному сыновству человека:

*Я связь миров повсюду суищих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.*

*Твое создание я, создатель!
Твоей премудрости я тварь.
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие твое.*

Тут охватило его такое упоение величайшею гордостью и сладчайшим смирением, открытыми человеку, такое невыразимое счастье пребывания в Боге, что далее уж писать он не мог. Было то уже ночью, незадолго до рассвета. Силы его покинули, он уснул и увидел во сне, что блещет свет в глазах его. Он проснулся, и в самом деле воображение так было разгорячено, что казалось ему — вокруг стен бегают свет. И он заплакал от благодарности и любви к Богу. Он зажег масляную лампу и написал последнюю строфу, окончив тем, что в самом деле проливал благодарные слезы за те понятия, которые были ему даны:

*Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почитать,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.*

Когда он кончил, был день.

**К 275-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО
ЭНЦИКЛОПЕДИСТА
АЛЕКСЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛОТОВА
(1738 — 1833)**

(Материалы к 270-летию А. Н. Болотова, в том числе главы из книги Валерия Ганичева «Тульский энциклопедист», опубликованы в № 4, 2009 «Приокских зорь»)

Рагим Мусаев
(г. Тула)

**РЕПЕРТУАРНАЯ ПОЛИТИКА
ПЕРВОГО ДЕТСКОГО ТЕАТРА РОССИИ**

Родился 6 ноября 1977 года в городе Богородицке Тульской области. Получил два высших образования в области юриспруденции и государственного и муниципального управления. Подполковник юстиции, служит в Следственном управлении УМВД России по Тульской области, одновременно преподает в ВУЗе. Автор более десятка научных публикаций и научно-практических пособий, в том числе монографии по проблемам квалификации актуальных составов преступлений. Женат. Живет и работает в Туле.

Член литературного союза «Полоцкая ветвь». Публиковался в газетах «Владивосток», «Калужский перекресток», «Край Дорогобужский», «Богородицкие вести», литературном альманахе «Край городов», а также в литературных альманахах сети Интернет.

В 2010 году издана книга «Окно в театр». В 2011 году книга «Спасибо, что он был... "Семейное расследование"» заняла 1 место на Всероссийском ежегодном конкурсе на лучшее произведение о работе следователя в номинации «Журналистика и литературная публицистика».

Известно, что тульский провинциальный Богородицк прославился в XVIII веке явлением первого в России детского драматического театра. Дети на сцену выходили и раньше, но их эпизодические амурные и чертята, скорее, украшали представление. Такое же умиление зрителей вызывали дрессированные собачки и говорящие попугаи. Главными героями представления дети впервые стали на тульской земле. Именно здесь их поступки впервые стали двигать сюжет, а их мысли и переживания волновать зрителей.

Богородицкий театр не зря называют театром А. Т. Болотова, 275-летие которого

мы отмечаем в этом году. Андрей Тимофеевич, один из видных ученых-энциклопедистов своего времени, не просто руководил труппой. Он был режиссером, художником-постановщиком, актером, автором пьес и завлитом усадебного театра.

Казалось бы, про первый детский театр написано немало. Однако все имеющиеся работы касаются исключительно пьес «Честохвал» и «Несчастные сироты» самого Болотова. Репертуар первого детского театра в целом никто не исследовал.

Болотов одним из первых решил своими постановками не просто исправлять нравы зрителей, но и воспитывать юных актеров, формируя у них определенное мировоззрение. Этой задаче он и подчинил репертуар своего театра.

Репертуарная политика, то есть система отбора драматических произведений для постановки, существует в каждом театре. Критериями выбора пьесы обычно становятся актуальность пьесы, наличие ролей для конкретных исполнителей, технические возможности постановки, наконец, «кассовый» успех представления. Репертуар своего театра Болотов подбирал с учетом содержания, отвечающего его взглядам, и возможностей своих актеров.

Известны двенадцать пьес Богородицкого театра: «Безбожник» М. М. Хераскова; «Честохвал», «Несчастные сироты» и «Награжденная добродетель» А. Т. Болотова; «Отгадай и не скажу» М. И. Попова; «Три брата совместники», «Рогоносец по воображению» и «Приданое обманом» А. П. Сумарокова; «Новоприезжие» М. А. Леграна; а также анонимные «Необитаемый остров», «Подражатель» и «Батвинья».

Естественно, что все эти пьесы в большей или меньшей степени отвечают традициям классицизма. Герои четко делятся на положительных и отрицательных, носят говорящие имена. Соблюдены три легендарные единства: времени (действие длится не более суток), места (действие происходит в одном месте) и действия (одна сюжетная линия). В конце классической комедии порок непременно наказан, а добро торжествует.

Судя по спискам действующих лиц пьес, шедших в богородицком театре, труппа была невелика. Костяк состоял из двух девочек 13—14 лет, четырех мальчиков 9—16 лет и самого А. Т. Болотова. Примадоннами провинциальной сцены стали тринадцатилетняя дочь Андрея Тимофеевича Елисавета и дочь городничего Катерина Сухотина, бывшая ровесницей дочери Болотова или немного старше ее. Кстати, в библиотеке богородицкого городничего и отыскался томик М. М. Хераскова с пьесой «Безбожник» для первой постановки театра. Обширной театральной библиотекой Андрей Тимофеевич обзавелся позже, чем очень гордился.

Роли взрослых Болотов исполнял сам, однако занятие это не слишком любил. Спектакли часто давались в честь приезда почетных гостей. Управляющему богородицкой усадьбой А. Т. Болотову было сложно одновременно играть на сцене и ублажать приезжих. Сам Андрей Тимофеевич вспоминает лишь о двух ролях, которые он играл в своих же пьесах: Благоденствие в «Честохвале» и Родивон в «Несчастных сиротах». Пишет Болотов и о намерении исполнить главную роль Приезжего в своей третьей пьесе «Награжденная добродетель», однако точных сведений на этот счет у нас нет.

Роли взрослых исполнял не только создатель театра. При Болотове жил дошедший до родней его теще воспитанник Сезенев. Плотное телосложение подростка и очевидный актерский талант сделали его штатным исполнителем взрослых ролей. Особый успех имели его комические старики. Болотов вспоминает: *«...надели на него парик, приделали ему толстое брюхо, вычернили ему брови и выбритую будто бороду, и, надевши стариковский кафтан, преобразили так, что его и узнать было не можно»*. Зрители всерьез принимали парня за человека 40—50 лет и требовали предъявить после спектакля, не веря, что ему всего че-

тырнадцать. Известно, что им сыграны роли Злосердова в «Несчастных сиротах» и Салидара в «Приданом обманом».

Из мальчишеской части труппы известны также девятилетний сын Болотова Павел, блиставший в роли Клеона в «Честохвале», и *«меньшой сын господина Албычева»*, запомнившийся по роли Ераста в «Несчастных сиротах».

Играли в театре и другие дети. Впрочем, Болотов, видя недостаток театральных способностей, больших ролей им не доверял. Андрей Тимофеевич стремился занять в спектаклях всех желавших, однако заботился и о качестве постановок. Поэтому во многих пьесах театра действуют эпизодические слуги, офицеры, моряки, солдаты с минимумом слов либо вообще без речей. Из такого расчета, например, написана самим Болотовым роль лакея графа Благодного в «Несчастных сиротах», состоящая из пары коротких фраз.

Действие девяти из двенадцати известных нам пьес происходит в комнатах дома или залах дворца, на театральном языке — в «павильоне». Такая декорация не требует дополнительных затрат. Она просто составляется из имеющейся мебели.

Только в трех пьесах место действия — природа. Причем, прижимистый Болотов во всех случаях использовал один и тот же задник, расписанный для «Необитаемого острова». Первоначальное изображение представляло собой зеленый берег острова, омываемого морем. В морской части задника с помощью механических приспособлений даже создавался эффект движения кораблей. Один из «плывущих» кораблей причаливал к острову, и из него выходили те самые моряки без речей.

Под тот же задник Андрей Тимофеевич написал своих «Несчастных сирот». Правда, для изображения пещеры лесного отшельника неуместное море прикрыли нарисованной листвой. Та же декорация, судя по всему, играла и в болотовской «Награжденной добродетели».

Из двенадцати пьес театра лишь три «слезные» драмы, прочие — комедии. Ознаменовавший рождение театра «Безбожник» Михаила Матвеевича Хераскова, почему-то названный комедией, по сути представляет собой чистой воды драму с высокими страстями, коварными изменами, благородными героями и классическими злодеями. Скорее всего, слово «комедия» в данном случае употреблено автором в значении «пьеса».

Идея создания театра, в котором играли бы дети, посетила А. Т. Болотова 7 октября 1779 года во время празднования своего 41 дня рождения. Уже 24 ноября 1779 года (по новому стилю 5 декабря 1779 года) в одном из залов дворца состоялась первая постановка театра по пьесе М. М. Хераскова «Безбожник».

Что же увидели первые зрители на первом представлении первого детского театра? Сыновья дворянина Леона Фидеон и Руфин равны по рождению, но различны по своим моральным качествам. Первый благоденствен и послушен отцу, второй же — отъявленный негодяй. Чтобы стать единственным наследником отцовского состояния, Руфин подбрасывает подложное письмо, из-за которого его брат Фидеон оказывается в тюрьме по обвинению в антиправительственном заговоре. Одновременно безбожный Руфин, бросив свою невесту, обманом пытается добиться жены своего друга. Руфин не уважает никого, в том числе и отца, на которого однажды бросается со шпагой. Страсти накаляются до предела, но в конце торжествует добродетель.

Эта пьеса, написанная в 1761 году для театра Московского университета, положила начало русской морализующей драме. Своей пьесой М. М. Херасков метил прежде всего в русских последователей французских материалистов. В понимании автора новомодные теории воспитания ведут к «безбожию» в виде карьеризма, угодничества, стремления урвать свой кусок добычи любой ценой, пусть даже ценой жизни брата. Все социальные противоречия автор сводит к конфликту между хорошими и

дурными людьми, утверждая, что смирение и добродетель всегда приводят к заслуженному счастью.

«Безбожник» впервые поднимает в богородицком театре столь любимую его создателем тему Бога, всевидящего и справедливого. Так отчетливо и обильно к небесному покровительству взывают лишь герои пьес самого Болотова. В других пьесах театра образ Бога обычно трансформирован в образ Мудрого Государя, чья власть, тем не менее, по сути божественна.

«Безбожник» изобилует пространными речами героев и почти лишен сценического действия. Читая монологи действующих лиц, невольно вспоминаешь о временах, когда эффектно одетые исполнители гордо вышагивали по сцене, воздымая руки к небу и закатывая глаза.

Руфин (один)

Отмстил с удачею я брату и врагу.
Ни жизнь его теперь, ни честь не берегу;
Забыл я кровь его, и дружбу, и приятство,
Когда в любви хотел он зделать мне препятство.
Карая одного, обманываю двух,
И их стенанием мой веселится дух ...
Твердится честность мне: но что она? Ничто;
Что мы ни делаем, как тень проходит то.
Пустые имена имеет добродетель,
Никто не может быть в нас тайных дел свидетель...
Пусть гибнет мой злодей; от моего отмщенья,
Ищу моей любви и сердцу утешенья,
И брата в жертву им, и друга принесу,
Чтоб в жертву получить Пульхерии красу.
Письмо от Ксении, что мне она писала,
И чистую любовь свою мне разъясняла,
Пульхерии своей за тайну покажу,
Что писано оно к Мезару, я скажу.
Пусть мучатся они и ядом истребятся,
Доволен, коль мои желанья наградятся;
Невеста, друг и брат — пустые имена,
Всему на свете сем свои есть времена.

От актера требовалось протяжное чтение стихов, декламация, дикие завывания и неизбежные всхлипывания, или, как тогда выражались, *драматическая икота*. Представить исполнение текста «Безбожника» в реалистичном театре довольно сложно. Возможно, именно поэтому Болотов, чувствуя натужность старой театральной школы, в других постановках обращался к творениям драматургов новой волны. Вряд ли всерьез можно говорить о театре Болотова как о сложившемся театре реализма, но нельзя не признать, что богородицкий театр стремился ставить пьесы новые, в ряде случаев революционные для русской сцены.

Большую часть репертуара составляли комедии. Прежде всего это «Честохвал» самого Болотова. После успеха «Безбожника» найти новую пьесу, удобную для детской постановки, оказалось не так легко, репертуара для детей просто не существовало. Андрей Тимофеевич взялся за перо сам, и уже через два дня увидела свет первая в России пьеса, специально написанная для детского театра.

По словам самого А. Т. Болотова: *«главной целью оной (пьесы) было ... осмеяние лгунов и хвастунов, невежд и молодых волокит» и представление «для образца добронравных и прилежных детей и добродетельные деяния»*. Собственно воспитательно-назидательный характер носят все пьесы Андрея Тимофеевича.

«Честохвал», очевидно, написан под влиянием «Безбожника». Однако, переняв морализаторство Хераскова, Болотов все же создает более прогрессивное драматическое произведение. В «Честохвале» уже больше действия. При сохранении некоторых условностей классицизма, это уже вполне реальная история из современной автору русской жизни. Болотов, в отличие от Хераскова, объясняет причины дурного поведения своих героев недостатками воспитания.

Сюжет прост. Честохвал появляется в доме своего соседа Благонрава (роль исполнял А. Т. Болотов) с тайным желанием приударить за дворовой девушкой Марфуткой. Он подкупает мальчика-слугу Ваньку, но тот рассказывает обо всем племяннику Благонрава Оронту и вместе с ним устраивает Честохвалову вместо свидания с Марфуткой ловушку.

Собственно, сам Честохвал, а точнее его поведение, и является главным содержанием пьесы. *«Честохвалов, молодой дворянин лет 17 или 16»* — типичный галломан, преклоняющийся перед Францией и брезгающий всем русским. Тема злободневная для литературы той поры. Вспомним хотя бы сына бригадира Иванушку из фонвизинского «Бригадира».

Честохвал самозабвенно врет обитателям дома, невероятно напоминая в сценах вранья Хлестакова. Их обоих отличает один тип поведения, «легкость необыкновенная в мыслях», пошлость и мнимая значимость.

Но страшнее всего бессердечие и жестокость Честохвала. Он собирается жениться, *«чтоб деревеньки-то поприбрать в руки и тестя-то дурака обалахтать»*. В пьесе появляется погорелец, рассказывающий, что Честохвал *«табаком-то с вином меня поил, и дегтем-то велел меня мазать, и как над дураком смеялся, и, наконец, в медвежью кожу меня насильно обвязали и травили было совсем собаками»*.

Эпизодический образ погорелого крестьянина как индикатор проявляет сущность каждого персонажа. Каждый по-своему старается помочь ему, даря деньгами, куском пирога и, наконец, «старой избенкой». Лишь Честохвалов травит его собаками.

В финале Честохвал посрамлен и с позором изгнан в свою деревню Чертоводово (о, классицизм!), а добродетельный Клеон вознагражден, получив в дар имение старика-соседа Добродушина.

Болотов следует традиции говорящих имен, однако частично адаптирует их к русской действительности: Честохвал (хвастун), Добродушин, Благонрав. Наряду с чисто книжными именами (Клеон, Оронт, Феона) появляются имена обычные (Ванька, Марфутка).

Персонажи еще делятся на положительных и отрицательных, однако среди них появляется мальчик-слуга Ванька, не укладывающийся в черно-белую схему.

Он не прочь соврать: *«Ваше дело боярское, а нашему брату холопу как, кажется, не солгать — нельзя!»* Но порой его ложь помогает хорошим героям. Он берет у Честохвала деньги за услугу, выполнять которую не собирается. Тем самым он помогает своим хозяевам, однако прямо требует за это с них предоплату. Зато на полученные деньги он собирается купить лапти для матери. Образ Ваньки выходит за рамки театра классицизма. Это живой, реальный человек со своими достоинствами и недостатками, резко отличающийся от идеализированных пастушков, а также от условно-театральных слуг из переводных пьес.

Вместе с тем, образы крестьян в пьесах Болотова не самостоятельны. Они, прежде всего, лакмусовая бумажка для показа сущности их господ. В этом смысле Амери-

ки Андрей Тимофеевич не открыл. Однако, вкупе с другими составляющими, грязные и ободренные болотовские крестьяне, битые и истязаемые своими господами, не имеющие даже лаптей — еще один шаг на пути к реалистичному театру.

Болотов описывал крестьян такими, какими он привык их видеть: забитыми, бессловесными, бесконечно зависимыми рабами. Кстати, слово «*раб*» — как раз из лексикона Андрея Тимофеевича. Болотов совсем не идеализирует простых людей. Более того, они у него несколько ограничены. Ванька — плут, любящий приврать, за что ему достается от его юного хозяина Клеона. Погорелец вообще знает два состояния: плач и благодарное целование рук благодетелей.

При всех заслугах, главное значение «Честохвала» все же в том, что это первая в России пьеса, написанная специально для детского театра. На этом ее драматургические достоинства заканчиваются. В пьесе мало действия, интрига слишком несложна, развязка предсказуема. Судя по всему, понимал это и сам Болотов, не предпринимавший попыток ее издать, обнародовав тем самым за пределами Богородицка.

Набор действующих лиц — полная случайность, объясняемая лишь необходимостью занять конкретных актеров. Главная героиня интриги Марфутка на сцене так и не появляется. По количеству резонеров пьесу вполне можно внести в «Книгу рекордов Гиннеса»: целых четыре актера, не принимающих активного участия в развитии действия, заняты лишь произнесением длинных нравоучительных монологов. При этом Клеон дублируется Оронтом, а Благодетель — Добродушиным.

Именно из морализаторских монологов и проглядывает автор пьесы. Болотова несложно увидеть в справедливом, начитанном, хозяйственном, интересующемся науками Благодетеле — герое «*искреннего сердца*». Но представить, как девятилетний Павел Болотов в роли Клеона произносит подряд четыре нравоучительных монолога объемом до страницы современной книги сложно даже при современной акселерации. К примеру, фрагмент монолога из 2 явления 1 действия о вранье:

Клеон: «Если я смолodu лгать никогда и ни в чем не буду, как все меня за то хвалить будут! Как называть станут примерным ребенком, как самые старые меня за то любить и отменно перед другими почитать будут! Какое получу я чрез то преимущество пред другими! Как мне верить станут, как мне сие полезно будет...»

Собственно, большая часть сюжета прослеживается в первой половине пьесы. Вторая ее часть — набор сцен, демонстрирующих достижения болотовского научного хозяйства и срамящих Честохвалу. Ими пьеса и интересна. Всюду сующий свой нос Честохвал хватает в руки бутылочку и, не видя в ней ничего необычного, начинает дуть во вставленную в пробку трубку, в результате оказываясь залитым фонтаном воды. Утереться Честохвалу дают полотенце, усыпанное мельчайшим, а потому невидимым, порошком чернильных орехов, отчего лицо повесы приобретает характерный цвет. Наконец, его обманом рядят в женский чепец и сажают на стул с проваливающимся сиденьем.

Тема осмеяния нелепых попыток подражания людям других сословий и культур гораздо сильнее прослеживается в комедии неизвестного автора «Подражатель» и в комедии Марка-Антуана Лёграна «Новоприезжие».

«Подражатель» — первая «купеческая» пьеса в русской литературе, целиком построенная на особенностях купеческого уклада и быта. Раньше купцы являлись в пьесах о жизни дворян лишь в эпизодических образах ростовщиков. Пьеса имела большой успех и много ставилась в крепостных театрах, к примеру, в театре Шереметьевых. Интересная деталь. Пьесу принято датировать 1779 годом, так что богородицкая постановка 1780 года — одна из первых.

В комедии высмеивается стремление купцов, даже самых патриархальных, копи-

ровать дворянство, их увлечение модой на все иностранное. Подражателем в самом прямом смысле слова оказывается купец Дразнилин. В своем стремлении во всем соответствовать дворянам он доходит до прямого передразнивания. Разговаривая с будущим тестем-заикой, Дразнилин тоже начинает заикаться; говоря с картавой тещей, Дразнилин принимается картавить. В связи с этим в списке действующих лиц кроме привычного списка имен даны дополнительные характеристики: «заика», «картава». Собственно, эти передразнивания во многом и обеспечивали успех «Подражателя» на русской сцене.

Новаторством пьесы стал способ изображения главного героя, нехарактерный для классицизма. Купец Дразнилин не плохой и не хороший. Он — «чудной».

Реализм проявляется и в смелой критике купечества. В пьесе много бытовых подробностей купеческой жизни. Вот, например, картавая мать учит дочь, как вести себя перед венчанием: *«Ты тогда завой, для того что котогая девушка сговоеная не воеет, той житье будет дугно; завой вот так: благослови меня, госудаг-батюшка и госудагыня-матушка, мне идти ко злату венцу. А коли не поплачешь за столом, так наплачешься за столбом»*. Далее мать делает дочери выговор за то, что та не белит лица и не чернит зубов.

Высмеивая потуги купцов выскочить за рамки своего сословия, автор «Подражателя» открыто критикует домостроевский уклад купеческой семьи: *«Наши купцы ... толкуют дочерям только старинные приметы ... а о благонравии и о научении их не пекутся. Принуждая быть тихой, делают дурую; отгоняя от мужчин при себе, усиливают склонность видаться наедине; браня за погрешности, молчат о пороках; любя, потворствуют, строгостью ожесточают: сами приучают их быть себе непокорными, запрещая и малейшие увеселения, да и тужат потом, что дети своевольничают»*.

Еще дальше идет автор водевиля «Новоприезжие» («Les Nouveaux Debarques»). Сегодня название этой комедии Леграна, представляющей собой вариант сюжета «Мещанина во дворянстве», перевели бы как «Понаехавшие».

Бывший кузнец Багенодьер и его сын Барон, подзаработав в деревне, приезжают в Париж: *«Они продали свою кузницу для того, чтоб сделаться благородными»*. Для легализации в качестве аристократов Багенодьеры решают жениться на парижанках, кузинах благородного Доримонта. Однако жена Доримонта Доримена так хороша, что отец и сын в тайне друг от друга начинают за ней ухаживать. В этом деле им обоим помогает изворотливый слуга Левель, берущийся передавать Доримене любовные письма.

На самом деле все деньги и подарки Левель передает не Доримене, а горничной Зербине. Обман раскрывается, и провинциалы с позором изгоняются. Доримонт: *«Плюнь на них, смейся их глупости!»* В финале автор просит зрителей не сердиться и не драться с артистами, так как масок не бьют.

Попытки Багенодьеров примкнуть к привилегированному классу грубо высмеиваются. Причем осмеянию подвергаются не просто манеры разбогатевших простолюдинов, а и их душевные качества. Багенодьеры вероломны, жадны, развратны и вдобавок неисправимые дураки. Как только зарвавшимся простакам предлагают деньги, они отказываются от своих возлюбленных, которым только что клялись в вечной любви и верности.

Главная мысль автора довольно недемократична: даже нищий дворянин всегда на голову выше самого богатого простолюдина, который по определению человек второго сорта. Кстати говоря, именно эта комедия игралась 26 января 1756 года на открытии театра Московского университета, положившего начало профессиональ-

ному театру в Москве. Это обстоятельство подтверждает популярность идей пьесы Лиграна.

Та же тема внезапно возникает и в комедии Михаила Ивановича Попова «Отгадай и не скажу». Странное название собрано из любимых присказок хозяина дома Гадало, выбирающего жениха для своей дочери Надежды. Девушка же уже давно тайно вздыхает о прекрасном юноше Артемии. Он рано лишился родителей и живет в доме Гадало. Естественно, Артемий, тоже тайно влюблен в Надежду.

У главы семьи свои виды на замужество дочери. Он отвергает жениха-гуляку и жениха-взяточника. Кажется, все идет к тому, что рассудительный отец выдаст единственную дочь за благородного, образованного, хотя и бедного Артемия. Не тут-то было! Бедность — порок того же порядка, что и мотовство, и бесчестность.

«Гадало (Артемию): Как, негодный человек! Так этим-то ты вздумал платить за мою хлеб-соль? Это ли благодарность твоя за то, что я тебя воспитал и научил, как родного моего сына, и сделал из бедного сироты таким человеком, с которым ныне честные люди не гнушаются знаться?» Только после того, как на голову бедного влюбленного внезапно сваливается давно потерянный старый бездетный и до неприличия богатый дядюшка, дело кончается свадьбой.

Играли в театре и другие «свадебные» комедии. Это прежде всего популярные пьесы Александра Петровича Сумарокова: «Три брата совместники», «Рогоносец по воображению» и «Приданое обманом».

«Три брата совместники» — анекдот о сватовстве трех братьев Радугиных к одной и той же Ольге Тигровой. Причем один сватается через ее отца, второй — через мать, а третий — напрямую к девушке. Возникает путаница, в которой каждый из женихов, являясь с визитом, встречается не с тем членом семьи, с которым договаривался, принимается за сумасшедшего и выставляется за дверь. Всеобщая неразбериха завершается торжеством любви молодых, идущих под венец. Причиной же неразберихи становятся бесконечные препирательства между родителями Ольги — супругами Тигровыми. Каждый из них стремится к роли главы семьи. Результат — ссоры и курьезы.

«Рогоносец по воображению» — рассказ о ревнивом муже, выискивающем измену на ровном месте. На фоне незатейливого сюжета разворачивается серьезная критика быта провинциальных дворян с их незнанием светского этикета, склонностью к обжорству и непониманием искусства. Тут же прямая пропаганда прогрессивного способа ведения хозяйства: *«Домостроительство похвально, однако свиней кормить, кажется, дело не господское. В деревне помещикам и без этого немало дела, и помещик, и помещица довольно и нужных и веселых упражнений сыщут».*

Здесь же рекомендации по обращению с крепостными: *«Боярыня наша праздности не жалуется и ежечасно крестьян ко труду понуждать изволят. Щегольство и картежная игра умножились, и ежели крестьяне меньше работать будут, так чем нашим помещикам и пробавляться».*

Герои пьесы дают, к примеру, подробную инструкцию по сервировке стола: *«Дворецкий приказывает сорок ради стола вашего блюд заготовить. А Флориза, отменив то, только двенадцать блюд изготовить приказала: я-де лучше знаю это учредить. А вам известно, что она выросла, воспитана в Петербурге. Так не прикажете ли быть по ее нашему пиру, чтобы не обесчеститься?»*

И по выбору супруга: *«Флориза: ...не один рассудок при выборе жениха действует: всякий человек в таких обстоятельствах сверх праведного разбора достоинств еще и свой вкус имеет. Вам это, я думаю, смешно, что бедная деревенская девка*

такою пустою наполнена гордостью и, едва имея пропитание, так разборчива. Граф, я этому смеяться не могу. Всякая благородная душа этого с вами мнения, не-взирая на то, что по большей части противное этому случается».

«Приданое обманом» — виртуозная бенефисная комедия о скупом отце, любящем покусать и не любящем расставаться с деньгами, даже ради приданого родной дочери. Отдельные реплики Салидара дают понять, что деньги эти нажиты им в былые годы ростовщицеством, ныне властями не поощряющимся. Елизавета Петровна указом 1754 года запретила частным лицам брать свыше 6 процентов от даваемых в долг денег. Этот шаг привел к созданию первого в стране банка.

Салидар же никак не может смириться с утратой бывшего источника дохода: *«Ежели во всем поступать по Священному писанию да по указам, так и никогда не разживешься».* Он — воплощение уходящего мира бесчестных людей, не видящих ничего, кроме денег: *«О, денежки, денежки! Сударушки мои, денежки! Душеньки мои, денежки! Расставаться мне с вами. (Плачет.) Однако не думайте вы, чтобы я вас кому оставил. Оставляю ль я вас дочери! Вы мне ее милее: я во гроб, и вы во гроб со мною».*

Естественно, что ему претит все новое: *«Ты сам еретик и безбожник ... потому что ты молишься в парике, а парик та же шапка; да ты же отдал детей учиться басурманским языкам и басурманским хитростям в какую-то новую школу. Вот так-то учился в какой-то школе проклятой цифире мальчик, моего древнего приятеля внучек, да научился красть ... Дед его был регистратор и за отечество повешен, потому что многим людям делал он услуги и помогал не только слегка, да для них строки выскребал и вписывал то, что им на пользу было, протоколы вытаскивал. Отец его ... взял чернила на откуп; не для собственного своего прибытка, да для государственной пользы, чтобы чернила вздорожали, а враки писцов поумалились. Да и то великое дело, что он из одной чернил бутылки делает их по целой дюжине, а от того в казну собирается великая пошлина. И в водку воду мешают, а в чернила для чего не мешать? Вить их не пить, а книг за грехи наши, чтобы ими деньги вытягивать, и так уж довольно, а пошлины с них никакой нет. О, откупы, святые откупы! Какую вы приносите государству пользу! А вы, проклятые науки, лишь только его разоряете!»*

Салидар, непорядочный в делах, ведет себя непорядочно и с собственной дочерью, которой давно пора замуж: *«О, приданое, приданое! в аде бы тому человеку не было места, кто тебя выдумал! Ежели бы тебя на свете не было, недолго бы прекрасные небогатых отцов дочери засиживались в девках, а вы бы, дурные девки, достойных женихов у красавиц не отнимали!»*

Но время Салидара прошло, он смешон и настолько глуп, что легко попадает в ловушку. Домочадцы, поддерживая мнимый страх хозяина, уверяют его в неизлечимости «болезни», для борьбы с которой и вытягивают сумму, необходимую для приданого. В финале игра раскрывается, однако дело уже сделано. Приданое, заработанное Салидаром обманом, обманом от него и уходит. Дочь радуется грядущему замужеству, а «болезнь» Салидара счастливо объясняется банальным обжорством.

Все «свадебные» комедии, шедшие в богородицком театре, объединяет тема безоговорочной женской верности. Девушкам дозволяется влюбляться исключительно в будущих мужей. При этом мужская неверность не поощряется, однако и не порицается. Те же двойные стандарты в вопросах выбора мужа. С одной стороны, романтизируется брак по любви, с другой же, влюбляться можно лишь с родительского или опекунского благословения.

Изюминкой болотовского театра стали «слезные» драмы. Этот sentimentalный жанр как раз начал складываться в русской драматургии того времени. Для «слезной» драмы характерно противопоставление носителя порока и его страдающей жертвы, атмосфера чувствительности, упование на милосердие, финал с неожиданным появлением спасителя, торжеством справедливости и наказанием зла. «Слезные» драмы» уводили зрителя от жестокой действительности в мир добродетельных дворян, гуманных чиновников и преданных им чувствительных простых людей. Первыми опытами создания русской «слезной» драмы являются «Друг несчастный» (1774) и «Гонимые» (1775) М. М. Хераскова. Михаилу Матвеевичу принадлежит половина всех русских пьес этого толка.

В «Драматическом словаре» 1787 года содержится описание 328 пьес, шедших тогда в российском театре. Среди них только десять названы драмой. В это число входит и самая известная «слезная» драма богородицкого театра — «Несчастные сироты» самого Болотова (1780). Однако навеена она, судя по всему, ранее поставленной в театре пьесой Пьетро Метастазियो «Необитаемый остров» (*L'isola disabitata*).

Молодожены Джернандо и Констанция, а также ее малолетняя сестра Сильвия из-за шторма оказываются на необитаемом острове. Затем Джернандо таинственно исчезает. Тринадцать лет Констанция пребывает со своей сестрой на острове в уверенности, что ее коварно бросили. Все эти годы она внушает Сильвии ненависть к мужчинам. Внезапно к острову причаливает корабль, с которого сходит пропавший Джернандо с другом Энрико. Все это время они были в плену у пиратов. Счастливы не только Констанция и Джернандо, но и Сильвия, которая, вопреки внушениям сестры, влюбляется в Энрико с первого взгляда. Собственно, это «мыльный» сериал своего времени, украшенный эффектными декорациями и морским антуражем.

Болотов в своих «Несчастных сиротах» идет гораздо дальше, хотя без «сериальщины» пьеса не обошлась. Это уже вполне серьезное драматическое произведение, которое автор не постыдился опубликовать.

В имении помещика Агафона Злосердова живут сироты — Серафима и ее младший брат Ераст. Чтобы завладеть их имением, Злосердов хочет женить на Серафиме своего сына Митрофана, а Ераста отравить, накормив пирогом с мухоморами. Крепостного дядьку Родивона (его играл Болотов), единственного защитника и опекуна детей, он выгоняет жить в пещеру и намеревается сжить со света непосильным трудом, издевательствами и побоями. Неожиданное спасение приходит вместе со случайным проезжим — графом Благодравовым, встречающим сирот на опушке леса. В финале пьесы он появляется с офицером и отрядом солдат, чтобы арестовать Злосердовых и освободить несчастных. Серафима выходит замуж за Благодравова.

Сюжет «Несчастных сирот» странным образом напоминает сюжет комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». Однако «Недоросль» предстал перед публикой лишь через два года после написания и через год после опубликования «Несчастных сирот» в 1781 году в известной московской типографии друга А. Болотова Н. И. Новикова, который был хорошо знаком и с Фонвизиним. Так что мнение о том, что Фонвизин мог заимствовать что-то у Болотова, имеет право на существование. Слишком много совпадений в сюжете и деталях.

Черты характера и положение роднят Злосердова и Простаковых, нещадно и безраздельно эксплуатирующих своих крепостных. Митрофан Злосердов («Несчастные сироты») и Митрофан Простаков («Недоросль») намерены насильно жениться на состоятельной сироте, дабы завладеть ее имением. Близки по характеру болотовская Серафима и фонвизинская Софья. Обеих отличает почтение к старшим и любовь к чтению.

В «Несчастных сиротах» посылают за попом, чтобы тот ждал молодых в церк-

ви, а в «Недоросле» Софью насильно ведут под венец. Счастливая развязка в обеих пьесах наступает лишь благодаря приезжим дворянам Благонравову и Милону, которые женятся на героинях. При этом оба героя действуют от имени властей (образ Мудрого Государя). Благонравов приводит на помощь офицера и солдат, а Милон сам офицер.

Но есть и различия. Если цель комедии Фонвизина — осмеяние зла и порока, то задача драмы Болотова — показать страдания жертв порока, вызвав тем самым сострадание к несчастным и отвращение к пороку. Если у Фонвизина зло реально, но смешно и нелепо, то у Болотова оно страшно и ужасно.

Лучшим же своим творением Болотов считал пьесу «Награжденная добродетель» (1781 год). Судя по всему, это была снова «слезная» драма вроде «Несчастливых сирот», главную роль Приезжего в которой собирался исполнять сам Болотов: *«Я изобразил в ней в главном лице характер наиболее добродетельнейшего человека, которого намерен был сам представлять, и назвал было сперва пьесу сию «Проезжим», а потом, переменяя, придал ей название «Награжденная добродетель», и которую без слез, производимых удовольствием, читать было не можно».*

Известно, что Андрей Тимофеевич с успехом читал ее в собраниях. Точных данных о ее постановке нет. Однако и утверждать то, что пьеса не была поставлена, мы не можем. Работа над постановкой пьесы обычно занимала всего две — четыре недели. При этом некоторые пьесы Болотов упоминает лишь однажды, давая понять, что это далеко не первое представление. Текст «Награжденной добродетели», скорее всего, сгорел во время пожара в доме Болотова, уничтожившем значительную часть его библиотеки.

Шла у Болотова и комедия «Батвинья». Обнаружить текст этой пьесы пока не удалось. Судя по всему, это была бытовая комедия, шедшая в декорациях «павильона».

Постепенно театр приобрел такую популярность, что приспособленная для его представлений комната дворца перестала вмещать всех желающих. Болотов переводит театр в более просторное помещение в одном из дворцовых флигелей и при помощи крепостных мастеров оборудует сцену и зрительный зал.

Здесь было все, что положено в таких случаях: поднимающийся занавес, суфлерская будка, специальное сценическое освещение, партер. Двойные кулисы позволяли мгновенно менять декорации, нарисованные при участии самого А. Т. Болотова, бывшего неплохим художником. В дни летней Казанской ярмарки на представлениях театра бывало более 200 зрителей.

Болотовский театр просуществовал около двух лет. Скорее всего, его закат стал следствием придирок к А. Т. Болотову молодого князя С. С. Гагарина, назначенного новым куратором имения. Вскоре после этого А. Т. Болотов покинул Богородицк. Кстати, в следующем XIX веке к сыну этого Гагарина, тоже Сергею Сергеевичу, бывшему директору Императорских театров, с просьбой принять его на сцену обратился недавно прибывший в Петербург молодой человек. Испытания на пригодность к актерству юноша провалил. Спустя годы неудавшийся актер, к удивлению Гагарина, вернулся в театр в качестве автора «Ревизора».

Театр А. Т. Болотова отличался от других усадебных театров своего времени. Прежде всего в качестве актеров здесь выступали не крепостные, а дворяне, причем юные. К тому же целью богородицкого театра, благодаря его создателю, стало не развлечение, а прежде всего воспитание и просвещение.

Обратим внимание и на то, что в богородицком театре не шло ни одной из мно-

гочисленных «переделок», необычайно популярных в те годы. «Необитаемый остров» и «Новоприезжие» — пьесы переведенные, а не переделанные. Болотов понимал невысокий уровень наспех перелицованных на русский лад иностранных пьес, переводчики которых обычно, не задумываясь о разнице нравов и эпох, переиначивали на русский лад имена действующих лиц, названия городов и улиц. В результате в наскоро приспособленной к русской сцене пьесе того же Гольдони или Шекспира девушка разражалась бранью, которая на Руси могла исходить лишь от обитателей трущоб, но никак не от юной служанки в приличном доме.

Не ставил Болотов и распространенные тогда пьесы чисто развлекательного характера на далекие от жизни мифологические и пасторальные сюжеты.

Андрей Тимофеевич старательно отбирал материал для постановок, постепенно двигаясь от театральной архаики в сторону передовых новинок, несущих первые приметы зарождавшегося реализма. Закономерно, что применительно к большинству пьес театра мы пользуемся определением «первая»: первая в России пьеса для детей, первая пьеса о купечестве, одна из первых «слезных» драм.

Даже развлекательные по форме пьесы богородицкого театра прямо или косвенно воспитывали, неся идеи просвещения. Андрей Тимофеевич оставался человеком своего времени, говорившем о важности знаний и личного самосовершенствования, при этом предостерегавшем от попыток вырваться за рамки сословия, данного от рождения.

Болотов безоговорочно пропагандирует семейные ценности, утверждая, что именно от родителей детям передаются как благородство, так и пороки. При этом, воспевая браки по любви, Андрей Тимофеевич, следуя традициям времени, не исключает наличия в этой любви расчета.

Он умиляется заботе дворян о своих крепостных, сравнивая крестьян с детьми своего господина. Однако болотовские крестьяне, обязанные платить хорошему хозяину усердием и прилежанием, существа довольно примитивные и не всегда честные.

Красной мыслью проходит идея верности однажды избранным идеалам. Именно такое поведение обязательно замечается и награждается Богом, Мудрым Государем или их посланниками.

Самое интересное, что все перечисленные идеи представляют собой идеи масонства. Цель Ордена Вольных Каменщиков формулируется как *«самосовершенствование и просвещение человека для их улучшения»*. По странному совпадению все авторы русских пьес, шедших в Богородицке, масоны, причем принадлежавшие к кругу известного «вольного каменщика» Николая Ивановича Новикова.

Сам Болотов масоном, скорее всего, не был. Тем не менее, избегавший тайных обществ Андрей Тимофеевич, верил в цепную реакцию добра и зла, уповал на воспитание и исправление нравов дворянского сословия, а потому призывал к нравственному самосовершенствованию и добродетели, то есть последовательно проводил в репертуаре своего усадебного театра передовые для своего времени идеи «вольных каменщиков».

Как знать, возможно в тех самых постановках кроется первопричина некой культурной продвинутости Богородицка, слывшего вплоть до начала XX века пусть не самым большим и не самым богатым, зато самым грамотным городом губернии.

Литература:

1. Быков Д. «Понаехавшие» // газета «Известия» от 26.01.2011 г.
2. Демиховский А. К. «А. Т. Болотов — драматург». — Псков, 1993.

3. Западов А. «Творчество Хераскова» // М. М. Херасков. Избранные произведения.— М., 1961.
4. История русского драматического искусства. Том 1. М, 1977.
5. Кулакова Л. И. «Херасков» // «История русской литературы» в 10 томах.— Изд-во АН СССР, 1941 — 1956. Т. IV: Литература XVIII века. 1947.
6. Любченко О. Н. «Андрей Тимофеевич Болотов».— Тула, 1988.
7. Мусаев Р., Карпова Е. «Окно в театр». — Тула, 2010.
8. «Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников» // Под ред. С. И. Машинского.— М., 1952.

Тексты пьес приводятся по изданиям:

1. «Российский феатр, или Полное собрание всех Российских Феатральных сочинений». СПб., 1786—1794.
2. «Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного Действительнаго Статскаго Советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго ученаго Собрания Члена, Александра Петровича Сумарокова». М., типография Н. И. Новикова, 1787.

ПОВЕСТЬ

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ОТ САТИРИКА СЛЫШУ!..
*Художественно-публицистическая повесть**

(Рисунок Олеси Янгол)

Наталья Квасникова — наш постоянный автор и зав. отделом публицистики и литературоведения «Приокских зорь», академик Академии российской литературы, член Творческого клуба «Московский Парнас», лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за 2011-й год в жанре публицистики. Член Союза писателей России. Работает преподавателем физики. Живет в Москве.

ГЛАВА 1. СОЗЕРЦАТЕЛЬНО-УМОЗРИТЕЛЬНАЯ

— О-о! Никак читатель к нам заглянул!.. Неужто настоящий?.. Не взыщи, дорогой, ущипну для верности... Входи, входи, не смущайся, давно ждем! Видишь,— самовар на столе, свежие тульские пряники, брага домашнего производства да медовуха с квасом — душевно угощайся!..

— Да я тут... случайно,— пятится читатель.— Гляжу,— огонек из-за обложки пробивается, думал, детектив какой-нибудь... Вот и побеспокоил...

— Какое беспокойство, соскучились уже!.. Стой, стой!.. Ушел-таки! Да и пусть его!.. а мы, с нашим героем,— как наши предки говаривали,— сядем рядком и потолкуем ладком. Народу за столом собралось немало: кроме меня, здесь,— знакомьтесь, пожалуйста,— полковник Хмуров, истинный вояка-сновидец, Красилин Геннадий Борисович, преподаватель, важный человек, с левого края — профессор и капитан Старосельцев, а на одном из самых почетных мест Виктор Ильич, архивных дел мастер... Угощает нынче гостей обитатель улыбчивого города Тулы, Яшин Алексей Афанасьевич, человек, обремененный по жизни не только стандартными тяготами, общими для всего племени людского, но и разнородными заслугами, как в науке, так и в литературной деятельности. Интересен он, однако, не одними своими свершениями, хотя и о них, конечно, побеседуем, а тем, что живой свидетель странного века, в котором природные катаклизмы символично иллюстрируют происходящие в

* Одна из ипостасей творчества Алексея Яшина.— Прим. авт.

планетарном социуме разломы и перемены. Равно навидался наш герой событий эпического значения — и ничтожных, но за таковые выдаваемых, о чем в его книгах сказано об этом вполне двусмысленно, языком жесткой сатиры. Люблю я ее, голубушку, за бритвенную упрямую остроту и бессмертие. Верю, что никогда мы не дадим ей повода отправиться в архив, на заслуженный отдых, это никак не в характере нашей цивилизации.

Кем-кем, но сатириком, и в личной жизни, и в иных формах общественной деятельности, человек становится постепенно. Если условия, предшествующие и сопутствующие рождению, не оказались чрезвычайными, каждый доставленный аистом или смоченный капустным соком индивид — безусловный лирик изначально.

В нем процветает чувство любви, первично к матери и отцу, чуть погодя, через их проводящие свойства, ко всему миру вокруг. Таковы младенцы и очень маленькие дети. В аналогичный период существования не отличался от стандарта и наш герой, хотя в момент появления на свет его положение в семье ознаменовалось некоторой малозначительной неоднозначностью: он был одновременно первенцем отца и третьим сыном матери. Впрочем, ситуация не то, чтобы исключительная, союз оказался крепким, никаких психологических сложностей у ребенка не случилось. Вероятно, по этой причине повесть Алексея Афанасьевича «Страна холода», рассказывающая о мальчишке Николке, отличается от других его произведений лиричностью и, несмотря на название, дышит теплотой. На ее страницах все всерьез, логично и просто — так, как должно быть. Взять бы пример с детей да зажить наконец по-человечески! Увы, что-то не получается у нас здравого смысла.

Со стороны, как покажут, все видно, и хохочет каждый над нелепостью собственного бытия в силу возможностей своих легких, но далее, успокоившись, продолжает скоморошничать, не видя абсурда в себе и охотно примеряя его на окружающих, дальних и ближних. Пространство полно людей. Однако, разум, за исключением, надо отдать-таки должное,— технических новинок — развивается слабовато. За время существования человечества мы семимильными шагами убежали от палки-копалки и научились изрядно эксплуатировать древнее колесо, но до сих пор предпочитаем быть не счастливыми, а богатыми, если оказывается невозможным совмещение (практически всегда). При этом, как ни смешно,— если поразмыслить,— ищем «добра от добра», вопреки известной поговорке. Чаще всего не от горькой скардной нищеты человек рвется к избыточной и, в сущности, ненужной ему сверхроскоши, а от благополучного вполне существования. С этим предисловием предлагаю погостить в одном из романов Алексея Афанасьевича «Историк и его история».

Некий архивист с высшим гуманитарным образованием, имея маленькое, но вполне надежное место под солнцем, тоскующий о высоком и духовном благе, недостаток которого он ощущает в том, что не может иметь дома редкие книги,— хотя многие из них в принципе доступны ему в процессе трудовой деятельности, дотомился однажды до некоего озарения. Идея, впрочем, не новая среди литературных персонажей разных веков — закабалить какого-нибудь второстепенного чертенка и покомандовать всласть. Сначала интеллектуально озабоченный герой, архивист Виктор Ильич, как будто обещает читателю затруднить нечистую силу исполнением удивительных и прекрасных желаний. «...И ...накатил на старшего научного сотрудника мысль — не мыслишка, но вдохновенная *Мысль*: большая, пульсирующая, тревожащая душу...» Наступает пронзительный момент очень краткого ожидания, кажется, произойдет чудо, и человек поразит нас небывалым свершением! Но все просто: волшебный пустой автобус, который везет уставшего героя домой с места службы, женщина, не утомляющая долгим ухаживанием (даже Фаусту, с помощью Мефистофеля, пришлось потратить больше времени для соблазнения Маргариты), обжорство деликатесами и тому подобное. Надо отме-

тить, что Алексей Афанасьевич большой мастер литературного натюрморта: потрясающе аппетитно обрисован стол, предоставленный мечтателю-архивисту нечистой силой: «На длинной селедочнице в луково-винном соусе, ровно островки частого архипелага, рядками расположилось рыбно-закусочное ассорти: селедочка, подкопченная тихоокеанская, керченская же а'ля натюрель, свежайшего посола исландская. Две посуды рангом пониже обступали селедочницу по бокам. На одной упокоился порезанный длинными ломтиками копченый угорь, на другой нежилась розовая, покрытая капельками выступившего потом жира, тоненькими пластинами филигранно настроганная семга». Так же славно говорится о других, менее рыбных блюдах и напитках. Это можно читать исключительно на сытый желудок — во избежание проблем с собственным пищеварением...

Развитие сатирического духа романа чрезвычайно многослойно. В некоторые моменты на первый взгляд подтекста не замечаешь, но вдруг что-то озорное мелькает «из-под платка», и, зацепив взгляд, заставляет перечитать абзац снова. Тогда возникает эффект «зеркала в зеркале», и в многочисленности отражений проявляет себя хитрая писательская зоркость. Как волдырь, выпирает самомнение героя, основанное, при внимательном рассмотрении, лишь на поговорке: «Никто не доволен своим состоянием, но всяк доволен своим умом».

То ли это плата за индивидуально-личностное мышление, дарованное Богом и природой, то ли элементарный эгоизм, но многие люди чересчур искренне себя уважают, полагая, будто вправе разить других, в том числе *прежних* (то есть старшее поколение), презрительным мнением. Забывают, забывают о сущей заповеди «не суди, — да не судим будешь».

Обдумывая идею по продаже души, архивист убежден: уж его-то производство желаний заработает с неслыханным ранее к.п.д.: «...не получилось у этих фаустов... ибо они сами не знали, что им нужно, метались и искали, а я разве ищу?.. Ясно, чего хочу. Я не Фауст с его ментальным немецким скудоумием... Вот уж истинно: на меня благодать сойдет и на мне останется!..» Этим и поддел каверзный чертенок Аседон-младший интеллигентного и добропорядочного обывателя Виктора Ильича.

Я успела слегка намекнуть, какие-то дивные фантазии в первую очередь озадачили голову нашего честного труженика. Заполняя свой холодильник, он призвал себе в услужение «любимого» и придирчивого, вечно недовольного им начальника, а именно директора Архива, по полной программе насладившись его унижением. Убеждена, что *кое-кто* из читателей в сладостной мечте нервно потирает руки. Не зря в некоторых странах додумались до сотворения начальственных чучел, чтобы работник любого ранга имел возможность разрядить нервную систему глумлением.

Объевшись, однако, до крайней несоразмерности, бедный Виктор Ильич потерпел желудочный конфуз перед лицом своего чиновного лакея, тем самым продемонстрировав, нагляднее некуда, заурядность своих первоочередных желаний.

Начало истории, случившейся с несколько заплесневевшим от скучной обыденности архивистом, датируется тысяча девятьсот восемьдесят вторым годом. Время это по сути непростое. «Привычкой, данной нам свыше», стали достижения героев-энтузиастов революции и Гражданской войны, подернулся туманом повседневности пафос послевоенных, истинно величественных подвигов по восстановлению в небывало короткие сроки, разрушенных в боях городов и сел, на фоне чего были совершены фантастические прорывы в науке и технике. Искусство, сопровождавшее все поразительные деяния людей и отличавшееся бодрой яркостью воспроизведения реальности, к концу семидесятых уткнулось в некий барьер усталости обывательских масс от взрывного накала стрессовых ситуаций. Критики, позевывая, стали требовать от новоявленных авторов творчества, лишенного эмоциональности, хотя еще содер-

жащего идеологическую подпитку. Подобное сочетание сродни стандартизированному учебнику: может, оно и полезно, но скучновато. Отсюда у средне интересующихся искусством и литературой граждан, — а их-таки было большинство в социуме, — получил распространение миф, будто таланты поиссаякли, и все сколько-нибудь стоящее внимания замкнулось на классике прошлых лет.

Человек — существо, не то чтобы разумное, скорее, упрямое, недоверчивое по природе. Сверх того, наказанное, попустительством Божьим, обузой сомнения, короткой памяти и жадности. В День Победы в сорок пятом, на развалинах домов люди, обнимаясь, твердили друг другу, — мол, теперь, когда нет войны, их уделом будет только счастье, отстояли жизнь и свободу, остальное пустяки. Минуло, однако, менее четырех десятков лет, — и стали раздражать мелкие, в сущности, недостатки: очереди, неидеальность товароснабжения, шероховатости бытового обслуживания. Настоящий разум, то есть без элемента абсурда, отнесся бы к этому философски спокойно. В самом деле, логика проста: угроза жизни и свободе стремится к нулю, лечение и, по желанию, образование обеспечены, усиленная работа, отпуск и пенсия законодательно закреплены за каждым членом социума — и не только на бумаге, как, зачастую, в нынешнем XXI веке. Практически у всех есть жилье — немаловажный фактор. В сущности, если подумать, человеку больше ничего для персонального пользования не нужно. Ни малахитовых колонн, ни гостиных в сто квадратных метров с мраморным бассейном посередине. Это же очевидно! К тому же ясно, что иметь и содержать подобные излишества можно исключительно за счет ущемления прав и свобод других людей. Подлинная разумность существ, объединенных в общество, безусловно предполагает гармонию взаимоотношений между ними, при которой никому не придет в голову или покажется алогичной дикостью идея материально превалировать над кем-либо, хладнокровно наблюдая вокруг нищету, голод и невежество себе подобных. Я не проповедую здесь «левых» учений — и, упаси Бог, не пытаюсь данной фразой оправдываться в отношении приведенного выше утверждения. Подлинный разум априори лишен жадности и эгоизма, следовательно, наше самомнение неоправданно. Известно, что лучшие люди жили (и живут) предельно скромно, а полученные ими или заработанные избыточные материальные блага использовали (соответственно — используют) в помощь страждущим, либо для развития науки и искусства. Диоген вообще добровольно обитал в бочке, питался хлебом и водой, не отвлекался от сугубо мыслительной деятельности на вздорные мечты о том, что никому реально не нужно, — а именно, — о любом излишке, — и был вполне удовлетворен судьбой, как ни один олигарх! Небрежно просил великих мира сего только об одном — отойти от емкости, в которой отдыхал, и не загораживать ему солнце. Тем же, как бы они ни назывались — цари, шейхи, императоры, графы, мафиози или бизнесмены, — вечно чего-нибудь не хватает — двадцатой шубы для жены, тридцать первой яхты, сотого роллс-ройса — или разнузданного кутежа в Куршевеле, словно у них несколько десятков зябких тел или способность находиться и жить в нескольких местах одновременно.

Итак, — пример обжорства нашего историка доказывает истинность данного рассуждения. Кстати, Виктор Ильич демонстрирует неумеренность и в других своих желаниях, которым была дана воля в столь необычных обстоятельствах. На мой взгляд, — зачем ему так примитивно унижать своего начальника? Да, конечно, придирки на работе, директорский гонор, что, как известно, свидетельствует против наличия ума у человека — однако... Наслаждение местью подобного рода равняет героя с его заколдованной жертвой.

Впрочем, эти низменные забавы очень скоро надоедают архивисту. Измученный чревоугодием и прочими утешительными пороками, он создает себе, — разумеется,

усилиями рогатого помощника — остров академических знаний, заполняя книжным дефицитом материализующиеся из ничего стеллажи. Признаюсь, между строк я пострадала от зависти... Какие раритеты! Для настоящего любителя даже просто держать их в руках — приключение. Энциклопедии, философы, словари, поэты! Всех не перечесть, да еще букинистические, редкие издания...

Но Виктор Ильич скоро пресытился легкодоступной мудростью веков. Снова обуюло довольно-таки предсказуемое и малооригинальное желание — в Париж! Непременно с женщиной, молодой и необремененной избытком, — как ума, так и глупости. Надо отметить, что по дамской части автор явно и чрезмерно польстил своему герою. Будем считать это еще одной бесовской услугой.

Изложение сюжета перемежается рассуждениями, многие из которых заинтересовывают не меньше основной линии повествования. К примеру, иллюстрированная краткая теория струн. Сразу нырнула в Интернет за уточнениями.

Увлекательны и головокружительные экскурсии в историю, необыкновенно удачно внедренные Яшиным в общий ход романа. Сатирические разоблачения чиновных любителей выращивать фантастические генеалогические деревья, несанкционированно держать у себя дома коллекции трофейных экспонатов: «...Здесь были парадные кинжалы и шпаги штурмовиков и эсэсовцев, полный мундир группенфюрера, охотничья винтовка Маузера... подарочное издание «*Mein Kampf*», переплетенное в настоящую крокодилову кожу... Полный комплект наград 3-го рейха был аккуратно разложен на специальном стеллаже под стеклом...». Владелец перечисленной нелегальной роскоши восхотел с помощью знакомого архивиста заделаться родственником революционного героя. Желание вполне скромное и невинное, как показала в дальнейшем практика 90-х годов XX века. Мода, известное дело, бывает разной, не только на наряды, но и на предков. Одно время в тайности подыскивали себе дедов среди соратников Ленина, а к концу столетия индивиды, чьи лица, руки и стать несли на себе явные признаки древнекрестьянского происхождения, начали размахивать свежеезданными, золоченого тиснения, грамотами о дворянстве и потребовали величать себя светлейшими князьями. Подлинным же покойным родственникам осталось на том свете руками разводить да головами качать: «Ой, шо делается!». Сейчас-то многие уже застыдились порывов несправедливых, золоченые родословные попрятали до лучших времен и благоразумно не поминают о них.

К счастью, герой наш Виктор Ильич не отрекся от папы с мамой, обуздав нечистую силу, и даже провел им дефицитный тогда телефон, чтобы удобнее было справляться о здоровье, не выходя из дома. Пожалуй, некоторые из его желаний действительно имели смысл, достойный интеллектуального человека.

Впрочем, ловкий Аседон-младший не дожидался моей критики, чтобы хорошенько поддеть возгордившегося архивиста. Спровадил он своего клиента со свитой в пивное государство — хотел, вероятно, показать, кто все же хозяин положения, да и отдохнуть не мешало от ненасытности героя. Пришлось Виктору Ильичу нахлебаться в загадочной стране не пенной, приятно горящей жидкости, а рукотворных и абсурдных неприятностей. Скучно жил нелепый местный народец, прославляя напиток, которого и не нюхал. Представляется мне, что показал таким образом автор в своей книге, — мол, не всегда смертный владеет ситуацией, частенько барахтается он в житейском болоте под воздействием давящих его обстоятельств. Зато и пришли в восторг участники приключения, когда удалось им вырваться из цепких объятий любителей несуществующего пива! «Человек радостен и оптимистичен... не в привычных роскошных и спокойных условиях жизни, нет, чаще в такой ситуации он впадает в хандру от каждодневного удовлетворения всех своих желаний. Но человек чувствует эйфорию, прилив жизненных сил... когда он временно отстраняется от комфорта,

но при неперменном условии: это удаление от привычной жизни временно и не очень надолго...».

Глядя, однако, на явный аналог упомянутого выдуманного государства в лице современного окружающего мироустройства, что погружается без промедлений и задержек в такую же пропасть абсурда и дикости, хочется стремительно закуклиться и в состоянии анабиоза переждать период невероятных изменений, которые свалились на бедные наши человечьи головы. Останавливает одно: если все поддадутся подобному желанию, этому не будет конца. Или, пожалуй, наоборот — мы финишируем без проволочек.

Сатира Яшина в рассматриваемом романе предстает блюдом, поданным читателю под крайне острым соусом. Кушайте, дорогие гости, для вас истины не жалко! Не стесняйтесь, берите добавки, — чем больше, тем лучше прочищаются мозги, засоренные плодово-денежной идеологией начала нового века. Может, начнут ворочаться в головах озарения по поводу того, что действительно ценно в нашем зачумленном социуме?

На мой взгляд, самое страшное сейчас — безразличие к слову в смысле его положительного влияния на происходящие события. Во все времена содержащий правду меткий афоризм был наказуем, так как попадал в цель, вызывал возбуждение умов, побуждал к активному действию. Речь обладала свойствами оружия. В нашу хитроумную эпоху судьба слова плачевна. Если оно честно исполняет свое назначение, то адресат сознательно гложет по принципу старой русской пословицы «собака лает — ветер носит». Не знаю, удобно ли жить-не замечать голос боли человеческой, строить храм за храмом, при этом безбожно и непомерно повышая плату за жилье, цены на самые насущные продукты, второпях, пока массы не опомнились, закрывая высшие учебные заведения и выгоняя на улицу сотни тысяч злосчастных недоучек без дипломов, успевших потерять несколько лет жизни на несбывшиеся планы и надежды.

Зато продажным словом пользуются те, кто сочиняет гнусные небылицы о прошлом, о героях и деятелях, по крупницам создавших еще вчера мощную страну, часами морочит головы людям вздорными программами о «бермудских треугольниках», явно бессмысленной мистике, отвлекая народ от вышеназванных насущных проблем. Жаль, что в словоблудии этом соглашаются участвовать некоторые, в прошлом — достойные и уважаемые люди: космонавты, летчики, артисты и т.д.

Молодец Яшин, снова и снова сыплющий колкие, кусачие вопросы за воротники оппонентов в своих книгах! Обидно одно — не высоко ставит он женский наш пол по части ума и рассудительности, если, конечно, исходить из мнений его персонажей — и не только архивиста Виктора Ильича. Ведь «цель всякой литературы — художественное отображение мира посредством индивидуального восприятия, причем пишущий может и прямо указывать на свою собственную индивидуальность, но может и преломлять это свое восприятие, накладывая на нее фильтры выбранного субъекта...» («В Час Волка», 2005 г.) Закон творчества непреложен: каждое создание мое есть я или часть меня. Наверное, здесь уместно поставить модный ныне смайлик? Пожалуйста, ☺ — Алексей Афанасьевич!

Трудно представить мир, в котором сатира не требуется, да и вовсе неуместна. Мир sentimentalный, возвышенный, справедливый и прекрасный. Люди в нем смеются мало и только от радости, больше улыбаются, приветственно или растроганно и умиленно. Пресно, как вареная картошка без селедки и огурцов соленых. Во избежание мы и живем наизусть, создавая друг другу условия, противоестественные по всем параметрам: физическим, духовным и нравственным. Способен петь? — ишь ты, не выйдет, ступай, голоси на кухне, глотая слезы и слушая, как по телевизо-

ру за тебя поскрипывает кто-то другой, поддерживая отсутствие вокальных данных на костылях компьютерных технологий. Мог бы стать архитектором? А вот мы закроем соответствующий институт перед самым твоим выпуском, дадим тебе справку, иди в чернорабочие, глупый мечтатель! Думаешь, есть у тебя жилье? Наивный! Давно продан дом твой оборотистому полнокарманному предпринимателю, забирай чад своих и проваливай под Новый год на улицу! Чего стонешь и жалуешься? Хоть кричи во все горло, никто не услышит и не заметит. Бомжуй себе с Богом!

И правильно. Жизнь устраивать надо так, чтоб и сатирикам было в ней место. Да здравствует столь великое разнообразие!

Возникает яркая ассоциативная параллель: «Час Быка» Ефремова — «В Час Волка» Яшина. Но первый роман предостерегал народ, показывая *еще* не существующую бездну, в которую есть вероятность скатиться, утратив здравый смысл и логику, а второй демонстрирует *уже* достигнутые на этом пути изрядные результаты. К сожалению, можно с удовлетворением констатировать, что свершения наши огромны и сомнению не подлежат. Алексей Афанасьевич не только с горько-соленым сарказмом сфотографировал безусловную истину построенного нами изуродованного социума, но и разъяснил подробности, обывательским глазом не замечаемые. Один вопрос крупными выпуклыми буквами взбухает при чтении яшинских книг: — Отчего народ наш, при возникновении проблем в обществе, стремится каждый раз начать с нуля, первым делом разгромить все «до основания...», и только затем?.. Неужели возможно за длинную череду столетий так и не понять, что прогресс состоит в развитии, умножении и совершенствовании — и ни в чем ином? Для этого не требуются ни преданность какой-либо идее, ни звездообразный талант, ни героизм высшей категории, — а лишь элементарный здравый смысл. При его наличии никакой Даллес никакими доктринами не смог бы навредить никому. Кстати, о самом Даллесе — редко-стно наивный был человек, на удивление, — неужели он всерьез полагал, что, если от души нагадить в отдельно взятой стране, то не провоняет весь наш малюсенький мир? Мы сейчас наблюдаем данное действие в изобилии, а дальше будет еще хуже.

Странное, однако, дело: в своем жилище человек, даже не особо одаренный и без энциклопедических знаний, вполне способен догадаться сменить выцветшие обои, не снося весь дом и не выстраивая новый. В масштабах государства работают те же простые закономерности, но почему-то тянет выгнуться поизощренней и укусить самого себя за хвост или другое дальнее место. «С подвыподвертом!» — как не без ехидцы говаривал по случаю один из моих учеников, — и был прав.

«Всю жизнь... включая десяток послепенсионных лет, трудился на «Красном кузнеце»... Антон Васильевич. И... Сергей Антонович, окончив в середине 60-х годов машиностроительный факультет местного... политехнического института, ни на минуту не сомневался в выборе места инженерной работы. «Держись, сынок, за заводскую трубу, в жизни не пропадешь», — с несколько фальшивым пафосом говорил еще студенту принявший по случаю праздника стопку-другую Антон Васильевич. Слова эти он где-то явно вычитал или запомнил из довоенного фильма. Однако вовсе не фальшивой, но здоровой и оптимистичной оказалась атмосфера жизни прославленного завода. Как впрягся тогда еще молодой специалист Серега Перелыгин в трудовую деятельность Специального конструкторского бюро при заводе, так и до сих пор, уже будучи почтенным пенсионером Сергеем Антоновичем, кавалером высокого ордена Трудового Красного знамени и лауреатом Госпремии СССР — за активное участие в постановке на серийное производство ракетно-пушечного комплекса для борьбы с американскими «томагавками», — не мог все опомниться, представить жизнь свою без заводских ворот, той же трубы, а более всего — своего родного СКБ. Такие вот *дураковатые*, на нынешний взгляд, люди и сделали СССР сверхдержавой». («В Час Волка», А. Яшин. *Выделено мной. — Н. Квасникова*).

Надо сознаться,— прошло немало лет моей жизни, прежде чем я с удивлением осознала, что люди мыслят неодинаково, и все же катастрофический недостаток логики во многих умах удручает меня и поныне. Слепая, даже какая-то почти подобо-страстная вера в стереотипы, в одурманивающее вещание различногоголосых СМИ — без фильтра анализа информации в мозгу. Съедобно все: 1) выпуклоглазые инопланетяне, передающие послания со смыслом мирового значения бродягам, пенсионерам и разорившимся фермерам, так как высокий космический интеллект не позволяет звездным гостям догадаться, что гонцов данной категории охотно выслушают только психиатры да корреспонденты пустопорожних программ и журнальчиков для одурманивания населения; 2) кровавые мальчики, преследующие студентов-квартиросъемщиков, польстившихся на малую месячную плату; 3) ведьмы-соседки, наводящие порчу на каждого, кто отказался однажды помочь им вынести мусор; 4) небезызвестная политическая дама, до сих пор ядовито плюющая в сторону не только прежних, но и сегодняшних — безобидных, сильно обесцвеченных коммунистов, обвиняя их даже в очередных плачевных результатах нынешней реформы образования; 5) вечерние телепосиделки артистов, в пресловутое советское время добравшихся из своей родимой глухомани до столицы, наполовину пешком, наполовину на перекладных, после чего — сходу, только за талант, бесплатно поступавших в лучшие театральные вузы страны; шоу, на которых они бранят нещадно те годы за мелкие обидки и досадки типа «не разрешали танцевать твист», натужно выводя из этого политическую подоплеку и ущемление личных прав и свобод. Подумали бы лучше о том, каково бы пришлось им сейчас, если б надо было начинать с нуля — и без немалых денег. А еще подумать бы насчет элементарной благодарности... Впрочем, даже Христа поблагодарил только один из исцеленных им двенадцати прокаженных.

Об этой вывернутой наизнанку жизни, неумной и, по сути своей, противоестественной тяге к деньгам, ради которых даже матери готовы торговать своими детьми, болят сердца несчастных сатириков. Накрыл людей Час Волка, и предостерегающе сгустились сумерки над человеческим разумом, причем не в отдельно взятой России, но, как и должно было случиться, в половине всего мира. Однако в данном трактате нас интересует прежде всего собственная участь, что обусловлено специфическим эгоизмом, внедренным в наши души упомянутой доктриной Даллеса. Опять Вам слово, Алексей Афанасьевич. «...— Хотя и жизнь сейчас непонятная, порой страшная, но хоть товарное изобилие наступило, не надо по три часа за колбасой в очереди толкаться или из Москвы сумками волочить.— М-да. Оно, может, и так, но вот недавно в той же Москве на конференции... встретил... приятеля; он главным диетологом в одном из управлений Минздрава трудится, в люди вышел. В перерыве... он мне и рассказал про все это изобилие. Ничего хорошего. Пищевая химия одна...».

А несколько случаев смертельного отравления московских подростков напитками — так называемыми «энергетиками»? Разве до начала торговли указанным товаром никто не подозревал о подобной возможности? Трудно в это поверить. Как там, у наивного директора ЦРУ, сказано?

«...Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые... Мы найдем своих единомышленников в самой России...».

Все эти равнодушно-циничные предприниматели да продавцы и есть добровольные единомышленники, причем по самовырождению и самоуничтожению, врагу на радость. Помнится, было у меня в закромах стихотворение по теме:

*Жила-была Марья Андревна,
Возила грибы из деревни,
Торгуя сушеным товаром*

*По улицам, паркам, бульварам,
Копила приданое дочке,
Готовя к продаже грибочки.
Грибы же росли вдоль канавы
Со стоком для местной отравы.
Дочь выросла, в темпе ударном
Привозит из города парня.
Недолго решается дело,
Замужняя жизнь полетела,
И к сроку рождается внука...
Без ножки она и без ручки,
И к Марье Андревне соседка
Заходит поохать нередко.
За что ж им такое несчастье?
В судьбе наступило ненастье,
Горюет любимая дочка...
А зять? Обожает грибочки!*
(«Урбанистическая трагикомедия»,
Н. Квасникова, 2004)

На данном оптимистическом примере, показывающем уже вполне зримые и даже осязаемые перспективы отечественных «единомышленников» Даллеса, я завершаю первую главу этой маленькой повести.

ГЛАВА 2. ЛИРИКО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ

Теперь мне бы хотелось задержать внимание гостя-читателя на биографических фактах, приведших моего главного героя, Яшина Алексея Афанасьевича, к тяжелому и неблагоприятному, а главное,— убыточному в наше несуразное время занятию литературным творчеством. Опять же,— что там говорится, в пресловутой доктрине?

«...Из литературы и искусства мы... постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием... тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс...». Хочется отметить, с изысканным чувством искреннего удовлетворения, что нынешние сложности — рытвины и ухабы на избранном пути не помешали А.А.Яшину двигаться заданным им курсом, преодолевая всевозможные помехи. Тем больше ему чести, коли с такой труднопроходимой дороги до сего дня не сошел...

Итак,— детство. Несомненно, счастливое, хоть и не легонькое. Впрочем, невесомость никогда не была характеристикой счастья. Крепко шагал по северной земле этот «мужичок с ноготок», чувствуя за собой надежный семейный тыл. Четыре брата, отец с матерью, рукастые, работающие, детей к труду сызмала приучающие. Заботы у ребенка еще с уклоном в игры, но уже с перспективой большой взрослой жизни. То со старшим братом измеряет маячный остров Седловатый, то отец учит его, как отливать дробь из свинца, то, кроша перочинным ножиком известковый камень, он с интересом рассматривает отпечатки доисторических организмов. Будущее созревает в нем постепенно, как и полагается, предвещается интересным, но полным полезного труда и соответствующих достижений.

Не то теперь, когда родители, чья психика изломана бессмысленно-агрессивными триллерами, одуревшие от дневной непроизводительной работы менеджерами по набиванию карманов и от ночных компьютерных игр, покупают сыну или дочке еще

один такой же агрегат. С трех-четырех лет ребенок оказывается прикован к монитору с клавиатурой, теряя нервы и прочее здоровье, лишь бы занят был и не мешал маме с папой «отдыхать» в Интернете. Вырастает манерное создание, не знающее толком, кто оно, всегда уставшее, так как питается непонятно, чем (маме особо готовить некогда и неохота), себя не любящее, но цепляющееся за существование, в котором, однако, ничего радостного нет. Радость жизни, как известно, возникает от наличия цели, голова работает над изобретением способов ее достижения, в этом процессе рождается и развивается человеческая личность. Кроме того, сама цель должна быть хоть немного повыше счета в банке, а не тупо упираться в него. В результате один индивид использует накопления, чтобы увлеченно исследовать очередную гробницу фараона, и проводит отпущенное ему время интереснейшим образом, то есть не зря, а другой понятия не имеет, куда ему эти деньги девать, и едет от скуки в Куршевель, где так смачно «оттягивается», что оставляет после себя только вонь и отвращение, а то и преступление, причем все именно по причине скудости ума.

Детство Алексея Афанасьевича пришлось на тот период двадцатого века, когда смысл жизни не требовал нелепых и головоломных рассуждений, он был очевиден для большинства населения нашей огромной страны. Подчеркиваю: *был* очевиден, а не казался таковым. Деяния наших соотечественников созревали быстро и поражали мир своей значительностью. Несомненно, и путь моего героя неслучайно увенчан многими достижениями, как в науке, так и в литературе.

Немало страниц своих книг Яшин посвятил реалиям собственной судьбы, создавая портрет эпохи. Помимо вполне автобиографической повести «Страна холода», не менее интересны с этой точки зрения его рассказы (сборник «Трамвайное кольцо», 1999). К примеру, в «Прогулке с переправой» три брата убегают на выходные из интерната домой, отчаянно стосковавшись по родителям. Отец и мать живут и работают на островном маяке, дети учатся в городе, подолгу не видят их, скучают по ним. Грянула непогода, дорога небезопасна, но разве настоящих северных мальчишек такими пустяками остановишь? *«Поверху стлалась поземка. Впереди белел, сколько глазам хватало, снег пологого спуска с двумя парами ... протоптанных следов. Еще дальше, за полоской темной воды, еле виделся наш остров и только спичечный коробок маячного дома с горошинами хозяйственных построек. Сердце заколотилось, но стуком веселым, не щемящим. На душе так легко стало, что щеки и нос перестали чувствовать, как неприятное, сечку жесткого, оледеневшего, сорванного ветром с наста снега поземки. Гуськом, наклонив лица, упрятав их от жгущего, как оводы, снега, пошли по протоптанным следам...»* Путь домой... Трудно представить, что кто-нибудь не поймет этого упрямого стремления, свойственного не только ребятишкам, но и очень многим вполне взрослым людям. Едва авторский язык отходит от сатиры и сарказма, в атмосфере которых обитают персонажи таких крупных романов, как «Историк и его история», «Любовь новоюрского периода», «Видение на Патмосе», теплым крупнозернистым словом говорит он обо всем, что свято для человека и не подвержено язвительной насмешке. К ночи, пройдя сквозь пургу, преодолев настоящие опасности, — мальцов чуть не подстрелили охотники, принявшие издали мелькание рыжей меховой шапки одного из братьев за прыжки росомахи, — ребята оказываются дома. Напившись горячего молока, младшие спят. А старшему, подростку, не до того. «Я вышел в коридор и пробежал, скользя в шерстяных носках по гладкому чистому полу, до веранды. ...Ветер затих, снег перестал падать, а по небу, вспыхивая и стреляя разноцветными стрелками, со вселенским трескучим шепотом играло северное сияние. Дыхание перехватывало от счастья...» — заканчивается рассказ.

К сожалению, наша нынешняя жизнь не слишком располагает к сантиментам, и, видимо, поэтому перед читателем Яшин-лирик открывается редко. Жаль. В этом литературном амплуа он не менее интересен, чем в образе бескомпромиссного сатирика.

Год за годом нанизывались на стрелу времени, детство моего героя заканчивалось, на горизонте судьбы во всю ширь встал вопрос о выборе будущего места в жизни и в истории. В то время, впрочем, идея стать писателем не приходила ему в голову. Иные были приоритеты.

«Самая веселая жизнь началась с 9-го класса,— сообщает Алексей Афанасьевич в «Опыте автобиографии»... Учителя поступили мудро: кто, по их мнению, собирался... поступать в вузы, того определили практиковаться... на телеграфиста... умеющего передавать на ключе и принимать на слух азбуку Морзе...» Наставник, А. В. Калинин, был радиолюбителем и сумел увлечь этим делом своих учеников. В результате,— уверена, не у одного Яшина, но и у большинства его товарищей, кем бы они в конце концов ни стали,— «самые золотые воспоминания отрочества и начала юности — ...школьный радиоклуб с гордым позывным UA1KUZ». Немудрено — коротковолновый ученический сигнал перекрывал в эфире мощное американское вещание. Следовательно, выбрал мой герой радиотехнический факультет политехнического института в Туле. К тому же и родители его решили оставить северную службу, обосновавшись, по воле обстоятельств, именно в этом городе...

Человек, желающий много знать, обретет знания. Яшин полностью соответствует этому определению. Не ограничившись первым высшим образованием, Алексей Афанасьевич поступил учиться в Ленинградский университет на математикомеханический факультет. Но потом вспомнил-таки пророческие слова своей школьной учительницы русского языка, которая, случалось, вслух зачитывала в классе его сочинения: «Поверь мне, к этому ты еще в жизни вернешься», взял, да и окончил в 1981 году Литературный институт имени А. М. Горького.

С Алексеем Афанасьевичем мне довелось познакомиться в 2009, притом заочно. В журнал «Приокские зори», им возглавляемый, я робко отправила подборку своих стихов, которые были опубликованы в первом номере указанного года. С тех пор названное издание приняло под сень своих страниц мои рецензии, статьи, рассказы, поэмы и т.д. Сама же я с неослабевающим интересом изучаю все выпуски журнала, который, кстати, растет и развивается, несмотря на многочисленные сложности и препятствия,— в огромной степени благодаря усилиям, энтузиазму, таланту и энциклопедическим знаниям своего главного редактора.

В некоторых следующих главах настоящей повести я планирую вступить в спор с моим уважаемым героем по поводу несогласия с некоторыми его мнениями, встреченными мной в его жестких, злободневных и едких произведениях, что, впрочем, не мешает мне остро интересоваться ими.

ГЛАВА 3. МИСТИЧЕСКАЯ

— А расскажите-ка нам, дражайший Николай Данилович, как угораздило Вас прирасти к мебели в родной конторе? Конечно, сидячая работа, многолетняя деятельность сомнительной полезности, инерция городской жизни... Однако, согласитесь, идти против законов природы в некотором роде неприлично. «— Да я что-то...— начал было Николай Данилович и... с натугой попытался вырвать себя из стула, но случилось необъяснимое и от полной непонятности страшное: чуть было распрямил ноги, а спинка стула больно надавила на лопатки. Он инстинктивно дернул было руку за спину — дотронуться до больного, сдавленного чем-то места на лопатке, но локоть не оторвался от столешницы. То же было со второй рукой. Не в силах более стоять на подогнутых ногах, нелепо упершись локтями в стол, словно магнитом притянутый, сел и услышал, как стул с двойным стуком ударился ножками об пол».

И завихрились в заведении события поистине волшебные. Набежали-понаехали врачи, с увлечением исследующие аномальный случай. Сросся трудовой элемент со своим законным рабочим местом так, что и очередной отпуск вынужден был провести без отрыва от делопроизводства. Кажется, автор дает нам повод посмеяться над бедолагой, но кой-какие детали повествования останавливают веселье. Здесь больше сарказма, чем сатиры, и улыбка, хоть не исчезает совсем, но принимает неправильную, несколько искривленную, форму.

В романе «Видение на Патмосе», приснившемся автору подобно пресловутой таблице Менделеева, именно с этого эпизода, жуткого до смешного, начинается развитие событий. В чем, собственно, проблема? А суть дела, оказывается, в привычке. Не забыли еще, как Пушкин говорил (кстати, тоже не без иронии)?

*Привычка свыше нам дана,
Замена счастью она.*

До того часа, как злополучный обыватель Николай Данилович прилип к определенному ему насмешницей-судьбой месту в пространстве, миновали несколько коротких, но существенных вех в развитии нашей страны. Все они существовали в атмосфере живой идеи, сопровождавшейся активной человеческой деятельностью. некогда было присесть для коротенького отдыха, не то что прирастать к стульям и столам. Но период равновесия настал — с присущей ему неотвратимостью. Люди, воспитанные для подвигов и свершений, увязли в тихой и нудной конторской работке, обленились, объевшись покоем. У большинства не возникало больше нужды в применении лозунгов и призывов, которые, примелькавшись, утратили свою звучную сущность. Размеренные бумажные труды не требовали избытка энергии. Как следствие, зашебуршились в головах капризные тараканы мыслишки типа: — *У нас очереди за колбасой, а у них нетути!* Я ездил в командировку, *сам* видел!

При этом загадочнейшим образом из поля зрения упускается пустяковый, вроде бы, нюанс: названный продукт *там* стоит столько, что почти некому его и покупать. В настоящее время мы аналогичным способом успешно ликвидировали очереди в отечественных магазинах. Однако восторги по этому поводу случаются и по сей день... Как это у Яшина? «Женщина... рядовая бухгалтерша... восторгается: дескать, ...скверно мы жили при коммунах...— Выстоишь очередь, купишь десять кило колбасы и буженины и холодильник под завязку набьешь. Зато сейчас, хоть и дорого все, но безо всякой очереди подойдешь к прилавку и купишь граммов сто колбаски к празднику...».

В праздничной телепрограмме «Следствие вели...» от второго января 2013 года прозвучали заверения известных артистов и прочих сатириков, что в брежневский период прошлого века в нашей стране имел место дефицит наиболее вкусных и полезных продуктов. Осетры, дескать, в суп рядовых граждан даже не заплывали, а народ, мол, питался исключительно килькой в томате. То ли дело сейчас: госпожа учительница французского языка на свою пенсию легко и свободно приобретает целых две (нет,— три!) луковицы и полбуханки черного хлеба, чем ужинает не менее четырех вечеров подряд, ведь ей не реже одного раза в месяц необходимо заплатить за рассыпающуюся, но не признаваемую аварийной квартирешку треть жалкой государственной милостыни, которую безглаголиво выдает ей не всегда приветливая работница почты. Почему день сегодняшний столь мало волнует ведущего программы Леонида Каневского? С чего так страдает он, подсчитывая давно съеденную советскими гражданами кильку, играя при этом в жмурки с нынешними проблемами, каковые,— не вчера, а сию минуту,— буквально душат среднестатистического человека?

Во времена, которые ныне с необоснованным презрением обзываются «застоем», рядовой человек жил совсем неплохо, и я тому свидетель, несмотря на любые СМИ-

верещания. Но вернемся в контору к пострадавшему от рутины и обывательщины Николаю Даниловичу. Когда врачи взялись за него с присущими им энтузиазмом и любовью к своему делу, обнаружилось еще более страшное следствие уникального случая: герой не только прирос частями организма к названным предметам казенной мебели, но и составил с ними неделимую плоть! «...Николая Даниловича больно царапнуло, вслед за тем острые, длинные царапины стали терзать тело, и он, почувствовав, что раны от царапин заливаются выступившей кровью, сдавленно застонал. На его стон встрепенулась стоявшая справа ...докторша, что в рассеянии водила длинным ногтем по крышке стола. Была она в сквернейшем состоянии, в котором только и может быть с утра молодая женщина, разругавшаяся со свекровью, поэтому всю оставшуюся не выплеснутой в утренней сваре злость вымещала на фанерной крышке, глубоко царапая ее ногтем.

Услышав стон, она тотчас перешла в осмысленное состояние и убрала руку со стола. Николай Данилович вдохнул судорожно, режущая боль прекратилась, осталось только тупое нытье свежей раны...»

В очевидную и необычную беду вовлек автор-свидетель своего героя. То-то потирал волосатые ручонки хитрый Аседон-младший — его фокусы, не иначе! Пришлось злополучному столоначальнику приспособливаться к новому, уникальному способу существования, служа одновременно интересам изумленной медицинской науки. Поначалу, когда отпустил первый испуг, человечку даже понравилось ощущать себя в центре всеобщих забот и внимания, — в некотором, конечно, смысле. «Быт его устроился как нельзя лучше. ...Можно предположить, что ...идеальные устремления души Николая Даниловича к покою, удобству, размеренному ритму легкой и неомрачаемой жизни в нынешней ситуации исполнились. Уже мало кто в канцелярии задумывался о страшной неподвижности их сослуживца. Начальник позволял себе покрикивать на него, обнаружив опрометчивую описку ... в ... отчетной ведомости. ... Зимой Николаю Даниловичу было не холодно, летом не жарко...» В этом состоянии герой находился довольно долго. Привычка вернула ему спокойствие и уверенность. Пышно отмеченный юбилей, — тридцать пять лет конторской деятельности, включая, разумеется, стаж неведомой болезни, — ободрил виновника торжества и вдохновил на продолжение трудов праведных без перемены места. Осчастливили его также должностным повышением — с увеличением оклада. Нашлись и завистники — казалось бы, удивительно, чем в данной ситуации можно соблазниться, но мы-то с вами знаем, что многим людям свойственно желать чужого блага, пусть даже это золотой гроб.

«— С ума от радости наш Данилыч спятил... Станешь тут важным, если тебе четвертной сразу накинут, гарантированную повышенную премию да при этом будешь только... груши околачивать!..»

Временами, невзирая на удобное существование и карьерные изменения, больной испытывает неприятные и странные ощущения, которые пугают его. Душа холодеет от невятного предчувствия, а тело пробирает озноб. Беспокоят малообъяснимые сны.

Один эпизод, который наблюдаем, вслед за автором, только мы, читатели, раскрывает перед нами всю сатирическую подоплеку этого повествования. Начальник внезапно сообщает о приезде в их канцелярию комиссии, уполномоченной проверить конторскую деятельность. В распоряжении коллектива всего три дня. Бросив бумаги, служащие с энтузиазмом принимаются за... обыкновенную уборку. Они трудились «... с остревением, соскучившись по настоящей человеческой работе, приносящей осязаемую вещественную пользу: мыли до сверхпрозрачности оконные стекла, скоблили плинтуса, ...терли запачканные столы. Прекрасно выглядит человек, занятый естественной работой — головой ли, руками...» — уже без малейшей иронии замечает Яшин.

Николай Данилович не остается в изоляции от общего дела. Сначала он, насколько способен двигать руками, наполовину приросшими к столешнице, вытирает пыль с ближайших поверхностей. Затем решает заняться чисткой аквариума. На этом этапе происходит очень показательное чудо. «...Когда приспособление оказалось бессильным выудить ...перегнившую водоросль, он *встал со стула... вытащил комок скопившейся грязи, ...перешел через всю комнату, выбросил в ...ведро. Затем поддержал покачнувшуюся стремянку Петрова... вприпрыжку сбегал в кочегарку* (за водой для сослуживицы), *...покачал насос распылителя... а потом вернулся к себе, сел на свое кресло-стул, поставил локти на те же самые пятна стола* и обрел обычное состояние. ...Ни он сам, ни увлеченные редкостной настоящей работой канцеляристы — никто не заметил происшедшего с Николаем Даниловичем...» (Курсив Яшина А. А. — примечание Н. Квасниковой).

Однако трудовой порыв налетел, как ветер, и пропал. На улицах города развивалась осень, а в конторе продолжилась бумажная рутина. Психологические тучи начали сгущаться над учреждением. Один из служащих внезапно похудел, пожелтел и умер, обозначив таким образом надвигающийся новый этап в существовании канцелярии. Несколько человек, почуввав дискомфорт в общей атмосфере, поспешили уволиться или перейти на другую работу. Это были счастливики. Оставшиеся впали в апатию, все больше тяготели к сидячему положению и — свершилось! «ВСЕ ПРИРОСЛИ!! Во всем учреждении...»

Прочтя эту многозначительную историю, вспомнила одного из студентов, учившегося одновременно со мной в институте. Он с увлечением не раз декламировал мне, в те годы хорошенькой первокурснице, сочиненную им инструкцию к столовой ложке. Незабываемо хохотала, считая его творение шуткой. Однако сочинитель всерьез обиделся на меня. Сообщив, что по причине врожденного легкомыслия понять важность его дела я не способна, молодой человек прекратил свои ухаживания и вскоре женился на другой, более солидной, особе. Не могу сказать, будто хоть сколько-нибудь была огорчена...

К сожалению, роман-сновидение не просто сатиричен, по мере развития действия в нем все отчетливее проступает чеканный профиль Мельпомены. Судьба людей приобретает черты трагедии тогда, когда утрачивается здравый смысл в человеческой деятельности, устремления становятся примитивно вещественными, а способы достижения желаемого выходят за рамки уважительного отношения к каждой отдельной личности, встречающейся на пути к цели. Несмотря на простоту данной идеи, неоднократно сформулированной философами и мыслителями самых разных племен и национальностей за множество прошедших веков, она тяжело укладывается в сознании индивидуумов. Трудно сказать, в чем причина. Я пробовала общаться по этому вопросу с людьми разных возрастов и обнаружила, что большинство легко осваивает первую часть упомянутого утверждения, а именно уважение к себе. Вторую половину обычно пропускают мимо ушей, хотя в ней заключена вся соль математически выверенной структуры человеческого бытия. Убеждена: осмысленное, здоровое и логичное существование цивилизации возможно только при условии благополучия каждого члена социума планеты, вариантов нет. Если условие не соблюдается, — что мы имеем в течение всех предыдущих веков по настоящее время, — исключая некоторые короткие, но показательные для истории периоды, — то жизнь может носить лишь псевдоразумный характер. Вывод: человечеству в целом едва ли есть, чем гордиться. Занудное, переходящее из века в век стремление к мировому господству, навязывание идеологий и религиозных воззрений, рабовладельчество и крепостничество, длящиеся столетиями, омерзительная и ничем неоправданная жестокость к животным, проявляемая до сих пор, примитивные войны, основанные на

желании уничтожить чуждый народ, стереть из памяти человечества созданную им культуру и его язык,— а после выковыривать из праха битые горшки и ночные вазы, бережно собирая их в музеях... Чудовищное непонимание того, что все творения людей суть достояние и величайшее богатство цивилизации...

Вероятно, Аседон-младший смог бы высказать свои возражения на этот счет, если бы нас заинтересовало его мнение, которое, несомненно, вполне содержательно, но мы ни о чем у него спрашивать не будем.

ГЛАВА 4. О ЖЕНЩИНАХ И МУЖЧИНАХ

...Яду мне, яду!..

М. Булгаков

...да побольше!..

Н. Квасникова

Беседуя о различных аспектах жизни, нельзя не уделить несколько страниц любви. В наше время любовь — очень вместительное понятие, настоящий трансформер. Еще в восьмидесятых годах XX века этим словом обычно именовалось сильное чувство привязанности между двумя взрослыми людьми разного пола, в основе которого частично лежало сексуальное влечение, однако немаловажное значение имело не менее сильное стремление к духовному общению конкретных мужчины и женщины друг с другом.

Если внимательно взглянуть в сложные переломные исторические моменты, то сразу видно, что данная сторона жизни наиболее уязвима и страдает в первую очередь. Мораль съезживается до крайне малых размеров, непременно объявляется свобода нравов и начинается разгул взбесившегося инстинкта,— но не продолжения рода, а необъяснимой тяги к самому грязному разврату и неразборчивости. Рожденное в таких условиях молодое поколение вырастает обделенным всеми лучшими человеческими качествами, в том числе практически лишено возможности быть счастливым. Мы приложили массу усилий, чтобы лишить наших детей того, к чему сами стремились всю жизнь, что нам, хоть и в разной степени, но довелось испытать, и, объявив чистоту и искренность чувств наивом, подменили их эгоизмом, цинизмом, пошлостью, а во многих случаях полным бессердечием. «Подсчитали — прослезилась», однако, расхлебывать придется долго.

Впрочем, началось это исподволь и отнюдь не в «проклятые девяностые». Гораздо раньше. В предреволюционные годы, на заре XX века, над закипающим варевом зарождения нового социума уже вспучивались болотные пузыри разлагающейся живьем нравственности. Уменьшилось количество тележных за счет возрастания численности бессоновых. Кто читал роман или смотрел кино «Хождение по мукам» А. Толстого, тот знает, о чем я. Было же время, когда яростный, но восторженный Маяковский маршировал в одном строю с единомышленниками, и все в мундире Адама. Даже эти скоропостижные нелепости опирались на многострадальное понятие «любовь».

Мой герой, Алексей Афанасьевич, много и с жестким состраданием истинного сатирика пишет о ней, о месте, которое она занимает в судьбе всякого человека. К примеру, роман «Любовь новоюрского периода». Издалека начинает автор, с тех лет, когда, казалось бы, никто не подозревал об исподволь надвигающихся катастрофических изменениях. Некий среднестатистический Геннадий, абсолютный продукт 70—80 годов XX века, молодой преподаватель гуманитарных дисциплин, стандартно вершит свой жизненный путь. Не то чтобы он как-то особенно развратен, вовсе нет,

однако, по принадлежности к мужескому полу, свободно чувствует себя в мире секса. Впрочем, в компаниях попадают к нему и такие же не скованные избыточной моралью красотки. Не слишком смущают их наличие двух и более параллельных отношений. «Душа каменела... Так прошло два месяца. ...Все промелькнуло в пьяном — больше не от вина, но от разнузданной чувственности,— угаре. ...Сердце давно молчало, как бездушный часовой механизм. Похудел, как мартовский кот...

Порой чувствовал себя подлецом, но чаще преисполнялся сознанием гордости — гордости двуобладающего самца...» Точнее не скажешь — человеком он в этот период и не был, потому и ощущения его трансформировались соответственно. Прошло благословенное время 30—60-х, когда в нашей стране преобладало стремление обоих полов к целомудренному образу жизни. Уместно привести здесь цитату из воспоминаний Клары Цеткин о беседах с Лениным: «Некоторые теоретики пытались тогда утверждать, что любовь сводится к инстинктивному удовлетворению физиологической потребности. Они, оправдывая разврат и половое влечение, не регулируемое никакими общественными нормами, ссылались на то, что сексуальный, половой инстинкт, физиологическую потребность можно так же просто удовлетворить, как жажду водой из стакана. «Я считаю,— говорил В. И. Ленин,— знаменитую теорию «стакана воды» совершенно немарксистской и сверх того противообщественной... Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона... В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой... В любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу». Эта пресловутая теория «свободной любви» давно вышвырнута за борт истории, но порой рецидивы ее в виде половой распущенности и безнравственного поведения кое-где еще проникают в наш быт, пагубно влияя на некоторую часть нашей молодежи».

Увы, мы не только, как нерадивые работники, перестали вывозить мусор, но и в приступе нахлынувшего безумия принялись восхвалять и возвеличивать его, именую вонь и смрад здоровым, свежим и нежным ароматом. При этом исхитрились оплевать и в азарте софистического восторга развенчать почти всех мудрецов прошлого столетия. Но неужели и теперь, упорно ступая по граблям изо дня в день в течение более двадцати ближайших лет, так и не научились ценить явную неопровержимость большинства их выводов? Дело-то не в чьей-либо идеологии, а в наличии элементарного здравого смысла.

Но, вероятно, я слишком раскипятилась нынче, ибо кто им, то есть здравым смыслом, руководствуется в наше бестолковое время? Только бы любовью не именовали действо, никаким боком к ней не относящееся... и вот результат: замудренно-циничная житейская философия, кратко и емко сформулированная тещей Геннадия Красилина, обществоведа. Адресовано его жене, но мы прочтем: «...Всегда будь готова к отражению атаки, ибо мужик, даже самый распрекрасный, по... биологии бабник, или, говоря толерантным языком — полигамен. И задача каждой самки, извиняюсь — женщины, это сочетанием кнута и пряника удержать мужчину до тех пор, пока его «левый» интерес ходака не переключится с возрастом на что-либо другое: шахматы, коллекционирование книг или марок, умеренное пьянство и так далее». Исходя из опыта, полученного в романе «Историк и его история», полагаю данное рассуждение малосостоятельным. Помнится, обитатель упомянутого произведения чтением весьма увлекался, но и прекрасных дам из виду не терял.

Для начала, думаю, любая из нас должна с собственным статусом определиться — самка она либо женщина. Что же касается мужчин, встречались мне изредка те,

кто говаривал за чашкой чая: «Все устроены одинаково, так зачем же обижать человека?» Имелась в виду наличествующая супруга. Не возьмусь ничего опровергать, поскольку досе на указанных людей в руках не держала, и оснований для недоверия у меня нет. Однако роскошный супермен Гена Красилин в романе, именуемом «Любовь...», который и после женитьбы не стеснялся ходить, подобно ферзю, налево-направо, вперед-назад и по диагонали, к категории тех редких индивидов явно не относится.

Как женщине, мне всегда было неясно, по-видимому, в силу интеллектуальной, по признаку пола, недостаточности, откуда у большинства мужчин такая неразборчивость и отсутствие элементарной чистоплотности в интимных отношениях. Наступит в свеженькую телячью лепешку, еще почти стерильную, поскольку только что покинула организм,— исплюется, изворчится весь, искорчится, отмывается часами, бедолага, а потом полдня ходит, носом крутит, плохое настроение на жене и детях срывает. Но едва увидел сговорчивую Зинку или Ирку, покрывшую более или менее искусным макияжем сильно подержанное личико,— и на все готов. Потом он же еще презирать ее будет, хотя, по логике, цена ему, в лучшем случае, та же самая, а в реальности гораздо ниже. С чего мужская братия вечно себя иной мерой меряет? Никто меры не определял никогда, сами так решили.

В мировой литературе встречается — изредка — тип женщины с мужским, прагматичным либо чисто биологическим, отношением к данному понятию любви. Кармен, к примеру. Приходит в голову Маргарита Готье, но это, пожалуй, уже иной вариант. Любила-то она бедного, а «кушать хочется всегда...». И все же в жизни, если у женщины есть к кому-то чувство, искать мимолетных удовольствий на стороне она не станет — в отличие от сверхблагородного сословия мужчин.

«Затворив дверь в гостиную, Геннадий прижал к себе Наташу, через теплую ткань шелковистой блузки ощущая ее теплое, податливое, но в тоже время упруго-напряженное тело. Та ответила на долгий, иссушающий поцелуй, ...деловито застелила разложенный... диван...»

Поздно вечером наш обществовед возвращается к жене и, конечно, неубедительно завирается, рассчитывая на слабый женский интеллект: *«...Притворяясь крепко спавшей и только-только полупроснувшейся, Света спросила тихо улегшегося рядом мужа: — Вроде и не выпивши особенно... чем это вы с Женькой (приятель по кобеляжу — прим. автора) занимались за полночь? — Так, ничем. Виски пили, потом кофе, и смотрели видик... Спокойной ночи, Светик, я что-то сегодня устал... да еще виски...»*

Читая роман, проходишь все стадии глубочайшей иронии, острейшей сатиры, вплоть до самого жесткого сарказма, начиная с названия. Любви здесь — мелкие, трудноразличимые жемчужные крупички, остальное — сплошной новоюрский период, предшественник Часа Волка. Не замедлившего нагрять.

ГЛАВА 5. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ

Как там дела в свободном вашем мире?

В. Высоцкий

Яшин — человек глубоких знаний. Его книги побуждают читателя стряхивать пыль со старых энциклопедических изданий, тома которых дремлют на самых верхних полках библиотечного шкафа и даже углубляться в Интернет-ресурсы, в связи с чем так и тянет вспомнить цитату из «Полковника Хмурова...» — прошу прощения у названного персонажа за беспокойство: «Николай Андреянович выругался по-

чукотски и по-русски, когда ему прямо на темечко упал с верхней стеллажной полки толстенный и запыленный том...».

Слава Богу, мне повезло, тяжелые опусы и трактаты скромно оставались на своих местах, не стремясь лишний раз напомнить о себе, когда я тянула из общего ряда интересующий меня справочник или словарь.

Перефразируя известное выражение, могу с достаточной степенью убежденности сказать, что сатириками не рождаются. Человек является в мир с талантами литератора и аналитика, и это, при наличии здравого смысла и чувства юмора, делает его несчастным. Доля сатирика очень тяжела, он видит суть вещей, люди для него прозрачны, как стеклянные, поступки всегда имеют начало и развитие, а слова содержат несколько смыслов. Однажды осознав свое предназначение, бедолага испытывает восторг, доходящий до ужаса, по спине и затылку пробегает рой мурашек, холодных и колючих, но ощущение заканчивается, а обреченность остается. Став сатириком, нельзя это изменить до конца своих дней. Щадите сатириков, они живут в абсолютно реальном мире, без иллюзий...

Сатира Яшина порой достигает высокого уровня философии. В рассуждениях, а чаще снах персонажей возникают образы древних богов и героев, ведущих борьбу за равновесие мироздания и выживание человечества. При этом Алексей Афанасьевич умело преломляет естественнонаучные и гуманитарные знания в собственное, полное своеобразных и оригинально сформулированных мыслей, изображение прошлого, настоящего и будущего. Литературный прием снов-откровений не является абсолютно новым, однако в интерпретации автора приобретает необычный акцент сложного переплетения ассоциаций глобальных социальных процессов с древним и современным восприятием космогонических представлений. В связи с этим побеседуем об упоминавшемся уже романе «Сны и явь полковника Хмурова», именуемого Григорием Ивановичем, и, кстати, прихватим не рассмотренный нами аспект из «Новоюрского периода».

К примеру, не только в снах яшинского героя Геннадия Красилина, но и в нашей новоломаной жизни в неистовой борьбе сошлись космогонические персонажи противоположного толка. Человечек воспринимает себя ни много, ни мало, как индивидуализированную вселенную,— почему бы и нет? Поворачиваясь с боку на бок, Геннадий словно перевоплощается в различные ипостаси древнеиндийских богов. Многозначительное, окрашенное крайним сарказмом видение! «...Сцепились два главных бога-антагониста: Вала и Вритра. Они суть раздвоенная, некогда единая личность, а теперь — враги-двойники, внешне похожие, как однойцевые близнецы человеческих существ. Если Вала постоянно создает условия, при которых Вселенная, то есть распределенное тело и разум Геннадия, пригодна для развития разумных существ, ... то его двойник — антипод Вритра ... противодействует Вале, стремясь вывести Вселенную в неразумное состояние, ...то есть в ничто...»

В сходстве нашего мира с философской игрой воображения древних индийцев просматривается трагикомическое действо, граничащее с театральностью, однако обладающее вполне реальными свойствами. Надо сказать, многие герои Яшина способны на провидческие озарения.

Правда, полковничьи грезы проще и приземленнее мифологических Красилинских, но зато не менее актуальны. Одна из них, поименованная как «Болонский сон № 17», отличается особо жестким сарказмом: *«Собрал полковник-доцент Хмуров добровольческую армию для ликвидации Болонского процесса. И вот подходит армия волонтеров к городу Болонье. Сам полковник впереди на белом жуковском коне, в первой за ним шеренге личная лейб-гвардия: доценты Язвишин, Николай Андреевич и Яцышен. А Григорий Иванович своим артиллерийским басом знакомит своих*

фронтовиков с диспозицией на местности: «Вот только что мы сходу форсировали реку Рено. Не Волга, конечно, но все одно река... Наша главная цель — Болонский университет, старейший в Европе, основан в XI веке, знаменитый со средних веков своей школой римского права.

Солдаты! На вас смотрят двадцать шесть столетий! Еще в шестом веке до нашей эры этот город, тогда именовавшийся Фельсиной, был столицей этрусков. Затем стал римской провинцией, а с двенадцатого века — городской коммуной.

Солдаты! При штурме города щадите древности и промышленные предприятия, иначе итальянцы и лично Берлускони нам этого не простят!»

Ох, и колюч язык Алексея Афанасьевича... А и прав же он! До каких пор мы будем обезьянничать, глядя Западу в... ну, только не в очи. Вот и вздумали мы разорить самое крепкое свое достижение — систему образования и воспитания человека. У них не было — им обидно, не без этого, они и зазудели, — даешь, мол, оболваненную молодежь и в России! Их желание понятно, а нам зачем? Мог ли знать Петр Первый, к чему спустя триста лет нас приведет его стремление равняться на Европу? Знаю, знаю, он хотел, как лучше, а на деле? Разорил самобытную, особо развивающуюся культуру, разучил инакомыслить, влил в общую струю. Конечно, то, что тогда было, тоже на упомянутый исторический момент себя изживало, но, может, действовать надо было поаккуратнее, побережнее? Кто теперь разберет? Уж очень противно видеть во многих современниках наших эту, трехвековой давности, подобострастно-завистливую любовь к чужому образу жизни. Смешная же молодежь наивно полагает, что быть космополитом ново и модно, недоросли привыкают именовать Дениса — Дэном, Лешу или Сашу — Алексом, и тому подобное... Еще забавнее и карикатурнее, когда в игру вступают люди, которым за...

Мы построили собственное здание, зачем понадобилось его взорвать? Теперь, так и не сумев возвести ничего другого, копошимся в руинах, перетаскиваем обломки с одного места на другое и воображаем, будто создаем нечто стоящее. А развалины остаются развалинами, как их не komponуй.

Полковник Хмуров, невзирая на рыцарское, можно сказать, звание, трудится у Яшина на ассенизаторской должности преподавателя. Созерцает, значит, наглядно результаты Болонского воспитательного процесса. Вздыхает, что «...нынешние студизусы... основу и смысл жизни видят в деньгах... беседуют только о том, как по окончании вуза устроиться в самое зашибательное по деньгам место». В героических снах своих воюет в Италии против *оболонивания*.

Кстати, по личному опыту знаю, как трудно убедить студента в том, что лишнего знаний не бывает. Современная система борьбы с интеллектом оказалась весьма действенной.

«Болонский сон № 73. За время Болонского похода аспирант полковника Хмурова Эдька возмужал, отрастил лихие гренадерские усики, овладел артиллерийским искусством и после взятия университета, получил из рук своего командира и научного руководителя погоны подпоручика.

«Молодец Эдька, — растроганно думает полковник, — как он лихо тройным подряд попаданием разбил батарею противника на подступах к Болонскому университету?!.. Надо будет по возвращению домой упросить ректора представить Эдьку к званию «Почетный работник высшего образования»... А главное, чтобы Эдька диссер свой поскорее защитил. Хороший доцент по артиллерии получится: теоретик и практик. Главное, — чтобы не торопился с официальной женитьбой, а то молодуха мигом доведет его до торговли бананами!»

Помнится, когда я еще в школе работала, был у меня ученик, мечтал строить самолеты. Да только к его выпуску подоспело разрешение подавать документы сразу в

несколько вузов. Случилось так, что поступил он во все три: в МАИ, в МИСИ, в МВТУ. Подумал-подумал, плюнул на дорогую сердцу авиацию и пошел учиться в строительный,— дескать, в смысле денег надежнее. Вот вам и банановая торговля!

В наше эпохальное время профессия учителя, преподавателя имеет почти исключительно саркастический смысл. Интернет, телевизор, многие прочие СМИ в максимально примитивной, следовательно, легкодоступной и бесцензурной форме вдальбывают в неустойчивые мозги агрессивный эгоизм, пренебрежительное отношение к другим, единственную мечту — о денежном изобилии любой ценой. Вспомнить только очень показательную рекламу, где парень бросает в воду любимую, вроде как, девушку, покусившуюся на содержимое его пакетика с чипсами! А ведь подобные «штучки» оказывают и воспитательный эффект. Припоминаю также обожаемый подростками на рубеже века сериал, в котором банда подонков небрежно, мимоходом и с легкостью убивала, грабила, насиловала, а в промежутках между этими рабочими буднями обаятельно страдала от любви по принципу «Мы тоже люди...». Словом, прививка «Бонни и Клайда» на современную почву, то есть даже неоригинально по сюжету. Монстры, играющие в людей. Результат безотказный — детки 12—15 лет все как один мечтали о карьере киллера... Кстати, чертовски красиво звучит, позаграничному-то! По сути — худший вариант убийцы, торгующего собой, подобно представительницам известной профессии.

Особенно люблю, когда в телепрограммах, посвященных криминальной хронике, подробно разъясняется технология наиболее садистских преступлений, вплоть до того, что сообщат чуть ли не адрес аптеки, где можно без рецепта купить ингредиенты взрывоопасной смеси, магазина, торгующего предметами, способными использоваться в качестве орудия преступления и т.д., и т.п. Мне всегда было любопытно,— с какой целью озвучиваются подробности, которые должны быть интересны исключительно следователям и другим криминалистам?

А затем теми же СМИ организуется травля педагогов, на которых обрушивают осуждение и недовольство результатами воспитания детей и молодежи. Итог потрясает! Учитель, преподаватель полностью дискредитирован в глазах учеников и студентов как представитель сословия, продолжающего нелепо и беспомощно, в свете вышесказанного, бормотать об устаревших и надоевших понятиях типа совесть, ум, знание и проч. Об него все, кому не лень, вытирают грязные сапоги. Над ним потешаются, что, мол, на такую работу идет лишь неудачник, неспособный зарабатывать настоящие деньги, но, если он сделает такую попытку, его гневно клеймят и требуют, чтобы не смел забывать правила той самой морали, которая давно осмеяна и упразднена,— вполне официально,— представителями всех остальных профессий. К примеру, когда на почте оплачивают квартплату, можно понять начисление процентов за услугу, у почты иные функции. А на каком таком основании банки поступают также, ведь это их прямая обязанность? Но финансист, взимая мзду, всегда прав, а педагогу — «низзя...» и «айяйяй». Нет, я не призываю разрешить педагогам обирать детей и родителей, хочу только слегка реанимировать небольшую проблемку двойственного взгляда общества на простое и ясное понятие воровства и осторожно намекнуть, что никогда, при любом социальном строе, учебные заведения не были единолично ответственны за воспитание подрастающего поколения. Если раку и щуке НАДО тащить молодежь в омут разврата, дикости и тупости, то бедный лебедь не сможет этому противостоять, и бессмысленно швырять в него комья грязи.

А сатирик Яшин не дремлет и острозычно сообщает, что «...в числе нескольких новообразованных отделов... появилась служба *менеджмента качества обучения*. Назначение ее пока не совсем ясно...» И верно — сколько у нас возникает контор, каковым совершенно нечем заняться, кроме получения жалованья. По этому поводу

полковник Хмуров сообщил коллегам: «А мне сегодня сон о землетрясении в Болонье приснился, весь город провалился в тартарары. Вместе с университетом и Болонским процессом...» В результате «меня томит и сна лишает» наша неискоренимая навязчивая идея благоговейно подбирать любой мусор, выпавший из чужеземного кармана,— ЕГЭ и тому подобное.

Я о том, что некоторые... гм... нововведения в таком важнейшем деле, как обучение и воспитание, способны только загромождать процесс и препятствовать его нормальному течению. Тем более, когда речь идет о самосовершенствовании преподавателей. Вот неотразимо убедительный пример: *«Получилось так, что к Геннадию Сергеевичу (Язвишину — уточнение Н. Квасниковой) главная менеджментерша заглянула в его кабинетик — такая... привилегия у преподавателей медико-физкультурного факультета имела: ...небольшие кабинеты, обычно на двоих...»*

Доцент-патриот, свободный в этот день от упражнений со студентами, полдня мучился над своим очередным трактатом — доказывал мудреную, им же выдуманную теорему по биофизике. К часу пополудни его осенило, доказательство теоремы ярким прожекторным лучом осветилось в голове. Боясь потерять, забыть этот абрис, Геннадий Сергеевич со стенографической скоростью списывал со своих мозгов доказательство... В обычно приоткрытую дверь его кабинетика... решительно вошла ретивая по виду бабенка средних лет... — Я из менеджмента качества... ..Донельзя взбешенный вторжением, тотчас выветрившим из головы окончание доказательства теоремы, доцент-патриот резко развернулся на своем кресле с колесиками, уставившись на вошедшую: — Мадам! Я по-американски не понимаю! Будьте так любезны, сделайте традиксьон на русский разговорный!..»

Ох, и раздражает, по правде сказать, эта чехарда с импортными словечками! Бесконечно прав Язвишин,— а прежде всего, конечно, создатель его Яшин,— потешаясь над новомодной привычкой коверкать свою речь чужеродными вставками. То-то благодать инопланетянам с других континентов, давно, наверное, приезжая к нам, чувствуют себя, как дома, в результате чего мы забываем, что сами не в гостях...

Болонский процесс, а с ним и наша образовательная чудо-реформа привела к искреннему убеждению обучающегося юношества в достаточности для жизни крохотного, узкоспециального объема знаний и навыков. Я погрешила бы против здравого смысла, утверждая, будто при данных условиях индивид не сможет прокормить себя и семейство. Однако, положа руку на сердце, спрошу — какой смысл родиться человеком, чтобы, к примеру, уметь только есть, пить, спать и водить автобус (или ловко продавать просроченные лекарства)? Бывший министр образования Фурсенко честно сообщил, мол, новому обществу не нужны люди-творцы, и нынче модно растить паразита-потребителя. За правду, как издревле повелось, и пострадал — был незамедлительно снят с занимаемого поста. Долго унывать, впрочем, бедолаге не пришлось... При всем том курс на массовую атрофию интеллекта, взятый упомянутым чиновником, не изменился ни на йоту. Вот и воюет в одиноком энтузиазме неутомимый рыцарь-полковник Хмуров, подобный средневековому Дон Кихоту, со всем Болонским процессом, поглотившим столько континентов, не говоря уже о городах и весях.

Долго размышляла я над перипетиями образования в нашей стране и пришла к неутешительным выводам. Очевидно, что развитие его идет не по спирали, а по самой крутой синусоиде, и в Час Волка стремительно приближается к отрицательному противофазному максимуму. А теперь заглянем-ка в очередной героический сон храброго воеводы.

«...В короткую передышку между боями... полковник Хмуров, прислонив шпагу к уцелевшему в бою маленькому деревцу, раскрыл блокнот-планишет с трехцветными картами Болоньи и ее окрестностей, но задумался, лег на спину, рассматривая безоблачное небо над Северной Италией.

...Дереvence, шпага и книга, хотя бы и атлас карт,— как это все символично, даже применительно к университетской жизни. Чудом уцелевшее дерево — то малочисленное юношество, что искренне жаждет приобретения знаний, символом которых является раскрытая книга. А шпага? — Это все те препятствия на пути такого юноши: профессора, от низкого жалования неаккуратно, с отвращением бормочущие свои доуки-лекции; вузовская администрация, видящая в студентах не людей, но только источник внебюджетного финансирования университета; полное отсутствие перспектив применения полученных знаний после окончания обучения. Но главный меч, карающий невинных в жизни юношей,— это зараза Болонского процесса с его ущербным бакалавриатом, никому не нужной магистратурой, балльным крохоборством...— Вперед, ребята,— вскочил на ноги Хмуров,— на университет!»

К сожалению, сны — снами, и всегда с нами, но реальность жестко отрезвляет, вынуждая приспособляться к виражам любой крутизны, соответствующей мозговым извилинам очередных министров, которые, несмотря на частые смены, продолжают гнуть одну линию оболонивания молодежи. Мечта о широком кругозоре масс канула в туман, довольно холодный и скользкий. Идея о том, что обществом болванов управлять легко, стара, как мир, но хотелось бы напомнить ее усердным приверженцам, до какой степени она несостоятельна. Раззадорить подобную толпу не особо сложно, а остановить, когда потребуется... Каким могучим должен быть интеллект, способный понимать, что одновременный расцвет социума и каждого человека в нем заключается только в выполнении единственного условия — всестороннем развитии индивидов, составляющих общество! Ни в коем случае я не претендую на новизну данного утверждения, однако настаиваю на его разумности и правильности. Вместо того, чтобы некоей жадной и богатой группе лиц жить в вечном страхе среди множества искусственно развращенных дураков, окружая себя охраной сомнительной степени надежности, не лучше ли создать, для себя и для других, мир здравомыслящих, творческих и непуганых личностей? Не придется тогда никому вопить: — Караул, астероиды! Метеориты! Все проблемы вполне преодолимы, если ими заниматься всерьез и без лишней паники, нагнетаемой СМИ. А главное, уважаемые, не придется тратить деньги на постройку абсолютно бесполезных — вы уж нам с Яшиным, как природным физикам, поверьте,— Ноевых ковчегов, плавучих супердомиков и бронированных подвалов. От космических катастроф можно откупиться исключительно наукой, развитой в планетарном масштабе, а не обклеиваясь бумажненькими купюрками, хотя бы и достоинством в миллионы фунтов стерлингов-евро. Впрочем, какое у денег может быть достоинство? Фикция одна.

ГЛАВА 6. ПОЧТИ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ

*В голове моей тучи безумных идей —
Нет на свете преград для талантов!*

В. Высоцкий

— Штрафную! Налейте, полковник, штрафную профессору Старосельцеву, виновному в опоздании на нашу дружескую, скромную ассамблею! Проходите, дорогой Олег Васильевич, Ваше уютное кресло в форме подводной лодки давно ждет Вас! Как и все мы, впрочем!

Среднестатистическая мечта индивида способна принимать любые, иногда причудливые формы, а осуществление часто зависит от упорства, с которой человек продвигается к своей цели. Случается, однако, что результат оказывается настолько далеким от первоначального замысла, насколько велики препятствия, мешающие его

реализации. Главное, пожалуй, суметь узнать в воплотившейся идее, сквозь метаморфозы и трансформации, тот самый образ, явившийся однажды в «магическом кристалле» интеллектуального озарения. В наше время актуальность вышесказанного имеет особую остроту, поэтому роман Яшина «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» дает возможность осмыслить и проанализировать различные перипетии подобного рода превращений.

Какие же барьеры встают на пути личности, не лишенной талантов и, кроме того, пережитков советского восприятия нынешней кривозеркальной действительности? «Еще пять лет назад, перед самой сменой веков и тысячелетий, когда Старосельцев начал с энтузиазмом стучаться лбом о дубовые двери инстанций, он наивно полагал, что кому-то и что-то нужно... кроме долларов, евро, на худой конец — рублей (но только мешками из-под картошки)...

...После сокрушительных первых неудач профессор даже слегка запил, но властная жена и врожденная крестьянская скуповатость быстро это дело пресекли...»

Кстати, не могу удержаться, в связи с остаточным поэтическим зудом, чтобы не процитировать, к слову, соответствующие собственные стихи:

*Есть сказка о горе стеклянной...
Как все, изранив душу в кровь,
Я каждой жилкой, каждой раной
Стремлюсь к вершине вновь и вновь...
Но — кем поставлены преграды
На нашем жизненном пути?
Каким еще упиться ядом
Придется прежде, чем дойти?
В одном неистовом порыве,
Упорным стиснутая злом,
Настаиваю на прорыве
В борьбе с безжалостным стеклом.*

Такая ситуация захватила в плен и Старосельцева. Однако «...признания чего так тщетно искал, временами впадая в философскую депрессию, наш профессор?..» Ни больше, ни меньше, а открыл Олег Васильевич электромагнитный способ излечения людей от СПИД'а! Обнаружив, что чиновничья братва... то есть, я хотела сказать, — братия — внезапно застрадала неизлечимой глухотой ко всему, что к ней лично не относится, сделал бедный гений крутой вираж и переключился на медицинский бизнес вместо лелеемого в пылком воображении спасении человечества. «Проявить патриотизм и передать в собственность государства? — Профессор Старосельцев от души расхохотался, даже напугав супругу... Государству? — Но какому? Бандитско-воровскому?.. Здесь и говорить не о чем; ...не только в течение суток продадут, но и самого изобретателя на всякий случай кокнут...» А далее, откинув соображения возвышенного порядка, перешел бедолага на низший уровень, как выпустивший пар (то бишь избыточную энергию) электрон, да и занялся лечением криминальных граждан нетрадиционной ориентации, имея в виду упрощенную финансово-добывающую цель. При таком раскладе немедленно сыскались у него и подельники... единомышленники, значит...

Однако честному, старорежимной советской закваски читателю, не следует спешить проникаться несокрушимым презрением к оригинальному герою сатирико-фантастического романа. Идейность не совсем покинула его почти незапятнанную душу. «...Далеких задач для себя профессор Старосельцев не ставил. Для начала ему

был нужен миллиард долларов... чтобы заказать на северо-двинском Севмашпредприятии...» атомную подводную лодку, имеющую на борту ракеты с ядерными боеголовками,— «и подарить Северному флоту взамен погибшего несколько лет назад «Курска»... Хотелось бы также, истины ради, уточнить: владели им побуждения не исключительно патриотические, но, кроме них, обуревало некоторое стремление назвать упомянутый будущий корабль «Капитан Старосельцев», в соответствии с собственным сухопутным званием офицера запаса, «...кстати, никогда не служившего...».

Ничего не поделаешь, живем среди волков, мыслим и действуем по-волчьи, а если этим пренебречь, съедят и не поморщатся. Для отдыха и разрядки можно создать — как многие мои знакомые,— тихие замкнутые уголки в виде квартир, куда почти нет доступа извне, разве лишь самым близким и проверенным, с кем и по сей день доедается очередной пуд соли. Выживаемость подобных индивидов в трудные времена зависит не от финансового благополучия, но от двух необходимых условий: наличия всепоглощающего интереса к чему-либо и уютного тыла, где таковой интерес господствует. Нашему другу Старосельцеву невероятно повезло — он обрел и то, и другое, да в придачу деньги — необязательное, однако, в очерчиваемый Яшиным и мной период,— очень важное, удобное и приятное дополнение. «...Итак, дорогой ... профессор, Вы вступаете на тернистый путь... именно ты, Олег свет Васильевич... И путь ты этот будешь творить не один; сам понимаешь, супермены — порождение западного... индивидуализма и сверхэгоизма — только в дешевых боевиках проживают. А попутчиками твоими будут как чистые, так и нечистые — в необходимой для дела пропорции, так, чтобы плюс на минус в итоге давал арифметический ноль, то есть ноль вреда и максимум пользы... Это к чему я говорю? — А к тому, дорогой мой, что люди в коллективе, с одной стороны, должны быть абсолютно дисциплинированными, с другой — не бараны, идущие то за одним, то за другим вожаком...»

Сказано же сие, на мой взгляд, как раз о политике недалековидной перedelки личностей в стадо, которое бывает очень несподручно пасти. Агрессивный болван, да еще в толпе, может оказаться менее управляем, чем обьеvшийся белены бык. Я бы советовала не забывать о судьбе Шер-Хана в сказке Киплинга — отнюдь не глупое предостережение.

В эпоху царства абсурда и отсутствия здравого смысла правительства государств с многовековой историей вдохновляются на изумительные подвиги во имя уничтожения собственного народа — имеется в виду, к примеру, Англия, где узаконили однополое браки и дали разрешение таким, с позволения сказать, семьям, усыновлять детей, девяносто процентов которых вырастут с изувеченной ориентацией, беря за образец то, что у них постоянно маячило перед глазами. Франция тоже, слышно, не желает отставать. В результате через пару поколений усыновлять будет некого, разве растить младенцев искусственно, в пробирках и колбочках. А так как «Всемирная организация здравоохранения в своих документах прямо рубит: гомосексуализм, как и лесбиянство, является тяжелой формой шизофрении...», то, начиная с упомянутых стран, затем, с эффектом обезьянничанья, весь мир превратится в большой космический сумасшедший дом, куда не только инопланетян, но и психически нормальные души покойных предков наших для дальнейшей реинкарнации не заманишь. Вымрем, ребята, без проблем и атомной войны. В чем здесь «великая сермяжная правда», хотелось бы убогим умишком своим уяснить.

Завершение истории профессора Старосельцева фантастично не менее ее начала. «В дверь вежливо постучали, что было нехарактерным для кафедральных сотрудников, а затем вошли два человека (?) ... в добротных зимних кожаных пальто, с изящными «дипломатами» в руках. Но белые шелковые кашне, тонкие перчатки, а главное,— джентльменские шляпы — насторожили и заинтересовали профессора...—

Добрый день, Олег Васильевич. Извините нас с коллегой за приход без предварительного звонка и вообще без позволения. Дело того стоит... Полагаю, Вы четко представляете: мы давно умеем излечивать СПИД; до одного из эффективных способов этого Вы дошли своим умом... Но сейчас и в обозримом будущем правителям мира нужно, чтобы эта болезнь оставалась неизлечимой. Мы в Вашем присутствии уничтожим аппаратуру... Все сотрудники, кроме Вас, забудут, какую болезнь они столь успешно лечили... Вы же все будете помнить — кроме биофизических параметров лечения... Не огорчайтесь...»

Впрочем, снисходительные правители мира соблаговолили утешить Старосельцева торжественной церемонией спуска на воду поименованной подводной лодки, к тому еще осчастливив профессора присвоением реального «звания капитана первого ранга с правом ношения мундира в запасе, а далее и в отставке». — Кушайте, благополучнейший Олег Васильевич, берите семгу и расстегайчики, нельзя же без закуски!..

ГЛАВА 7. О БУКВЕ «Ё» И НЕ ТОЛЬКО

*Больно. Тяжко. Бестолково.
Все бывшее рушат, губят.
И. Северянин*

А теперь, когда мы за столом радушного хозяина, Алексея Афанасьевича, в достаточной степени угостились... ммм... крепким чайком, я набралась смелости для спора. Возьмем, к примеру, странную и въедливую букву Ё. Честное имя невезучего символа находится под сомнением с девяностых годов прошлого века. Алексей Афанасьевич также настроен против этой буквы. «Почему уже почти два столетия ее положение в ... алфавите ... несколько двусмысленно?»

На мой *несовершенный* взгляд, революция (в худшем смысле слова), *совершенная* за последние двадцать с гаком лет во всех областях жизни, и без того изрядно покалечила русскую речь. Разберем несложную фразу: «Мы передохнём от наших трудов». С буквой «ё» в ней нет ничего особенного, мол, люди в отпуск собираются. Уберем две пресловутые точки — и получим несколько грубое выражение с фатальным концом.

Еще пример: одна из книг Алексея Афанасьевича — «Тяжёло дышит синий норд». Острое фонетическое чутье не подвело автора: в названии физически ощущается натужность и суровость северного ветра, кроме того, оно содержит ритм поэтической строки, что придает ему гармоничность и речевое обаяние. Все эти качества — дары буквы «ё». Сотрем точки — останется довольно корявая фраза, лишенная всех вышеуказанных преимуществ.

А еще: «объём фигуры» или «объем фигуры» — при условии, конечно, что они покрыты шоколадной глазурью.

Мой вывод: символ «ё» реально существует в нашем языке, пусть даже его ключевое значение не всегда проступает столь отчетливо, как в приведенных здесь примерах.

Можно вернуть для обозначения этой фонемы ранее использовавшееся сочетание «іо», но стоит ли?

Кроме того, если «англичане за две тысячи лет ни одной буковки в своем алфавите не поменяли», то почему ж мы вечно сомневаемся в безусловной ценности нашего собственного культурно-интеллектуального достояния?

В вопросе о засилье иностранных слов и тюремного жаргона, а также нецензурщины, режущей всякий здоровый слух, я безоговорочно согласна с героем моего очерка Алексеем Афанасьевичем. Когда в рекламе — и не только — среди родной

кириллицы ни с того, ни с сего змеятся латинские «S» или колюче торчат «N», едва ли это зрелище делает товар более привлекательным для потребителя. Однако оно способствует усилению дисгармонии в сознании и без того не твердого в знаниях молодого индивида, тщательно «оболоненного» образовательными реформами. Довольно большой процент учащихся уже и пишет, смешивая алфавитные символы, но вовсе не потому, что обладает избыточным словарным запасом.

Сарказм — смех, граничащий с гневом. У русской речи сейчас бед невпроворот. Мало нам чужеземных букв и слов, — одолели поганные и мусорные: «...блатная фея ...чудовищно быстро стала общегражданским языком, усилившись большим набором вроде бы самых обычных слов, но с совершенно иным семантическим содержанием. И добрый наш народ эту семантику вмиг освоил! ...Произнесите вслух в людном месте... крыша, ...стрелка, ...зеленый, деревянный, откат, наезд, счетчик, ...рубить капусту... — и проследите за реакцией окружающих». Смешно — до жути! — как многие молодые ребята затрудняются быстро перевести подобные перекаленные слова на «великий и могучий»! На зону мы их, что ли, заранее целенаправленно готовим?

Не могу представить, сколько лет (или веков?) должно пройти прежде, чем из этого навоза прорастут свежие цветы. Хотелось бы еще успеть пройтись по солнечной улице, дотянув хоть как-нибудь до времени, когда люди снова и уже навсегда «поймут, что не в деньгах счастье, но в служении... человечеству, в личном самосовершенствовании».

В ожидании тех счастливых перемен — дорогу сатирикам!

ГЛАВА 8. ФИЛОСОФСКАЯ

Настал черед наиболее привлекательной для меня книги Яшина «Художественная эвристика». Автор предпринимает основательную и, на мой взгляд, успешную попытку проникнуть в секреты творческого познания и восприятия человеком всего происходящего с ним в процессе жизни, а также осмысления возможностей воспроизведения субъективных ощущений через доступные данному индивиду средства. Для одного это слово, для другого — музыка, физика или математика, третий использует кисти и краски, фотоаппарат и даже целый комплекс упомянутых инструментов. Очевидно, что все мы оцениваем явления окружающего мира, исходя из понятий привычного, определяемого нами как стандартная реальность, и необычного, о чем сами делаем выводы в зависимости от прежнего личного опыта и степени развития собственного интеллекта. «...Древние пугались, когда в чем-то нарушался спокойный статичный мир, как малые дети или очень старые люди пугаются резких изменений в... жизни, дети — перемен в наборе окружающих, родительских неурядиц, старики — угрозы потери уюта, ...стабильности быта...». С предками нашими, впрочем, более или менее ясно, независимо от личностного возраста они крайне молоды знанием своим и духом, объемом генетической памяти, а меня занимают причины незрелости среднестатистического человека в эпоху нынешнюю. Казалось бы, люди, цивилизация которых додумалась до осуществления полетов, в том числе космических, по определению должны сплошь стать творческими личностями, с легкостью поигрывать интеллектуальной мускулатурой и, соответственно, исключить из среды обитания агрессию по отношению к себе подобным, особенно — после наглядных и чудовищных уроков Второй мировой войны. Наивные победители были убеждены в том, что так и случится. К тому же они верили в благодарность, не задумываясь над фактом зависти, в том числе национальной, использующей творческое мышление для созидания удобных подменных философий.

«Восприятие... человека есть отражение в сознании реального мира в непосредственной целостности и в совокупности его качеств и свойств. Как всякое отражение,

восприятие есть приспособительная реакция на обратимые или необратимые изменения условий существования субъекта».

Однажды спасенные народы залечили раны и вспомнили, неловко поеживаясь, что их вклад в общую Победу оказался чисто символическим. Неприятное чувство! Нашлись и те, кто подначивал, поддакивал и подвизгивал в тему. Началось недовольство собой, которое естественным образом переросло в раздражение против спасителей. Легче забыть о долге благодарности, чем постоянно чувствовать его нарастающую тяжесть. Отсюда всеобщий всплеск нелюбви к России. «...Таким ...образом в практике ощущений... органы восприятия самоподстраиваются под особенности тех ощущений, которые субъекту познания ...желательно выделять среди хаоса ощущений».

Творчество присуще не только отдельным индивидам, но и целым народам, которым оно полезно для политического престижа.

Строго говоря, клевета — тоже творчество, она способна создать новый образ, и в него начинают верить, как в дым, невозможный без огня, — хотя за дым иногда легко принять и туман.

Зачем нам искусство? — возникает вопрос, ведь существуют общности людей, в жизни которых практически отсутствуют искусства, литература (кроме одной-двух религиозных книг), музыка... «Чувственное познание древности было проиллюстрировано рядом мифов: героических и авантюрных эпосов, психологических, мировоззренчески-познавательных». Это значит, что первоначально искусство возникает как способ осмысления явлений окружающего мира, то есть как средство познания. Необходимость же последнего не решится отрицать никто. «Замечено, что каждая... наука... накапливает знания неравномерно... Причем цепочки всех наук... тянутся издалека, от одного общего корня: первичных представлений о мире, первых, неорганизованных проблесков абстрактной мысли... ..В древности, когда человек жил более восприятием, нежели представлением об окружающем... мире, его отношение к этому миру было наивным, детским, а значит, в массе своей — художественным, ибо один из основных критериев художественного отношения к миру — определенная ипостась «детскости». ...В таких условиях возник миф — начальное художественное восприятие мира вещей, природных явлений, животных, человека и связей между ними». Напрашивается вывод, хоть и не бесспорный — из искусства родится творческая научная идея. Первично — воображаемый летающий ковер, затем многоместный авиалайнер. Кстати, — иметь крылья человечеству хотелось издревле, самое, пожалуй, неутолимое желание разума. Немаловажно и подчеркнуть при этом, что всякий процесс создания нового и в науке, и в любом виде искусства сопровождается ощущением, подобным полету. Не зря его именуют вдохновением, хотя по большей части оно представляет собой стремление к труду и радость от полученного результата.

Без интуиции и ассоциации, утверждает Яшин, и здесь я с ним полностью согласна, творчество невозможно. «Всякая материя должна быть одетой в форму; материя дает ощущения, форма ее — интуицию. С интуицией связано понятие ассоциации».

Названные понятия, несомненно, субъективны и зависят от личностного опыта. Но есть в том один существенный нюанс — каким бы индивид талантливым ни был, он всегда субъективно-объективен, опираясь на общеисторический и общегенетический опыт человечества. «Легенды, былины, мифы, поверья — их сюжеты, тропы народной поэтики, речь наших предков, — все чудесным образом воссоздается в каждом поколении. Можно говорить о феномене «возрождающейся национальной памяти». Однако, национальная память — явление творческое и гибкое, равно как и развивающееся. Именно из нее, как бы там ни было, вырастает любое произведение искусства. Истоки научного творчества не столь очевидны, хотя трудно представить, что в какой-либо интеллектуальной деятельности возможно обойтись без национальной памяти.

ГЛАВА 9. ЗАВЕРШАЮЩАЯ

— Что ж, друзья, как уже многократно было сказано до нас, — хорошо сидим! Послушаешь, как социологи по телевизору соловьем заливаются, забрызгивая от восторга камеру слюной и перечисляя, сколько процентов якобы опрошенного люда сообщают приставучим корреспондентам на улицах, будто «жить стало лучше, жить стало веселее», — и доверчивую душу охватывает возмущение: как можно усомниться в нынешнем благолепии! Сидит бомж на автобусной остановке, ковыряет струп на коленке — да кто тебе смотреть на это велит? Отвернись и лезь в транспорт, езжай по своим делам, пока рядом не сел! Некие граждане обживают твою квартиру, размахивая мятой бумагой и крича, что твой давно покойный папа продал им половину площади, а суд разводит руками, сообщая, — да, эксперт признает, мол, подпись умершего фальшивая, но сделать ничего нельзя. Потеснись, да и живи с соседями — еще ведь не выгоняют. Очередная пенсионерка скончалась от инфаркта, получив квитанцию о начисленной квартплате за прошлый месяц, — подумаешь, отдала бы похоронные — дотянула бы до следующей! Не умеет наш народ радоваться каждому дню! Ничего, научим. А то сатирик Яшин уверяет, что настало время «Квадратной пустоты»...

Алексей Афанасьевич из поколения людей, у которых имеется универсальный опыт. Если они о чем-либо говорят, стоит прислушаться — смена эпох произошла у них перед глазами.

Яшин-физик способен к аналитическому мышлению, Яшин-писатель наблюдателен, Яшин-североморец зорек. Симптомы сатирика. Его литературный язык ассоциативно напоминает мне россыпь крупной соли, сверкающей под лучами зимнего солнца, резкой и едкой на вкус. В большинстве случаев аргументация, приводимая им в процессе развития сатирического сюжета, представляется неотразимой. Северное детство сделало Яшина целеустремленным и упорным, — иначе как бы выжил в оледеневшей атмосфере нашей сегодняшней действительности созданный и выпестованный им журнал, уже упомянутые ранее «Приокские зори»? Быть главным редактором — труд нелегкий, особенно во времена интеллектуального кризиса, когда не одна Россия, а уже весь мир стремительно зарастает репьем бездуховности, — и пусть простит меня за метафору уважаемое мной растение, но я, грешная, люблю здоровое разнообразие, как в природе, так и в душах людей.

Хорошо, что иногда неувядаемые вечные ценности предоставляют Алексею Афанасьевичу возможность отдохнуть от сарказма и иронии. Как-то в полуночном трамвае он замечает женщину — такую, какими хотелось бы видеть всех людей на свете. «...Она смотрела на свое колечко, поднося руку к самым глазам, это лицо струилось нежностью, счастьем, непонятными никому, кроме ее самой. А может, доподлинно и ей непонятными?.. Но чувствовалось и ею, и мною, и всяким, кто бы взглянул на это лицо, — отражение ее преисполненной нежностью, спокойствием, точнее, великим внутренним покоем души — что она подлинно, не надуманно счастлива...» (рассказ «Гармония»). Подобные встречи оставляют долгую улыбку на губах и пушистое тепло на сердце не только измученного кривдами сатирика, но даже утомленного дневными трудами бюджетного работника.

* * *

Гости расходятся. Не забудьте надеть шляпу, Николай Андреевич! Капитан Старосельцев, вот Ваш именной кортик. Спасибо за гостеприимство, Алексей Афанасьевич! Тула сияет всей своей вечерней иллюминацией.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Лилия Агадулина
(г. Москва)

МЫ ДАВНО ЗНАКОМЫ

Лилия Агадулина, поэтесса и прозаик, родилась в городе Березники Пермской области. Живет и работает в Москве. Член СП России. Публиковалась в газетах «Березниковский рабочий», «Слово», «Московский литератор», в альманахе «Московский Парнас», «Путь Мастерства», в Антологии поэзии «Рождены для вдохновения». В 2011 году вышла книга стихов «Пустынный берег». Лауреат литературно-общественной премии «Звездная строфа».

В трамвай вошла пожилая женщина и села напротив меня. Взглянув на нее, я подумала: «Местная».

— Не подскажите? Улица Рогова, 20, когда мне выходить? — спросила я ее.

— Через одну остановку после меня, — ответила она.

Я глядела в окно трамвая. «Какой живописный пейзаж в этом районе, сколько зелени...» И как бы в подтверждение, тут же услышала по динамику.

— Улица Живописная, дом 50.

Улыбнувшись, проговорила, обращаясь к женщине:

— Красивые места здесь. Это канал Москвы-реки?

— Это Москва-река, — обиженно ответила она.

— Тридцать лет живу в Москве, а здесь бывать не приходилось, — извиняясь, сказала я и подумала про себя: «Вот так Москва и познается!»

Еще вчера я и помыслить не могла, куда меня сегодня занесет.

Я сидела в кабинете редакции (зашла за очередным номером «Московского Парнаса»), в «нагрузку» получила презент — новый том антологии современной прозы и тут же — задание: оповестить авторов о собрании, на котором будет его обсуждение.

Этот в Америке, этот уже знает, этому, пожалуйста, позвони. А этот не сможет приехать.

Анатолий Жуков. Издатель, писатель... Увы, возраст...

Я смотрела на фотографию. «Очень знакомое лицо»...

— Ой, я его знаю! Читала, у меня его книга есть. Давайте, я отвезу ему сборник.

— Очень хорошо будет, — обрадовался издатель — И ему приятно, что его не забывают. Только созвонитесь с ним предварительно. Вот вам справочник...

Анатолий Николаевич встретил меня настороженно. Когда же я сказала, что от Ханбекова, лицо его просветлело:

— Знаю, знаю очень давно, лет тридцать-сорок, большой человек, большой талант,— проговорил он, одобрительно покачав головой.

Пригласил меня на кухню.

— Сейчас чай будем пить. Кушать хочешь? Вот, кашу сварил. Я один, жена на полях со студентами «пасется», она у меня биолог. Долго ты добиралась? А я вот здесь работаю,— сказал он, убирая со стола рукопись.— Тяжело работается,— вздохнул он.— Возраст. Работаю над третьей книгой «Так и живем» — биографическая, хочу успеть...

Провел рукой по глянцевой обложке антологии.

— Хорошая книга, оформление хорошее.

— Вот он, ваш рассказ, 66 страница. «Черная и белая»,— сказала я.

— Это ведь здесь все как было, все — правда,— с грустью в голосе проговорил он.

— Да, я поняла, читала, мне понравился ваш рассказ... У меня есть ваша книга, Анатолий Николаевич, 83-го года выпуска,— сказала я, протягивая ему книгу в темно-зеленой обложке.

— «Счастливо доехать»? — он удивленно посмотрел на меня.— Значит, давно мы знакомы с тобой... То-то я сразу проникся к тебе, как только увидел. А я тебе еще подарю книгу. Пойдем, посмотришь, как я живу,— и он провел меня в одну из комнат.

Книжные шкафы, книжные полки, книги на столе, иконы, фотографии...

— Дочка моя,— сказал он, указав на фотографию молодой женщины. Филолог, кандидат наук, три языка знала, стихи писала, вот ее книга. Умерла в тридцать шесть.

— Какое хорошее лицо! Беленькая.

— Да, хорошее,— грустно проговорил он, и я услышала боль в его голосе.

— Троих детей похоронил,— продолжил он.— дочку и двоих сыновей. Один летчик был, другой — машинист электропоезда... Пойдем,— и он проводил меня в другую комнату.— А вот эта комната моих «англичан». Дочка с семьей в Англии живет. Скоро приедут в гости. Дочка — педагог.

И в третьей комнате ничего лишнего — диван, стол, книжный шкаф. Прошли на лоджию, обитую свежей вагонкой. Постояли, полюбовались пейзажем.

— Красивый вид.

— Да, красивый.

«В хорошем месте расположен этот дом»,— думала я.

Зеленые кроны деревьев волнами убегали в даль...

— Ну, пойдем, пойдем чай пить. Ого, уже три часа! Долго ты добиралась, обедать пора. Вот каша, творог, сыр, пряники, рулет. Ешь давай. Как не хочу? Ты хоть знаешь, что ты очень худая, тебе надо есть!

И он посмотрел на меня так, что я с удовольствием принялась за еду.

За чаем он много рассказывал о себе.

— Детство трудное было, семья большая. На одиннадцатом году пошел работать, в первые дни войны. Дали мне низкорослую лошадь (монголку), конные грабли. В ту пору как раз сенокос был. Очень я полюбил эту лошадь, ухаживал за ней. Кончился сенокос, зябь начали пахать...

— Первый рассказ был напечатан в газете Одесского военного округа (когда он служил в армии). Рассказ назывался «Дружба», написан был карандашом, на почтовой бумаге, подписался — младший сержант Жуков. Дали вторую премию — 500 рублей.

После армии учился в вечерней школе, получил среднее образование. Работал разъездным корреспондентом в «Ульяновской правде». В тридцать поступил в Литинститут на очное отделение...

Много мне рассказал о себе Анатолий Николаевич. Сложная, удивительная судьба простого крестьянского паренька.

— А я ведь тоже прозу пишу,— сказала я, немного смущаясь.

— Принесешь, почитаю.

— Хорошо.

— Давай-ка я тебе книгу подарю,— и он вынес из комнаты красивый том — «Вечерний благовест». Подписал. Я открыла книгу, прочитала пожелание. Очень простые и теплые слова.

— Спасибо,— улыбнувшись, сказала я.— Вижу, вы не теряете связь с родиной,— подметила, увидев на второй странице благодарственную надпись.

— Да, директор совхоза помог издать эту книгу. Куда издать на нашу пенсию?!

— Да, на нашу пенсию далеко не разбежишься.

Коробку конфет, которую я привезла ему в подарок, он никак не хотел брать. Сошлись на том, что произвели взаимобмен. Он принес из комнаты несколько коробок и сказал:

— Выбирай.

Я выбрала «Raffaello». (Всю неделю потом пила чай с этими конфетами, с теплотой вспоминая о нашей встрече.)

Обнялись. Он трижды поцеловал меня. Договорились, что я позвоню, когда приеду с Урала.

Вот так и состоялось мое знакомство с человеком, которого я давно уже знала.

Р. S. Я благодарна судьбе, что мне выпал счастливый случай встречаться с человеком необыкновенно талантливым, мудрым, с огромным сердцем, как и весь мир, «целый, безбрежный, буйно красивый, богатый и щедрый, бесконечный и безначальный», мир, который писатель открыл своим читателям.

Анатолий Жуков, один из талантливых прозаиков нашего времени, получивший признание читателей и литературной критики. Его основные произведения — романы «Дом для внука», «Судить Адама», «Позади будущее», многочисленные повести и рассказы. Он — лауреат литературной премии Союза писателей СССР и Международной премии им. М. А. Шолохова. Работал в издательстве «Советский писатель», в журнале «Новый мир», в Союзе писателей СССР и в Международном Сообществе Писательских Союзов.

Умер 21 февраля 2013 года.

Николай Макаров
(г. Тула)

ХЛЕБ

Николай Макаров — наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

После окончания школы в относительно далеком шестьдесят шестом году прошлого века у меня, казалось, не было колебаний в выборе института для получения высшего образования.

— Только — журналистика! Только — МГУ, только — факультет этой самой журналистики.

Приблизительно так звучали мои амбициозные доводы на семейном совете.

«За»:

— отец преподаватель — пусть и сельской средней школы — русского языка и литературы;

— гора прочитанных книг;

— небольшой рассказик в полтора машинописных листа через два интервала, написанный мной и посланный на конкурс в какую-то газету, получивший положительные отзывы;

— и, главное, эйфория — лучше, пожалуй, термина и не подберешь — от прошедшего недавно по экранам страны фильма «Журналист».

«Против»:

— всего один довод — у нас в селе в то время не было черного и белого хлеба; был ржаной, пшеничный и ситный, привозимый из Города. Отец положил передо мной на тарелку кусочек хлеба и произнес тихим голосом:

— Напиши об этом кусочке ржаного хлеба, — помолчав пару секунд, добавил, — одну-две страницы...

С мечтой о журналистике, вернее о поступлении на факультет журналистики, сразу всем все стало ясно.

По прошествии стольких лет я постараюсь выполнить задание отца и написать — хотя и не профессиональный журналист — о кусочке ржаного хлеба.

...Первый гвардейский парашютно-десантный батальон совершает марш-бросок из Тулы в палаточный лагерь по весенней распутице. В замыкании растянувшейся почти на километр цепочки солдат, как обычно, — доктор (именно так, называют врача батальона) и два связиста: замок (заместитель командира взвода связи) гвардии сержант Лыжников и молодой солдат гвардии рядовой Нелюбин. На полпути двадцатикилометрового маршрута — небольшой отдых в пять-десять минут: проверить личный состав, перекурить, перемотать портянки, поправить снаряжение, перекусить, в конце концов, нехитрыми остатками «сухпек». Отдых подходит к своему логи-

ческому завершению, как один из солдат, отряхнувшись от нехитрой трапезы, бросает в грязево-снежное месиво недоеденный сухарь, входящий в знаменитый солдатский сухой паек, вооруженный которым десантник одной левой, запросто, расправляется с двумя «зелеными беретами».

Шутки шутками, но, видя происшедшее, гвардии рядовой Нелюбин, молодой солдат с тяжелой радиостанцией за спиной, ураганом налетает на ничего не понимающего «дембеля», бросившего этот сухарь, толкает его, будто перед ним на самом деле, вдруг, откуда ни возмись, появляются два «зеленых берета». Тот, ошарашенный отлетает, моментально вскакивает — десантура же! — готовый кинуться на приборзевшего салагу и показать, кто есть ху и ху есть кто.

Тем временем, ни на кого не обращая внимания, Нелюбин падает на колени, бережно, нежно, ласково, благоговейно берет этот ржаной сухарь и, будто священнодействуя, очищает от успевших налипнуть грязи и снега. Поднимает на окружавших солдат полные слез глаза и произносит всего одну фразу:

— Это же — хлеб...

И в продолжение темы.

...Сколько может молодой солдат съесть порций за обед? Если его ни в чем не ограничивать? Ни в количестве блюд?.. Ни во времени, потраченном на трапезу?.. Ни на другие всевозможные ограничения?..

Но по порядку...

Пришел во взвод связи, под начало гвардии лейтенанта Фунтикова, служить, только что из «карантина», солдат. Нелюбин — его фамилия. Увалень увальнем. Топором обтесанное лицо. Русая поросль на голове после сверхмодной стрижки «под Котовского». Ручищи до колен с натруженными крестьянскими ладонями. Сапоги сорок шестого или сорок седьмого размера. Телосложения, отнюдь не богатырского. И рост: чуть больше ста семидесяти пяти сантиметров. И глаза — голубые, голубые глаза. Голубее — гордости каждого десантника — берета и полосок на тельняшке.

И, невероятный, патологический какой-то аппетит. Какая-то звериная жадность и быстрота поедания всякой пищи. Постоянная готовность смести все, что оставалось недоеденным на столе взвода связи. Дембельское дополнительное питание (за сто дней до приказа — не знаю, как в других войсках, но в Воздушно-десантных в мою лейтенантскую пору происходило все именно так, — все дембеля отдавали солдатам свое сливочное масло) — также моментально пропадало в его ненасытной утробе.

— Молодой! — Ворчали добродушно дембеля взвода связи. — Прослужит год, наестся.

Нелюбин все никак не мог наестся и постоянно что-нибудь да жевал. На полигоне, когда взвод связи во время стрельб стоял в оцеплении, он всегда выбирал (демократия, понимаешь, была во взводе) пост на «Вышке». Поближе к столовой. И, приходя первым, в каком-то наваждении съедал подчистую или завтрак, или обед, или ужин... всего взвода. Все съедал! Дюжину порций!!! Один!!! Так объел весь личный состав взвода один раз. Объел второй раз. Объел тре... Нет, третий раз объесть взвод ему не дали. Его не наказывали. Не объявляли строгий выговор с занесением... «в грудную клетку». С ним поступили по-другому. Совсем неожиданным и неординарным способом.

...Стоял воскресный солнечный день. Стрельб не было. Не было и оцепления. По столовой дежурили «свои» повара. Из первого взвода снабжения.

Поэтому на стол взвода связи «Бог послал» ни много, ни мало: миску соленых огурцов, полный восьмилитровый бачок наваристого борща... полный шестилитровый бачок гречневой каши... огромную с верхом тарелку (специально позаимство-

ванную у поваров для такого случая) жареной свинины... полный пятилитровый чайник компота... буханку ржаного и буханку пшеничного хлеба.

— Ешь!

Личный состав взвода расселился вокруг ненасытного Нелюбина, готовый в любой момент заклеить его обжорство безжалостным солдатским сарказмом и высказать все то нелюбимое, что накопилось за последнюю неделю, когда этот молодой солдат буквально обжирал весь взвод. Не припоминали «ветераны» подобного случая не только во взводе, но и в батальоне и даже в полку. Не было похожих уникалов. Вундеркиндов от обжираловки. Не было. И сейчас они проучат, набьют его безразмерное брюхо. Силой заставят его съесть выставленное на столе. Через «немогу», через, если надо, и блевотину...

— Все! Больше не осилю! — Нелюбин растянул бляху ремня, и блаженно-умиротворенная улыбка заиграла на его всегда хмуро-озабоченном лице. — Благодарю, ребята. Не поверите, я первый раз в жизни наелся по-настоящему.

По его порозовевшим (то ли от обилия еды, то ли от тепла столовой) щекам прокатились две слезинки.

— Нас в семье восемь детей. Сейчас, наверное, уже девять, и мне, как старшему...

Он не договорил, и по щекам прокатились еще две слезинки. Личный состав взвода потрясенно молчал...

— Благодарю!..

...От того знаменитого обеда остались одни воспоминания. Солдатские будни приближались к неизбежному дембелю.

Ефрейтору Нелюбину теперь вполне хватало обычного солдатского пайка. За сто дней до приказа он, как и все, свое масло отдавал «салагам». Семейство Нелюбина к этому времени ждало пополнение десятым ребенком.

У читателя, наверное, на языке так и вертится вопрос:

— Неужели Нелюбин все съел в тот обед?

Хочу вас разочаровать. Нет, не все он съел. Не мог он все съесть. Недоеденными остались... два с половиной стакана компота...

Анна Барсова
(г. Екатеринбург)

Анна Барсова (литературный псевдоним Анны Барсегян) поэт, публицист, переводчик, обладатель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (М. 2009), премии имени А. С. Грибоедова (М. 2010) и ряда других федеральных наград.

А. Барсова родилась в городе Харькове. По образованию — филолог, культуролог. Много лет А. Барсова трудилась на КАМАЗе в Набережных Челнах, в сфере культуры и образования. Стояла у истоков создания детских и молодежных творческих коллективов объединения «КАМАЗ». Позже преподавала в филиале Московского университета культуры и искусств и государственной школе театрального искусства, вела встречи в литературной гостиной и возглавляла региональное творческое объединение «Муза».

А. Барсова — автор четырнадцати книг стихов, баллад, поэм: «Река времени» (1994), «Голубой огонь» (1996), «Рубеж» (1998), «Время и пепел» (2003), «И день, и ночь...» (2002), «Очарованная странница» (2003), «Биение сердца» (2005), «Камская тетрадь» (2007, 2009), «Звезды над Арагатом» (2008), «Обласканная солнцем» (2009) и др. Основные темы стихотворений, баллад, поэм: раздумья о судьбах России в переломную эпоху, о жизни и смерти, любви, верности и дружбе, единстве человека, природы и мироздания, традициях русской классической поэзии. В настоящее время проживает в Екатеринбурге.

Солнечный зайчик скользнул по стенам больничной палаты, задержался у розетки, потом медленно поплыл по потолку, мягко опустился на кровать, пробежал по одеялу, прикоснулся к щеке и глазам лежащей в кровати женщины. Стало тепло и приятно, будто солнечные лучики хотели сказать: «Просыпайся, открой глаза, просыпайся!..»

Лена приоткрыла глаза и увидела белый потолок, освещенный люминесцентной лампой, зеленоватые стены, высокого худощавого мужчину в очках и крупную женщину с накрашенными губами.

«Где я? — подумала она. — Это же не моя комната! Где овальная люстра, бордюр на обоях, туалетный столик, шторы с розочками?! Где мои дети, Маша и Дима? Где Саша? Может, на работе!»

— Доктор, — она открыла глаза и пришла в себя, — послышался мягкий женский голос.

— Да! Так и должно было случиться, — ответил мужчина, слегка картавя. — Если больной хочет жить, то организм будет бороться. А потом — удачная операция и хорошие лекарства. Пациентка молода, все должно подействовать! Надо будет, Валечка, повторить укол, и тогда, я думаю, мы вырвем ее с того света. А так, ей место там. После такого падения и сложнейшая операция могла не спасти. Последнюю

фразу мужчина произнес тихо, будто опасаясь чего-то. Послышались шаги, и дверь захлопнулась.

«Ушел,— подумала Лена.— Теперь ясно: я нахожусь в больнице, состояние у меня плохое, даже очень, но есть надежда, пусть крохотная, маленькая, как этот солнечный зайчик, греющий мне лицо. А совсем недавно было что-то темное, похожее на длинную галерею или коридор, по которому шла и бежала куда-то».

И еще — там холодные, влажные стены и полы, скользкие, противные. И воздуха нет. Вообще-то он есть, но им дышать нельзя.

Это воздух склепа и тлена. Воздух, омерзительный и затхлый, за которым — смерть, смерть!

И больше — ни-че-го! А здесь — солнце! Да, да,— солнце и солнечный зайчик!

Сейчас он здесь, на глазах и ресницах...

Такой нежный, ласковый, живой! Живой! Живой! И я тоже жи-вая! Жи-вая! Как тогда, давным-давно в детстве, после страшного случая на реке Ломик. Слезы потекли по щекам Лены. Было больно и приятно. Воспоминания, словно бутон цветка, распускались перед ней и рисовали милые сердцу картины.

Жили они дружной семьей в леспромхозе, который тоже назывался Ломик, как и река в Кировской области. Народу в поселке было много. Своя школа, столовая, магазины, пекарня. Добротный дом для Лены, ее братьев и сестер, а их было пятеро, построил отец, отвоевавший на фронтах Великой Отечественной. Устроился он на лесоповал, хорошо зарабатывал и строил дом. Мимо дома постоянно проносились машины, вышагивали трактора, комбайны, скрипя, проезжали телеги.

Белый песок, покрывавший все вокруг, заменял собой привычную почву. Он, как утверждали ученые, остался еще с ледникового периода. Песок взмывал вверх и разлетался серебряным дождем по сторонам, покрывая все вокруг: крыши домов, поля, огороды, машины. Он хрустел на зубах, пощипывал глаза, попадал в пищу, оседал на одежде и мебели. Но после дождя — красота: песок впитывал влагу, не было грязи, а только мягкие чистые белые дорожки. Бегай, играй в свое удовольствие!

Тот случай произошел весной,— вспоминала Лена. Был ледоход. Река, набухая, ломала лед, и льдины, взгромоздившись одна на другую и приняв причудливые формы, неслись по реке.

Среди них были большие и важные, маленькие, слегка выглядывавшие из воды, и крохотные, едва заметные, похожие на снежки. Все это несло по реке, гудело, шумело, трещало... Весна, весна!

Наступило самое время охотиться за бочками с огурцами. Огурцы хранились под льдом, благодаря трудам поваров леспромхозовской столовой, которые осенью солили их, а когда река начинала замерзать, опускали бочки в воду у берега.

Бочки вскрывали по мере надобности, чтобы разнообразить меню лесорубов и жителей поселка, но к весне в реке еще кое-что оставалось. И вот — лед тает, река бурлит, ломает оставшиеся бочки и несет их за собой. Плынут они по реке, но туда не полезешь. Пойдешь на дно и утонешь! Другое дело, если бочка рядом с берегом.

И я, десятилетняя, худющая девчонка с огромными карими глазами, решила на это. Со мной был проворный семиклассник Витек. В руках у нас — длинные палки, к ним привязали вилки. Так легче вытаскивать огурцы.

И вот — льдина рядом с берегом, большая, надежная, крепкая. И тащит она за собой бочку. Крышка у бочки вылетела, но бочка цела. Ох, сколько огурчиков! И все, конечно, хрустящие, пряные, нежные и вкусные, вкусные!

«Что же потом я сделала?» — вспоминала Лена. Ах, да! Ступила на эту большую, как мне казалось, крепкую льдину, а рукой, держащей палку с вилкой, потянулась к огурцам. Но льдина внезапно затрещала, захрустела и стала крошиться на маленькие

кусочки, которые уходили под воду. Тут я и оказалась в воде. Страшно! Холодно! Тяжелая одежда тащит на дно, руки и ноги цепенеют, немеют, не слушают. Понимаешь, что все — тонешь! Выкарабкаться невозможно. Закричала: «Витек, Витек!» Кто же помог тогда?

А помог дядя Коля, одноглазый, хромой леспромхозовский конюх, случайно оказавшийся неподалеку. Витек так орал, что он прибежал сразу, лег на край берега, вытянул руку и вытащил меня, бессильно барахтающуюся в воде.

Потом они отвели меня к бабушке. До отцовского дома идти было далеко, стала бы сосулькой. Да и бабушка умела все: и человека вылечить, и трактор починить, и стрелять из ружья.

Бабушка, увидев меня, всплеснула руками и закричала: «Как это тебя угораздило, зачем полезла в воду?! Быстро сняла мокрую одежду, протерла и — в постель. Завернув в одеяла, давай обкладывать грелками, бутылками с горячей водой.

Отец и мать, узнав о случившемся, прибежали сразу. Думали, везти в больницу, в райцентр, но бабушка отговорила: «Температуры нет, да и воды не наглоталась. Пусть у меня отогревается, думаю, воспаления не будет». Поила она отварами трав, чаем с малиной, медом, грела избу и все время молилась.

Лена так и запомнила ее: полную, красивую с черными вьющимися волосами, в которых мелькали серебряные ниточки седины. И голос у нее был особенный: уверенный и властный. Звали бабушку Васса. Васса Петровна. И было в этом имени что-то сильное, крепкое, нерушимое. Лена верила, бабушка вылечит.

Отец и мать помогали, кормили скотину, носили воду. Вечерами сидели рядом, читали сказки. Лена слушала, дремала и мечтала о теплом лете, ромашковом поле...

А фельдшера в леспромхозе в те дни не было, уехал в райцентр по делам.

Через два дня Лена пошла на поправку. Тепло было у бабушки в горнице. На улице — робкое солнышко, прохладно, слякоть, а у нее — как в раю! Солнца много.

— Без солнца, — никак нельзя, — говорила бабушка, показывая рукой на большое зеркало. Посмотри, как оно отражает солнце, сколько солнечных зайчиков в комнате! Зеркало действительно отражало солнечные зайчики, они скользили по всей горнице, останавливались на лице, грели щеки, ресницы, казалось, говорили: «Вставай, вставай!» Становилось тепло и хорошо. Хотелось жить и радоваться!

«Вот и теперь — я вылечусь, встану и вернусь домой, — подумала Лена. — Забудется эта нелепая ссора с мужем». Сидела я тогда на мокром от дождя подоконнике и спорила с Сашей. Наверно, не удержалась. Кричала, ревела, потеряла равновесие и упала. Обидела его зря... Да и он тоже виноват! С работой у него не ладится, денег не хватает, выкручивайся, как можешь! Без конца меняет работу: то ему не нравится, то мало платят, то не ладит с начальством. Вспыльчивый он, — подумала Лена, — не умеет найти подход к людям. А детей надо кормить, одевать! Вот опять на новое место устраивается! Но главное сейчас — выздороветь, встать, а потом — дети пойдут в детсад, а я на — работу.

Дверь скрипнула, вошла медсестра. Она сделала укол и вышла, плотно прикрыв дверь.

«Ну, теперь все хорошо, пусть спит. Наверно ее, вытащат с того света, — подумала медсестра. — По частям собирали. Дура настоящая, не поладила с мужиком и — с окна. А он третьи сутки места себе не находит. И чего это бабам не хватает? Красивая, молодая! Семья есть, дети, муж! И живет, видно, не бедно. Мужик, какие передачи носит!»

Вот и сейчас она заметила знакомый силуэт в вестибюле и решила поговорить.

Мужчина, лет тридцати пяти, слегка сутулый и полноватый, встал и пошел к ней навстречу.

— Вам же сказали: будет жить, идите домой.
— Нет, я лучше подожду.
— Чего тут ждать? Ей долго лежать. Будете передачи носить.
— Я буду жить с детьми у своих родственников, квартира — в доме напротив.
Если что, звоните по этому телефону,— сказал он и протянул бумажку.— Всего доброго!
— До свидания!
Через две недели Лена смогла встать. Она попросила у медсестры расческу и зеркало, поправила свои черные вьющиеся волосы и попыталась пройти по палате. Медсестра поддерживала ее. Потом, медленно переставляя ноги и прихрамывая, Лена подошла к окну.
В окне соседнего дома она вдруг увидела знакомое лицо. Муж.
— Саша! — крикнула Лена.
Он помахал ей, улыбнулся, потом что-то взял в руку, и яркий солнечный зайчик скользнул по ее бледному лицу...

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

КОМПЕНСАЦИЯ

Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Московского Литературного института им. А. М. Горького (1990 г.). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. В центральной прессе дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», № 4, 1989). Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Жеглов, Шаранов и К°», «Подъем» (Воронеж), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Петровский мост» (Липецк). Автор шести книг: двух сборников очерков о сотрудниках Донской милиции, побывавших в «горячих точках», и четырех сборников рассказов и повестей на армейскую и милицмейскую тематики. Награжден медалями «За ратную доблесть», «За отличие в охране общественного порядка» и другими. Майор внутренней службы в отставке. Живет в г. Ростове-на-Дону.

— Уважаемые пассажиры! Скорый поезд номер тридцать пять, сообщением Санкт-Петербург—Адлер, опаздывает на один час,— женским голосом, искаженным до мужского, пробубнили динамики в зале ожидания вокзала города Н-ва.

«Вот тебе и здрастье... Советский Союз глазами незарубежных гостей,— пасмурно подумал один из встречающих выбившийся из графика состав — майор милиции в отставке Андрей Кузнецов.— Время течет, а черта лысого, что в Рассеи меняется. И даже в период недоразвитого капитализма. Противно. И неудобно...»

Андрей лениво потянулся, ерзнул туда-сюда на жестком вокзальном кресле. Они в зале ожидания размещались спинка к спинке, сдвоенными рядами. Тут со следующего из них, отделенного от Кузнецова свободным проходом, неспешно поднялся приземистый мужчина в милицмейской форме, прежде угнездившийся спиной к отставному майору. Накинул на лысеющую голову фуражку-аэродром и с достоинством направился к платному туалету.

«Полкан,— автоматически отметил Андрей три крупных вышитых звезды на серо-голубом рубашечном погоне с двумя красными просветами и такого же цвета окантовкой.— Постой-постой... Где-то я уже наблюдал столь характерное движение ягодиц... Да уж не Милка ли это? Хм... Похож... Разъевшийся только. И допрежь плешинкой не светил».

Любопытство, известно, не порок. Потому Кузнецов болезненно-заинтересованно поджидал возвращения старшего офицера из места, куда «не зарастет народная тропа». Лет-то ведь достаточно минуло, немудрено было и ошибиться. Но взглядевшись вторично в дефилировавшего по залу полковника с явственно обозначившимся пузцом, убедился: да, это точно он. Старый знакомый из погонного прошлого. Милка. Игорь Юрьевич Мильченко. Недолговременный начальник Андрея, на тот момент

исполнявшего внештатную должность пресс-секретаря начальника Управления внутренних дел города Н-ва...

...Майор милиции Мильченко той памятной осенью девяносто девятого был переведен в городское УВД из областного, где раньше служил зональным инспектором отдела комплектования в управлении кадров. Возвысили его сразу до заместителя зам. начальника УВД по кадрам. А прозвище, как это нередко бывает, перекочевало на новое место следом за новоиспеченным «двойным замом»: информация в милицеской среде распространяется оперативно. Само же выдвижение аккурат совпало с тем тревожным временем, когда в Москве и Волгодонске внезапно прогремели взрывы жилых домов, и напуганные возможным продолжением серии терактов россияне по всей стране ночами в очередь дежурили у подъездов многоэтажек, на разные лады кляня беспомощность властей. Предшественник Милки, подполковник милиции в отставке Верево, тогда, при случайной встрече на улице с Кузнецовым, откровенно себе порадовался:

— Соображаешь, как я вовремя успел «дембельнуться»? Теперь спокойно блаженствую, да через трое суток на четвертые сторожую, чтоб жена сильно варезку не открывала...

— Зато у нас скоро месяц, как усиленный вариант несения службы (двенадцати-часовой рабочий день) объявили, а уж про выходные вообще наглухо забыть пришлось, — с кислой миной отвечивал пресс-секретарь.

— Запомни! — продолжал поучительно втолковывать Верево. — Если тебе кто-нибудь скажет, что на пенсии хорошо — плюнь тому в глаза! На пенсии — очень хорошо! Особенно же — постфактум тридцати трех лет календарной выслуги!

Андрей хмуро согласился и поспешил на очередную радиостудию...

После совершения терактов на пресс-секретаря, дополнительно, взвалили организацию ежедневных мини-интервью с начальником УВД на радиокомпаниях: двух областных и двух городского масштаба. На практике это выглядело так.

В установленное время Кузнецов предварительно связывался с той или иной студией, определяясь с ее руководством по перечню свежих «противотеррактных» вопросов. (Отдельные, случалось, граничили со здравым смыслом. Скажем: а правда ли, что патрульным вменили в обязанность рыться в каждой уличной урне, поскольку именно в одну из них, по устойчивым слухам, злоумышленники готовятся подбросить очередное взрывное устройство?) Затем он тезисно сообщал, о чем нынче полковник милиции, в свою очередь, хотел бы проинформировать горожан. Знакомил последнего с тематикой сегодняшнего перечня. И, наконец, телефонно состыковывал начальника УВД с ведущим радиостудии.

Подобные передачи в прямом эфире, как правило, не превышали пяти минут. Впрочем, однажды полковник соловьем разливался о превентивных мерах и заслонах на пути террористов всех мастей чуть ли не четверть часа. Самое прискорбное, что Андрей в тот же день обязан был объехать разбросанные по городу радиокомпаниям, собрать записи всех прозвучавших интервью и распечатать их на компьютере. Готовые тексты подшивались в специальную папку, которая назавтра, поутру, представлялась начальнику УВД для визирования его вчерашнего устного творчества.

Таким образом, рейтинг главного милиционера города заметно рос. Да и папочку с выступлениями не грех было любой комиссии торжественно предъявить: вот, мол, в каком тесном контакте с жителями мы в особый период вкалываем. Великое дело — самореклама! В милиции — особенно.

В зависимости от разговорчивости полковника, Кузнецову в те суматошные дни приходилось набирать с магнитофонной кассеты от семи до двенадцати страниц текста на стандартных листах. И это — не считая подготовки всякого рода поздравлений

и приветственных адресов (жизнь-то шла своим чередом), докладов для руководства и положительных милицеских материалов для местной прессы. Впрочем, объем подготовленных Андреем газетных статей и корреспонденций по вполне понятным причинам в последний месяц несколько уменьшился. Чем весьма и весьма был недоволен курировавший работу пресс-секретаря заместитель начальника УВД по кадрам подполковник милиции Степан Григорьевич Крикуленко. Недовольство выливалось вот в такие наступательно-оборонительные диалоги:

— У нас сейчас рабочий день на четыре часа увеличен, да прибавь субботу-воскресенье, значит — что? Значит, ты с повышенной отдачей на своем участке трудиться обязан! — наскокивал Степан Григорьевич. — А на деле? Где каскад аналитических статей? Где серия очерков о передовых сотрудниках, в свете их плодотворной противотеррактивной деятельности? Что ты меня все мелочевкой кормишь: «там раскрыли» да «здесь задержали»? Спишь целыми днями?

— Ага, конечно! — огрызнулся пресс-секретарь. — Кровать уже в кабинет занес! Да эта беготня по студиям и долбежка-перепечатка... столько времени коту под хвост! Лучше б посодействовали, чтоб мне какой транспорт для объезда выделяли. А то домой не раньше полуночи, и всякий раз на маршрутке.

— Дешевые отговорки! — не соглашался подполковник. — Ответственного момента недопонимаешь! Мы все сейчас на усиленном варианте! И вообще: не успеваешь до полуночи — так есть еще длинные лунные ночи! А насчет машины — до скольких раз объяснять: нет возможности для тебя отдельный автомобиль под парами держать — весь транспорт сейчас на антитеррор работает! Давно бы вон, с гоночаров, бэушный «жигуль» купил и катал на здоровье...

— С них разве пару новых трусов приобретешь. Опять же и бензин... Теперь о путном очерке или сносной аналитической статье... Для них сначала надо недельку материал собирать-отбирать, а потом писать садиться на свежую голову, ничем не отвлекаясь. У меня же, помимо этого радиоспринта, каждый день то поздравление внеплановое, то срочный ответ на жалобу, которую еще проверять надо...

— А ты как хотел? — искренне удивлялся начальник. — Кому сейчас легко? — и упорствовал: — Приказываю: уплотнить график работы и чтоб через три дня на-гора очерк про кого-то из уголовного розыска!

— Пока не выйдет! — уперся тогда пресс-секретарь. — И так на последнем издыхании, ровно двигатель на подъеме и на полном газу... Выходной хотя бы один! Месяц ведь скоро хуже белки в колесе. Сами-то за это время дважды...

— Но-но! Поговори мне еще! — резко окоротил Андрея Крикуленко. И, воздев к потолку указательный палец, с пафосом изрек: — Запомни! Тебя заменить нечем! И гордись — руководство доверяет! — Палец переместился, почти уткнувшись ершистому подчиненному в грудь. — Стало быть, внутренне соберись, стисни зубы — и с «Интернационалом» вперед! Вот, — пристукнула начальственная длань по столу, — закончится особый период — тогда и, — взмах ладонью и указка в сторону двери, — гуляй не хочу — на толстое здоровье...

— Это когда он еще закончится-то? Один Господь знает, да его пути, известно... К слову, о здоровье. Последнее время давление скачет, да и моторчик... — рискнул Кузнецов продолжить дискуссию. — «Колеса» горстями...

— Ты мне тут на жалость не дави! — окончательно взъярился подполковник. — И заруби на ушлом носу: если только на больничный нырнешь... Да я тебя... не знаю что! Самолично! — и продемонстрировал крупные кулачищи. — Иди, работай! Учти: очерк я с тебя не снимаю!..

«Черта лысого тебе по всей морде, а не очерк», — подумал, уже выходя от Крикуленко, Андрей, но тут его возвратили «на ковер».

— Да, кстати... Завтра на утреннем совещании моего нового зама представлять будут. Человек из кадрового аппарата ГУВД, а это при любой проверке-комиссии отсюда — лишний плюс...

...Характерно, что одновременно с назначением на должность Мильченко тем же приказом было присвоено очередное специальное звание — подполковника милиции — и тут же, принародно, вручена пара новых погон.

После общего совещания руководства Управления Крикуленко собрал зональных инспекторов кадрового аппарата УВД города, инспектора-психолога и Кузнецова в своем рабочем кабинете и вторично представил, теперь уже своим непосредственным подчиненным, подполковника милиции, но пока — казуистично — с майорскими погонами на плечах.

— Распоряжения Игоря Юрьевича выполнять, как и мои, беспрекословно. В мое отсутствие по всем вопросам обращаться к нему. Тем более, сегодня я ответственный по УВД и после обеда райотделы проверять убуду. Все ясно?

О начале ежедневного рейда по радиокомпаниям пресс-секретарь обычно докладывал Крикуленко по телефону или лично, а коль того не оказывалось на месте, предупреждал секретаря отдела кадров. Но сегодня, убедившись, что кабинет Степана Григорьевича заперт, решил отпрапортовать его новому заму.

Мильченко принял его уже в погонах подполковника.

— Убывай, без проблем,— разрешил он выход.— Вернешься примерно когда?.. Как то есть минимум часа через два? А почему так долго? Ах, без машины... Ну, ладно. Впрочем... В районе военного универмага случайно не будешь? Жаль... Может, все-таки сумеешь заскочить? Мне тут кучу погон еще надо — и на китель, и на куртку, и на бушлат, да и рубашечных пару-другую на смену... Купи, а я потом, сколько будет стоить, компенсирую...

— Извините, но это никак не входит в мои служебные обязанности,— удивившись этакой бесцеремонности с места в карьер, также без обиняков отказался Андрей. Совершенно не к делу вдруг подумалось: «Не похоже, чтобы новый начальник щеки брил. Вообще лицо нежное, девчачье. Потому и Милкой прозвали? Или все же от фамилии?» Помедлил, добавил: — И общаться хотелось бы в дальнейшем все же на «вы»...

— Зря так сразу в бутылку,— обиженно-сожалеюще произнес Мильченко, на этот раз старательно избегая конкретного обращения к собеседнику.— Просьба пустяшная, а у меня еще дел... Ладно, кого другого сейчас озадачу...

Из кабинета Кузнецов вышел с подпорченным настроением. Пропагандировать лакейские мелкие услуги? Не-ет, подобных традиций в «управе» не водилось. Вот орать, материться, кулаком по столу стучать — это да, этим здесь не удивишь. Как и беспардонным тыканьем младшим. Но такое?

«А ведь и правда, сейчас кого из молодых инспекторов нагнет»,— оформилась мысль. А за ней сравнение: морда пороссячья.

Впрочем, за круговертью радиорейда фамилярная просьба быстро забылась, а рабочий день опять затянулся до десяти вечера. На следующее же утро пресс-секретарь узнал, что подполковник Крикуленко, после суточной «ответственности» по УВД удачно взял отгул.

— Всю ночь по райотделам лазил! Недостатков накопал — на целых три листа мелким почерком! — доверительно сообщил старший оперативный дежурный.

— Знаешь, было бы желание,— горько-иронично прокомментировал Андрей.— А уж в нашей конторе ежели сверху рывкнут: «Фас!»,— так на низах кого угодно любому порвут.

— Ото ж,— вздохнув, согласился собеседник.— Как ни тужься...

На сей раз, после обеда, Кузнецов о своем уходе на радиостанции Мильченко докладывать не стал: решил лишь поставить в известность секретаря ОК. Без проблем собрал и привез магнитофонные записи, прослушал... Уже к вечеру, в самый разгар процесса каждодневной перепечатки, в кабинет заскочил один из инспекторов-лейтенантов.

— Быстро! Мильченко всех у себя собирает!

Ничего не попишешь, пришлось выключить компьютер...

— Почему меня лично не предупредили, что в город убываете? — начал двойной зам совещание с разноса пресс-секретаря. — А если бы начальник УВД вас потребовал, а я ситуацией не владею? Служебная дисциплина для всех святое! Эхх! А еще старший офицер!

— Начальник УВД в курсе моих ежедневных радиоскитаний, — пояснил Андрей, увы, сознавая шаткость своей позиции: подполковника предупредить бы следовало. Ладно, будем теперь знать, что он такой... пендитный.

— И с какой это стати товарищ майор считает, что ему на совещание к вышестоящему руководителю можно появляться в гражданской одежде? Милицейской формы стесняетесь? — продолжился «воспитательный процесс».

— Мне Крикуленко разрешил. Без официоза работать проще, люди на контакт легче идут. Я вообще форму только на строевые смотры надеваю...

— Неправильно это! — отрезал подполковник. — Вы — офицер отдела кадров, а таковые, по положению о службе в органах внутренних дел, форму носят каждодневно. Чего неясного?

— Извините, но в таком случае вам следует взглянуть на мое служебное удостоверение...

Достав красную «корочку», Кузнецов раскрыл ее и бережно положил на стол перед начальником.

— Зачем оно мне? — не спешил Мильченко брать документ в руки.

— Затем, что в УВД должности пресс-секретаря официально не предусмотрено, посему и числюсь я — по бумагам — инспектором уголовного розыска. Вам известно, что сотрудники криминальной милиции форму, чтоб ежедневно, не носят? Так же как и офицеры штатной пресс-службы в области. А уж обязанности мои весьма специфичны и далеки от обязанностей зональных.

Двойной зам нехотя заглянул в «корочку», захлопнул ее и небрежно шлепнул на край столешницы. Поразмыслял секунду... Принял решение.

— Товарищ майор! Встаньте! — повелительно начал он. Когда же Андрей вскочил со стула, подполковник милиции, откинувшись на спинку кресла, развил мысль: — Вы слишком много разговариваете! Меня не интересует, в каком виде вы будете посещать кабинеты других руководителей — это их проблемы! Но ко мне извольте прибывать только и только в форме! Приказ понятен?

— Так точно! — отчеканил Кузнецов, решив больше не накалять обстановку: выйдет завтра Крикуленко — разберемся...

— Садитесь! На будущее советую себя вести поскромнее!

Затем Игорь Юрьевич крепко переключился на зональных инспекторов:

— Ряд личных дел недооформлен — я выборочно проверил... Штатные книги в ужасающем состоянии! Кабинеты по окончании рабочего дня не опечатываются, таблички на дверях отсутствуют, внутри окна немые, вообще пыль, грязь, бардак! В сейфах — посторонние предметы! А по телефонам — посторонние разговоры! Нет, товарищи офицеры, так у нас с вами служба не пойдет! С завтрашнего дня начну наказывать! — и т. д., и т. п.

«Круто гайки заворачиваешь, — кисло усмехался про себя Андрей. — Ладно, для

гавканья особого ума не треба. Поживем — увидим... Да когда ж он уgomонится-то? — И украдкой взглянул на наручные часы.— Ого! Полчаса уж распинается, а мне ведь три выступления еще... Так скоро и действительно, раскладушку в кабинет...»

Войдя в раж, Мильченко душевно распек инспектора-психолога за «слабую индивидуально-воспитательную работу с личным составом гарнизона, существующую лишь на бумаге и содержащую огромную долю формализма» и, наконец, перешел к финальной фазе совещания:

— А сейчас всем зональным немедленно созвониться с замами по кадрам подчиненных подразделений и собрать сведения о состоянии служебной дисциплины на сегодняшний день: по службам и видам нарушений. Через тридцать минут заходите ко мне вновь, и итожим данные. Что неясного?

— Товарищ подполковник, а Касик сегодня в наряде — кто за него сведения-то за Свердловский райотдел соберет? — был задан робкий вопрос.

— А вот — Андрей Михайлович и подсуетится,— лихо, без раздумий, кивнул начальник в сторону Кузнецова.— Кстати, ничего сложного в этом нет...

— Охотно верю. Только у меня своя задача срочная,— не согласился пресс-секретарь.— Давайте все же разграничивать служебные обязанности...

— Товарищ майор! — с криком взлетел Мильченко из кресла.— Встать! Смирно! Сию секунду прекратить пререкания! Я вас накажу! По всей строгости! Выполняйте приказ! Потом можете обжаловать — хоть сто порций! Все свободны!

Следующие полчаса Кузнецов сидел за компьютером, с грехом пополам продолжая перепечатку. На сбор райотделских сведений он, после недолгого размышления, так-таки решил наплевать. «Делай свое дело и пусть будет, что будет!» — этот девиз областного ОМОНа как нельзя лучше подходил к сегодняшней ситуации. Куда сильнее мучила тупая пульсирующая боль в затылке, возникшая сразу после завершения эмоционального совещания.

Андрей прекрасно понимал: это опять «проснулась» прогрессирующая гипертония. Нет, лишнего веса, способствующего развитию типичной для россиян в возрасте болезни, майор к своим тридцати семи годам не набрал. Зато, во-первых, повышенным давлением страдали оба его родителя (наследственное предрасположение), а во-вторых, нервишки после двух десятилетий смешанной службы — армейской плюс милицейской — заметно пошаливали. Ведь любую нештатную ситуацию он воспринимал как краеугольную и еще курсантом слыл непримиримым борцом за справедливость.

— На хрена же душе лишние тревожнения? Здоровье для пенсионера сберечь надо! — когда-то убеждал молодого лейтенанта многомудрый капитан со стажем Старченков, за глаза именуемый Хренофилософом.— Ведь если и по двадцать пять часов в сутки пахать — один хрен, всех указующих не ублажишь. Так что привыкай: «руководящий» мат и обвинения в безделье столь же неотъемлемы от армейской повседневности, как и принцип единоначалия. Заметь: при наличии кучи тянущих в разные стороны начальников. Вот и служишь ты, к примеру, не хуже других, а попади какому большесезвездному шлея под хвост и ты под горячую руку... Глядь — и назначили виновным да обложили ни за хрен собачий на тринадцать этажей. Но ведь не тринадцатой же зарплаты лишили! «Есть!», «Так точно!», «Исправлюсь!» Упаси спорить, оправдываться — себе куда дороже выйдет! Конечно, иной хрен, ежели тебя за чужую вину станут под статью подводить... А в непринципиальном вопросе пушай дурак-начальник воображает себя принципиальным умнягой — тебя от того не убудет...

Увы: не внял Андрей в последующей службе «толстокожим» советам. Напротив: частенько по жизни, коль уж считал себя правым, бескомпромиссно шел на взрывные конфликты. Хотя и с менее чем переменным неуспехом... А нервные клетки теря-

лись. От того и мучился ныне офицер головными болями, которые поначалу затихали после приемов таблеток энама вкупе с верапамилом. В последний же, «усиленный» месяц чувствовал себя вовсе прескверно: к раскалывающим затылок укоренившимся болям добавились тошнота, потливость, одышка при беготне по этажам «управы»... Организм явно не успевал восстанавливать силы за пять-шесть часов сна — впрочем, продолжая работать на износ: а куда было деваться?

В УВД в те дни саркастически шутили, что-де нынче все сотрудники вынужденно трудятся в режиме ошпаренной кошки, но именно пресс-секретарю приходилось тяжелее многих. А попробуйте-ка, подготовьте для начальника нестандартные ответы на нестандартные вопросы теле- и радиоведущих, в то время как внутри черепной коробки поднимается девятый вал. Или забойную статью на криминальную тему для газеты спроворьте — и только по результатам краткой телефонной беседы с райотдельцами...

...Меж тем, выделенное Мильченко для сбора «дисциплинарной» информации время истекло и Кузнецов с тяжелым сердцем зашагал в кабинет подполковника милиции...

Едва услышав, что его распоряжение проигнорировано, двойной зам шарахнул кулаком по столу:

— ...твою мать! Да за невыполнение приказа... Ты, может, в народное хозяйство захотел? А то я быстро путевку на дембель выпишу! По негативу!

— Вы мою мать не трожьте! — невольно подался Андрей вперед на стуле. — Она уже в мире ином, и нечего ее память опошлять! Немедленно извинитесь! И тыкать не смейте, я вас уже предупреждал! По тому же положению о службе в органах, все сотрудники обязаны обращаться друг к другу только на «вы»!

На несколько секунд в просторном кабинете воцарилась настороженная тишина, и в ней все присутствующие отчетливо слышали, как кто-то тяжело протопал мимо слегка приоткрытой двери, по коридору.

— Майор Кузнецов — выйдите! — разлепил, наконец, полоску сжатых губ Мильченко. Короткая фраза была произнесена с отграничением как бы выплевываемых слов. Лицо подполковника милиции больше не казалось женственным, в хищном оскале приоткрытого рта проглянула глухая враждебность. Она же отчетливо читалась в испепеляющем строптивного подчиненного упертом взгляде, застыла на крыльях раздувающегося носа, оттопыренной нижней губе и выдвинувшемся подбородке.

Андрей медленно поднялся.

— Вопрос об извинении я не снимаю. А по поводу путевки на дембель — это завтра обсудим... в другом кабинете...

Больше в тот вечер пресс-секретарь на компьютере не работал. Зато от руки написал рапорт на имя начальника УВД, где скупно изложил суть своих претензий к подполковнику Мильченко — начиная с его просьбы о покупке погон. В конце документа подчеркнул, что озвученная угроза увольнения вызвала у него, Кузнецова, на нервной почве, настолько сильный приступ головной боли, что закончить распечатку он был физически не в состоянии.

И это было голой, чистой, абсолютной правдой.

Спрятав рапорт в сейф, Кузнецов уточнил время: двадцать пятнадцать.

И вот тогда офицер, впервые за весь последний месяц, рискнул уехать со службы раньше обычного и с чувством неисполненного служебного долга...

— Что, неужели твой «усиленный» наконец-то на убыль пошел? — несказанно удивилась дома супруга Андрея.

— Черта лысого! — разрушил хрупкие надежды муж. И поморщился. — Просто башка пополам раскалывается — вот и свалил пораньше. А все тот козел, которого на место Верево в начальники прислали... В общем, неизвестно, чем еще все завтра обернется.

— Опять поскандальить расстарался? — насторожилась слабая половина, достаточно изучившая сильную за четырнадцать совместно прожитых лет.

— И не старался вовсе... — хмуро отвечивал Кузнецов, снова поморщившись. — Ладно, проехали...

— Ну-ну, — уже с сарказмом отозвалась жена. — Иди хоть тогда, с сыном пообщайся, а то скоро только по фотографиям узнавать и будет. А я пока твою любимую жареную картошку подогрею...

Впервые за тот суматошный месяц Андрей хорошо выспался, «придавив» подушку на целых восемь часов. Однако все хорошее имеет обыкновение быстро заканчиваться...

Утром следующего дня пресс-секретарь узнал, что подполковник Крикуленко внезапно приболел. Прямо скажем, нерадостное известие...

— Да как ты только посмел домой уйти? — вскричал начальник УВД, едва услышал про неоконченные распечатки. — Взыскания захотелось?

— Чего там — взыскание, когда меня вчера почти что уволили, — скорбно произнес Кузнецов. — Я вот тут, тезисно, изложил... — И протянул вчерашний рапорт, скромно ожидая, пока полковник милиции, нацепив очки, ознакомится... да, по сути, с жалобой.

— Ну и?.. — хмыкнув и отложив два листа на скрепке, поинтересовался тот. — Чего, собственно, хочешь?

— Немногого. Я понимаю, что помогать мне новый начальник вряд ли будет. Так пусть хотя б не мешает! На свои совещания не дергает, заданиями кадровыми не грузит... К форме прицепился, вернее, что без нее работаю. Ему-то какая половая разница? Ну и за языком чтоб следил.

— Что ты так близко к сердцу рабочие моменты принимаешь! — попенял полковник. — Глупо! Подумаешь, матюкнулся кто-то для связки слов... А за остальное — переговорю. Но чтоб завтра распечатки за оба дня как штык! Иди, начинай обзвон радио... Стоп-стоп, чуть не забыл! Срочно приветственный адрес в стихах подготовишь — нужный нам человек, держи, вот его данные. Ох, и не вовремя Крикуленко из обоймы выпал — обязательно чего упустите...

Но как раз с этим — по крайней мере, в отношении своей персоны — пресс-секретарь не был согласен категорически. Все три последующих дня он трудился почти в автономном режиме, лишь дважды в сутки, докладываясь начальнику УВД (кстати, известившему Кузнецова, что его начальнику даны «необходимые указания»), а перед убытием в город и по возвращении в родные стены извещал о своих перемещениях секретаря ОК. С Мильченко же только коротко здоровался, случись встретиться в коридоре, и наблюдая сухой кивок.

Однако наутро дня четвертого в кабинете Андрея возник капитан Подгорнов, курирующий линию боевой и физической подготовки плюс следящий за соблюдением исполнением графика нарядов кадровиков.

— Ты помнишь, что сегодня дежуришь по личному составу? — деловито осведомился он.

— М-м-м... А ведь и правда, — нехотя признал Кузнецов. — Слушай, а как же быть, если ночью вдруг ЧП и мне «служебку» готовить придется? Вы-то — к утру отписались и при любом режиме на боковую. А я сейчас каждый день, и даже по воскресеньям, на радиопередачах завязан. Стало быть, потом никуда уйти не смогу...

— Не мои проблемы, — сразу отбоярился Подгорнов. — В графике есть? Есть... Расписывался? Гляди, вот твоя министерская...

— Да ведь это еще без учета усиленного варианта составлялось, — запротестовал было пресс-секретарь.

— Ничего не знаю. За тебя пахать никто не собирается — и так всего раз в месяц в наряд ставят.

— Блин... Придется к Мильченко идти,— в раздумье произнес Андрей.

— Ха! Не советую,— предупредил Подгорнов.— Во-первых, он тебе после позавчерашнего точно навстречу не пойдет. А во-вторых, каждый смотрит в свой тазик, и если даже кого будут за тебя нагинать — всякий рогом упрется!

— Ага, конечно. А двое суток подряд, да без сна, да при сегодняшней нагрузке?

— Кому сейчас легко? — философски процитировал капитан одно из любимых изречений подполковника Крикуленко.— И вообще: что ты, раньше времени, волну гонишь? Глядишь, ничего за все сутки и не разразится: продрыхнешь дома до утра, в благодати...

— Как же! Раз, помнится, за ночь целых четыре происшествия скопом, так после едва не разорвался! С одной стороны, Степан Григорьевич насаждает: живо проблемную статью на стол, и приветственный адрес срочно, и поздравительный приказ дай, а с другой — он же: почему со «служебками» копаешься?

— Это, один черт, все разговоры в пользу бедных,— подытожил Подгорнов дискуссию.— Бывай!

«И все-таки попытка — не пытка,— поразмыслив, решил пресс-секретарь.— Пойду, доложу, а заодно и подстрахуюсь»...— и — на всякий случай — стал переодеваться в милицмейскую форму.

— А-а-а, Андрей Михайлович, заходите! — встретил его Мильченко на словах радостно, но с постной физиономией: видать, накрутил-таки двойному заму хвоста начальник УВД. Руки подполковник майору не подал, присесть не пригласил. Но при общении уже не тыкал.— И что же вас нынче ко мне привело? Вроде все желания исполнены, от коллектива вывеской индивидуальных задач отгородились... Или же я опять в чем-то провинился?

— Ну... Не совсем так,— слегка смутился Кузнецов от неприкрытого ерничанья преобразившегося начальника. Артист, однако!

— А как именно?

— Да я по поводу дежурства по личному составу. Вы же в курсе, что если какое ДТП на личном транспорте случится, суицид или, там, применение-использование оружия, то от кадров служебные расследования проводятся...

— Прописные истины... Кстати, про подложные документы запомнили — в таких ЧП разбираться тоже наш хлеб. Методические указания по организации проведения служебных проверок внимательнее изучать надо.

— Ага, конечно. Но я о другом хотел... Сегодня-то моя очередь заступать, а тут, в связи с усиленным вариантом...

И пресс-секретарь поведал о своей проблеме — нестыковке ежедневной занятости при работе с радиостудиями и большой вероятности ночного расследования.

К немалому удивлению майора милиции, Мильченко услышанное воспринял адекватно.

— Идите и спокойно трудитесь. К вечеру я что-нибудь обязательно по этому вопросу решу...

Все оказалось столь просто? Ну и ладно, поумнел — флаг тебе в руки...

Однако когда Андрей, незадолго до ухода домой (рабочий день прошел на редкость плодотворно и, что самое отрадное, без всяких ЧП), вторично появился в кабинете Игоря Юрьевича, начальник огорошил его вопросом:

— Ну, и кого же я вместо вас додежуривать поставить должен? Может, самому подписаться? Нет уж, давайте-ка разграничивать служебные полномочия. Свои задачи у каждого имеются, и — заверяю — у всех они срочные. Да и потом, днем ведь

ничего не произошло? Так я вам гарантирую: и ночью не случится. Спокойно завершайте свои перепечатки и езжайте к семье.

— Ну а если все же...

— Если бы у бабушки был хрен, она была бы дедушкой! — вдруг перебил майора резко поменявший тон подполковник милиции. — Три дня с вами не общался — все шло прекрасно! А как только явились, снова сплошная головная боль! Да что вы за такой особенный: и трогать не моги! Нет, уж позвольте! Есть закон, есть график, есть ваша подпись! Все! Шабаш!

И размашисто-круговым движением накинул фуражку с высокой тульей на ежик темных волос, давая понять, что разговор окончен.

Покинув кабинет двойного зама и по инерции наблюдая, как начальник следует по коридору, игриво двигая ягодицами, точно рекламирующая себя дамочка легкого поведения, Кузнецов вдруг понял, что Мильченко изначально решил откреститься от подменной проблемы — то ли из вредности, то ли положившись на русское «авось». А возможно, и по обеим причинам вкупе...

Едва Андрей успел принять дома душ и усесться за ужин, осторожно мечтая о койке, как раздался требовательный телефонный звонок.

— Ничего не случится?! Черта лысого! — изливал душу жене офицер, между глотками торопливо допиваемого чая. — Опять дорожно-транспортное! Двое наших участковых на «жигуле-шестерке» подполковнику военному «джип» протаранили! Это ж делов на всю ночь! Степень опьянения в наркологическом диспансере определять, с них самих объяснительные отбирать, а еще первоначальные ГАИшные материалы ксерить — схему ДТП, протоколы... Поди найди среди ночи ксерокс не под замком! Наш-то, кадровый, давно сдох — и на новый картридж денег нема, и какая-то печка у него прогорела! А еще саму «служебку» ваять, так скоро от клавиатуры мозоли на указательных пальцах прохулятся! Ага, уже ломаются! Вот она, где не надо, оперативность! — И пошел открывать дверь милиционеру-водителю...

События и на деле развивались по предсказанному сценарию. Не будем утомлять читателя описанием всех трудностей, преодоленных пресс-секретарем. Информирuем только, что заключение служебного расследования он закончил печатать к семи утра. Все участники столкновения оказались трезвыми, участковые инспектора — свободными от службы после несения суточного наряда и без форменной одежды... Словом, дисциплинарным взысканием тут вовсе не пахло. А вот кто из водителей нарушил ПДД — это должен был позднее определить и документально зафиксировать специальный «ГАИшный» следователь. Хотя тут и невооруженным взглядом было видно, что вояка не учел помехи справа...

Кузнецов отнес три экземпляра готового заключения дежурному — теперь бумаги будут визироваться несколькими руководителями и в финале утверждаться начальником УВД. Можно часок и подремать на жестком стуле...

К восьми утра на службе обозначился подполковник Мильченко. Андрей сразу доложил о ночном ЧП и поинтересовался: кто же сегодня будет работать с радиостудиями?

— Как это «кто»? Вы и будете, — сразу попытался отфутболить его начальник.

— Я уже целые сутки отдежурил и на вторые оставаться не в состоянии. Между прочим, вас вчера дважды предупреждал, — запротестовал пресс-атташе.

— Вы Присягу принимали? Знаете, что сотрудник милиции обязан стойко переносить лишения и тяготы службы? Тем паче — когда по всей стране особый период усиления... и террористы действуют прямо в нашем регионе... Так что сожмите волю в кулак, напрягитесь — и вперед, на рабочее место.

«Крикуленко копирует», — подумал Кузнецов. А вслух сказал:

— Ваш приказ противоречит Закону. Мне после суток отдых по-любому положен. По кодексу о труде.

— Что-что-что? А может, вы еще и в реальной боевой обстановке на этот кодекс ссылаться будете? Мол, вы тут за меня повоюйте пока, а я всласть покемарю...

— Некорректное предположение.

— А вы мне тут, попрошу, без неуместных комментариев! — возвысил голос Мильченко. — Если только капля совести осталась — бегом в свой кабинет!

— А при чем здесь совесть? Дав-ле-ние! Ишачок свалится — кому тележку тащить?

— Не свалитесь — я гарантирую!

— Вы уже вчера нагагарантировали...

Игорь Юрьевич медленно поднялся и сузил глаза:

— Я уже отмечал: вы слишком много разговариваете! Так вот: довольно демагогии! Идите и трудитесь, без рассусливаний!

— Вы приказываете? — уточнил Андрей.

— Да!

— Можно в письменном виде?

— А вам что, моего устного распоряжения недостаточно? Слово подполковника нерушимо! Свободны!

Ох, и тяжело достался тот бесконечный день Кузнецову. Без преувеличения — человек расходовал последние резервы организма. И все же Андрей решил не спешить с докладом о незаконном приказе к начальнику УВД. Из гордости, вероятно? А сам полковник милиции вроде бы и не заметил, что под материалами служебного расследования по факту ночного ДТП стоит подпись пресс-секретаря, и он же сегодня продолжает находиться на своем посту.

К вечеру майор милиции чувствовал себя как никогда прескверно. Однако все неотложные дела, в том числе и очередную порцию перепечаток, он-таки завершил. И — поплелся в «дежурку».

— Слушай, найди какой-нибудь транспорт, а то, боюсь, на полпути до дома ноги протяну,— попросил он старшего оперативного дежурного.

— Да-а,— сочувственно протянул тучный майор.— По виду точно, как с того света выполз... Ладно, сейчас что-нибудь сообразим.

И пресс-атташе домчали с ветерком до родного угла на одной из служебных машин.

Без ужина, едва сумев раздеться, Андрей ничком рухнул на кровать.

А поутру, с разламывающейся от боли головой, еле встал с койки — и его сразу шатнуло. Перед глазами заплясали мушки, на глубоком вздохе кольнуло в сердце. Тошнило... Пока одевался — уже вспотел, а сердце учащенно колотилось.

«Приплыли! — сказал себе офицер.— Теперь — шагом марш в родную ведомственную поликлинику... Дойти бы!»

— Эге, батенька! Да у вас, без сомнения, гипертонический криз,— осмотрев Кузнецова и измерив давление, поставил диагноз пожилой врач-терапевт.— Двести на сто тридцать! А раньше, судя по записям в медкнижке, выше ста пятидесяти на сто не поднималось...

— Дозрел, значит,— грустно усмехнулся Андрей.— И то сказать: месяц на усиленном варианте, да без выходных, да приплюсуйте двое последних суток на службе подряд. Итого — плоховастенько...

— Молодой человек! — наставительно произнес врач.— Если вы сами не будете следить за собственным здоровьем, то уж, будьте покойны, никто из ваших сослуживцев об этом точно не позаботится. Се ля ви... А сейчас — пожалуйста на укольчик,

давление сбивать будем. Света! Сборную соляночку ему — магnezия, папаверин, дибазол... Посидите — и на кардиограмму...

На работе, разумеется, был временно поставлен крест: по прогнозам доктора, пресс-секретарь выпадал из обоймы минимум на неделю.

По пути домой Кузнецов завернул в соседнюю аптеку. На прописанные лекарства ушли и те деньги, что оказались в кармане, и вся заначка за обложкой удостоверения личности. Впрочем, на какой-то успокаивающий раствор сложной рецептуры их все одно бы не хватило, но его еще только предстояло готовить провизору. Так что на завтра планировались дополнительные расходы.

Возвратившись в свою квартиру, Андрей первым делом позвонил Крикуленко. Длинные гудки... Тогда он оповестил о своем уходе на больничный лист секретаря отдела кадров, попил чайку, вприкуску с целой горстью таблеток, и с чистой совестью завалился спать...

Как бы не так: минут через пять телефон зазвонил. Требовательно... Кузнецов сначала не хотел брать трубку, но быстро сообразил — так могут и прогул записать, ходи потом доказывай, и даже с больничным листом на руках.

Конечно, на проводе оказался подполковник Мильченко.

— Это что еще за фокусы? — сразу сбившись на «ты», завопил он. — Начальник УВД приказал: привезти тебя живого или мертвого! Вся работа с радио встала! Собирайся, срочно высылаю машину!

— Гипертонический криз, — коротко ответил Андрей. Добавил: — С вашей гарантией...

Положил трубку на рычаг и решительно выдернул телефонный штепсель из розетки. Присланного же за ним на личной автомашине капитана Подгорного не без издевки проинформировал:

— А оно ж таки, как видишь, разразилось... Теперь вот пожинаю... приказа глупого плоды.

— Выглядишь ты, правда, неважнецки, — пробурчал Подгорнов. — Да я-то что... Можешь и не ехать — не мне ж потом отвечать...

— За свой базар всегда... — грустно усмехнулся пресс-секретарь.

Следующим днем, чуть ли не в восемь утра, Кузнецову звонил уже сам подполковник Крикуленко.

— Немедленно прибыть! — бесновался он. — Я тебя сам лечить буду! Слышишь? Я — хороший доктор!

— Не сомневаюсь, — согласился блаженствующий в ничегонеделании Андрей. — Только зачем вас обременять? Больничный у меня имеется, лекарства прописаны, принимаю...

— Я т-те покажу! Бездельник! Уволю!

— За что? За то, что ваш зам двое суток кряду на разрыв аорты пахать заставлял? Я ж его предупреждал... Вот пускай теперь сам по радиостудиям мотается. И речи ваяет. И адреса приветственные.

— Да его уже начальник УВД раком ставил! А толку? Какой из него, к свиньям, журналист?! Давай, живо выходи!

— Только после полного излечения...

— Ну, смотри! Пожалеешь! — рявкнуло в трубке, и угроза завершилась сочной матерной тирадой...

Лечился Кузнецов добросовестно. Вот только давление, быстро снизившись до ста шестидесяти на сто десять, дальше опускаться никак не желало. И больничный лист Андрею продлевали и продлевали. Что вызывало великий гнев подполковника Крикуленко.

— Сколько ты еще будешь шлангом прикидываться? — орал он, позвонив в очередной раз. — Бросить пост в такой ответственный момент! Приказываю: сей секунд собраться и прибыть на рабочее место!

— После полного излечения, — неизменно слышалось в ответ.

— Ах, ты!..

И большой начальник вновь скатывался на виртуозную ругань.

В таких «плодотворных» общениях и прошли-пролетели две недели. Обретший румянец щек Кузнецов, наконец, появился в здании УВД. Разумеется, на него тут же свалилось десять больших и столько же мелких заданий. Впрочем, на радиорейдах уже был поставлен жирный крест — начальник УВД загорелся новой идеей: организации «горячей линии» на тему антитеррора и иже с ним. А Крикуленко было строго-настрого указано: пресс-секретаря на дежурства не ставить! И вообще — задействовать по кадровым вопросам только с личного разрешения самого полковника милиции.

Меж тем Андрей выбрал минуту и постучался в кабинет Мильченко.

— В чем дело? — сухо поинтересовался двойной зам, как и обычно, не предлагая визитеру присесть.

— Вот... — выложил тот перед начальником листок с ксерокопиями аптекарских чеков.

— Что это? — не понял подполковник.

— Мои затраты, которые я понес, выполняя ваш неправомерный и противозаконный приказ, вследствие чего и бюллетенил полмесяца, — доходчиво пояснил пресс-секретарь.

— Ну, это еще доказать надо, насчет противозаконности.

— Элементарно. А пока: вы собираетесь мне потраченные по вашей вине средства компенсировать? Тут ведь почти на два миллиона «рябчиков» набежало...

— Почему так много? И вообще: почему это я? С какой стати? Что за ерунда? Ты сам виноват! Не собираюсь, и даже думать забудь!

— Ясно. Стало быть, напишем жалобу.

— Да хоть сто порций! На большее ты и не способен! — и женственное лицо моментально побагровело от нескрываемой злобы.

— По себе-то не судите, — не сдержался Кузнецов...

Через сутки обещанный документ, адресованный на имя начальника УВД, обрел реальность и в тот же день был переправлен подполковнику Крикуленко из секретариата, куда изначально и сдавалась жалоба.

— У тебя что, совсем крыша поехала? — возмущенно осведомился Степан Григорьевич у вызванного «на ковер» пресс-секретаря. — Быстро забирай свою писульку и сходи с ней в сортир!

— Она зарегистрирована, — не согласился подчиненный. — Вы обязаны поставить свою визу!

— Эх, выпороть бы тебя хорошенько! — мечтательно протянул подполковник. — Ну, раз хочешь официальности — пожалуйста...

И махом наложил резолюцию: «Рассмотрение жалобы считаю нецелесообразным».

Впрочем, начальник УВД с этим посылом не согласился, приняв иное решение:

«Тов. Крикуленко! Прошу разобраться в обстоятельствах жалобы и лично провести служебное расследование».

— Ты что, считаешь, мне делать нечего? — бушевал Степан Григорьевич, получив отфутболенный ему же, нетипичный по фабуле документ. — Кроме как ваши дрызги разбирать! Ну, проболел ты, да, ну — потратился... С кем не бывает... Я тоже после ночных проверок бюллетенил, однако ведь к начальнику УВД иска не предъявляю...

— Это ваше право. А вот Мильченко права не имел меня на вторые сутки оставлять! Откуда и гипертонический криз, и расходы.

— Ох, и мелочный ты! Подумаешь, сумма!

— Для вас, возможно, и небольшая. А для меня — значительная.

— Ну, неужели вы, два взрослых мужика, не можете любовно договориться?

— Так если он ничего и слушать не хочет! Талдычит, мол, сам виноват!

— Я тоже так считаю! Частично... Мог бы после ночного дежурства просто домой уйти — и точка.

— Но он же не разрешил и приказал!

— Ладно. Разберемся...

Пришлось Крикуленко самому опрашивать Мильченко и старшего оперативного дежурного, а для Кузнецова выписывать направление на ОБВК.

Там же терапевт и невропатолог резонно посчитали, что месяц работы по усиленному варианту несения службы без выходных обязательно должен был привести организм в состояние сильного нервного перенапряжения, а дальнейшее усиление нагрузки — то есть вторые, неполные сутки работы без ночного отдыха — вполне могло вызвать гипертонический криз.

Старший оперативный дежурный подтвердил, что задействован был пресс-секретарь с десяти вечера до семи утра.

Но вот подполковник Мильченко решительно отперся от противоправности своих действий.

— Смотри,— разъярялся Крикуленко Андрею,— он вовсе не подтверждает того факта, что приказывал тебе не уходить после ночи. Пишет: «я попросил», «желательно, чтобы остался», а «он» — то есть, ты — «согласился в добровольном порядке».

— Врет! И нагло! А еще подполковник! Слово его, утверждал, нерушимо!

— Ты так говоришь, он — эдак. Магнитофонной записи нет.

— Давайте, очную ставку нам сделайте...

— Это уже следственные действия, на производство которых я не имею полномочий... — Заместитель начальника УВД по кадрам задумался... — А может, в свете вновь открывшихся обстоятельств, по тебе самому «служебку» открыть?

— За что?

— А кто тебя знает... Вдруг, ты с умыслом остался, дабы нарочно криз спровоцировать и на полмесяца с антитеррористического фронта... Так сказать, дезертировал...

— Да как вы можете! — не поверил своим ушам Андрей и в запале вскочил со стула.

— Ладно, сядь... Сядь, я сказал, не кипятись... Разберемся по существу,— обнадежил его начальник.

И «разобрался», написав в резолютивной части материала служебного расследования следующее:

«Решить вопрос о причинно-следственной связи временной потери трудоспособности майора милиции Кузнецова А. М., вследствие, якобы, нарушения подполковником милиции Мильченко И. Ю. норм трудового законодательства, и материальном возмещении последним затрат Кузнецова А. М. на приобретенные лекарственные препараты, в ходе настоящей проверки не представляется возможным. Рекомендовать майору Кузнецову А. М. обратиться в суд для принятия окончательного решения по существу жалобы».

Изучив эту резолюцию, пресс-секретарь день-другой поразмышлял на тему вопиющего отсутствия в милиции социальной справедливости, а на третий, прямо с утра, направился к зональному инспектору, ведущему личные дела сотрудников самого УВД.

— Будь добр, подсчитай мою календарную выслугу, — попросил он.

— Двадцать лет и два месяца, — получил он ответ после обеда.

— А это точно? Меньше потом не получится?

— Ручаюсь, — заверил зональный.

— Так, стало быть, я уже право на пенсию уйти имею?

— Да, конечно. Только куда торопиться? Тебе ж еще до сорока пяти — восемь лет... А там, глядишь, и еще на годок-другой-третий продление оформим — было бы здоровье. Как раз выслугу «календарей» за тридцать догонишь.

— Сколько веревочке ни виться, а одной смерти не миновать, — свел воедино две пословицы Кузнецов и пошел писать рапорт на увольнение из рядов МВД.

— Совсем уж офонарел! — поначалу не поверил в серьезность намерений подчиненного Крикуленко. — Или, может, цену себе набиваешь? Надеешься, за тобой на коленях приползут? Умоляя рапорт забрать? Не выйдет! На обиженных воду возят!

— Черта лысого! Ничего мне не надо! — отрубил Андрей. — Даже — видите? — от прохождения ОБВК отказываюсь.

— А работать за тебя кому? — сменил тактику начальник. — Таких специалистов у нас... Да ладно, ладно, охоломи. Ну, давай, я распоряжусь, чтоб тебе приказ на премию подготовили... На те же два миллиона... Вот тебе и компенсация будет.

— Теперь я только единственную приемлю, — рассмеялся пресс-секретарь в лицо работодателю. И разъяснил: — Это если Мильченко из органов выкинут. По негативу.

— Совсем спятил! — изумился и скривился Степан Григорьевич. — Да на каком, позволь спросить, основании?

— Это уже ваши проблемы. Игра такая детская есть: поищи — найдешь.

— У меня даже слов нет... — после долгой паузы заявил Крикуленко. — И букв... Одни междометия остались! Последний раз добром прошу: забережь рапорт?

— Нет! — упорствовал Кузнецов. — Хочу уволиться. В народное хозяйство пойду.

— Дурак! — вновь наскочил подполковник милиции. — Кому ты там на хрен нужен? Да еще и с гипертонией! Не буду я ничего подписывать — и... что?

— Две недели отработаю, потом через суд уволюсь, — объяснил Андрей.

На тему «еще послужить» с Андреем позднее беседовал и сам начальник УВД, но упершийся майор милиции круто закусил удила: «Не интересует!!!»

...Прошло три недели. Теперь уже бывший пресс-секретарь УВД сдал своему зональному кадровику полностью подписанный обходной лист и служебное удостоверение. Получил на руки трудовую книжку и военный билет. Напоследок, не стучась, распахнул дверь кабинета Мильченко. Без приглашения вошел и уселся на стул перед рабочим столом подполковника. Тот тревожно взирал из своего кресла на бывшего подчиненного.

— Ну, что, Милка, от души тебе руководство перца на хвост насыпало из-за моего увольнения? — со смешком начал Кузнецов.

— Выйдите отсюда! — только и произнес хозяин кабинета, впрочем, не очень-то и громко.

— Перебьешься, паскуда, — весьма убедительно заявил гость. — Гриб такой есть, отсосиновик называется. Вот и заполучи его в руки, с двух рук!

— За оскорбление ответите!

— Черта лысого! Магнитофонной записи-то нет. В крайнем случае скажу: всего лишь попрощаться-поручиться заходил... Впрочем, до тебя и дотрагиваться-то противно. Вообще: чего я, собственно, пришел... Жалко, что нет у нас на сегодня дуэлей, как в царской России. Там-то честь мундира и твердость слова куда дороже ценились, а не как в нашей конторе. И за оскорбление лейтенанта даже полковник обязан был ответ своей жизнью держать. Ну, дальше уж — как там Господь рассудит... Нет,

конечно, воля была и от вызова отказаться. Однако в подобном случае офицер — армейский ли, полицейский — немедленно обязан был написать рапорт на увольнение из системы. Лети, трус поганый, вольной птахой в родительское имение! Лети, да помни: слухом земля полнится. Потому ни к тебе никто из соседей в гости не придет — дабы самому не запачкаться, — ни ты к ним, по той же причине, вхож не будешь.

Увы, отошли дуэли в славное русское прошлое. Да ведь и ты из штатного «Макарова» стреляться, непременно обгадился бы... Так что же прикажешь с тобой делать? Личико набить душевно? Опять, руки марать... Просто в морду плюнуть? Чую, быстро утрешься... Ладно, живи, крыса... Пока хвост не прищемили...

И отставной майор, не оглядываясь, шагнул вон из кабинета...

— Уважаемые пассажиры! Скорый поезд номер тридцать пять, сообщением Санкт-Петербург—Адлер, прибывает на первый путь, — женским голосом, искаженным до мужского, пробубнили вокзальные динамики.

Андрей еще с минуту не покидал вокзального кресла. Дождался, пока вызвавший столь негативные воспоминания человек удалится из зоны видимости на перрон.

«Вещей у него с собой нет, значит, тоже кого-то встречать явился», — сообразил Кузнецов.

Сам он должен был забрать гостинцы у возвращавшейся в Краснодарский край из столицы свояченицы. После передачи объемистой сумки, конечно, начались бесконечные вопросы: как жена, как дети, как здоровье и как дела вообще. При этом проезжающая больше торопилась выдать на-гора свои новости-впечатления, то и дело, перебивая родственника.

Десятиминутная и почти односторонняя беседа подошла к концу — объявили отправление состава. Андрей дождался, пока окно купе, за которым свояченица знаками показывала, что по приезде обязательно созвонится, поехало в сторону, и поднял туго набитую сумку.

Подходя к входу в здание вокзала, он невольно замедлил шаг: навстречу ему, по перрону, двигался толстопузый Милка, обремененный чемоданом на колесиках, а рядом семенила тощая старушенция с небольшой корзиночкой и тяжело топала дородный старик, везущий еще один чемодан.

Узрев на расстоянии нескольких шагов давнего подчиненного, полковник милиции сбился со своей характерной походки, а потом и вовсе оцепенел.

— Ты чего? — не поняла старушенция.

— Знакомый, что ли? — догадался старик и оценивающе уставился на Кузнецова, тоже остановившегося.

Мильченко молчал. Как, впрочем, и бывший пресс-секретарь УВД. Взгляды отставного и действующего старших офицеров жгуче уперлись друг в друга. Секундное противостояние — и полковник не выдержал, потупил взор.

Андрей глубоко, звучно вздохнул. Презрительно сплюнул сквозь угол рта. Повернулся к стеклянным двустворчатым дверям. И решительно, не оглядываясь, зашагал в круглосуточно живущее здание. А, пересекши его насквозь, — так же быстро направился к автобусной остановке на привокзальной площади...

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

КИПРСКИЕ НОЧИ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Наступил последний день их отдыха на Кипре. «Завтра домой, в Москву» — сказала мама.

Гоше, мальчику двенадцати лет, больше всего на Кипре понравилось море. Так много совершенно прозрачной и теплой воды еще не видел. Когда погружал лицо с маской в воду, у него захватывало дух от красоты. Дно моря, устланное разноцветными камушками, сверкало и дрожало солнечными бликами.

Первый день он не вылезал часами из этой чудесной воды, и мама боялась, что он простудится, заболеет, и «насмарку» пойдут эти семь дней их октябрьского отдыха.

Второе, что Гоше понравилось — можно было долго не ложиться спать. Дома, в Москве, папин окрик — «пора спать!», раздававшийся в десять вечера, приводил его в уныние. Здесь же, на Кипре, в маленьком поселке Карпасиана, они с мамой гуляли до полночи.

Южная ночь не казалась здесь темной на улице. Было светло от многочисленных магазинов, лавочек, ресторанов, выставивших свои столики под светильники прямо на тротуар. Допоздна было многолюдно.

Гоше напоминало это ГУМ в Москве. Так же нарядно, кругом светящиеся витрины и много неторопливо идущих людей.

Только если дойти до конца главной улицы этого кипрского поселка, где освещение сразу обрывается, можно было увидеть черную темноту, как стена встававшую сразу за последним светящимся фонарем.

Дойдя до этой стены южной ночи, они с мамой поворачивали и возвращались в светлые нарядные улицы. И снова шли мимо магазинов, лавочек, ресторанов, без промежутков следовавших друг за другом.

В воздухе плавали вкусные пряные запахи. Мама останавливалась у витрин больших магазинов и подолгу рассматривала выставленные за стеклом вещи. Но Гоше больше нравилось задерживаться у легкого ажурного здания, увитого незнакомыми цветами, из которого неслись громкие звуки ритмичной музыки. «Это дискотека», — сказала мама на вопрос Гоши. Было интересно узнать, что там. Но мама сказала, что детей туда не пускают.

Когда мама уставала ходить по улицам, они шли в отель. В первый же день Гоша нашел на открытом месте внутреннего двора отеля бильярд. Он тоже привел его в восхищение. Взяв в руки кий и наклонившись над столом, покрытым зеленым сук-

ном, Гоша чувствовал себя взрослым мужчиной, что делало игру на бильярде особенно замечательной. Играл азартно. Удары получались сильные и неточные. Шары нередко вылетали за борт.

Так обычно заканчивался их день. Они поднимались в свой номер на втором этаже небольшого уютного отеля, и Гоша, лежа в постели, долго не мог уснуть. Под звуки танцевальной музыки, доносившейся из ажурного здания, увитого цветами, перед ним оживали впечатления еще одного дня на Кипре. Пальмы, теплая прозрачная вода, крапленая бликами солнца, никуда не спешащие люди, белые дома, непохожие друг на друга, незнакомые марки автомобилей, мчащиеся по левой стороне улицы, белые шары, катящиеся по зеленому сукну, — все это мгновенно появлялось в памяти, стоило только закрыть глаза.

Проснувшись утром, Гоша выходил на галерею, с внутренней стороны опоясывающую весь второй этаж отеля и, пока мама совершала свой утренний туалет в номере, любовался бассейном. Вода сверху казалась совершенно гладкой, как стекло потому, что бассейн находился во внутреннем дворе отеля и со всех сторон был защищен от движения воздуха.

Каждое утро, до завтрака, пожилая пара — мужчина и женщина в купальниках бодро выходили из своего номера на первом этаже, как раз из-под ног Гоши, делала на краю бассейна гимнастические упражнения и ныряли головой вперед, с шумным плеском разбивая синее стекло воды. Гоше было смешно видеть, как они перебирали в воде ногами, сразу становившимися короткими от оптического преломления.

Выходила из номера мама, и они шли завтракать. Первые дни завтракали в ресторане отеля. Ресторан был маленький, между столиками проходить было тесно. Пропеллер с длинными лопастями, лениво вертевшимся под потолком, не давал прохлады. Поэтому стали устраиваться за одним из белых столиков, стоявших по краям бассейна. Как только они усаживались, появлялся большой рыжий кот, ласково смотрел на них и медленно мигал зелеными глазами.

После завтрака они шли на море.

На третий день утром к бассейну вышла женщина и с ней молодая девушка. Женщина была в купальнике ярко синего цвета. На девушке была черная майка и белые джинсы. Женщина осторожно по лесенке спустилась в воду и стала плавать, энергично выкидывая перед собой руки. Девушка села в кресло и закинула ногу на ногу. В руках у нее была маленькая пестрая книжка, которую она раскрыла и стала читать. Гоша смотрел на нее с галереи до тех пор, пока женщина не выкупалась, и они не ушли к себе в номер.

На другой день девушка и женщина не появились. Утром за завтраком Гоша искал их глазами. Но из номеров выходила разнообразная публика — старые худощавые женщины в шортах, грузные мужчины с фотоаппаратами, висевшими на шее, молодые мамы с маленькими детьми, и одна влюбленная парочка, каждый день появлявшаяся в новых нарядах. Девушки в черной майке и белых джинсах среди них не было. Гоша сразу заметил бы ее. Она была высокая, стройная, и у нее были прямые белые волосы до плеч. Не появились она и за ужином.

На пятый день, устав от моря, мама решила ехать на экскурсию. Выбрали Пафос.

Когда автобус, выбравшись из узких улиц, выехал за город и помчался по дороге по направлению к синевшим вдалеке невысоким горам, Гоша с сожалением оглянулся на удалявшееся море, представил себе, как хорошо было бы сейчас окунуться в сверкающую воду, вздохнул и стал смотреть в окно.

Большой и длинный, как дом, автобус мчался с головокружительной скоростью. Гошу забавляло то, что они обгоняли даже иномарки. С высоты «второго этажа» он с азартом смотрел, как они догоняли очередной автомобиль, он проплывал под окнами

автобуса и оставался позади. Гоша с удовольствием помахал бы водителям рукой, но ему была видна только крыша обгоняемой машины.

Проплывавшие назад пейзажи были довольно однообразны. Все, что видел, он сравнивал с морем. Пологие холмы, видневшиеся вдаль, напоминали ему волны. Редко попадавшиеся кусты на склонах холмов были похожи на морских ежей, прикрепившихся к бокам больших рыжих камней.

Через два часа монотонного однообразия быстрой езды автобус сделал остановку.

— Залив Афродиты, — объявила экскурсовод. — Стоянка полчаса. Можете искупаться.

Это предложение застало маму и Гошу врасплох. Они не взяли купальников. Отчаянию Гоши не было границ: всего семь дней и один будет без купания в море! Мама горевала тоже: быть на том месте, где из моря вышла сама Афродита, иметь возможность погрузиться в воду, которая делает женщину красивой, и — оказаться без купальников!

— Ладно, купайся в трусах, — решительно сказала мама.

Сама она, поднимая все выше и выше подол юбки, медленно заходила в воду, а потом ополоснула ею лицо и голые до плеч руки.

Выкупавшись, Гоша отжал мокрые трусы, спрятавшись за большим серым камнем, что лежал в полусотне метров от воды, и они с мамой побежали к автобусу, уже призывно сигналившему с дороги.

Пафос Гоша нашел скучным. Было очень жарко. Из прохладного автобуса выходить не хотелось.

Произвели впечатление на Гошу только катакомбы святой Соломонии. Перед входом в них росло дерево, на ветвях которого висели платочки, привязанные теми, кто верил, что это приносит счастье. Платочков было так много, что почти не было видно листьев дерева. Дерево выглядело забавно.

В катакомбах было прохладно и сумеречно. Гоша ожидал увидеть длинные темные запутанные коридоры, высеченные в толще земли, и приготовился к тому, что ему будет страшно. О том, что в катакомбах должно быть страшно, он читал в какой-то книжке. Но эти катакомбы представляли собой лишь несколько небольших пещер, похожих на залы, соединенных между собой короткими узкими проходами. В пещерах на стенах были темные некрасивые иконы, от них не исходило сияние, и смотреть на них было неприятно.

Легко и ярко одетые экскурсанты из автобуса фотографировались на фоне темных икон, озаряя их вспышками фотоаппаратов. Некоторые крестились перед иконами. Гоша заметил, что мама тоже перекрестилась украдкой.

Пестрая толпа экскурсантов в темноте пещер напоминала Гоше разноцветных рыбок в аквариуме.

Через полчаса они вышли из прохладных катакомб в зной улицы.

Предстояло осмотреть еще недавно раскопанный археологами дом знатного горожанина Пафоса античных времен. Чтобы как-то развлечь себя и скоротать время, Гоша взял у мамы фотоаппарат. Он снимал там, где экскурсанты из их автобуса не снимали. Да и снимать-то, собственно, было нечего. От дома знатного горожанина античных времен остался только мозаичный пол. Экскурсовод объясняла смысл сюжетов, изображенных на полу, но фигуры были едва заметны, и смотреть на них было неинтересно.

После античного дома в плане поездки был ресторан и обратная дорога.

Ресторан был большой, просторный, малолюдный и располагался — какое счастье! — прямо на берегу моря. За окном было море. Необъятное, сверкающее, переливающееся солнечными зайчиками, веющее прохладой и солоноватым ароматом. На столах блестели белоснежные салфетки. Стояли прозрачные, почти невидимые бокалы. Красочные, как альбомы по искусству, лежали глянцевые меню.

Гоша выбрал для себя меч-рыбу. И апельсиновый сок.

— Fish-sword and orange juice, please,— сказал он официанту, испытывая невероятное удовольствие от всего происходящего.

Мама была скромнее. Она сделала заказ по-русски.

Официант постоянно улыбался и по-русски пожелал им «приятного аппетита».

Обратная дорога обещала быть скучной.

На выезде из города сделали остановку у лавочки, где экскурсовод посоветовала купить оригинальное, только на Кипре производимое вино — Командор. Мужчины вышли все как один. Вышла и мама купить для папы в подарок вино. Гоша остался в автобусе. Его клонило в сон. Чтобы не уснуть, стал рассматривать улицу. На тротуаре прямо перед входом в лавочку он увидел огромные глиняные кувшины. Они были такими большими, что, примерив мысленно их на себя, решил, что вполне бы смог в них спрятаться.

Эта мысль пришла ему в голову потому, что он вспомнил мультфильм, в котором разбойники, взрослые дяди, прятались в большие глиняные кувшины.

Пришла мама. Автобус тронулся и помчался уже без остановок в Карпасиану.

Гоша подержал в руках темную и тяжелую, как булыжник, бутылку, которую принесла мама, разобрал и перевел для мамы английскую надпись на ней и стал смотреть в окно. Было неинтересно, и он уснул.

Проснулся он, только когда автобус остановился у отеля.

— Мальчик устал,— сказала мама.— Как раз к обеду успели. Сейчас поедим и будем отдыхать.

Они умылись у себя в номере и спустились к обеду.

Все столики у края бассейна были заняты. Походив с подносами с едой, они нашли столик, за которым обычно обедали. За ним сидела одна женщина и три места были свободны.

— Можно? — спросила мама.

— Конечно,— последовал ответ по-русски.

Они не удивились, потому что за эти несколько дней, прожитых в отеле, убедились в том, что здесь много русских.

Гоша узнал в их соседке по столу ту самую женщину, которую он видел вместе с высокой стройной девушкой позавчера у бассейна.

Мама и эта женщина разговорились.

Сначала Гоша не слушал, о чем они говорили. Он знал общительный характер мамы, ее умение быстро знакомиться и говорить на самые разные темы с самыми разными людьми.

Сначала разговор был о вещах и покупках. Потом краем уха, подкармливая рыжего кота, занявшего свое обычное место у их столика, Гоша слушал, как женщина рассказывала маме о своей однодневной поездке с дочерью в Израиль. Эта поездка входила в путевку и разочаровала их. «Все бегом, все бегом,— говорила женщина. Ничего толком посмотреть не удалось». Гоша понял, что речь шла о магазинах, и снова рыжий кот занял все его внимание.

Он только насторожился, когда речь зашла о девушке, дочери этой разговорчивой русской женщины. «Вы знаете, пришли ребята-киприоты и пригласили ее на дискотеку». — «И вы отпустили ее?» — спросила мама с удивлением. «Я узнала, здесь это принято. Это как бы входит в программу туристского сервиса,— сказала женщина.— Я наводила справки. Здесь совсем нет преступности. Мальчики такие вежливые».

— Бывают же мамы,— сказала мама, когда после обеда они с Гошей поднялись в свой номер передохнуть после экскурсии в Пафос, занявшей почти весь день. Наступал вечер. Обеды в заграничных отелях бывают тогда, когда в России ужинают.

Перед сном Гоша и мама пошли погулять.

Кипрская ночь благоухала. В посвежевшем с наступлением темноты воздухе плавали разнообразные ароматы. На берегу пахло морем и водорослями. На улицах, у ресторанов воздух казался густым и сочным. Из палисадников вокруг вилл источали острый травянистый запах неизвестные кипрские цветы. От прогуливающейся праздной публики исходило тонкое дыхание заграничной парфюмерии и трубочного табака.

Темнота южной ночи имела особый аромат. От него на сердце у Гоши становилось тревожно и радостно, рождалось ожидание чего-то необычного, почти волшебного, могущего случиться каждую минуту за каждым поворотом коротких нешироких улочек Карпасианы. Они шли как раз по этим улочкам, прочерченным как на листе в клеточку. Освещали их только окна вилл и светильники, горевшие на открытых верандах.

Этой южной ночи не хватало музыки. Когда Гоша подумал об этом, тотчас раздалась уже знакомые за эти несколько дней кипрские мелодии. Они проходили мимо большого отеля, отгородившегося на окраине поселка от улицы высоким забором. Музыка была за этим забором. Играл не проигрыватель, играли музыканты, потому что время от времени наступали перерывы, и тогда раздавались аплодисменты, как будто кто-то сыпал морские камушки. Мелодии были певучими. Музыка звучала мягко. Она не разрушала ночь. Она делала ее волшебной.

Вернувшись с прогулки в отель и проходя мимо «reception», они увидели объявление, гласившее на русском языке, что завтра, после обеда, который будет на час позже обычного, оркестр местных музыкантов даст концерт народной музыки «Кипрские ночи». «Значит, оркестр будет играть и у нас», — подумал Гоша и, утомленный событиями этого бесконечного дня, отправился спать.

Утром Гоша и мама оказались опять за одним столиком с той самой женщиной. Она была одна. На мамин вопрос — «Где ваша дочь?» — последовал ответ: — «Отсыпается». — «Все в порядке?» — спросила мама. — «Безусловно!» — «Вы смелая мама». — «Будет вам». И они расстались с этой женщиной до вечера.

Весь день Гоша провел на море. И в море. Мама смирилась с тем, что вытащить в этот последний день из воды его не удастся.

Гоша плавал, нырял с маской, собирал разноцветные камушки на память о море. Мама лежала на топчане и, переворачиваясь с живота на спину и обратно, наносила тем самым последние штрихи к своему кипрскому загару.

Озябнув, Гоша выбегал из воды, ложился рядом с мамой, прижимаясь к ее теплему боку, и отбивал зубами мелкую дробь.

— Смотри, заболеешь, — лениво, нестрого говорила мама, разомлевшая под лучами ласкового южного солнца. — Хватит. Погрейся.

— Ну, мама! — протестовал Гоша и опять бежал к воде.

Так повторялось много раз в этот последний день их отдыха на Кипре.

Наконец наступил вечер и обед.

Гоша ждал их с нетерпением. Весь этот вечер должен быть необыкновенным. Будет играть музыка прямо у них в отеле, и он увидит живых кипрских музыкантов, играющих настоящую кипрскую музыку. Потом они будут долго-долго гулять с мамой по ярким нарядным улицам и на прощание с Кипром выпьют по фруктовому коктейлю за столиком на тротуаре.

Обед прошел как обычно, в обществе большого рыжего кота, который, видимо, предчувствуя разлуку, ласково терся о Гошины ноги.

После обеда они поднялись к себе переодеться к концерту. Гоша надел белые джинсы и черную майку, на которой как на географической карте был изображен остров Кипр. Мамин туалет казался Гоше нескончаемым.

— Ну, скорее же, мама. Займут все места.

И в самом деле, когда они спустились со второго этажа на площадку перед входом в ресторан, почти все стулья, расставленные полукругом, были заняты. Публика была приодета. У стены, где должны были разместиться музыканты, уже стояли, как грибы на тонких ножках, ударные тарелки, блестя медью, на стульях лежали гитары, скрипка и банджо. Как гора чемоданов чернел музыкальный центр — звукоусилитель.

— Ну, вот, мама,— в сердцах сказал Гоша.

— Идите к нам,— позвали их.

В наступающих сумерках они увидели знакомую женщину. С ней сидела девушка в белых брюках и черной майке.

Они подошли и сели с ними рядом. Сначала мама, потом Гоша на крайнем стуле. Когда Гоша поворачивал голову, через маму ему была видна девушка.

Вышли музыканты и стали играть. Полились мелодии, которые Гоша и мама слышали вчера вечером у отеля за забором.

Сначала это были песенные мелодии. Потом музыканты заиграли танцевальную музыку. С каждым номером музыка становилась все зажигательней, быстрее, энергичней. Но никто не поднялся танцевать. Пожилые люди предпочитали слушать. Мамы сидели с детьми на коленях. Влюбленной парочки, каждый день менявшей наряды, не было.

Украдкой поглядывая на девушку, Гоша видел, что ей было скучно.

— Танцуйте, пожалуйста,— по-русски выкрикнул один из музыкантов.

Из передних рядов поднялась пожилая пара и стали танцевать. Публика зааплодировала. Танцоры двигались медленно, шаркая ногами по полу. Когда они закончили, им аплодировали снова.

После них никто больше не танцевал, хотя музыканты играли не переставая.

— Вы не играете на бильярде?

Гоша поднял глаза. Перед ним стояла девушка в белых брюках и черной майке. Гоша подумал, что эти слова обращены не к нему. К нему еще никто не обращался на «вы». Но девушка стояла перед ним и ждала ответа.

Гоша встал и посмотрел на маму.

— Иди, иди,— сказала мама, и Гоша понял, что над ним не шутят.

Ему стало жарко.

Девушка повернулась и пошла. Гоша пошел за ней. Они подошли к бильярду.

Бильярдный стол располагался в одной из арок, через которую из внутреннего двора отеля можно было выйти на улицу. Над столом висел фонарь. Он горел всю ночь, и поэтому играть можно было сколько угодно долго. Чтобы получить шары, в прорезь, находившуюся в торце стола, надо было опустить 20-пенсовую монету.

Девушка подошла к столу и повернулась к Гоше. Гоша стоял перед ней и не мог отвести от нее взгляд. Впервые в его жизни взрослая красивая девушка стояла перед ним и смотрела на него, как на равного себе. Пауза затянулась. Гоша не сразу сообразил, что нужно делать. А когда сообразил, жар опять охватил его лицо.

— Я сейчас,— сказал он и бросился бежать.

Разыскав среди публики маму, он предстал перед ней взволнованный и запыхавшийся, хотя пробежать ему пришлось всего метров двадцать.

— Мама, мама, скорее двадцать пенсов! — громким шепотом выкрикнул он.— Скорее же!

С монетой в кулаке он бросился обратно.

И они стали играть на бильярде.

Сначала Гоша робел. Но девушка играла не лучше его. Шары тоже вылетали у нее за борт, и Гоша с готовностью лазил за ними под стол или преследовал их, не

давая им закатиться далеко. Потом он осмелел. Хлопал в ладоши, когда у него или у девушки получался хороший удар, сталкиваясь с ней при подходе к шару для удара, не всегда даже извинялся и в азарте игры стал называть ее на «ты».

Время летело незаметно.

Когда партия заканчивалась, то есть все шары оказывались выбитыми, Гоша бежал к маме за новым двадцатипенсовиком.

— Скорее же, мама! — говорил он горячим шепотом, чтобы не мешать слушать музыку, которая продолжала напевно звучать во внутреннем дворе отеля.

— Весь вспотел. Не торопись, — говорила мама, платком утирая пот с его лица. Он выхватывал монетку у нее из руки и бежал к бильярду.

Гоша опускал монетку в прорезь, шары выкатывались, и игра продолжалась.

Уже несколько раз Гоша прибежал к маме за очередной монеткой. Завидев его, бегущего к ней, мама вынимала кошелек.

И вот Гоша появился перед мамой совсем не возбужденный и торопливый, а погасший и грустный. Он подошел и тяжело опустился рядом с мамой на стул.

— Ну, что, наигрался? — спросила мама, продолжая слушать музыку.

— Да, — уныло сказал Гоша.

— А где Катя? — спросила женщина, поворачиваясь к нему.

— За ней пришли. Она ушла с ними на дискотеку, — ответил Гоша.

Когда «Кипрские ночи» закончились, Гоша сказал маме, что на вечернюю прогулку ему идти не хочется и пить фруктовый коктейль за столиком на тротуаре он тоже не хочет.

— Вот и хорошо, — сказала мама, — будем собираться. Завтра домой, в Москву.

Они распрощались с женщиной, Катиной мамой, и поднялись к себе в номер.

Пока мама собиралась, Гоша равнодушно смотрел телевизор. Спать легли рано. «Надо выспаться на дороге, чтобы не проспать», — сказала мама.

Рано утром они уехали в аэропорт.

В самолете Гошу слегка поташнивало, и от этого настроение у него было плохое.

Когда в Москве они выходили из аэровокзала, дул сырой ветер и накрапывал дождь.

Татьяна Камаева
(г. Москва)

КРОВИНУШКА

Татьяна Камаева, прозаик, член Союза писателей России и творческого клуба «Московский Парнас», автор книги «Путь к себе». Автор журнала «Приокские зори».

Сепановна не могла заснуть и лежала на спине, всматриваясь в темноту.

Уступив уговорам сына, она легла в больницу. Шалило здоровье — следствие блокады.

А за окном хозяйничала зима. «Тридцатая зима после войны,— думала она,— с каждым годом болячек все больше и больше. Колдуют врачи надо мной, а болезнь берет свое... Сколько сроку мне судьба отмерила? Эх, нелегкая ты у меня, судьби-нушка... Вынеси, дай пожить немного... Внука надо поднимать, рано лишился он мамки. Бог прибрал ее после родов. Не слушала меня, выскакивала раздетая на балкон вывешивать пеленки. Простудилась и ушла в мир иной... Оставила мне махонького. Не война! Вынянькаю. Как там они без меня дома хозяйничают?.. Белье, наверное, так почти месяц и лежит, дожидается. Обязательно к Пасхе надо побелить квартиру, вымыть окна. Как быстро пролетела жизнь. Скоро утро... А там новый день... Жизнь продолжается...»

За дверью послышался странный звук. Прислушалась. Кто-то жалобно скулил, как слепой щенок, потерявший мамку. Захотелось встать и посмотреть, что за беда случилась с человеком? Не могла пройти мимо чужой боли. Она повернулась на кровати, но панцирная сетка предательски заскрипела. Чтобы не разбудить соседей по палате, Степановна осторожно опустила ногу на пол, пошарив, нашла тапочек, изловчилась и приподнялась. Кровать опять скрипнула, но уже тише. Никто из больных не проснулся. Накинула халат и двинулась к двери. Дощатый пол попискивал. Наконец, вышла и в ужасе застыла от увиденного.

Парень приготовился лишиться себя жизни. Даже в тусклом свете луны женщина заметила отблеск бритвы. Красивое лицо с испуганными глазами смотрело на нее. Не раздумывая, Степановна со всей силы двинула кулаком по этому лицу. Парень отлетел к стене и медленно сполз на корточки. Глаза от неожиданности вмиг просохли.

— Че, мать, делаешь? Завтра синяк будет,— пробурчал он, трогая переносицу.

— Потерявший голову по волосам не плачет, сынок...

Она подняла бритву, подошла к пареньку и погладила отросшие волосы.

— Солдатик, небось?

— Да, с аппендицитом попал.

— Сам что ли решил сделать себе харакири? Рассказывай, что стряслось?

— Не буду,— буркнул тот.

— Может, кто обижает? Скажи. Сама к командиру пойду,— не отставала Степановна.

— Пусть попробуют тронуть,— сважничал солдатик.

— Звать-то как?

— Пашка.

— Павел, значит. Ну не хочешь, не говори. Только жизнь, сынок, можно отдать ради родной кровинушки. Можно еще за родителей. Только... они же не переживут твоей смерти! Ты про мамку с папкой вспомнил, когда надумал полоснуть по венам?

— Нет у меня бати. Испарился... после моего рождения,— парень, втянув голову в плечи, уставился в пол.

Женщина присела на кушетку:

— Пожалуй, я поведаю тебе то, о чем никому и никогда не рассказывала.

Павел слушал Степановну и забывал о своей боли, о разрыве с любимой, которая его не дождалась, выскочила замуж. Он понимал, что самый близкий человек, готовый отдать за него жизнь — это мать. Как мало он думал о ней. Все больше писал той, которая предала его. «Теперь буду чаще писать матери»,— решил он.

А Степановна, маленькая, очень худенькая женщина, с большими выразительными глазами на все лицо, обняла Пашку, чтобы тот не мерз, и все рассказывала, рассказывала...

Она отпустила паренька, когда стали просыпаться больные, надо было идти по палатам мерить температуру. При свете Павел заметил у нее на щеке, ближе к правому уху, странную родинку, похожую на звездочку.

Больше он не встречался с этой худенькой женщиной, которая вселила в него что-то большое, ради чего стоит жить. Ее выписали в этот же день.

Она появилась в его жизни, как ангел, и исчезла, как волшебница, сделав свое дело.

При выписке Павлу передали листок с адресом. Там еще была приписка: «Заходи, сынок, в любое время. Спроси Степановну».

Только через пять лет Павел решился приехать к ней в гости.

Дверь открыл мальчик, у него на щеке была точно такая же родинка в виде звездочки.

— Значит, я не ошибся. Степановну можно? — Павел волновался.

— Па, здесь бабушку спрашивают,— крикнул мальчишка.

— Проходите, проходите,— засуетился мужчина, увидев в дверях молодую пару с малышом на руках.— Вот на кухню сразу к столу и проходите.

— Я с женой и дочуркой к Степановне приехал. Хочу узнать ее имя, поблагодарить...— Павел замешкался.— Она, мой ангел-хранитель.

— Проходи,— высокий худощавый мужчина, похожий чем-то на Степановну, протянул руку и представился,— Николай.

— Павел,— пожав руку, сказал гость.— Я познакомился со Степановой в больнице.

— Да проходи же! Что стоять в коридоре? Пожалуй, на кухне мы все не поместимся,— хозяин перекинул полотенце через плечо и крикнул:

— Колька! Тащи всю еду в зал.

— Где же Степановна?

— Нет ее...

— Как нет?

— Умерла прошлой осенью. Тихо так умерла. Она не любила говорить о болячках. Блокада подкосила.

— Она мне рассказывала о блокаде.— Павел передал дочку жене и прошел в комнату за хозяином.

— Странно, мать не любила говорить о том времени. Не могу понять, как я выжил?

— Я, кажется, знаю,— сказал гость.

— Рассказывай, рассказывай,— Николай подтолкнул его к столу.

Они сели и забыли об окружающих, о еде и питье...

— Молодые сыграли свадьбу,— вспоминал рассказ Степановны гость.— Надо понимать, Николай, что это были ваша мать с отцом. А вскоре мужа забрали на фронт.

— Да, да, мать говорила, что отца через неделю после свадьбы забрали на фронт,— Николай уже не сомневался, что мать именно этому человеку рассказывала о себе.

— Вскоре Степановна почувствовала, что носит ребенка. Это надо понимать, вас,— продолжал Павел.— Радостную весть сообщила мужу на фронт.

— Писем было всего пять,— добавил Николай и процитировал наизусть: «Любимая моя женушка, твои письма ношу возле сердца. Они согревают мне душу, и я чувствую, что ты рядом. Читаю их и перечитываю. Сбереги нашего малыша. Твой Николай».

— Пойдите, Степановна вас назвала Николаем в честь погибшего отца?

— Да! А я сына назвал в честь деда. Он, как и я, Николай Николаевич. Рассказывай, Павел, что еще знаешь?

— Ребенка родила раньше срока — говорила она. Сын был слабым, даже не плакал. Голод. Холод. Война. Измученная, в полуобморочном состоянии, она как-то вышла на улицу. Стояла поразительная тишина: ни вороны, ни блудной кошки не попало ей на пути. Увидела, как одна девушка разгребла сугроб, сунула в него какой-то сверток, и спешно удалилась. Твоя мать достала сверток, развернула и увидела тельце мертвого младенца, ему было несколько дней. Степановна не удивилась, потому что сама оставила сына полуживого. Молока у нее не было. Да и откуда ему там быть? Она третий день ничего не ела. «Это твой ребенок?» — услышала она голос прохожей старушки. «Нет, нашла в сугробе», — испуганно ответила ваша мать и показала на разрытое место. Она рассказала этой старушке, что у нее тоже есть малыш, который умрет, если не накормить его. «Иди, милая, домой. Какая у тебя квартира? — прошамкала старуха.— Сама-то дойдешь?» — «Доберусь».

Вечером кто-то постучался. Степановна отворила дверь и увидела недавнюю знакомую старушку. Та протянула банку. Почти месяц она подкармливала вашу маму, а потом бесследно исчезла. То ли попала под бомбежку, то ли силы покинули ее, но больше она не появлялась.

Степановна рассказывала, что в блокаду поели всех кошек, ворон, даже крыс ели, чтобы не умереть с голоду. Она все делала, чтобы вы выжили. Об этом просил ее муж, Николай. Вы даже не представляете, что сделала с собой эта женщина. Видели у нее на левой руке странный шрам?

— Видел. На запястье был шрам. Я любил трогать его в детстве. Он был такой твердый. А когда вырос, всегда целовал в это место...

Николай задумался, догадка мелькнула в голове:

— Вот почему мама любила повторять: «Кровинушка, ты моя».

Слезы катились по щекам, мужчина не стеснялся их.

Павел тоже смахнул слезу и сказал:

— Степановна была мужественной. Она спасала вас, как могла... А я — дурак, чуть сам себя не лишил жизни. Ангел вовремя подоспел.

— Как это? — вырвалось у Николая.

— А так! От несчастной любви. Степановна спасла. Я ее слова всю жизнь помнить буду. Знаешь, что она мне сказала?

— Догадываюсь,— утвердительно сказал Николай и начал вспоминать.—

«Жизнь, сынок, можно отдать ради родной кровинушки. Можно еще за родителей, только они не переживут твоей смерти...»

— «Вот и тебя, солдатик, мать вырастила без отца. Трудно ей было. Береги ее, сынок»,— продолжил Павел и снова смахнул слезу.

Николай тоже, не стесняясь, плакал. Так мужчины плачут очень редко. Раз в жизни.

Утро застало их за столом, на котором остыла нетронутая еда и стояла непочатая бутылка водки.

— Давай, Павел, помянем мою маму, Ангелину Степановну,— Николай наполнил рюмки.

Они выпили залпом, не чокаясь.

— Теперь я знаю, как назову свою дочь... Ангелиной в честь Степановны,— выдохнул Павел.— За тем и приехал.

Хозяин снова наполнил рюмки.

— А теперь, Павел, давай за твою дочку.

— За Ангелинку! — добавил Павел.— И за вашего Николку.

— За Ангелину и Николая!

Рассвело... Начинаясь новый день. Жизнь продолжалась.

Яков Шафран
(г. Тула)

БОМЖ

Василий неспешно брел по мосту, что широко раскинулся над железной дорогой и далее над речкой, сейчас, зимой, заметенной снегом, и оттого кажущейся широкой, а летом — мелководной, зажатой разросшимися деревьями и кустарниками, все более наступающими на нее, заполненной водорослями и затянутой тиной. А ведь он еще на своем веку помнил речку более широкой и более чистой. Знающие люди говорили, что лет сто пятьдесят тому назад, она была полноводной и красивой, в ней водилась рыба, а в жаркие дни здесь у моста было массовое купание горожан.

Он любил мост. Если очень медленно идти по нему, останавливаясь и подолгу глядя на темные застывшие фигурки любителей зимнего лова, то так можно было провести минут пятнадцать времени в один конец. А если по два раза туда и обратно, то и час времени можно было убить. Ведь ему некуда было спешить.

Василий любил мост еще и потому, что по нему обычно шло гораздо меньше людей, чем по улице. Нет, он любил людей, но боковым зрением подмечал, как они непроизвольно старались обойти его, а если это не позволяла уличная скученность, то хотя бы отвернуться. Только бродячие кошки и собаки не чурались его.

Чуть поодаль за рекой — его родной завод, на котором Василий проработал токарем почти пятнадцать лет. Все также стоят корпуса, трубы, и проходная — на месте. Утром также торопятся пройти в нее люди — правда, их становится все меньше и меньше. Что-то иногда вывозят с завода на грузовиках — подмечал Василий, — значит, работа, какая-никакая, идет. А вот в его времена завод все три смены кишел людьми. На то и слово такое — завод, завели и работает. Последние годы, а ныне — и более того, завод стал кончаться, ослабла пружина, некому и нечем стало завести...

Однако, когда Василию надоедало ходить по мосту взад и вперед, он возвращался на улицу. Он старался держаться ближе к местам, где можно было найти пропитание, спасаясь в холода и непогоду трассами теплоснабжения, подъездами домов с чердаками, в которые в дневное время, если повезет, можно было зайти вслед за милосердным или, наоборот, безразличным жильцом. На свалках, куда частенько выбрасывали старую деревянную мебель и строительный мусор, можно было найти, наломать и натаскать в укромный угол дровишек, и, запасясь заранее кипой газет, разжечь небольшой костер. Но это только в сухую зимнюю, позднеосеннюю или, наоборот, ранневесеннюю, опять же, сухую погоду. А вот в зимнюю ростепель, какие сейчас все чаще и чаще бывают, или в промозглое межсезонье, когда все, в том числе и газеты за пазухой, отсыревает, костер уже не разжечь. В благодатную же летнюю пору Василий, поев, уходил на берег реки и там бродил или спал на траве до тех пор, пока снова не захочется есть.

Тут в километре в спальном районе был старый двухэтажный дом, из тех, что строили пленные немцы после войны. Дом был уже расселен, но его на протяжении

двух лет почему-то не сносили. Этажи были отключены от газо- и теплоснабжения, от электричества, двери, оконные рамы со стеклами и доски полов, а также прочие атрибуты жилого помещения, были тут же буквально за ночь вынесены рачительными дачниками и городскими огородниками. Но в подвалах было тепло — забыли, видимо, по рассеянности или еще по каким-то неведомым причинам отключить горячую воду. В доме этом и ночевали местные «бомжи»... Однако дом вчера все же снесли. «Бомжи» разбрелись кто куда. Василий же, однолюб, пока никак не мог стронуться с привычных мест, с которыми у него много было связано по жизни. Но ночевать-то где-то нужно было — зима ведь на дворе. Что делать? На всех подъездах сейчас — кодовые замки — не пройти. А если даже дожидаться, пока кто-то выйдет или зайдет будет, то не пустят, прогонят прочь «вонючего бомжа». Да даже если и пройти — с площадки прогонят, а проходы на чердаки и райские места — подвалы — закрыты на прочные замки. Остается только, если кто-то из милостивых жильцов или дворник пустят в подвал переночевать, согреться, а то и пожить, как в собственном доме. Но вероятность этого невелика... Можно было бы на теплотрассе пристроиться — тут участок недалеко над землей проходит. Но мороз сегодня крепкий и ветер сильный, от которого не укрыться...

Да... хорошо, когда тепло. Костер бы сейчас не помешал. И чтобы горел, не угасая, и греться, греться возле него, выгреть всю стужу из тела, избыть эту хроническую застарелую дрожь, ставшую уже внутренней дрожью, дрожью, казалось, каждой клеточки. Представил Василий этот костер, в огне горящие поленья, вспомнил, как в детстве любил смотреть в топку печки — жили они в частном доме, — слушать, как потрескивает огонь, любил бросать в него старые газеты и наблюдать, как они, охваченные голубыми языками пламени, разворачиваются, на миг еще сохраняя свои письмена, и рассыпаются в пепел. Однажды, будучи еще несмышленным пацаном, бросил он в огонь рублевую бумажку, а мать увидела и всыпала ему. Но успел он увидеть — красиво горел рублевик, совсем не так, как газетная бумага. Потом мать объяснила, сколько всего она могла купить ему на этот рубль. Вася долго переживал...

Деньги горят красиво, и в прямом и в переносном смысле. Так и сгорели в большой, страшной, но невидимой — мерзнувшей Василий все никак не мог подобрать слов для названия, — той «печи», сгорели все их с женой Антониной сбережения. Только тогда, в начале девяностых, не сами они бросили деньги в «огненное жерло», а эта, как потом выяснилось, ненасытная «печь» сама втянула их — и не только их, а миллионов людей, — деньги в свое чрево. А те немногие, что были в наличии на руках, как и зарплаты, вмиг обесценились. Суммы, достаточной для покупки цветного телевизора с большим экраном и хорошего холодильника в купе с ним, теперь хватало лишь на несколько буханок хлеба. Хорошо еще, что детей у них не было!

Подбила Василия жена тогда, в девяносто четвертом, вместе податься в «челноки». И подались, стали на пару ездить в Турцию, возить оттуда тюки с баулами, набитые вещами и обувью, и торговать на рынке. Первые два дня торговли, как сейчас помнил он, прошли бойко — Антонина энергично призывала покупателей, могла преподнести им товар с лучшей стороны... А на третий день подошли к ним трое крепких улыбчивых ребят.

— Хорошо работаете, — говорят, — мы тут наблюдали. Пора и делиться — без охраны сейчас никак нельзя. Могут обидеть нехорошие люди и сильно. Будете нам «отчинять» столько-то и столько-то — никто и близко к вам не подойдет. Торгуйте на здоровье хоть до второго пришествия!

Не понял Василий — не то, что они имели в виду, — не понял, зачем и почему они с женой должны отдавать «кровно заработанные» кому-то, никакого отношения не имеющему к их труду. Заартачился он, а те — еще настойчивее. Заартачился Ва-

силией еще сильнее, а у ребят тех не только улыбки сошли с лиц, но и порозовели они сильно тогда. Василий ни в какую — «Нет! — говорит. — Пойдите прочь, бездельники! Ни гроша вам, оглоеды, не будет!»

Изрядно побили они тогда Василия. Антонина кричала в голос, но никто на подмогу так с места и не сдвинулся. Избили так, что все внутри отбили. Деньги все, что были к концу рабочего дня (а день тот был намного удачнее первых двух), отобрали, и из товара все, что приглянулось, прихватили, а остальное свалили с прилавка и вешалок в грязь — накануне всю ночь лил дождь...

Холод забирался вовнутрь, и от него никуда не деться. Из тамбура ближнего супермаркета его вчера выгнал заступивший вечером охранник. Он же сегодня и днем до самого вечера дежурит. Злой очень — не пустит... Нужно идти до дальнего крупного магазина — в мелких нет таких, обогреваемых воздухом тамбуров, — а это с километр будет. Сильный мороз да с ветром сегодня.

Эх, согреться бы получше. Костер бы вечером в укромном уголке развести, благо кипу газет он вовремя на свалке из рук почти подхватил, да рассовал их за пазуху, да по карманам. Да-а-а, хорошо бы напиться теплом, да до ночлега добраться — через плотину километра два-три будет. Там дворничиха знакомая добрая живет — из тех, кто один на миллион, — в подвал пустит. Переночевать: день и ночь — сутки прочь.

Само по себе расстояние-то небольшое, когда был здоров и не «бомжевал», мог пройти за двадцать минут. Даже с тюком вещей хаживал, А сейчас, дай Бог, минут за сорок добрести на больных ногах и с большой поясницей — да и то, если ветер в спину.

Да, натаскался он в свое время хорошо. И сказать, — шесть лет «челночил». Но однажды в двухтысячном, когда в очередной раз ехали из Турции, решил не распаковать большой тюк и не распаковать по сумкам вещи, чтобы не терять времени, а взвалил его на плечи и понес к терминалу. И то ли слишком тяжелым он оказался — утрамбовали больше обычного, то ли повернулся не так, а что-то вдруг оборвалось внутри у Василия, в глазах потемнело от сильной боли в животе. Бросил он тюк наземь и опустился рядом с ним, не в силах подняться. Пришлось жене просить помощи, чтобы довезти его до больницы, благо уже на своей территории были. А там, в больнице, врачи определили — разрыв тонкой кишки. Видно Василий от побоев рекетирских так и не оправился, а где слабó, как известно, там и рвется.

Василию удалили часть кишечника, под страхом смерти запретили поднимать тяжелое и прописали строгую диету. С тех пор Антонина стала «челночить» одна, а он торговал на рынке. Вот как раз на том месте, где он сейчас и идет в дальний супермаркет. Только раньше рынок был вещевым, а теперь — продовольственный. Да и тот вскорости собираются сносить и строить вместо него торговый центр или, как сейчас любят говорить, административно-хозяйственное здание.

Рядом с рынком — мусорный контейнер ближнего супермаркета, куда раз — а то и два раза — в день выбрасывают негодные продукты. Возле «пасутся» нищие пенсионерки, у которых пенсии такие, что после оплаты коммуналки не хватает на питание, или наоборот. К контейнеру и «бомжи» подтягиваются «ловить куски с барского стола» — все же пенсионерки из милости дают им кое-что и подбирать оставляют. Иногда, если повезет, выносят невесть откуда еще — тут уж у «бомжей» пир.

Вот и сейчас две старушки — одна, высокая, плотная и широкоплечая в коричневом платке, из-под которого выбиваются седые пряди волос, в сером халате поверх тонкого пальто и в латаных-перелатанных сапогах; и другая, щупленькая, худенькая, невысокого роста в белом вязаном платке, как-то особенно повязанном на голове, в длинном темно-синем потертом пальто и в явно не по размеру больших ботинках, по лицу скорее татарка, — копошились в контейнере, встав на цыпочки и двигая локтями над головой.

Василий, отроду метр девяносто, подошел и отодвинул озлобленно зашипевших на него старух, сгреб содержимое контейнера, сколько мог, и вывалил на снег. Женщины, разобравшись, что он не враг и не соперник им, стали дружно рыться в куче. А Василий в порыве благодушия наклонил контейнер и, повернув его, опер на лежащий по близости ящик. Теперь рыться в нем и доставать содержимое стало проще. Быстро разобрав кучку на снегу по сумкам, пенсионерки подошли к контейнеру, и они втроем — на добро нужно отвечать добром — стали вытаскивать из него и сильно побитые яблоки, и банки просроченной морской капусты, и обрезки заветренной то ли колбасы, то ли ветчины, и подгнившие бананы, и зачерствевший распакованный хлеб, и раздувшиеся пакеты кефира и ряженки. Женщины складывали все это в сумки, Василий же, которому все это нести было некуда, набил небольшой пакет — на ужин и на завтрак, а пообедал на месте. Так они втроем «оприходовали» весь суточный выброс из супермаркета. Повезло сегодня — раньше времени, наверное вынос продуктов сделали, народ не успел собраться. Когда подошли припозднившиеся старушки и двое «бомжей», то ничего съедобного уже не осталось. Василий не стал дожидаться, пока соберутся все окрестные «бомжи», — могли навалиться гуртом и отобрать добычу — выдал двум бедолагам по куску хлеба и колбасы и направился к супермаркету. Суетливо заторопились прочь и минималпенсионерки.

Василий шел по улице, на противоположной стороне которой стоял дом, где он раньше жил, когда еще был женат. Или — как правильнее сказать? — где он раньше был женат, когда там жил? Вот и окна и балкон знакомые (хотел сказать «родные»), но даже внутренне не смог, — какие родные? — уже столько времени прошло, да и давно отвык соотноситься с такими атрибутами уютного бытия, как квартира.

Да... Разладилось у них тогда с Антониной. И понятно-то все по-человечески. Источника материального другого не было, а с него, инвалида, какой прок? Только и годен, что за прилавком сидеть, в лучшем случае стоять. А ей и туда ехать, и там бегать и искать, покупать да волочить, а потом все это — домой, да на рынок и с рынка (тогда складов на рынках еще не было). И везде деньги платить, а их на все не напасешься, и так не густо. Ну вот, поехала она, натаскалась с год, да и нашла себе молодого помощника — мужика сорока трех лет из области, моложе себя на пять годов (Василий-то был старше ее на шесть лет). Она познакомила их, представила: «Вот — помощник! А заодно и сам-с-усам, «челноком» научиться (а чего там учиться?) — и нам будет помогать, и себе деньги зарабатывать. Короче говоря, вроде так они договорились — он ей помогает таскать, а она его обучает всему «челночному» ремеслу, «натаскивает». Стали они ездить вдвоем, а Василий на рынке сидел и товары обоих продавал.

Так они и жили. Помощник поначалу уезжал в свой район — городок находился в часе езды от автовокзала, не так далеко. А потом стал все чаще оставаться у них ночевать, надоело мотаться туда-сюда. И Василий понимал, не возражал. А через полгода Евгений — так звали его — и вовсе поселился у них на постоянное жительство...

«Что-то то ли мороз все крепчает, то ли ветер такой холодный — до костей пробирает, — думал Василий. Он поднял воротник куртки — одно название, пора было во многих местах ее, разорвавшуюся, зашивать, — запахнулся поплотнее, скрестил руки на груди — все теплее.

Навстречу шла пара — мужчина и женщина, оба лет сорока, в дубленках и меховых шапках, веселые. Идут, смеются. Увидели его, смех, видимо, застрял в горле, потупились. Прошли молча мимо... и Василий мимо — каждому свое...

— Теперь эта комната будет твоя, — сказала однажды Антонина, показывая в сторону бывшей дочерней, где жил Евгений. Василий было «рыпнулся», зашел в

бывшую с их женой спальню, но там были уже не только вещи «соседа», но и он сам, глядевший своими ясными серыми глазами. А под короткими рукавами футболки перекачивались крупные ядренные мускулы.

— Ну что тебе, Василий? Живи, живи в той комнате. Тепло, сытно. Что еще нужно? Живи! — молвил.

Все понял он, молча перешел в отведенную ему комнату. Да и что мог инвалид поделывать — любовь зла! И зажили они втроем в двухкомнатной квартире, которую Василий получил от завода.

Так прошло еще полгода. И как-то Антонина говорит:

— Вася. Ну что тебе на рынке мужику на шестом десятке да инвалиду сидеть? Отдыхай дома!

— А торговать, кто будет?

— Да мы сами и будем.

Вот тут-то и засосало у него под ложечкой. Как прошибла догадка — худо будет! Он знал, ежели баба чего захочет, все сделает. Но догадка догадкой, а жить-то нужно. Торговлю у него отобрали, а вместе с ней и долю от дохода за работу. Денег не стало, до трудовой пенсии еще далеко, а пенсия по инвалидности — «курам на смех». Устроился Василий вахтером на четыре с половиной тысячи — в охранники его не взяли по состоянию здоровья и по возрасту. В сумме вместе с пенсией хватало на коммуналку — половину от общей платы за квартиру и услуги платил он — и на питание, более ни на что не оставалось.

Все бы ничего. Жил бы хворый в тепле да в относительной сытости. Да не тут-то было...

«Что же за холод сегодня? — Василия бил озноб, зуб на зуб не попадал. Хорошо, что супермаркет уже рядом. Он вошел через автоматически открывающиеся двери и забился в угол, поближе к решетке воздуходува, из которого потоком лился спасительный теплый воздух. «Слава Богу!» — подумал Василий, встал лицом к решетке, стремясь вжаться в стену, слиться с ней, стать как можно менее заметным.

Тепло, хорошо, стала постепенно уходить хроническая зябкость — рай! «Как бы подольше меня не трогали, чтобы прогреться, как следует. До похода через плотину к дворничихе еще остается часа два. Раньше ее дома не будет еще». Задремал Василий, научился дремать, как лошадь, стоя. Сквозь дрему слышал, как открывались и закрывались створки автоматических дверей, как рядом, со стороны переулочка открывалась и закрывалась дверь простая, слышал шаги, говор, смех людей, шелест шин и мягкий рокот моторов проезжающих машин. Сменяя один другой, наплывали дремотные образы и растворялись, почти не осознаваемые, оставляя после себя лишь тяжесть на душе. Временами дремота отходила, вот и сейчас, в ответ на громкие возгласы мужчин, входящих в магазин, Василий открыл глаза и покосился в их сторону.

«Вообще-то неправильно называли таких, как я, «бомжами». Правильнее было бы назвать «бомжбуд» — человек без определенного места жительства и будущего», — почему-то подумалось ему...

А тогдашняя интуитивная догадка Василия оказалась верной. Антонина со своим «хахалем» стали методично изживать его из его же квартиры, пакостили по мелочам, кухню — а она была большой, благоустроенной и уютной, сам создавал своими руками, — занимали для оргий с приятелями: пили, танцевали под громкую музыку, пели, хохотали допоздна, а порой и до утра. Он же в это время у себя в комнате голодный, долго не мог заснуть. Так и уходил порой на дежурство, не выспавшись и не поев. Характер у Василия был такой — мирный, терпеливым и смиренным он был мужиком.

Когда Антонина с Евгением поняли, что их разговоры-уговоры типа: «Уходи,

мол, найди себе старушку — и она будет рада, и тебе хорошо!» или «Хочешь, мы тебе в деревне избушку купим?» — на него не действуют, стали пакостить по-крупному...

«Эх-эх-хэх!..» — вздохнул он и задремал вновь.

И снится Василию, что живет он в большом светлом красивом и теплом доме, где всего вдоволь — в каждой комнате по жаркому камину, а вдоль стен — все шкафы, шкафы... А в них одежда и обувь на любую тебе погоду: и непромокаемая от дождя, и меховая от мороза, и светлая легкая в жару. А рядом с кухней — ах, какие запахи аппетитные! — кладовая с холодильниками большими — от пола до потолка, — полностью забитыми едой...

Вдруг хлопает дверь... «Вроде закрывал?!» — думает он. Оборачивается, а перед ним какие-то незнакомые мужики в черном и со свирепыми лицами. Не успел он и рта раскрыть, как получил удар кулаком между глаз.

— Пшел вон отсюда, падаль!

— Как вы смеете? Это — мой дом! Кто вы такие?!

— Счас мы тебе покажем, кто мы такие, «бомж» вонючий!

Смотрит Василий, а это двое охранников в черном перед ним. Один из них тычет в него шваброй и орет:

— Пшел вон. Тебе говорят!

Делать нечего, придется уходить из теплого места. Только глянул мельком на часы в торговом зале — а на них уже без пяти минут восемь. «И то, слава Богу, почти два часа погрелся», — подумал он и побрел к выходу. Теперь нужно запахнуться по-лучше, и на всех парах к дому дворничихи. Еду искать он теперь не будет, иначе все тепло растеряет.

Улица была ярко освещена фонарями, витринами магазинов и рекламой. Но если смотреть в сторону от уличных огней, то видно было висевшее над городом темное усеянное звездами небо.

Согревшийся Василий энергично шагал по тротуару, скрестив руки на груди, немного нагнувшись вперед и ставя ступни носками немного вовнутрь, как конькобежец, чтобы, не дай Бог, не упасть. Он знал, что последствия такого падения в его возрасте и при ослабленном от постоянного голодного существования здоровье, а теперь, зимой, и при переохлаждении, могут быть трагическими. Перелом шейки бедра в его положении будет равносителен смерти.

Василия не впервые гнали вот таким образом. Он уже привык. Гнали его и тогда из квартиры Антонина со своим сожителем. После разговоров-уговоров, поскольку он не соглашался на старушку и деревеньку, они перешли к угрозам. «Сколько прожили, а подумать даже не мог, что у Тоньки такой характер может быть», — удивлялся он и теперь, но зла не держал.

Но удивлялся и не только он. Как-то разговорился в разгар всех этих «квартирных дел» с одним верующим сменщиком у себя на вахте. Тот, узнав о жизни Василия, убеждал его: «Нельзя ничего не делать, сложив руки, ожидая от других решения своей участи. Действуй, защищайся, отстаивай свои права, соблюдая при этом смиренное терпение, сохраняя мир в душе...». Но Василий был такой человек, что избегал всяких конфликтов, ссор, противостояний, зла, и в этом только и видел смирение, и ради мира в душе готов был уйти от всего этого прочь. «Вот такой я человек!» — говаривал он при этом.

Однажды Антонина с Евгением, когда Василий, решив разменять квартиру, нашел более-менее подходящий вариант, наняли бандитов — не бандитов, но «серьезных ребят», чтобы они выпроводили Василия из дому. Они и «выпроводи́ли»... Избитый до неузнаваемости, Василий неделю пролежал дома, не в силах даже встать. Ра-

боту вахтера он не потерял, хотя и работал без трудового договора, без отметки в трудовой книжке, то есть без оформления. Дополз кое-как до телефона, позвонил. Руководство, которое было в курсе его домашних дел, пошло навстречу, и коллеги-вахтеры согласились поработать пару недель вместо «сутки-трое» по графику «сутки-двое» — то есть в более напряженном режиме.

Но у его «соседей» на руках были билеты, через неделю они должны были лететь в Турцию, и они торопились до отъезда убрать Василия из квартиры. Когда однажды вечером вновь пришли те самые «серьезные ребята», он, собравшись с силами, встал, сложил в чемодан самое необходимое и, еле двигая ногами, молча ушел. Вот такой он был человек.

Как и сейчас Василий шагал тогда в зимний вечер. Но какая разница была между тем Василием и этим — небо и земля. Тогда он шел, преисполненный надежд, что вот сейчас он придет к сестре, к родному человеку, к той сестренке, которую он в ее младенчестве носил на руках, нянчил ее, играл с ней в раннем детстве, занимался в школьные годы, и с которой он дружил по жизни, хотя в последние годы они встречались все реже и реже; придет, и Валентина все сделает для него, попавшего в беду. Он не думал о том, что между той девочкой Валенькой и теперешней Валентиной были долгие годы одиночества с двумя детьми — муж ее после ЛТП бесследно исчез. Детей нужно было поднимать, давать образование, а Антонина, когда они уже всю «челночили», была против помощи своей золовке, считая, что каждый должен сам обеспечивать свою жизнь, и Василий помогал сестре тайно, но, наверное, в недостаточных размерах. Валентина же патологически ненавидела все эти «бизнесы» и, будучи работницей поселковой библиотеки, довольствовалась своей зарплатой, садом, огородом, домашней скотиной и тем, что можно было подработать в соседнем совхозе...

Вот и плотина видна. Тепло уже почти все улетучилось и в теле начала появляться дрожь. Но тут Василий в ложбине, недалеко от плотины, увидел костерок. Не раздумывая, он направился к нему.

Двое мужиков, таких же бородатых, как и сам Василий, грелись у него и что-то ели.

— На жратву руки не протягивай! Самим не хватает...— сразу же один из них в лоб предупредил Василия.— А греться можешь, пока горит,— добавил он.

Немного погревшись — долго было нельзя, так как дворничиха, придя домой и поужинав, почти сразу же ложилась спать — вставать приходилось в пять утра — и потом, стучи — не стучи, на улицу уже не выходила,— Василий продолжил свой путь...

Тогда, когда, преодолевая боль в вывернутом плече и искалеченной пояснице, он добрался до сестры, был уже поздний вечер. Валентина удивилась, но приняла его, приготовила ванну, накормила и уложила спать, сказав, что обо всем поговорим утром, благо она завтра выходная.

Утром за завтраком, который Василий не мог назвать скромным, так как давно уже питался воздержанно, сестра расспросила его. Рассказывая, он отметил, что глаза ее во время всего разговора были сухи и спокойны.

— Тебе нужно познакомиться с женщиной. Хочешь, я помогу? У меня жить тебе не с руки, хоть дети и разъехались. Я все же еще не отказалась от мысли создать семью,— сказала она.

Валентина и правда познакомила его с одной, другой, третьей женщиной. Но как-то так выходило, что ни одна из них не польстилась на Василия. Одна, как только услышала, что он ничего, кроме как токарить и «челночить», не умеет, а заниматься этим в силу своей инвалидности не может, тут же и заскучала, и, посидев, ушла. Дру-

гая сказала, что был бы он на пенсии и получал тыщ восемь да плюс инвалидскую, тогда еще куда ни шло, сидел бы дома и по хозяйству потихоньку помогал, хоть на огороде — и то добро. Но до пенсии Василию было без малого восемь лет, а инвалидская пенсия — копейки. Вахтер? Ну, где в ее деревни вахтером работать, а до города далеко. Можно было раньше в совхозе устроиться на канцелярскую какую работу или сторожем, так сейчас совхоза и в помине нет в деревне. В поселке? Так тут вахтерской работы кот наплакал, да и платят две тыщи. Люди, несмотря на это, держатся ради приработка «руками и ногами». Третья, как узнала, что инвалид, что поясница сильно травмирована и половины кишечника нет, покачала сочувственно головой: «На что мне такой? Ни мешка с картошкой поднять, ни огород вскопать, ни дров нарубить, ни воды натащить!» — и тоже ушла восвояси.

На этом закончились знакомые у Валентины. Пожил еще недельку Василий у сестры, все ждал непонятно чего — как все добрые люди непременно доброго разрешения всех своих проблем. Но так и не дождался. К концу недели появилась на лице Василия растерянная улыбка. Да так он с той улыбкой и ушел, понял — одна у него теперь дорога. Вернулся он в город, и с тех пор «бомжует» вот уже лет семь-восемь, точно уже сказать не может — со счета сбился. И то хорошо, многие «бомжи» и пяти лет не протягивают.

...Василий дошел до конца плотины, оставалось пройти еще три квартала. Мороз с ветром доставал уже до нутра. Дрожь вновь стала бить его да все сильнее и сильнее. Ноги плохо слушались, так как ныла больная поясница. Он пожалел, что не дождался двадцати двух часов, когда при закрытии супермаркета повторно выносят «продукты». Если бы поел, легче было бы сейчас, да с собой бы прихватил. «Да какой супермаркет?» — спохватился он. — Ведь боялся, что дворничиха ляжет спать, а просыпаться, вставать, одеваться, идти на улицу, открывать подвал она уже ни за что не станет... Один раз он сделал так, разбудил — обиделась, разозлилась, не пустила в подвал. Хорошо пожалела и в подъезд пустила, но предупредила, — в последний раз. Так и заночевал он тогда в описанной некультурной псиной кабине лифта — там меньше дуло... А так ничего, добрая она, пускает, если вовремя придти. А там, по нынешней поре студеной, просто рай!

Оставалось еще полтора квартала. Собираться с силами Василий умел. И воля у него была. «Почему ж «бомжом» стал?» — спросила однажды одна доброволка в службе помощи. Василий пытался ей что-то объяснить, но та так и не поняла ничего. А просто он, когда дело касалось себя, был беспомощен как малое дитя. Ради другого мог даже подражаться, как это случилось вчера, когда один злой «бомж», не дай Василий, мог даже задушить другого «бомжа» за большой кусок мяса на кости, найденной в мусорном контейнере на дворовой помойке. Василий бросился на злого и ударом своего мощного кулака враз сшиб его на землю и вывернул руку за спину. Он хотел разделить поровну это мясо между тремя, но третий в это время, прихватив кость, быстро ушел, и был таков, даже не поблагодарив своего защитника.

Но вот и дом, где жила дворничиха, вот ее подъезд... Но что это? — Света в окнах нет! «Опоздал! Видимо она уже легла... Но не может быть!» — по его подсчетам еще должно быть только около девяти часов вечера. Он еще раз проверил номер дома, подъезд... Нет, все верно, и вот ее окна с характерным узором решетки. Он цеплялся обычно рукой за ее край, становился на немного выступающий цоколь и стучал по стеклу. Она выглядывала, выходила и открывала подвал, где горячие трубы, где из одной из них капает вода, и можно, взяв на время консервную банку у кошки и набрав воды, попить или умыться. Но все это пустяки, главное, согреться и переночевать. В полшестого утра дворничиха, выходя на работу, выпроваживала его, сунув в руку небольшой сверток с горячей картошкой, хлебом и, если повезет, кусочком сала или яйцом...

— Что, телефон тебе дать? Ишь чего захотел! Ха-ха-ха! Пошли, Крыся! — мужчина дернул за поводок и, потащив не перестававшую лаять таксу, ушел.

«Да что же это?» — Василий уже не чувствовал кончика носа, щек, бедер... Он замерзал все больше и больше — движения и растирания не помогали. Улица снова опустела...

Но вот на противоположной стороне появилась женщина. Она неторопливо шла с большими полными пакетами с остановки автобуса. Василий с надеждой на совершенно бесчувственных ногах, широко расставляя их, чтобы не упасть, бросился к ней через пустую мостовую. Женщина, увидев неуклюже переваливающегося с ноги на ногу, еле держащегося в вертикальном положении, с горящими глазами человека, бегущего к ней, что есть силы бросилась от него по тропинке к дому и, перехватив пакет другой рукой, на ходу достала из кармана магнитный ключ. Добежав до подъезда, она плохо слушающейся от волнения рукой приложила ключ к кодовому замку и открыла дверь.

— По-по-до-дож-жди! Пу-пус-с-сти!

Но женщина, со страха, видимо, не разобравшись, кто он и что, быстро влетела в подъезд, и дверь за ней закрылась. Василий в отчаянье отвернулся. Ноги уже совсем не подчинялись ему, навалилась усталость, тянуло ко сну, хотелось сесть, а еще лучше лечь, и спать, спать, спать...

Да вот и лавочка под раскидистой вишней. Лучи уличного фонаря серебрятся на только что умытых теплым летним дождем листьях и ягодах. Пахнет травой, а ближе к лавочке — цветами, с ухоженной заботливыми руками матери и соседки, любивших вечерами посидеть у подъезда, клумбы. «Почему их сегодня нет? Наверное, интересный фильм по телевизору припозднился, вот они и смотрят его. Если бы они знали, как хорошо сейчас на улице! Посидеть, отдохнуть что ли?» — Василий сел — благодать-то какая: птицы щебечут, легкий теплый ветер шевелит волосы. Ах, как приятен покой, как легко и славно. А теперь, после трудового дня — поспать, поспать, поспать...

И видит Василий сон — он, молодой, полный сил в спецовке в своем цеху. Станок, довольный умением мастера, поет свою песню, работа ладно спорится. Подходит старший мастер, а с ним — начальник цеха, называют по имени-отчеству, советуются, как лучше выполнить новый заказ. Недаром он, Василий, уже лет пять — на доске почета всего завода!.. Но вот и конец рабочего дня. Нужно зайти в профком — обещали к отпуску путевку в санаторий, в Анапу, на двоих с женой. Как представил Василий, теплый солнечный берег, разогретый песок, шум и брызги прибоя, так приятно стало на душе. «Так ведь заслужил, поди, отпуск и покой!» — подумал он и, в предвкушении этого отдыха и покоя, продолжительно и сладко вздохнул...

...Утром спешащие на работу люди видели сидящего на лавочке в тридцатиградусный мороз человека. Глаза его были закрыты, а одежда, борода и лицо — все было покрыто искрящимся в свете уличных фонарей снегом. Прошло, видимо, около сотни озабоченных своими делами людей, прежде чем один мальчик, потянув за руку маму, подошел и дотронулся до руки сидящего.

— Мама, дядя замерз! Потрогай, вот, посмотри, какая рука у него холодная!

Женщина толкнула сидящего, но тот даже не шелохнулся. Она сняла рукавицу, дотронулась до его лица и тут же, в ужасе, отдернула руку.

— Дядя совсем замерз... — сказала она, вытаскивая сотовый, и, поколебавшись секунду, набрала 03.

Приехавшие медики забрали замерзшее тело и отвезли его в городской морг.

Сергей Овчинников
(г. Щекино)

ЛИЗА

Родился в 1963 году в Щекине. Окончил рязанский медицинский институт. Публиковался в журналах «Альбом», «Время и мы», «Наша улица», «Родина», «Роман-журнал 21 век», в «Литературной газете». Автор нескольких книг прозы. С 2001 года издает и редактирует литературный альманах «Тула». Член Союза российских писателей

После остановки в Сухиничах, где вдоль вагонов, увешанные куклами, днем и ночью сновали продавцы игрушек, поезд «Москва — Киев» мерно стучал колесами на стыках рельс, медленно набирая скорость. Вскипятив пахнувший углем вагонный тигель, проводница ходила по коридору вдоль купе, разнося чай. Пушкарев смотрел, как люди пристраивают на полках только что купленных на перроне игрушечных верблюдов, медведей, зайцев, и думал, что где-то здесь, за окном, в этом плюшевом царстве, давным-давно гнездились его маленькое счастье...

Однажды в сентябре, лет десять назад, Пушкарев купил билет до Адлера, чтобы погреться на увядающем солнце, и отдохнуть с неделей от рабочей суеты. К той осени он уже развелся с первой женой Юлей, а Валентина только маячила на горизонте. Пушкарев пестовал свою одинокость, засматривался на встречных девушек, вживаясь в роль свободного человека.

Адлер Пушкарев освоил еще вместе с Юлей, сразу оценив этот маленький южный городок — в конце 20 века там стандартный курортный лоск смешивался с ароматом кавказской провинциальности, создавая домашнюю, уютную атмосферу, которой недоставало в Сочи. Приезжал сюда Пушкарев чаще осенью, потому что летом отправлялся на русский север. Но к сентябрю на Селигере, Валдае, в Карелии становилось бесприютно и холодно, Пушкарев на месяц снимал в Адлере квартиру недалеко от пляжа, ему нравилось по утрам работать в прибрежном кафе. Открыв дорожный компьютер, заказав кофе, Пушкарев прятался под синий зонт у края набережной, постукивал клавиатурой своего «макинтоша», почти скрытый от прохожих бурно разросшейся зеленью. Написав страницу, оставив компьютер бармену, отправлялся плавать, потом садился на привычное место, смотрел, как внизу, на гальке пляжа, появляются новые люди. Пушкареву достаточно было взглянуть на человека, чтобы домыслить его судьбу. Вот, например, стареющая одинокая женщина и ее взрослый сын, который, судя по всему, только что вышел из тюрьмы. Она хлопочет над ним, одевает ему панаму, бежит за пивом и говорит ежеминутно: «Не холодно стоять? Долго не купайся, застынешь!» А сын — очень худой, весь в наколках, — с каким-то изумлением глядит на мир, двигаясь, как заржавленный. Похоже, близких людей, кроме матери, у него не осталось, и он подчиняется ей, потому что себя боится... Или

вот одинокий мужчина с маленькой девочкой на пушистом полотенце, вышитом зайцами. Егоза дочка то и дело звонит матери по сотовому телефону, докладывая, что делает папа. Висит на отце, надвигает ему на лицо шляпу, щекочет, но тот, поглядывая на молодых женщин, о чем-то печально думает. А маленькая шпионка хохочет, не выпуская из рук телефона.

Штормящее море накрывало пеной влажную кромку пляжа, распугивая воробьев и голубей, что сновали по гальке, выпрашивая у людей крошки хлеба.

— Что это вы делаете? — спросил кто-то из-за плеча Пушкарева, и он вздрогнул, потому что стеснялся, когда посторонние видели его неопрятный черновой текст. Пушкарев обернулся. За его спиной всматривалась в экран молодая худенькая блондинка — очень белокожая, с большими глазами, приятным лицом.

— Девушек завлекаю, — сказал Пушкарев.

— Это у вас ноутбук?

Пушкарев свернул на экране текст, принялся объяснять, как устроен портативный компьютер, и что можно делать с его помощью.

— А теперь ваша очередь рассказывать! — в заключение сказал он. — Что это вы тут одна, в вашем нежном возрасте, делаете?

— Мужчин завлекаю! — в тон ему ответила она.

— Понятно. Можете считать меня вашей добычей. Пойдемте, искупаемся вместе?

— Только недолго, ладно?

— Почему?

— После расскажу!

На пляже она сразу освободилась от платица: у нее было еще не загорелое девчачье тело с небольшими выпуклостями под тесноватым белым купальником. Пушкареву стало казаться, что на пляже слишком людно сегодня. К берегу как раз причаливал рыболовный сейнер, переделанный в прогулочный пароход, оттуда кричали в мегафон, приглашая на морскую экскурсию.

— У вас есть хотя бы час? — спросил Пушкарев, указывая на сейнер.

Белокожая красавица кивнула, первой побежала на трап. Корабль загудел сиреной, обдал соляничным дымом, двинулся кормой вперед, медленно разворачиваясь. Далеко в море волны были почти незаметны, глубина притягивала мерцающей таинственностью. Капитан выключил двигатель, высматривая в бинокль дельфинов. Пушкарев нырнул с кормы в теплую воду, увлекая за собой бледнолицую спутницу. Она была бесстрашна, хотя неважно плавала. Когда уставала, Пушкарев буксировал ее на своей широкой спине, глядя на взлетающие с берега самолеты. Чтобы не утонуть, она была вынуждена обнимать Пушкарева за шею, и у него кружилась голова от неожиданной женской близости, она же вела себя так, будто ничего особенного не происходило, щебетала о чем-то обыденном, заставляя отвечать ей.

— Мы еще увидимся? — спросил Пушкарев на берегу.

— Не знаю, — она опустила глаза, подавая свои тонкие пальцы. — Меня зовут Лиза.

Взяв ее руку для прощания, Пушкарев, неожиданно для себя, поцеловал маленькую женскую ладонь. Лиза покраснела, выдернула руку, помахала соленой ладошкой. Пушкарев отправился в кафе, открыл компьютер, но работать не смог, перед глазами стояла эта странная девушка, мерещился запах ее мокрых волос. После ужина Пушкарев снова пошел к морю, надеясь увидеть Лизу. Из прибрежных ресторанов гремела музыка, сверкали огнями вывески гостиниц и казино, праздные люди неторопливо прогуливались по набережной. Вскоре Пушкарев увидел ее — она шла рядом с пожилым человеком, который напоминал крота из мультфильма «Дюймовочка». Натолкнувшись взглядом на Пушкарева, Лиза вздрогнула, посмотрела жалобно, точно была в чем-то виновата.

Утром Пушкарев скучал в кафе, на душе у него было тягостно. «Что такое!? — ругал он себя.— Ведь ничего не было! Мимолетное пляжное знакомство, с чего ты взял, что оно продолжится?» Пушкарев углубился в работу, готовя для своей газеты новую статью, анализируя политическую ситуацию на Ближнем Востоке, именуя Палестину «триггерной зоной всей обозримой истории». Пушкарев считался главным аналитиком их областной газеты, но платили за статьи мало, приходилось зарабатывать на стороне. Окончив истфак педагогического университета, и курсы журналистов, Пушкарев, не успев еще получить отращивание к политике, «шабашил» помощником думского депутата. Его патрон имел сеть роскошных магазинов на центральных улицах города, но простейшее выступление перед избирателями становилось для него проблемой, а тексты депутата готовил Пушкарев — «специалист по связям с общественностью».

Когда теплые женские пальцы внезапно закрыли веки Пушкарева, он обрадовался, как в детстве, словно ему очень хотелось мороженого, и вот, наконец, его купили!

— Теперь я знаю ваш секрет,— сказал он Лизе, выключая компьютер.— Вы приехали с папой.

— Это мой муж,— покраснела она.

Пушкарев удивленно вскинул брови, покачал головой, рискуя обидеть красавицу.

— А сколько лет вашей жене? — усмехнулась она.

— Сейчас я холост.

— Тогда вы ничего в этом не понимаете,— махнула Лиза рукой.

Пушкарев улыбнулся:

— Сколько времени у вас сегодня?

— Часа четыре! Я сказала, что пройду по магазинам.

— За четыре часа мы успеем добежать до канадской границы!

— Не стоит. Лучше поедемте куда-нибудь в горы! У моего мужа больное сердце, а я с детства мечтаю попасть в горы! Они мне даже ночью снятся!

— О-кей, только я заброшу домой свои вещи!

Возле пятиэтажки, где он снимал квартиру, Пушкарев на всякий случай спросил:

— Может быть, зайдете, выпьем чаю?

Лиза усмехнулась, покачав головой. Пушкарев оставил дома компьютер, заварил чай в термосе, через дворы коротким путем увлек Лизу к автовокзалу.

— Какая вы странная! — говорил он.— Я ничего не понимаю! Как сочетать вашу целомудренность и желание поехать в горы с незнакомым человеком?

— Да ну вас! — остановилась Лиза.— Никуда я не поеду!

— Не бойтесь, я не собираюсь обижать вас! Но в горы, как в разведку, нельзя идти с незнакомым человеком! Кто вы?

Лиза рассказала ему про себя — двадцать шесть лет, живет в Сухиничах, отец и мать развелись, когда Лизе было три года: отец уехал работать на север, завел другую семью, мать запила, и ее как-то нашли мертвой на улице. Воспитывала Лизу бабушка — она умерла от инсульта, когда внучка сдавала выпускные экзамены в медицинском училище. Устраиваясь на работу в поликлинику, Лиза упала в голодный обморок прямо в кабинете отдела кадров. Ее назначили медсестрой к опытному терапевту, тот оказался добрым человеком, сначала заменил ей отца, позже стал мужем. Они прожили вместе пять лет, ему сейчас пятьдесят шесть. Лиза сказала, что никогда не оставит мужа, потому что в ее жизни было и так много предательств, с нее хватит, она знает, как это страшно и больно, когда тебя бросают самые близкие люди...

— Я все понял,— перебил ее Пушкарев.— Спасибо, что были так откровенны.

— Ваша очередь рассказывать о себе, я ведь тоже боюсь идти в горы с незнакомым человеком!

— А зачем идете?

— Вы мне показались хорошим, порядочным! Неужели я ошибаюсь?

— Какая вы хитрая! Я скажу, что не ошиблись, и этим возьму на себя обязательства вести себя хорошо. А если мне захочется вас поцеловать? Это плохо?

— В щеку можно. Хочу мороженого!

Пушкарев купил гранатовый сок, мороженое, шоколад, билеты в автобус до Красной Поляны, уселся рядом с Лизой на пыльное сиденье горного рыдвана. В тот год еще не закончили прямую дорогу в горы через тоннель, по серпантину вдоль Мзымты ходили маленькие «пазики» с укрепленной на крыше сеткой от камнепадов. В автобус набилось множество жителей горных сел — они возвращались с рынка, почти каждый из них держал возле себя пустые ведра или корзины, вымазанные проданным инжиром. На сиденье перед Лизой и Пушкаревым вертелся мальчишка с ранцем, туго набитым учебниками. Когда «пазик», натужно гудя, пронесся мимо аэропорта, мальчишка тоже громко жужжал. Глядя на самолеты, он изображал руками фигуры высшего пилотажа. Вдоль дороги мелькали выгоревшие от летнего солнца пыльные кусты, разноцветные домики, сложенные из камня заборы. Плывущие вдали горы, покрытые лесом, напоминали зеленый каракуль. У форелевого хозяйства Пушкарев помог Лизе выйти, он знал здесь хорошую тропинку, и Ахштырские пещеры были неподалеку: вдруг в его спутнице проснутся спелеологические интересы? Пушкарев увлек Лизу к навесному мосту через Мзымту, заранее предвкушая ее восторг. И правда, Лиза захлопала в ладоши от одного только вида маленького каньона — пенистая река, нависающие над водой слоистые скалы, деревья, точно заглядывающие сверху в пропасть. Пушкарев запечатлел ее восторг своим фотоаппаратом, такой она и осталась в его памяти — стоящая над пенными бурунами, счастливая, похожая на девочку. Под мостом на красных надувных катамаранах мчались ошалелые сплавщики, их рулевой обрызгал стоящих на мосту водой, Лиза засмеялась, присев от испуга. Стали подниматься вверх по слоистым, отполированным туристами камням у самого обрыва. С каждым шагом вверх становилось заметно холоднее, земля издавала странный, волнующий аромат. По каменистым, растрескавшимся тропинкам пробегали ящерики, оглушительно трещали в зеленом пологе леса цикады, вскрикивали невидимые птицы. Пушкарев и Лиза иногда подходили к обрыву — в лицо бил верховой ветер, через пропасть летела красная бабочка, камни из-под ног срывались вниз к зеленой воде. Когда Лиза устала, Пушкарев нашел в лесу крошечную пещерку с ровными стенами и сухими листьями туристического ложа. Они уселись на эти шуршащие листья, пили чай из походного термоса, ели шоколад. Пушкарев осторожно обнимал вздрагивающую Лизу, стараясь не обидеть ее навязчивостью.

— Прости, давай не будем, я ведь не железная! — Лиза удерживала его руки. — Ты обещал мне!

Они шагали дальше, собирая шиповник и дикие груши, Пушкарев смеялся, когда Лиза пугалась на тропинке забредшего сюда деревенского козлика, и почему-то был счастлив, хотя думал о том, что никогда, наверное, больше не увидит Лизу, запомнив этот день навсегда. Так и случилось: он и сейчас, десять лет спустя, отчетливо слышал звук раскачивающейся речной тарзанки, видел белесое марево речной долины, покрытые снегом горные вершины за Красной Поляной...

Они долго спускались вниз на дрожащих от усталости ногах, заказали в кафе у форелевого хозяйства горячую рыбу, испробовали домашнюю «Изабеллу», которую продавал стоящий тут же абхаз.

— Спасибо тебе за прекрасный день! — сказала, прощаясь в городе, Лиза. — Ты очень добрый. Мне везет на хороших людей! Наверное, нам не нужно больше видеться, а то привыкнем, и будет больно расставаться...

— Пожалуйста, не гони меня! — взмолился Пушкарев.

— Не нужно было ходить в горы, — опустила глаза Лиза. — Все это плохо закончится. Но у меня не было другого шанса. Часто кажется, что жизнь проходит мимо, а я ничего не успеваю! Ведь мы скоро состаримся...

— Не скоро, — улыбался Пушкарев. — У нас еще куча времени!

Пушкарев отправился с Лизой в магазин женской одежды, ведь нужно было купить платье. Ей подходили все из тех, что она примеряла. Лиза смеялась, когда он не вовремя заглядывал в пыльный закуток примерочной, а Пушкарев смотрел на нее и думал, что такого родного человека еще никогда не встречал.

Страхнув мучительно-сладкие воспоминания, Пушкарев заставил себя вернуться в купе. Жена Валентина и сын Юрка собирались обедать, раскладывали на тщательно протертом столе хлеб, завернутое в фольгу мясо, рыбу. Пушкаревы ехали в Киев — хмельной, вечно гудящий, лощеный и прикровенный, — Валентина хотела увидеть Крещатик, Днепр, «майdan незалежности», Андреевский спуск, Лавру...

— Граница скоро? — спрашивала она, по неопытности опасаясь таможенников.

— После Брянска, — отвечал Пушкарев, нарезая себе копченую рыбу. У каждого в семье были свои кулинарные предпочтения: Валентина любила зелень, сыр и овощи, сын — мясо, а Пушкарев — рыбу.

— Папа, папа, смотри, лиса! — кричал Юрка, показывая в окно.

Пушкарев, откинув штормку, глядел на лису, очищал вареное яйцо, разламывал бутерброд с рыбой, обжигался чаем из раскаленного стакана в позолоченном подстаканнике. После обеда вышел в коридор, делая вид, что смотрит в окно. Перед глазами стоял тот давний Адлер.

Спустя несколько дней Лиза и Пушкарев перестали сдерживать чувства, но девчонка, даже целуя Пушкарева, иногда повторяла:

— Он умрет от горя, если я оставлю его! Это грех!

— Так устроена жизнь, — вставал со смятой постели Пушкарев, — все главное, что с нами происходит — грех. Хочешь винограда?

Он мыл на кухне инжир, персики, виноград, наливал в фужеры вино, открывал коробку с конфетами, смотрел на часы, которые стремительно пожирали их общее с Лизой время. Снова подбирался к девчонке, гладил ее худенькую спину, с обмиранием сердца замечал нежную линию груди, целовал девичью шею там, где заканчивались светло-русые волосы. Лиза жмурила глаза, роняла из рук персик, ее дыхание сбивалось, время заканчивалось, нужно было идти, они же срастались кожей, как сиамские близнецы, и разделение было так болезненно!

Внешне Пушкарев жил обычной курортной жизнью — отправлялся на пробежку, завтракал, собирался на пляж, где брал в аренду пластмассовый лежак, стучал по клавиатуре компьютера, накрывая голову полотенцем. Пляжные торговцы пробирались меж лежаками, разнося ежевику в стаканах, вареную кукурузу и хачапури. Пушкарев изредка поднимал голову от компьютера, смотрел на снующих вдоль моря детей, прислушивался к мерному рокоту волн, крикам чаек, возвращался в текст, который саднил в нем уже несколько месяцев, писал, что главным в сегодняшнем мире становится тот, кто безжалостен, и легко может убить. Эта способность убивать, мять друзей, когда это выгодно, заключать союз с тем, кто еще вчера был твоим врагом — качества, которые выдвигают сейчас наверх. Но России нужно создать механизм, который бы позволил двигаться наверх людям, обладающим преданностью родине, бескорыстием, честностью...

На пляже становилось многолюдно, являлась Лиза — ее муж следом нес огром-

ный надувной матрац,— они устраивались на камнях, Лиза отправлялась купаться, оставив подслеповатого мужа сторожить вещи. Пушкарев относил компьютер бармену в знакомое кафе, доставал из сумки маску и ласты, выныривал далеко в море, куда приплывала на матрасе Лиза. Она шлепала по воде ногами, шелушилась кожа на ее загорелых плечах, взлетали из-за города самолеты, качался маяк на берегу — счастье все длилось, длилось... Пушкарев приносил со дна розовую, блестящую изнутри раковину, кидал в Лизу прозрачной медузой, уплывал в море к внезапно появившимся дельфинам, выныривал вновь рядом с Лизой, невидимый с берега за ее громадным надувным ложем.

— Не могу представить, как я уеду? — говорила Лиза, целуя его руки.— Что я буду делать без тебя?

— А я вообще стараюсь не думать об этом,— поливал ее водой Пушкарев.— Впереди еще несколько дней, и они мне кажутся вечностью.

После обеда муж Лизы обычно ложился спать, а Лиза и Пушкарев гуляли по залитым солнцем, жарким улочкам Адлера. Вокруг сияли зеркальными стеклами роскошные виллы частных гостиниц, возле абхазских таверн вкусно пахло дымными шашлыками, на калитках частных домов тут и там висели таблички: «Сдается комната». Лиза и Пушкарев, держась за руки, бродили под пальмами, ели сладости в прохладном кафе, где главным достоинством был мощный кондиционер, ездили смотреть шимпанзе в обезьяний питомник.

— Я в детстве не верила, что меня кто-то полюбит? — говорила Лиза.— Считала себя ужасно некрасивой. И для меня всегда было главным желанием, чтобы меня любили. А сейчас узнала, как здорово любить самой... Поняла, о чем люди поют в песнях! Я ведь была как спящая царевна, а ты расколдовал меня!

— Пойдем скорее, моя царевна,— улыбался Пушкарев, целуя Лизу,— мы еще не были в одном чудесном ущелье!

Были у них горы, тысячелетняя роща самшита, молочная река, о которой, наверное, русские люди говорили в сказках (вода похожа на молоко из-за растворенного в ней сероводорода), скала, где высилась скульптура мускулистого Прометея, рвущего цепи. Пушкарев спрашивал:

— Знаешь, что такое золотое руно, за которым ехали сюда гомеровские аргonautы? Мне кажется, это кольчуга! Ведь раньше иной раз делали золотые кольчуги в виде овечьей шкуры. Одну такую нашли в Испании, где жили иберы. У некоторых здешних народов иберийские корни...

— Как ты можешь думать об этом!? — начинала вдруг плакать Лиза.— Ведь скоро уезжать, и мы, наверное, больше не увидимся!

— Увидимся, я не смогу жить без тебя! — твердил Пушкарев, целуя соленые щеки Лизы.

А потом отпуск у Лизы, и вправду, закончился, город для Пушкарева сразу опустел и поблек, он тоже вернулся домой, стал ходить в редакцию, писать статьи, выступать на совещаниях, но все это казалось ему теперь странным, ненужным, бессмысленным. Пушкарев, как сомнамбула, застывал среди потока жизни, этот поток его больно ранил. Пушкарев старался много работать, готовил одновременно несколько статей для газеты, ездил с депутатом на встречи с избирателями, а сам почему-то думал о смерти. Записывал в дневнике: «В обыденной жизни люди настолько поглощены мелкими мыслями и делами, что нет времени думать о главном. А главное то, что всех нас ждет смерть, и когда мы умрем, не нужны станут квартиры, машины, дачи, к которым стремимся. Приходим на свет думать, учиться, любить, а вместо этого заняты мелкими будничными делами. В нашем торгово-рыночном мире ценность человека определяется его счетом в банке и вещами, которые его окружают. Но это сумасшествие, массовый психоз, галлюцинация, в которой мы все живем»...

Днем иногда удавалось как-то забыться, но вечером в душе Пушкарёва появлялась гулкая, мучительная пустота. Если боль становилась невыносимой, он брал отгул, ехал в Сухиничи, поселялся в заштатной гостинице с вырванными из стены розетками, продавленными панцирными кроватями, переживал пароксизм болезненного счастья, когда приходила Лиза, целовал ее всю, не отпуская до вечера. Иногда удавалось поехать куда-нибудь ненадолго. В краеведческом музее Брянска или Калуги, перед стендом с ржавыми монетами, выщербленными серпами, выцветшими знаменами, блеклыми фотографиями, он держал ее за руку и был счастлив. Но после наступала расплата — когда они расставались, Пушкарёва ломало, как наркомана: падало настроение, болела голова, расстраивался желудок. Он звонил каждый день в Сухиничи, чтобы услышать хотя бы голос Лизы.

Так прошел год. Сгорала уже новая осень, Пушкарёв сидел дома вечером с книгой, за влажным от дождя оконным стеклом дрожали желтые фонари, когда позвонила Лиза.

— Я не хочу больше мучить тебя,— сказала она в трубку, сдерживая рыдания.— Ты весь извелся, прости меня... Почему, когда хочешь счастья, обязательно делаешь кому-то больно? Почему за счастье нужно обязательно расплачиваться чужим несчастьем? Ничего поделать нельзя. Я буду всегда любить тебя, но так больше нельзя. Сердце не выдержит! Не приезжай больше, милый!

Когда он примчался в Сухиничи, Лиза лежала в клинике с тяжелейшим неврозом. В приемном покое больницы Пушкарёв держал в ладонях ее похудевшие пальчики, говорил что-то, еще не зная, что видит Лизу в последний раз. Она вскоре уехала с мужем в Германию, скрыв от Пушкарёва свой новый адрес. Иногда звонила, чтобы поздравить с днем рождения, сказать, что все еще любит его. У Пушкарёва была длительная депрессия, пришлось тоже прибегнуть к помощи доктора. Когда боль стала меньше, Пушкарёв снова появился в редакции, начал вести в газете «дискуссионный клуб» — темы его до сих пор были Пушкарёву отвратительны. Помнится, они тогда обсуждали роль интеллигенции в русской истории. Термин этот, придуманный, кажется, Боборыкиным, не давал им покоя, ведь образованные, культурные и морально щепетильные русские люди часто решали судьбу своего народа, не интересуясь его мнением. Иногда Пушкарёву казалось, что русская интеллигенция подсознательно ненавидит Россию, ведь эти объективно хорошие люди готовили обе русские революции 20 века, едва не погубившие страну, стоившие народу миллионов жизней. И, после каждой революции, словно в насмешку, пришедшие к власти почти полностью уничтожали интеллигенцию, ввергнув ее в унижительную нищету, заставив эмигрировать или вынудив отказаться от моральной щепетильности...

— Папа, почитай мне книгу,— тормозил Пушкарёва за рукав маленький Юрка. Поезд тормозил на окраине Брянска, проводник раздавал пассажирам бланки таможенных деклараций. Пушкарёв взял сына на руки, вернулся в купе, стал читать ему древнюю летопись, переводя ее на понятный ребенку язык.

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ПОСМОТРИ ВОКРУГ*
(маленькая сказка)

Девочка сидела на ступеньках и плакала. Люди шли мимо. У каждого свои заботы. Какое им дело до маленькой плачущей девочки, может она просто капризничает. Девочка сидела и плакала, плакала тихо — чуть слышно. Люди шли мимо. Некоторые бросали взгляд в ее сторону, но их лица не выражали ничего кроме озабоченности какими-то своими взрослыми делами.

Из-за угла соседнего дома вышел высокий стройный человек в черном цилиндре, во фраке, белоснежной накрахмаленной сорочке, с «бабочкой» на шее и тросточкой в руке. Прямой ровный нос, тонкие губы, большие добрые внимательные глаза с длинными пушистыми ресницами, высокий гладкий лоб без единой морщинки и темные вьющиеся волосы, ниспадающие на плечи. Человек был молод. Он посмотрел вокруг, увидел девочку и направился прямо к ней.

— Здравствуй, Мила! — поздоровался человек, приподнимая цилиндр.

Девочка перестала всхлипывать, протерла глаза и внимательно посмотрела на говорившего.

— Откуда вы знаете мое имя? — удивленно спросила она незнакомца.

Тот улыбнулся.

— Потому что я — волшебник.

Девочка рассмеялась.

— Нет, волшебников не бывает.

— Как же не бывает, когда я есть, — резонно заметил человек в цилиндре.

«Действительно», — подумала Мила. — «Как же волшебников не бывает, когда вот он стоит сейчас перед ней. Или все это снится?»

— Но где же доказательства, что вы — волшебник?

— Я назвал тебя по имени, знаю, что тебе 9 лет, что любишь конфеты «Петушки» на палочках и получать рождественские подарки, кататься зимой на санках с горки, а летом бегать под дождем босиком по лужам. И что у тебя есть младшая сестра, которая любит проказничать, а наказывают всегда тебя.

На этих словах, просветлевшее было личико девочки, снова стало хмурым.

— Вот и теперь тебе досталось ни за что. Ты злишься на сестру, которая разрисовала стену, разбила банку с вареньем и залила водой весь пол.

— Откуда вы все это знаете? — изумилась Мила.

— Я ведь тебе говорил, что волшебник, а ты мне не верила.

На этих словах молодой человек снял цилиндр, и оттуда почти сразу же показалась голова маленькой обезьянки. Она посмотрела на девочку, потом на волшебника и скрылась в цилиндре. Мила как завоженная смотрела на обезьянку, чуть приоткрыв рот и затаив дыхание. Она забыла про все свои обиды. Ее внимание было приковано

* Наш постоянный автор

к этому маленькому чудному существу. Вот обезьянка появилась снова, держа в лапках средней величины банан. Она опять смотрела на волшебника, после чего протянула банан Миле.

— Угощайся,— сказала она, вернее говорил-то волшебник, но девочка была уверена, что сказала именно это странное существо, так как, ни разу в жизни не видела обезьян, а только слышала про них.

— Ой! Кто это? — удивленно спросила девочка.

— Это моя помощница Чича.

— Она умеет разговаривать?

— Конечно,— не моргнув и глазом, соврал мужчина.— Она же помощница волшебника.

Пообщавшись еще несколько минут с Милой и угостив ее напоследок конфетой «Петушок» на палочке, волшебник распрощался с ней, взяв с нее слово, что она больше никогда не будет плакать по пустякам.

Девочка, с просветленным взглядом, так и смотрела ему вслед, держа в одной руке банан, а в другой свою любимую конфету «Петушок» на палочке.

Волшебник попрощался с Милой. Сделал несколько шагов и растворился.

«Значит это все-таки настоящий волшебник. Ведь он же пропал»,— подумала Мила, лишь на секунду отвлекшись от человека в цилиндре, чтобы лизнуть леденец.

А волшебник никуда не пропадал, он просто завернул за угол. Пройдя два квартала он свернул на соседнюю улицу, потом на следующую и еще на одну. Немного пропетляв по городу, словно он от кого-то скрывался, человек толкнул дверь харчевни. Звякнул колокольчик и волшебник оказался внутри.

— Самуэль, вы опять в этом шутовском наряде,— укоризненно качая головой, встретил того хозяин заведения — синьор Форелли.

— Мы с Чичей выполняли очень важное задание. Успокаивали девочку Милу. Показали ей несколько фокусов, угостили бананом и леденцом. Мила была просто счастлива оттого, что пообщалась с настоящим волшебником.

— Да каким волшебником! Вам самому есть нечего, а вы покупаете в кредит для чужих детей экзотические фрукты и конфеты.

— Работа у нас — у волшебников, такая,— грустно улыбнулся Самуэль, вынимая из цилиндра обезьянку. Он почесал ее за ухом, достал из кармана кусок хлеба и протянул его Чиче.

— За работу деньги получают, а вы, наоборот, свои последние тратите,— сокрушался синьор Форелли.

— Я просто соскучился по цирку, по его шумным представлениям, по смеху людей, по волшебству, которое его окружает. Вы же знаете, синьор Форелли, я с 12 лет выступал в цирке, еще когда были живы родители. Более 10 лет я выходил на арену, пока не упал с высоты и не поломал себе руки и ноги.

Сейчас времена изменились. Хозяин цирка — другой. Он не захотел ждать, когда я поправлюсь, да и гибкость после травмы у меня была совсем не та, и взял вместо меня другого.

Синьор Форелли, я как раз хотел у вас узнать, не найдется ли какой работы?

— Ну что с вами делать, Самуэль? Наносите из колодца воды, заполните эти три бочки и я вам заплачу один сальдо.

— Мне за костюм и банан надо отдать два сальдо.

— Наколите дров, сложите их в сарае и вычистите коровник. Получите четыре сальдо.

Глубоко за полночь Самуэль вышел из коровника со свечой в руке. Он выполнил всю работу, на которую подражался. Было относительно светло. Небо оказалось чис-

тым, и луна ярко блистала, отражая солнечный свет. Самуэль задул свечу, поставил ее на бревно, лежащее рядом. Закрыв коровник, снял кожаный фартук, повесил его на забор. Налил из кувшина, стоящего на бревне, молока в кружку и залпом его выпил. Присел, отдыхая, посмотрел на звезды. До рассвета оставалось чуть больше трех часов.

Очевидно, придя к какому-то решению, Самуэль поднялся и пошел спать на сеновал.

Лишь только забрезжил первый луч солнца «волшебник» был уже на ногах. Он чистил свой цилиндр и куртку, разогревал на углях чугунный утюг и отглаживал белую рубашу с кружевным воротничком, постиранную накануне. Одним словом готовился к своему очередному выступлению — творить добро и радость и нести волшебство людям. Закончив все свои приготовления, Самуэль помог синьору Форелли по хозяйству, за что заслужил кусок баранины и стакан вина, а для Чичи — хлеб, молоко и орехи.

После этого он вернулся на сеновал, где в углу возле маленького окошка у него стояла широкая лавка, на которой он спал, а под ней маленький сундучок с разными волшебными принадлежностями. Здесь были и цветные появляющиеся из воздуха платки, и исчезающие шарики, и соединяющиеся колечки, и букет цветов, появляющийся из трости, и еще много всякой всячины, которую он использовал во время своих выступлений, когда работал в цирке и гимнастом, и фокусником.

Самуэль оделся в свой костюм волшебника, собрал, кое-что из цирковых принадлежностей в саквояж, захватил Чичу и отправился на поиски людей, которым нужна его помощь, кто верит в сказки, волшебство и чудеса.

Он бродил по городу, показывал горожанам фокусы, которые вызывали у людей улыбки и аплодисменты. А умение жонглировать различными предметами вызывало бурный восторг. Все смеялись до слез, когда в воздух взлетали не только мячики, но и камушки, цветки и даже ботинки. Этим своим выступлением он собрал около ста сантимов. А это уже — около одного сальдо!

Начавший накрапывать дождик разогнал зрителей.

Волшебник решил передохнуть. Он поел сам сидя под деревом и покормил Чичу, свою помощницу.

Дождь быстро закончился. Самуэль собрался и пошел на соседнюю улицу, где жил мальчик Папетто.

Тот находился в одиночестве. Он замахивался и бросал камешки в цель: несколько камешков, поставленных друг на друга. Но не попадал. Замахивался и кидал следующий.

Пока мужчина подходил к мальчику, он заметил, что тот в цель не попал ни разу. Кидал он примерно с десяти шагов. Но камешки так и остались, стопкой лежать на месте не тронутыми.

— Здравствуй, Папетто! Ну что никак не получается попасть?

Мальчик обернулся и внимательно посмотрел на странно одетого господина.

— Почему не получается? — расправил плечи мальчик — Это я просто пристреливаюсь.

И, немного помолчав, неуверенно добавил:

— Меткость вырабатываю.

— Да-а-а? — удивленно спросил Самуэль, с улыбкой глядя на Папетто.

Под веселым взглядом этого странного человека мальчик опустил голову, вздохнул и признался:

— Вообще-то вы правы. Я ни разу не попал.

— Молодец! — похвалил того мужчина.

— Чем же я молодец, если ни разу не попал? — опешил мальчик.

— Молодец не оттого, что не попал,— пояснил волшебник.— А оттого, что нашел в себе силы признаться в этом. Но ты не расстраивайся. Я тебе помогу.

— А вы кто? — запоздало поинтересовался Папетто.

— Я — волшебник.

— Как это?

— Очень просто.

— Волшебников ведь нет.

— Кто тебе это сказал?

— Все взрослые говорят.

— Взрослые в нас не верят, поэтому мы к ним не часто приходим. Они перестали верить в волшебство. И ничего не замечают вокруг, занимаясь своими взрослыми делами. Они взрослеют и, даже когда встречаются с чудесами, стараются их не замечать. Что они — дети? Они — взрослые! А надо просто посмотреть вокруг себя. Волшебство рядом. Посмотри вокруг! Только повнимательнее. И ты обязательно заметишь волшебство!

— А вы, правда — волшебник?

— Конечно. Ведь тебя зовут Папетто. Тебе семь лет. У тебя — две старшие сестры и одна младшая. Но у тебя нет друзей. Соседские мальчишки Антонио и Огюст частенько тебя колотят. Ты, бывает, хнычешь. И поэтому с тобой мало кто хочет общаться.

Папетто надул губы.

— Это не волшебство. Вам мог кто-нибудь все это про меня рассказать.

— Тогда бери камушек и кидай в цель. Ты обязательно попадешь. Только ты должен очень этого захотеть. Если будешь бросать просто так, то я тебе не смогу помочь. Так что поднимай камушек, но сосредоточься на цели и только после этого бросай.

Мальчик взял камушек, посмотрел на горку камней в десяти шагах от себя и на мгновение замер. Потом медленно замахнулся и стремительно выбросил руку вперед.

Камни брызнули в разные стороны.

— Ух, ты! Попал! — радостно крикнул Папетто.

— Ух, ты! Попал! — удивился Самуэль.

Мальчик подбежал к камням и вновь выложил их столбиком.

Вернулся на исходную позицию.

Бросил по цели.

Камни разлетелись.

— Второй раз попал! — глаза мальчика светились радостно.

— Надо же, опять попал? — тихо произнес волшебник. И чтобы удержать Папетто от третьего броска (вдруг промахнется), сказал:

— Ну, вот видишь. Я же тебе говорил, что я волшебник.

— Значит, вы мне точно поможете, как обещали? Сделаете меня сильным, и я смогу поколотить Огюста и Антонио?

— Я могу сделать это запросто. Но будет ли это правильно,— начал размышлять Самуэль.— Да, с помощью волшебства ты, конечно, сможешь поколотить своих обидчиков. Но, в сущности, ты останешься таким же, как и был: с заячьей душонкой внутри. А ты должен преодолеть свой страх.. Победить сначала внутреннего врага в себе. И заставить себя встретиться со своим врагом лицом к лицу и, не испугавшись, дать отпор.

— Значит, вы все-таки не волшебник,— разочарованно произнес паренек.

— Почему же? — обиделся мужчина.— Смотри, у меня цилиндр двигается.

Мальчик посмотрел. Действительно, головной убор у волшебника задвигался в

разные стороны, но с головы не сваливался, благодаря Чиче, которая цепко его удерживала, сидя внутри.

— Это, наверное, какой-то фокус.

— А хочешь, сейчас дождь пойдет? — произнес Самуэль, с сомнением глядя на небо, где были лишь легкие облачка и светило солнце.

Мальчик посмотрел вверх.

Дождя не было.

Он поднял камешек. Несколько раз подбросил его на руке. Размахнулся и швырнул в цель. Камни снова разлетелись в разные стороны.

— Я опять попал! — воскликнул парнишка.

— Надо же, — покачал головой Самуэль.

Неожиданно поднялся ветер. Набежали тучи. Пошел дождь.

— Ничего себе! — прокричал Папетто. — А остановить его сможете?

— Да нет ничего проще, — неуверенно ответил собеседник. — Сейчас он прекратится.

Паренек с надеждой посмотрел вверх. Но ничего не происходило. Дождь, как лил, так и продолжал лить и, похоже, не собирался заканчиваться.

— Не получается? — сочувственно спросил мальчик.

— Ты не думай. Сейчас все получится, — убеждая скорее самого себя, чем мальчика, произнес волшебник. — Просто та вода, которую я выплеснул с неба, должна достигнуть земли и дождь сразу прекратится. Будет опять светить солнце, и петь птицы.

Не успел он произнести последние слова, как дождь неожиданно закончился и из-за края тучи показался лучик солнца.

— Ух, ты! Здорово! Да вы, и правда — настоящий волшебник! — радовался Папетто.

— Что ты говоришь? — переспросил Самуэль, выходя из задумчивости и, как говорится, спускаясь с небес на землю. Он был не меньше мальчика ошеломлен происходящими событиями.

— Я говорю, что вы, и правда — настоящий волшебник.

— А ты разве сомневался?

— Я думал — вы врете.

— Запомни, Папетто, настоящие волшебники никогда не врут. Я обещал тебе, что ты попадешь в цель, и ты попал. Я вызвал дождь, а затем сделал так, что он закончился.

Из переулка вышла группа детей.

Папетто сразу сник и как-то сжался. Ребята подходили. Бежать было поздно.

— Ну, мне пора, — произнес волшебник. — Запомни, Папетто. Преодолей свой страх. Победи своего внутреннего врага. Пока ты с этим не справишься, тебе никто не сможет помочь. И ты будешь не просто зайцем, а дрожащим заячьим хвостом в глазах у всех. Победи врага своего, и я тебе помогу.

Самуэль развернулся и пошел по улице в противоположную сторону.

Несколько секунд Папетто стоял не двигаясь. Потом он принял какое-то решение. Расправил плечи, сжал кулаки и уверенным шагом направился навстречу своим обидчикам.

— Ну что, пришли? Давно я вас здесь дожидаясь.

Услышал волшебник голос мальчика. Остановился и, обернувшись, посмотрел на происходящее.

— Вы-то мне как раз и нужны, — произнес Папетто и ударил Антонио, который был чуть постарше, кулаком в нос.

Тот вскрикнул. Схватился руками за лицо и упал на каменную мостовую. Из-под пальцев сочилась кровь. Окружающая их ребятня застыла на месте.

— А ты, что стоишь, глаза вылупил? — обратился нападающий к Огюсту, и нанес боковой удар в челюсть.

Получивший удар пискнул и грохнулся, как подкошенный.

Папетто дрожал, то ли со страха от содеянного, то ли от возбуждения, что все так получилось. Но отступать было некуда.

— Мне надоело играть с вами в поддавки. И запомните: теперь все будет иначе. Только суньтесь. Сразу по носу получите.

Огюст и Антонио сидели на еще мокрой мостовой и не понимали, что происходит.

Папетто обернулся. Волшебник стоял у угла дома и улыбался.

«Значит, он мне все-таки помог», — думал мальчик. — «Сам бы я ни за что не справился».

Он помахал волшебнику рукой. Поднял камешек и кинул в цель. Груда камней разлетелась в разные стороны.

Папетто взглянул на волшебника, но того и след простыл.

Самуэль побродил по городу и вышел на площадь фонтанов. О, это была замечательная площадь. Очень старинная и красивая. Город гордился этой площадью. И всех приезжих обязательно сюда приводили и показывали это великолепие.

Площадь была большая и просторная. Здесь обычно гуляли в праздники и проводили карнавалы.

В самом центре находился фонтан в виде огромной чаши, где была статуя девушки с кувшином в руках. Она наливала воду в чашку путнику-всаднику, который засмотрелся на красоту девушки и не замечал, что вода уже наполнила емкость до краев и переливается через край. А девушка так смутилась, что тоже не заметила льющейся воды. Так они и застыли на века.

Вокруг главного фонтана стояли еще четыре, но поменьше. В одном было каменное дерево, обильно политое водой. Во втором находился дырчатый шар, разбрызгивающий в разные стороны струйки воды, и этим он очень походил на солнце. В третьей чаше были изваяния животных: собака, корова, лошадь, гусь и лев, которые мирно, никого не трогая, пили воду. А в четвертом фонтане-чаше мы видим фигурки детей. Мальчики и девочки радостно плещутся в прохладной воде. Вокруг всех этих фонтанов находились еще по три маленьких фонтанчика. Из каждой чаши выглядывала рыба. Их было двенадцать, и все они были разные.

Никто уже не задумывался, почему архитектор создал именно такой комплекс фонтанов. Все просто сюда приходили и наслаждались журчанием воды и прохладой, особенно в жаркие дни. Но в этом комплексе был заложен определенный смысл.

Эти 12 фонтанчиков обозначали 12 месяцев. Рыбы напоминали о том, что очень давно, когда жизнь на Земле только зарождалась, был огромный океан, а суши было очень мало, и все живое появилось из воды. Четыре средних фонтана говорили о четырех временах года: зима, весна, лето, осень. Солнце — это свет и тепло. Дерево с плодами — это еда. Собака, корова, лошадь и гусь — это те животные, которых удалось приручить человеку, и они стали его помощниками. Но остались еще и дикие звери, которых приручить не удалось и которые могут представлять опасность как для домашних животных, так и для человека. Дети символизируют зарождение — продолжение жизни на Земле. И над всем этим возвышаются доброта, красота и любовь, которые удерживают нашу Землю в равновесии при различных, порой необдуманных, людских поступках.

От площади фонтанов в разные стороны расходились, словно лучи, семь улиц с невысокими, большей частью одноэтажными домами.

Казалось, тихое журчание воды настраивало на определенный лад, продвигаясь по этим лучистым улицам и наполняя весь город тихой спокойной размеренной жизнью.

Волшебник уже заканчивал свое выступление перед не очень многочисленными зрителями, когда недалеко от него остановилась карета, запряженная четверкой лошадей. Из кареты вышел богато одетый синьор и подошел к Самуэлю.

О чем они говорили — никто не слышал. Но в конце своей речи приезжий показал рукой на экипаж.

Волшебник взял саквояж и цилиндр, в котором Чича собирала деньги за представление, о чем оповещал характерный звук позвякивающего металла. Он посадил обезьянку на плечо и раскланялся со зрителями. После этого они вместе с приехавшим синьором сели в карету и уехали в неизвестном направлении.

По большому счету никого и не интересовало, куда они направились.

Представление было закончено, и все стали расходиться.

Самуэль появился в харчевне поздно вечером. Солнце клонилось к закату и своим краем уже зацепилось за горизонт. В город вползали сумерки. Он (город) находился в состоянии перехода от вечера к ночи, которое люди чаще всего не могут отследить. Только что еще было светло. Человек отвлекся буквально на пару секунд, а когда посмотрел вокруг, заметил, что тьма поглощает город, пожирая дома и все живое. Улочки пустеют, птицы не поют. Жизнь замирает до следующего утра, до появления первого, слабого лучика света.

Свечи и жировые лампы попусту не расходовали. Зажигали лишь при необходимости. Поэтому спать ложились с закатом, а вставали с рассветом.

Самуэль был чем-то возбужден. Глаза его горели, волосы растрепались.

Синьор Форелли, видя в каком состоянии находится молодой человек, решил не допытываться того расспросами. Немного остынет, сам расскажет, тем более такой взбодраженный он вряд ли заснет.

И точно. Спустя полчаса мужчина, сняв свой цирковой костюм и переодевшись в обычное платье, покинул сеновал и вошел в помещение харчевни.

Синьор Форелли занимался своим обычным делом. Выпроводив последнего посетителя, он убирал посуду, объедки и протирал столы, готовя их к завтрашнему дню. Протерев стол, синьор задувал свечку, стоявшую на столе, и переходил к следующему.

Самуэль взял тряпку и стал по традиции помогать хозяину харчевни.

Вдвоем с этим занятием они справились быстро. Свечку за одним из столов синьор Форелли гасить не стал. Он поставил на стол кувшин с вином, горшочек с мясом и кусок хлеба. Посмотрел на молодого человека вопросительно.

— О, если это вы мне, спасибо, не надо,— восторженно Самуэль.

— Вы отказываетесь от еды? Вы не голодны? — брови синьора взметнулись вверх.

— Нет. Я — сыт,— услышал он в ответ.— Да, еще вот что. Сколько я вам должен?

— Да бросьте вы, Самуэль. Какие деньги? У вас же их никогда не бывает. Я и считать-то уже перестал. Тем более, что вы постоянно помогаете мне по хозяйству.

— А все-таки. Мне интересно знать?

— Ну, если вы настаиваете...— синьор Форелли задумался.— Что-то около 10 сальдо или, может быть, чуть больше.

Самуэль, словно заправский волшебник, покрутил руками в воздухе, засунул правую руку в карман, вынул и положил на стол звякнувший мешочек.

Мешочек был хоть и небольшой, но кожаный. Завязан золотистой тесемкой. В таких обычно знают носят деньги.

— Вот,— произнес волшебник. Развязал шнурок и высыпал деньги на стол.

Увидев эту грудку денег, глаза у хозяина харчевни округлились.

— Самуэль, мальчик мой, вы меня пугаете. Вы залезли в чей-то дом? Или обобрали пьяного синьора? А может быть убили кого-то?

— Да что вы такое говорите, синьор Форелли.

— Ой, только не говорите мне, что вы нашли эти деньги на мостовой.

— Нет, конечно. Я их заработал.

— Где это вы смогли заработать целую кучу денег? Здесь же, наверняка, больше 50 сальдо,— взглянув на деньги, профессионально быстро сосчитал сеньор.— Покажите мне это место, и я пойду туда работать, а харчевню закрою.

— Меня пригласил к себе выступить перед детьми и гостями синьор Аугусто Бернандо из дома на площади ратуши. Даже карету за мной прислал.

— Ой, посмотрите на него. Он разъезжал по городу в карете. Если вы не врете, то вы получили хорошие деньги. Эти деньги можно вложить в какое-нибудь дело и вылезти из нищеты.

— Я хочу эти деньги отдать вам в счет уплаты долга и за то, что я у вас нашел кров и кусок хлеба.

— Вы посмотрите на этого человека! — всплеснул руками хозяин харчевни.— В кои веки ему удалось заработать такие деньги и оказывается, что они ему не нужны.

— Деньги мне нужны лишь на пищу, кров и одежду. А куда девать остальные — я не знаю.

— Открыли бы пекарню и выпекали булочки, крендели, калачи с ванилью, маком, корицей,— мечтательно произнес синьор Форелли.— У вас бы отбоя от покупателей не было. А то все ходите, да по сторонам смотрите,— сокрушался хозяин харчевни.

— Синьор Форелли, а вы видели, какие сегодня яркие звезды. Как они мерцают над головой. Словно маленькие эльфы машут крылышками, наблюдая за нами с высоты.

— Какие звезды? Что за эльфы? — оторвался от своих мечтаний пожилой мужчина.

— А вы видели, как весной из почки на дереве появляется первый листочек? А какие днем по небу проплывают облака? Какой причудливой формы? Посмотрите вокруг! Как прекрасно. Волшебство окружает нас. Надо только внимательно посмотреть.

— Самуэль, у вас был тяжелый день. Вы устали. Ложитесь спать. Как гласит пословица: «утро вечера мудренее». А завтра мы с вами продолжим разговор.

Синьор Форелли собрал монетки в мешочек, завязал шнурок и отдал его циркачу. Тот задумчиво взял кошель и ушел к себе на сеновал.

Хозяин харчевни окинул взглядом свое заведение и взялся за перила, чтобы подняться на 2-ой этаж в свою комнату. Но что-то его остановило. Он поставил подсвечник с горящей свечой на ближайший стол и направился к выходу.

Открыл дверь. Вышел на крыльцо. Задрал голову, посмотрел вверх.

«А ведь он прав. Небо чистое. Ни облачка. Светит луна. И звезды, словно мошки, кружат над головой. Да, пожалуй, даже не мошки, а именно эльфы машут крылышками радостно порхая без забот... Тьфу, ты! Чем я занимаюсь, старый дурак. Наслушался речей мальчишки. Вылез, как крот из норы. Делом надо заниматься, а не на звезды смотреть».

Он развернулся и открыл дверь харчевни.

Но прежде, чем синьор Форелли шагнул внутрь, он обернулся и через плечо взглянул на небо.

«А когда я последний раз смотрел на звезды?.. Когда был молод, как Самуэль... Как давно это было...»

Татьяна Рогожина
(г. Тула)

БАСОНЯ

Печаталась в литературном альманахе «На крыльях «Пегаса». Член литературного объединения «Пегас» при Тульском региональном отделении Союза писателей России.

Софья Константиновна Лесневская давно не отдыхала по-настоящему, то есть с чемоданом и дальними странами. Все как-то больше на даче. А тут вдруг надумала. Вернее, давняя приятельница Оля позвала ее на Черное море съездить. Автобусом.

Дешевый вариант. Но возможностей!

Так красиво все расписала, что Софья, поколебавшись пару дней, согласилась. Тем более что вот уже месяц как свободна она от всяческих трудовых обязательств, то есть на пенсии. Катайся, сколько душе угодно. Или на сколько денег хватит.

Деньги пока что у Софьи водились. Хотя перспективы пугали, накопления имеют нехорошее свойство — заканчиваться. Но есть ли смысл об этом задумываться именно сейчас, когда душа страдает, оставшись без привычных обязанностей, которые выполняла она, заведя лабораторией в городской СЭС, почти восемнадцать лет.

Рекорд по современным меркам.

На ее должность всегда было слишком много желающих, поэтому начальство, устроив щедрые проводы, категорически отказалось оставить ее поработать еще немного. «Отдыхайте, дорогая наша Софья Константиновна, отдыхайте, хватит уж...»

И никого не волнует, что как раз отдыхать она не умеет. Совершенно.

Кое-как скоротав время на даче, благо был август — сезон сбора урожая и заготовок, Софья пережила первый свой месяц без работы. И без перспектив, ибо какие могут быть перспективы у одинокой стареющей женщины.

Тоска беспросветная.

А тут подруга Оля со своим предложением. Отдохнуть. Дешево. На море. Бархатный сезон и все такое...

Действительно, сезон оказался бархатным. Море — синее, облака — легкие, а пейзажи — дивные. И не так жарко, как летом. Но Софья Константиновна с трудом сдерживала раздражение. Ну, сколько можно валяться на пляже и шататься по окрестностям?! Утром просыпалась в ожидании вечера, мечтая лишь об одном, чтобы время летело скорей, и эта пытка ничегонеделаньем, наконец, закончилась.

К концу первой недели она слегка привыкла к праздному образу жизни и даже стала получать какое-то удовольствие от бокала вина на набережной и утренней прогулки в парке, но Оля все равно увидела, разглядела ее неумение (нежелание?) расслабиться и отдохнуть.

Н-да, тяжелый случай...

И что с этим, прикажете, делать?

Решение пришло, когда они сидели на пляже, вернее, Оля лежала, а Софья лениво разглядывала отдыхающих, изредка комментируя происходящее: «Ой, смотри, какая куколка идет!». Куколке на вид года три, но она уже в парео и с пляжной сумочкой. Или: «Вот, скажи, зачем так громко смеяться, если вас уже и так заметили». Это про двух смазливых девиц, вокруг которых кружили, привлеченные их роскошными еще незагорелыми телами, потенциальные кавалеры, скорее всего из местных.

Обычная курортная жизнь.

Чаше всего, однако, Софья Константиновна обращала внимание на детей, ошалевших от обилия свежего воздуха и относительной вседозволенности, отчего безудержное веселье легко переходило в слезы с капризами.

Рядом двое ребятишек строили из гальки башни, а когда это занятие им надоело, начали приставать к маме, которая со страдальческим лицом сидела под зонтиком, разминая пальцами виски. Мальчик постарше, лет пяти, спросил, подергав ее за ногу:

— Мама, а когда ты выздоровеешь из головы? Хочу на корабле покататься. У нас в саду две девочки уже катались и тошнились.

— А я колбасы хочу, — заканючил пацан поменьше.

Женщина достала из сумки бутерброд, но детеныш, прежде чем сунуть его в рот, уточнил:

— А это старая колбаса или молодая?

— Смешные, — улыбаясь, заметила Софья, — хоть записывай. Столько забавного говорят.

Мама малышей, услышав ее реплику, включилась в разговор:

— А я и записываю. Уже целый блокнот извела. А что?! Самый возраст: одному скоро пять, а второму — два с половиной. Вон мелкого сегодня из моря вынула, а он мне: «Мама, я дрожу, как осенний поцелуй». Откуда что берется? Или — старший, утром стучит в дверь ванной комнаты, спрашиваю: «Кто там?», отвечает: «Это твой любимый мужичок пришел».

От двух до пяти. Как у Чуковского.

Малыши, почувствовав интерес к ним, устроили показательные выступления. Они, быстро разрушив свои постройки, затеяли веселую стрельбу из водных пистолетов и продемонстрировали свое умение громко петь и хорошо драться, после чего, получив по попе, отправились на обед.

Софья как-то сразу погрустнела, заскучала. Ее взрослый сын жил далеко и не слишком баловал своим вниманием. Точнее, он присылал открытки на день рождения, поздравлял с новым годом и восьмым марта. И все. Чужие теперь люди. А во всем виноват бывший муж. После развода уехал в Израиль, а потом в Канаду. Сын, которому на тот момент исполнилось пятнадцать, переехал к отцу. Потому что там совсем другие возможности. Перспективы.

Она осталась одна. Работа, дача, дом. Случались редкие романы, но без каких-то важных для одинокой женщины, последствий.

— Так, — немного подумав, сказала внимательная подруга Оля, — есть неплохой вариант. Сразу не отказывайся. Подумай. Сама понимаешь, что шансы в нашем возрасте... Короче, у моей Машки лучшая подруга работает в детском саду. Заведующей. Там всегда кадров не хватает. Приедем домой, я все точно разведу...

Предложение ее вызвало такой бурный протест, что они чуть не поссорились.

Но.

На следующий день, когда они снова загорали на пляже, появились те же малыши с мамой. Узнав вчерашних соседей, радостно кинулись им навстречу:

— Привет, ребята! — закричал самый младший.

Мама его поправила, начав объяснять, как правильно обращаться к взрослым людям, но ее перебил старшенький. Желая отличиться, он поклонился в пояс и сказал:

— Здравствуйте, старушки! Как вы поживаете на своем коврике?

Софья, виновато посмотрев на Олю, сказала, точнее выдохнула: «Я согласна», и полезла в сумку за конфетами, чтобы угостить озорников.

Отпуск пролетел быстро, оставив легкое напоминание в виде ровного загара и пары лишних килограммов. Софья устроилась на новую работу. Нянечкой. Но без всяких перспектив карьерного роста, то есть воспитателем ей не стать — образование не то.

С Олей они виделись часто, и каждый раз Софья притаскивала свой толстый блокнот, куда записывала понравившиеся ей детские фразы и смешные истории.

— Вот, слушай, что мои охломоны вчера выдали. Сижу, смотрю, не могу понять, чем они занимаются. Ты не поверишь, но они играли в Российский банк. Под одним столом — офис, где они деньги игрушечные считали, под другим — магазин, куда эти банкиры периодически бегали за шампанским. Один Васенька, ну, помнишь, я тебе про него рассказывала, не участвует. Сидит печальный, руки в карманы положил, нахохлился. Подхожу, спрашиваю, что случилось. Он, тяжело вздохнув, отвернувшись в сторону, плачущим голосом сообщает, что не будет играть в эту игру, потому что не умеет заседать.

Она счастливо улыбнулась.

— А вечером, когда ужинали, одна малявка из новеньких заявляет: «А сейчас мне, пожалуйста, принесите коктейль с зеленой трубочкой и пирожное, чтоб сверху было две вишенки. Запомните или записать?». Умора, а самой-то только три года исполнилось. Но будущая принцесса. Готовый вариант. Ой, а вот этот эпизод я тебе, наверное, еще не рассказывала. Костик тянет меня за юбку и говорит: «Басоня, а посмотри, правда, у меня прическа такая привлекательная, что все женщины сразу повалят жениться?». Ничего, говорю, симпатичная у тебя стрижка. Но жениться-то, пожалуй, рановато. А он в ответ делает круглые глаза и заявляет: «А ты разве не знаешь, что холостяки живут на десять лет меньше?». Спрашиваю, откуда информация такая? Отмахнулся, уже переключившись на другое: «Басоня, да телевизор мне сказал! Вчера».

В этом рассказе Олю, прежде всего, заинтересовало новое словечко — «Басоня». Незнакомое. Но неуловимо что-то напоминающее.

Софья все разъяснила:

— Ой, да это меня так дети называют. Софья Константиновна — для них слишком сложно. Стали звать бабушка Соня, а потом как-то лишние буквы и вовсе отпали. Баба Соня. Ба Соня. Басоня. Откликаюсь. Деваться некуда. Еще чаю? Нет, нет, мне бежать пора, хочу детям сюрприз сделать, завтра сразу у двоих день рождения будем отмечать. А к нему надо готовиться.

— Что за сюрприз такой? Или секрет?

— Нет, конечно. Пирог пойду печь. Лимонный. Кстати, один из именинников недавно отметил в моем блокноте. Первый раз, но зато как! Слушай. Дело было во время тихого часа. Я подошла, чтобы Шурику одеяло поправить, раскрылся, а в окна дует. Он сквозь сон вдруг говорит: «Я родился в Южной Америке. Родителей там не было. Я скучал. Потом поехал в Москву и нашел себе папу, маму, дедушку с бабушкой и тебя, Басоня». Фантазеры!

Софья Константиновна Лесневская, чудесным образом переименованная в Басоню, вернувшись домой, испекла лимонный пирог, а потом достала из сумки свой блокнот, полистала его с улыбкой и на обложке вывела красивым почерком: «Моя новая жизнь».

Теперь она не одинока.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Кулешов
(г. Щекино)

PERSONALIA

Родился в 1949 году. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Служил в Советской Армии, работал слесарем, корреспондентом городской и областных газет. Автор 6 книг стихотворений: «Власть огня», «Зерна боли», «Мера времен», «Плоть песни» и других. Член Союза писателей России.

По краю земного причала
идем, разрывая сердца:
приходим, не помня начала,
уходим — не зная конца...

* * *

Все преходяще.
Небо — вечно.
Мой путь земной,
влекомый ввысь любовью встречной,
обратно в Путь вольется Млечный.
Господь со мной.
Избывно все.
А небо — вечно.
Прах под стопой
кольнет осколком жизни встречной,
смутит незаглушимой речью...
Господь с тобой.

ВЛАСТЬ ОГНЯ

Таинственная власть огня.
Какая сила движет нами,

когда глядим в живое пламя,
в нем что-то сущее лова?

Пленительная власть огня.
Не потому ль, что в нем начало,
чья память в души постучала
однажды на исходе дня?

Губительная власть огня.
И наш конец — не здесь ли зреет?..
Чем ближе пламя, тем яснее
в нем вижу — белого коня.

* * *

Тянет дымом с далекого склона,
кто-то легкою машет рукой,
и огонь, незаметный такой,
разгорится, как видно, не скоро.

Безмятежен зеленый покой,
да и что может в мире случиться,
если, выпустив теплую птицу,
кто-то легкою машет рукой.

И огонь, незаметный такой,
не спешит, разгоревшись, нарушить
над землей поднимающий души
безмятежный зеленый покой.

Улетела небесная птица,
песнь крылатая — глуше и глуше,
пусть огонь ничего не нарушит,
все равно что-то в мире случится.

Разгорятся, как видно, не скоро
приземленные, сырые души,
песнь высокая — глуше и глуше,
горячее дым близкого склона.

* * *

*На свете счастья нет,
Но есть покой и воля...*

А. С. Пушкин

Ни покоя, ни воли —
ничегошеньки нет.
Есть знобящее поле
да прерывистый свет.

Есть кривая дорога,
пустота общих мест

да награда от Бога —
шаткой вехою крест.

* * *

Ударит час,
придет пора — прощаться.
И странно мне, как я о том грущу:
не ведаю, придется ль возвращаться,
но чувствую, что всех за все прощу.

В раскольный час,
когда мне срок — расстаться,
я оглянусь, бывшее извиня:
все те, которым суждено остаться,
простят ли уходящего меня?..

ИСПОВЕДЬ

Не заговариваюсь.
Заговариваю
тайную боль — и не только свою.
Слово заветное вслух проговариваю,
жаркие чувства пою.

Красной весной и в ненастье осеннее
пламя высоко держу.
Не напоказ,
а во имя спасения
верное слово твержу.

ПЕСЕНКА ЭЛЕКТРИЧКИ

*Неизвестному исполнителю
известной песни Ю. Визбора
(электropоезд «Фрязино — Москва»,
утро 17 июня 2002 г.)*

«Ты у меня одна...»
Словно живая вода,
от проходных дверей
песенка светлых дней.
«Нету другой такой...»
Тронешь глаза рукой
и не смахнешь вину
за молодость и страну.

«В сумерках города...»
Вот что напел-нагадал
тот, кто мечтал о звезде,
чтобы светила везде.

«Вот поворот какой...»
Выпал для нас с тобой.
Не обрести покой
над неживой рекой,
не возвратить долги
близким и дорогим.
И от себя не уйти
по ледяному пути.

XX ВЕК ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

...хотя озвучен зов, а ране,
на пол-эпохи,
 грянул гром —
все так же солнце за бугром,
все так же горечью герани
окно дышало,
 и кружил
над сонным миром крик случайный —
все так же...

Но всего печальней —
креститься не спешил мужик.

ЦУНАМИ ПОСЛЕСЛОВИЕ К 26.12.2004

...и все отчетливей —
 символом века —
в душу запавший образ больной:
оцепенение человека
перед смывающей небо волной.

* * *

И вновь на круг ложится путь...

(Из поэмы «Зов»)

А жизнь-то, ребята,
 прожита.
Что там ни говори,
это же наши позити
блоковские фонари —

держат.
 Помилуй, Господи,
тех, кто пойдет вослед...
Полночь. Аптека на площади.
Тусклый бессмысленный свет...

РОЗА ВЕТРОВ

*Я вижу долю: на семи
мне полыхать ветрах...*

(Из поэмы «Зов»)

Какая высокая участь —
исполнить сполна долг святой:
любовью сыновнею мучась,
вливать дух свой в небесный цветок.

Поднявшись от русского поля,
он глазу невидим. Но все ж
в нем вера, надежда —
и боле —
грядущего мира чертеж.

* * *

Взгляда скользящее прикосновение,
«Здравствуйте» —
просьбою и пожеланием...
Странной надежды
плоды пожинаем мы
в наши мгновения.

В жизни другой
нам не встретиться, милая.
Что ж мы расходимся
в стороны разные?..
Даже вот этой строкою непраздною
мимо я...

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Дым развеялся... И не осталось
от бывшего уже ничего:
горстка пепла,
да самую малость —
горький запах его.

И растаявших слов
не собрать мне:
все пепел...
(Невесомый почти.)
Вслед сорваться готов
мой бессмысленный лепет...
«Ты молитву прочти».

И какой-то холодный,
расплывчатый образ
о прощенье молю,
как себе приказал.

Ничего мне в ответ:
хоть бы звук, хоть бы отзвук...
Дым — съедает глаза.

Да откуда ж он взялся?
Ведь все прогорело...
Нет, не зря эта мука дана:
то частица души
вдруг оставила тело,
догорает она.

ЛЮБОВЬ

Прикрыв собою,
как свечу,
ее несу.
О ней — молчу.

* * *

Услышу ветер — и заплачу.
Наверно, древняя печаль,
которой путь наш обозначен,
звучит в неведомых речах.

Услышу ветер — занедужу.
Земля родимая, спаси,
ведь душу вынимают, душу
созвучья безымянных сил.

Услышу ветер — вспомню песню,
что мне завещано сложить.
И обожгусь неожиданной вестью,
и жить захочется, и жить...

* * *

Владимиру Дмитриевичу Цыбину

Услышу ветер — и заплачу...

(Из ранних стихов)

Кладу я на ветер имя:
играй в беспмятстве лет.
И плачет слезами моими
неведомый мне поэт.

Вкушает он смертный опыт,
ударивший невзначай.
Безвестной былинки шепот
роняет мою печаль,

и голос незримой птицы
любовью моей дрожит...
Чтоб этому в мире сбыться,
на свете и надо жить.

Леонид Золотухин

(Заокский район, пос. Сосновый Тульской области)

БЕЛОУСОВСКИЙ ПАРК

(цикл стихов)

Печатался в коллективных сборниках Заокского района: «Поленовские зори», «Сердца чистый пламень», и в областных: «Отчий край», «Иван-озеро», альманахах «День тульской поэзии», в хрестоматии «Три века Тульской поэзии». Преподаватель-организатор ОБЖ Сосновской средней школы Заокского района.

1. ЗИМНЕЕ

Помнишь осеннего парка унынье,
Гроздь рябин как пожар в небесах,
Время прощанья под крик журавлиный
И отраженье печали в глазах?

Как ни зови, он уже не вернется,
Памятный миг, отзвенов в вышине.
Счастье проходит, любовь остается
Болью на грустной гитарной струне.

Пусть не сумели мы время приблизить,
Счастье свое, сохранив для двоих.
Майских рассветов всполох увидеть,
Под разноцветье улыбок твоих.

Как ни зови, он уже не вернется,
Памятный миг, отзвенов в вышине.
Счастье проходит, любовь остается
Болью на грустной гитарной струне.

Нынче от снега деревья седые,
Тропки надежд целиной разбрелись.
Может, зимою здесь пары иные
От наших ошибок выбелят лист.

Как ни зови, он уже не вернется,
Памятный миг, отзвенов в вышине.
Счастье проходит, любовь остается
Болью на грустной гитарной струне

2. ВЕСЕННЕЕ

Солнцем весенним поляны просеяны,
Снеги сомнений ручьями стекли.
Майскою радугой в небе развеяны
Тени на облачке нашей любви.

Вместе с весною и счастье вернулось
К нам пятипалым сирени цветком,
Словно улыбка твоя обернулась
Легким, как луч, золотым мотыльком.

Вновь мы аллеями старого сада,
За руки взявшись, с тобою прошли,
Нам восстанавливать даже не надо
Тропки надежд и тропинку любви.

Вместе с весною и счастье вернулось
К нам пятипалым сирени цветком,
Словно улыбка твоя обернулась
Легким, как луч, золотым мотыльком.

Вот и скамейка знакомая наша
И попрошайки — друзья — воробьи.
Сядем послушать как в зарослях парка
Песни поют о любви соловьи.

Вместе с весною и счастье вернулось
К нам пятипалым сирени цветком,
Словно улыбка твоя обернулась
Легким, как луч, золотым мотыльком.

3. ЛЕТНЕЕ

Летнего парка раскрыты объятья,
Новым надеждам и новым мечтам.
На паровозике счастья прокатит
И каруселью промчит по годам.

Ветер с пушинками в вальсе закружит,
Солнце улыбкой согрело пруды.
И паутинок изящество кружев,
На изумрудном наряде травы.

В тихих аллеях дремлет прохлада,
Робкие пары зашли погостить.
Даже веселые ливни фонтана
Здесь не сумеют любовь погасить.

Ветер с пушинками в вальсе закружит,
Солнце улыбкой согрело пруды.
И паутинок изящество кружев,
На изумрудном наряде травы.

Светят улыбки по-летнему ярко,
Глаз синева зазывает в полет.
Нас колесо обозрения в парке
Над суетою людскою несет.

Ветер с пушинками в вальсе закружит,
Солнце улыбкой согрело пруды.
И паутинок изящество кружев,
На изумрудном наряде травы.

4. ОСЕННЕЕ

Осень дождем и прохладой повеяла,
Рыжим бельчонком, резвится в саду.
Наши надежды, что парком навеяны,
Ивой плакучей купает в пруду.

Кленов багрянец выкрасил небо,
В зябких аллеях прячется тишь.
Парку спасибо за были и небыль:
Может, весною нас вновь приютишь?

Ветер листву по аллеям гоняет
И желудевым играет дождем,
Словно на прочность любовь проверяет,
Но под зонтом нам уютно вдвоем.

Кленов багрянец выкрасил небо,
В зябких аллеях прячется тишь.
Парку спасибо за были и небыль:
Может, весною нас вновь приютишь?

Листья каштанов октябрь застудит,
Гроздь рябин снегирей заждались.
Мы твоего, парк, тепла не забудем
И ты нас, пожалуйста, тоже дождись.

Кленов багрянец выкрасил небо,
В зябких аллеях прячется тишь.
Парку спасибо за были и небыль:
Может, весною нас вновь приютишь?

Владимир Гудков
(г. Тула)

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Автор детских стихотворений. Публиковался в литературном сборнике «Пегасик», автор книги «Тучка, слон и два жирафа»

КОТ — ТАНКИСТ

Стас катал кота на танке,
Дал ему лизнуть сметанки:
— Ты освоил танк, Маркиз?
Где твой шлемофон, танкист?!
Покатался кот немножко —
Вдруг, рванул, увидев кошку!
На извилистой тропинке
Лишь его мелькнула спинка!

КЛУБНИКА

На пригорке, на припеке
Травы набирают соки,
Пьет нектар с фиалки пчелка,
Суетится перепелка,
И растет, красу скрывая,
Здесь клубника луговая:
Прячут травы пряные
Ягодки румяные!

ЧЕРЕПАШКА

Во дворе гуляет Пашка,
Рядом с Пашкой — черепашка.
Пронеслась над нею птаха —
Не боится черепаха!
Ей страшны слоновьи ноги,
Бегемоты, носороги!

* * *

Лег котенок, лижет лапу —
Потерял он маму, папу!
Ослабел, мяучит —
С мамой было лучше.
Мимо крошки шел Сережка —
Приютил мальчишка крошку!

* * *

Шел по улице с авоськой
Старичок: в авоське — моська!
Дрессировщик шел с лукошком:
У него в лукошке — кошка!
Мурку в цирк несли — учиться,
Пса — в лечебницу, лечиться.
Как печально, что у многих
Нет друзей четвероногих!

* * *

В джунгли не пройти — заслон:
Повалил деревья слон!
Смачно ест он листья кроны,
Как с подливкой макароны!
Вот какой слонище —
Не хватает пицци!

БОБР — СПАСАТЕЛЬ

Много у бобра
Всякого добра:
Заводь и плотина,
Хатка с мягкой тиной,
Дорогая шуба,
Словно бритва — зубы,
Плоский хвост — весло,
Да и ремесло
Дорогого стоит —
Он плотины строит!

* * *

На заморские кокосы
Налетели дружно осы.
Обнажили грозно жала,
Словно острые кинжалы!
Облепили абрикосы,
Сели Машеньке на косы:
— Что, мои сластены,
косы слаще, чем кокосы?!

ТУЧКА

Тучка в небе злилась —
Влаги многовато!
Даже прослезилась,
Так набухла вата!

К солнышку подсела
Тучка посушиться —
Стала белым-белым
Облаком пушистым!

ЖУК

Я — усатый жук: кружу
Меж деревьев и жужжу!
Но я вовсе не навозный —
Дровосек я виртуозный:
Я с собой всегда ношу
Инструмент свой на носу!
Вот сейчас рубить пора —
Мне не нужно топора!

МАМЕНЬКИНА ДОЧКА

Шум воды из крана —
Мама встала рано.
Приглашает к чаю —
Я ей отвечаю:
— «Поцелуешь в щечку
маменькину дочку?
У тебя одна я —
самая родная!»

Роман Никишин
(г. Щекино)

СТРАНА НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖД

Родился 12 апреля 1985 года по образованию юрист. Стихи пишет с 2000 года, печатается впервые.

СТРАНА НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖД

Страна несбывшихся надежд
Поманит снова радужной мечтой,
Умы задумчивых невежд
Согреешь ты душевной красотой.

Ты веришь в правильность судьбы,
Что где-то существует дивный край,
Там исполняются высокие мечты,
Что есть страна, похожая на рай.

В тот светлый край тебя уносят сны,
Но мысли горькие замучили сознание,
Что ты лишь пленник призрачной страны,
Где никогда не исполняются желания.

Да, ты в плену реальности мирской,
Тебе приходится мириться с этой ролью,
Душа болит, объята тоской,
Взывая к помощи небесной этой болью.

Твоим сознанием овладеет грусть,
И в темноте густой исчезнут грезы,
И сердцу станет больно. Ну и пусть!
Ведь иногда полезны слезы.

И счастье испарится, как вода,
И откровенных чувств останется закрытой дверь,
Пройдут тяжелые и скучные года,
С печальным опытом необязательных потерь.

А в старости ты вспомнишь эти дни
И не забудешь никогда о них,
Ведь ты святой надежды зажигал огни
И исполнял желания других...

* * *

Однажды в холоде сыром
Я ощутил невыносимую печаль.
И не могу теперь я думать о другом:
Я одинок и это очень жаль.

И сколько раз во тьме кромешной
Не мог я для себя найти
Дорогу к жизни безмятежной!
Мне не было туда пути.

И вот теперь во цвете юных лет
Ты появилась, указав мне путь,
И для меня греха страшнее нет,
Чем все твои надежды обмануть.

Я искренне люблю тебя. О, да!
Ты окрылила все мои мечтанья!
Мне дороги твои хрустальные глаза
И губ твоих прекрасных очертанья!

А может, я не прав, и все не так,
И ты погрязла в суете людской?
А вдруг не нужен я тебе — простак,
А нужен только гений мировой?

Но я надеюсь на свою судьбу,
Что не оставишь ты меня в том холоде сыром.
И ни за что тебя бы не оставил я одну
В огромном мире дивном, но пустом.

ЛЮБОВНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Люблю прекрасные мгновенья,
Когда твой нежный теплый взгляд,
В себе скрывая откровенье,
Любовной дымкою объят.

Люблю твой голос безмятежный
И руки теплые твои,
И шепот губ твоих о нежной,
Всепоглащающей любви.

Люблю, когда ты тихо дышишь,
К груди прижавшись, головой
Люблю, когда мне письма пишешь
Своей божественной рукой.

Из-за любимых на планете,
Пролиты океаны слез.
Ты для меня одна на свете,
Прекрасная богиня грез!

Я лишь тебе одной подвластен
И от тебя не утаю,
Что с тою же вселенской страстью
Тебя по-прежнему люблю.

Наталья Кожемяко
(г. Щекино)

ПАСТУШОК

Окончила ТГПУ им. Л. Н. Толстого факультет иностранных языков. Работает в военном комиссариате Тульской области по Щекинскому району. Стихи пишет с детских лет. Публиковалась в газете «Щекинский вестник», литературных альманахах «Тула», «У засечной полосы», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори».

ПАСТУШОК

Под старенькими ивами,
Ворчливыми, сварливыми,
Я отдохнуть присела на часок.
А там скворцы-насмешники
Из своего скворечника
Все рассмотреть старались туесок.
Как видно, содержимое
У них неудержимое
Вдруг пробудило любопытство враз.
А там лишь сыроежка,
Ромашка, два орешка,
Ну, вот и все, скажу Вам без прикрас.
А пташки вьются, злятся:
И подлететь боятся,
И поживиться, вроде бы, не прочь.
Мне и смешно, и жалко.
Не шатко и не валко
Идут дела: не знаю, чем помочь.
Конечно, не грибочком.
И точно не цветочком.
А дать бы им хоть хлебушка кусок.
И тут же — прямо чудо! —
Неведомо откуда
Идет со стадом юный пастушок.
Я с пастушком, признаться,
Не прочь поцеловаться
И просто так чуть-чуть поговорить,
И подарить ромашку,

А он беднягу-пташку
Совсем не прочь немного покормить.
И, вроде, все довольны.
Но отчего так больно
Мне расставаться с юным пастушком?
А может, не расстаться?
А может, здесь остаться?
Ну ладно, это я решу потом.

МОЙ МИЛЫЙ

Ты, конечно, очень мил,
Хоть много девушек сменил.
Мне твердишь, что любишь, но...
Это взято из кино.

Ты в любви клянешься мне,
Без меня ты — как во сне.
Ты меня целуешь, но...
Это взято из кино.

Твердишь, что ждешь меня всегда.
Разлука хуже, чем беда.
Мне целуешь руки, но...
Это взято из кино.

Ты в театр меня водил,
По пятам за мной ходил
И встречал с работы, но...
Это взято из кино.

Ты букеты мне дарил,
О любви мне говорил
И купил колечко, но...
Это взято из кино.

Замуж ты меня позвал,
Заявление в загс подал.
Отказать бы надо, но...
Такого не было в кино.

МЕЧТАТЕЛЬНИЦА

Я мечтала о Париже,
Чтоб на башне посидеть,
Чтобы к Лувру быть поближе
И «Джоконду» поглядеть.
По полям по Елисейским
В мини-юбочке пройти,
Кинозвезд и полицейских

Соблазняя по пути.
Но не судьба, как видно.
Сижу опять на грядке.
Немножечко обидно,
А впрочем, все в порядке.
Я мечтала стать звездой,
На эстраде петь хиты,
Восхищались чтобы мною
Олигархи и менты.
Чтоб стояли депутаты
За автографом толпой.
И Европа чтоб, и Штаты
Умоляли дружно: «Спой!»
Но не судьба, как видно.
Сижу опять на грядке.
Немножечко обидно,
А впрочем, все в порядке.
И о принце я мечтала,
Чтоб приехал, наконец.
«Мерседес» из драгметалла,
Светлый мраморный дворец.
Чтоб увез меня он к морю
И назвал своей женой,
Чтоб принцесс-малюток вскоре
Бегала толпа за мной.
Но не судьба, как видно.
Сижу опять на грядке.
Немножечко обидно,
А впрочем, все в порядке.
Все мечтала я о принце...
Вот и встретила его.
И живем теперь мы в Ницце.
Не Париж — но ничего.
Я в кино сниматься стала
И уже почти звезда.
Платят мне пока что мало.
Ладно, справлюсь. Ерунда!
Судьба моя, как видно,
Оторвалась от грядки.
Не все сбылось — обидно.
Но, в общем, все в порядке.

Игорь Мельников
(г. Тула)

ЗНАЕТ БОГ

Игорь Мельников родился 1 января 1981 г. в Туле. Работает фельдшером-лаборантом в Детской областной клинической больнице. Студент Брянского государственного университета им. Петровского. В 2005 году окончил МГГУ им. Шолохова. Дипломант городского литературного турнира «Венок Пушкину» (1999 г.). Участник областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева (г. Тула). В составе «Музы» регулярно выступает на площадках Москвы, Тулы и Тульской области. Автор сборника стихотворений «От и до». Имеет публикации в журналах: «Приокские зори» (Тула), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «Студенческий меридиан» (Москва), а также, альманахах «Тула», «Муза» и «Иван-Озеро» (все Тула).

* * *

Стало прохладно здесь...
Гуси на юг летят.
Лес насторожен весь.
Тихо желтеет сад.

Время спешит вперед —
Мешкать ли нам с тобой?
Завтра сентябрь придет,
Вступит в неравный бой

С августом. И уже
Зная его итог,
Ждем проливных дождей,
Сырости и тревог.

Будем ходить, грустить,
Зонтик с собой таскать,
Кофе дешевый пить
И на людей ворчать.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Иду дорогой, в свою деревню,
К беленым хатам любовь питаю.

Моя отрада, моя царица —
Ты не такая, другую знаю.

Твои покосы, твои уголья —
Все это было, я точно помню.
По лугу аист неспешно ходит,
Кивая чинно тоске зеленой.

Я помню школу, кино и фермы,
И хлеб из печки, и трактор в поле.
Ничто не вечно, все эфемерно —
Все, кроме нашей
душевной боли.

Стареют люди, ветшают хаты,
И нету лада в цветенье сада...
Мы все как будто не виноваты,
А нам прощенья просить бы надо.

ЗНАЕТ БОГ

Ты шел ко дну в ментальной речке,
Но был замечен и спасен.
Грешил жестокостью извечной,
Как те, кто лаской обделен.

Упрямый, ты не помнил цели,
И выбирал не тот маршрут.
Но твои думы вдаль летели.
А что им было делать тут,

С тобою, в душевной комнатке,
Где ты разбрасывал слова
И полагал, что так и нужно?
Всегда ли наша жизнь права?

Дорог искожено немало,
Но рано подводить итог.
Куда ни глянь — везде начало.
Что будет дальше? Знает Бог...

DEPRESSIVE

«Я шут гороховый! И тем любезен людям», —
Сказал поэт, в огонь стихи бросая.
А в честь кого-то — залп из всех орудий!
А там — о ком-то девушки вздыхают...

Горят поэмы, как сухие листья.
А, впрочем, это — ничего не значит!

Шумит толпа, приветствуя артистов.
Спешит народ в кафешки и на дачи.

Теперь в комфорте ловят вдохновенье
Те, кто когда-то о штормах мечтали.
Кому нужны метанья и волненья?
Смешны стихов сиреневые дали.

...Убрал поэт недельную щетину.
Свой дивный дар, как высшее искусство,
Забыл и стал
 обычным гражданином.
И снова в Море холодно и пусто.

ПИСЬМО

Вы не прочли мое письмо,
А мне не очень-то хотелось
Его писать, но в память въелось,
Что это долг возможный мой.

И что нужны десятки слов,
Чтоб объяснить поступок странный,
Как я на жанр эпистолярный
Сменил карьеру и любовь.

Мы предпочтенье отдаем
Все чаще почте электронной.
А я — желал быть почтальоном
И приходить в знакомый дом.

Свои посланья вам вручать,
Пить сладкий чай и, каждый вечер,
Вникать в особенности речи,
Шутить, смеяться и молчать.

Вы не прочли... И в этом вас
Нисколько я не упрекаю,
Письма лет сто не отправляя.
Как, вероятно, и сейчас.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

НАВАЖДЕНИЕ

Что за птички? — Да просто синички
Прилетели ко мне под окно.
Две подружки, а, может, сестрички
Расширились славно, легко...
Чистят перья, рябиной постятся,
Как прекрасна свободная жизнь!
Начирикаются, наедятся,
А потом вдруг срываются ввысь...
Птичья жизнь — не людей прозябанье —
Нет ни склок, ни обид, ни страстей...
Не понравилось тут? — До свиданья!
Вверх поднялся и прочь поскорей!

НАВАЖДЕНИЕ

Лицо такое у нее, глаза такие,
Что и признание тянет совершить...
А формы тела притягательно тугие,
И бюст заманчиво под кофточкой дрожит...

И станешь немощным, бессильным перед этим,
С трудом справляешься с навязчивой мечтой...
И забываешь обо всем ином на свете —
Обнять бы ее, милую, рукой...

Недалеко последняя черта...
И, как ты жил — задать вопрос пора...
Работа, дети, чувства — маета...
И без болезней где-то детвора...

* * *

Рычит, как будто бультерьер,
Но уши — от дворняги,
Как будто он силен и смел,
Но трусит, как бродяга...

И у людей бывает так:
Когда не знаешь масти:
Он с виду, вроде как, казак,
Но глубоко несчастен...

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

ЕФРЕМОВСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК»

От редакции: Было время, когда в каждом номере «Приокских зорь» непременно присутствовала данная рубрика. Более того, литобъединения Тулы и Тульской области, а их где-то по примерному счету около тридцати, «стояли в очереди» на публикацию в журнале... В завершающем 2009-й год номере «Приокских зорь» рубрика, так сказать, завершилась представлением Тульской областной молодежной литературной студии «Вега». И все. Правда, в № 2, 2010 и в № 3, 2011 схожие рубрики присутствовали, но они посвящались литобъединению «Отчий дом» из Новокуйбышевска и московскому литобъединению «Вдохновение». А где же эти самые три десятка тульских литобъединений? Ведь хотя «Приокские зори» есть всероссийское периодическое издание, но корни-то его были, есть и будут оставаться тульскими. И до половины объема каждого номера «отдаются» Туле и области.

«...Обидно, понимаешь», — говорил товарищ Саахов из бессмертной кинокомедии. Обидно и редакции журнала потерей интереса к публикации в нем литобъединений. Как нам представляется, причин здесь две: определенная «местечковость» и... человеческая лень. Первая наиболее опасна — для развития литературного процесса, конечно. Все происходит из-за амбиций: такое-то литобъединение начинает издавать (на деньги участников) крохотным тиражом, в скверном полиграфическом исполнении, без редактуры и корректуры, без внутренней структуры свой альманах, который порой и за пределы райцентра не выходит, тут же он самостийно объявляется «международным», но — несомненно «всероссийским» изданием. В подражание серьезным литературным журналам учреждается — непременно «международная» литпремия «Тульская лапта» или что-то в этом роде... Такое самопальное издание, во-первых, дробит единый литературный процесс едва не до ЖЭК'овских территорий; во-вторых, обрекает способных авторов на глухое небытие, не дает стимула развитию их самобытности. Словом, и на литературном фронте в уменьшенных масштабах копируется пресловутый «парад суверенитетов».

Плохо, очень плохо это и нечестно по отношению к авторам, особенно молодым.

А лень человеческая? — Как тут ее преодолеть, если для представления литобъединения в «Приокских зорях» нужны (особенно его руководителю) определенные усилия: отобрать авторов и их стихи, написать предисловие, сделать фото авторов, а главное — все оформить по нашим правилам и отправить готовый материал в редакцию не электронной почтой — услудой нынешних илюш обломовых, а почтой «бумажной». Последнее особенно раздражает, хотя в России и во всей Европе солидные «толстые» литжурналы материалы по электронной почте не принимают...

...Да, уважаемые руководители и авторы литобъединений, требуются определенные хлопоты по подготовке материалов для публикации в «Приокских зорях», нужно потратить «билет в Большой театр» (сторублевая купюра) на отсылку их по «бумажной» почте, определенный срок ожидать своей очереди на публикацию. Наконец, у нас достаточно строгий отбор материалов по качеству литературно-

му. Особенно в части поэзии, которой руководит в журнале «страшный и ужасный» Владимир Резцов: халтуру он не пропустит. Даже с определенной скидкой для молодых литстудийцев. Но зато, пройдя все «препоны», вы можете быть уверенными, что ваши произведения будет читать вся Тула и ее область, Москва и Подмоскowie, Европейская Россия, Поволжье, Урал и Сибирь, Израиль, Германия, США, а в интернетовском варианте журнала — весь русскоязычный мир, а это полмиллиарда потенциальных читателей!

Но это мы так расписались — о своем, о девичьем. Тем более нас обрадовало («Жив, курилка!» — Это по французскому классiku...) предложение опубликовать в возрожденной рубрике подборку стихотворений участников литературного объединения «Родник», уже почти полвека существующего и работающего при редакции ефремовской районной газеты «Заря». Заметим, что из «Родника» вышли в большой литературный мир, ставшие членами Союза писателей СССР и России Елена Неведрова, а также известный и за пределами тульской земли писатель-прозаик и литературный критик Виктор Шавырин.

В последние годы вышли в свет «родниковские» коллективные сборники «Мое родное Красивомечье», «Русь непобедимая» и «Кровинка России».

Публикуемую ниже подборку стихов членов литобъединения «Родник» из Ефремова подготовил член редколлегии «Приокских зорь» Валерий Иванович Ксенофонтов.

Николай Титов

(г. Ефремов)

АПРЕЛЬСКИЙ СНЕГОПАД

Зима вернулась с полдороги
Не как склерозный инвалид,
Не потопталась на дороге,
Вломила в горницу. Валит

Распухший снег, густой, кудлатый.
Намылил ветки у дерев,
Накрыл поля свежайшей ватой,
Весне носишко утерев.

Земля и небо в поле чистом
Слились в один белесый мех.
Как жаль, что он растает быстро,
Новорожденный этот снег.

Сойдет с полян, и с крыш, и с веток...
Когда закончится лимит
Дней, прожитых и так, и этак...
Нас, как и зиму, напоследок
Желанье жить ошеломит.

РОЖЬ

Облака потемнели,
как снег по весне,
и проклюнулся дождик,
едва ощутим.
Он тончайшею челкой
вдали повис, нем,
паутинки погасли
на рыжей стерне,
зацепившись за частые
гребни щетин.

Значит кончилось лето,
грусти не грусти.
По речушке не рябь
пробегают, а дрожь.
До морозов надеясь
успеть дорасти,
сжавши землю
в младенческой хрупкой горсти,
фиолетовым пламенем
вспыхнула рожь.

Сколько бедствий зимой
у нее на миру.
И мороз, и тепло —
все обрушит стихия.
Все пройдет!
Перетерпит любую пору,
чтобы вынянчить хлеб,
чтобы вызреть добру.
Как похожи они,
в целом свете одни
неразлучные — рожь и Россия.

ПЕРЛОВИЦА

Еще рыбка какая-то ловится,
И маячит чирок на волне.
Но с жемчужиною перловица
Не таится на илистом дне.

Впрочем, что нам эта перловица?
Не до роскоши. Скоро тут
Пескари-то вконец переловятся,
Головастики пропадут.

Не летится мечте, а хромается.
Без чудес не живет мир, а маяется.

Все привычно и тускло, как пыль.
Но скорее сказка сбывается,
Чем навеки ушедшая быль.

Ну а вдруг там, где тишь хоронится,
Средь дремучих лесов и болот
И поныне живет перловица,
И ныряльщиков жемчуг ждет...

МОНОЛОГ БОМЖА

*И, поскольку я бичую,
Беспартийный, не еврей,
Я на лестницах ночую,
Где тепло от батарей*

В. Высоцкий

Вот жизнь была! Кругом хоромы.
Войди в любой подъезд. Ложись!
Хоть здесь, хоть там... Везде ты дома.
Тепло, светло... И эту жизнь

Мы потеряли без рассудка,
Сдурев от трепа, суеты.
Теперь идешь... Тебя пасут как
Будто прокаженный ты.

Мы не бандиты, не шпионы.
Таких еще вам поискать!
Понаставляли домофоны,
Чтоб нас погреться не пускать!

Но бестолковы ваши страхи.
Не отберем у вас жилье.
Ведь мы же, блин, не олигархи
И не подобное жулье.

Ведь с вами братья во Христе мы,
Хотя по жизни не родня.
Замков новейшие системы,
Дверей безмолвная броня.

Одна у нас страна родная,
И Богоматерь чтим одну.
Но у подъезда замерзая,
Я вас навеки прокляну!

Сергей Жигалин
(г. Ефремов)

ТИХОЕ КРАСИВОМЕЧЬЕ

У птицы есть гнездо

Иван Бунин

Тихо у города плещется речка.
Юный рассвет на Стрелецком мосту.
Малая родина, Красивомечье...
Старая яблоня в вешнем саду.

Тихое Красивомечье.
Юный рассвет на мосту.

Ты у огромной России частица,
я от рожденья навек твой птенец.
А над Мечою все кружатся птицы,
не долетая чуть-чуть до небес.

Кружатся, кружатся птицы.
Я навсегда твой птенец.

Небо над миром парит без границы...
Выбрать птенцу, где летать, где любить...
Но на Мечу возвращаются птицы,
чтобы родимой водицы испить.

Но возвращаются птицы —
здесь и летать, и любить.

Стану когда-то земли я крупницей...
Только душе улететь — не упасть —
выше небес... И назад возвратиться...
Родины тихой бессмертная власть.

Даже с небес возвратиться...
Родины вечная власть.

В МУЗЕЕ БУНИНА

*Твой дальний друг перед твоим портретом
Замедлит шаг, забудется, томим...*

Бунин

На бумаге небес нитка слов протянулась,
у калитки пугливых берез серебро...
Крики птиц далеко в тишине утонули,
возле старого дома кружится перо.

Душ, навек улетевших, услышать дыханье,
тех, покинувших нас, я пришел в этот дом,
и прочел под стеклом для себя завещанье,
что писалось, быть может, гусиным пером.

Дальний друг — это я — перед давним портретом
так неожиданно прочел здесь письмо для себя...
Я из многих, кто верит: чрез толщу столетий
продолжается то, что творилось любя.

И продляется в новых сердцах — и словами,
и гусиным пером на страницах небес.
Кто ушел — тот остался на небе и с нами,
тот оставил свою неподсудную весть.

...Что-то стало другим в этом доме старинном.
Но нигде, никогда не теряется след
дуновенья души. ...И свечи стеаринной
перед образом древним мерцающий свет.

ПРИМЕРКА

Летит иголка с ниткой,
не торопясь, спешит:
двухместную накидку
необходимо сшить.

Иголка и, как прежде,
два тонких лоскутка,
и ниточка надежды,
и времени рука.

Пространство простегают,
сошьют стежки минут...
И вечность наступает,
и ангелы поют.

Двухместную накидку,
А может быть, любовь

Живой непрочной ниткой
мы шьем из лоскутков.

Укроет на неделю,
на месяц или час...
Кому какое дело:
примерка тут у нас.

БРОСЬ С КОМПЬЮТЕРОМ ИГРАТЬ!

Внуку Саше в день рождения

Я родился в светлом мае.
Мне расти и расцветать
и культурно, и морально
и с компьютером играть!

Надо мне учить уроки,
математику решать,
даты выучить и сроки
и с компьютером играть!

Мне ходить на тренировки,
маме надо помогать,
уши мыть и мыть кроссовки
и с компьютером играть!

А еще — в библиотеку
и с собакою гулять...
А потом — на дискотеку
и с компьютером играть!

Надо! Надо! Надо!
Помогать, решать, гулять!
У меня одна отрада:
На компьютере играть!

Мне 12. Праздник важный!
Скоро будет 25!
и тогда никто не скажет:
БРОСЬ
С КОМПЬЮТЕРОМ
ИГРАТЬ!!!
Дед

Серафим Парадизов
(г. Ефремов)

В этом веке меня нет.
Я остался там,
Где на пашне лунный свет
Помогал волам.
Где картошка из костра,
Чуткий сон в копне,
Где работа до утра
В жатву на гумне.
Где телег скрипучий ход
С трав сбивал росу,
Лошадиный крепкий пот
Застревал в носу.
Где приземистый барак
День и ночь дымил.
Каждый живший в нем чудак
Труд боготворил.
Где однажды у плетня
В буйных лопухах
Убежало от меня
Платье в петухах.
В этот век я не пришел,
Не вошел нутром.
Может, это хорошо,
Встретимся потом.

* * *

Старинная церковь в округе одна.
С ней рядом погост и дороги.
Старинная церковь познала сполна
Житейские наши тревоги.

Туманное утро зашторило даль
И все окропило росой.
Старинная церковь, сняв ночи вуаль,
В тумане парит над землею.

В ней тихая святость и мирный покой,
Тепло даже в зимнюю стужу.
Старинная церковь — душевный покой,
Который нам нужен...

Нам нужен...

* * *

В полях тропинки пахнут рожью,
Там облаков плывущих тень.
Люблю я с детства бездорожье
И облик старых деревень.

Люблю капусты белой грядки,
Любую сельскую страду,
И на деревне звук трехрядки,
И пух гусиный на пруду.

Бывало, в сумерках стреножив,
Пускал на выгон лошадей.
Они мне ближе и дороже
Всех «жигулей» и «москвичей».

На них хотелось красным летом
Весь урожай скорей собрать.
И за мечтой своей при этом
Во весь опор скакать, скакать...

Чем дальше вскачь, тем слаще грезы.
И вот уже на склоне лет
Мечта моя, смеясь сквозь слезы,
Манит на танец, на паркет.

Так значит, мы еще послужим!?
Так значит, мы еще споем!?
И на коне разгоним стужу,
И в ритме вальса проплывем...

Ну а пока опять я в поле,
Где поутру бросает в дрожь.
Там, где родится тяга к воле,
И колосится рожь.

Вячеслав Мальцев
(г. Ефремов)

* * *

Лето все не верило:
Клонится к закату,
Дуют ветры севера
Песней вороватой.
Но светло в родном краю,
От избытка нежности
Светят клены охрою,
Умываясь свежестью!
Спят туманы мутные
С синими оконцами,
Ожидаем утра мы —
Любоваться солнцем!
Иль невестой позднею
Быть земля не рада?
Улыбаясь под зиму
Ярким листопадом.
Осень просыпается
Звонким птичьим горном,
Как легко гуляется
По листве узорной!
А в душе распутица
Зовом лебединым,
Что не сбылось — сбудется
В царстве паутинном.

* * *

Синим подолом трясут небеса,
Звучны по долам гусей голоса.

Листьев кружение, воздух настыл,
Тело пружинит легкий настил.

Золотом вышит липовый лист,
В радости высшей души сплелись.

Алый шиповник, рябины ли гроздь,
Бережно вспомнишь сладкую грусть,

Дождь морозящий, статность грачей...
Тихое счастье осенних ночей.

* * *

Закатилось солнце рано,
Сумрак стелется, потом
Осветился купол храма
В золотисто-серый тон.
Извиваясь гусеницей
От реки туман ползет,
Одинокая синица
Что-то нежное поет.
Лунный диск на перекате
Натянул камыш струной
И накатывает катер
Одинокую волной.
Травы, словно нитью ртутной,
Заблестели до корней.
Не любить такое трудно —
Чудо Родины моей!
И болит напевом данность
До трагических высот,
Может, эта первозданность
Душу русскую спасет?

Виктор Истягин
(г. Ефремов)

* * *

Я синь люблю!.. И синие глаза!..
А утонуть пришлось в зеленых!..
Как будто грянула гроза.
Я оказался разделенным...

Себя не склеить до конца,
Нести покорно сладость муки..
Тебя любил я до венца,
Тебя люблю я в час разлуки!

Любовь моя, ты мне от Бога..
Ты сказка, продолжение сна,
Ты боль моя, моя дорога,
Ты вечная моя весна!..

* * *

Я по жизни бегу,
Я умру не в постели:
На зеленом лугу —
Соловьи мне пропели.

Все, что надо — свершил,
И умру я с улыбкой.
Сыновей народил.
Жизнь моя — не ошибка.

Ты прости мне, Земля,
Что так мало я сделал..
Значит, больше нельзя.
Так судьба повелела.

Будет сад мой расти.
Станут внуки отцами.
Все, Земля, мне прости!..
Помяни соловьями...

* * *

Истягиной Анастасии Андреевне

Ах, какие снежные седины!..
А любовь твоя еще сильней.
Покоряет времени вершины,
Оттого ты во сто крат милей!
Я целую твои руки, мама!
Ты прости, что горе причиняю..
От любви к живому — жить нам мало.
Этот дар я смело принимаю.
Ты живи! Живи, моя родная,
Озаряя светом и теплом!
Знаю я: не будет больше мая,
Но живет прекрасное во всем...

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Сергей Либерт
(г. Мосбах, Германия)

ИЗ ЦИКЛА ВРЕДНЫЕ ПРИВЫЧКИ

Сергей Либерт, прозаик, кандидат в Творческий клуб «Московский Парнас», живет в г. Мосбах, Германия.

ДВОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ

Ночь была темная и безлунная. После дождя пахло озоном, цветущей акацией и сырыми листьями. В окнах больших домов уже погас свет, когда двое неизвестных повернули за угол и, не обращая внимания на весеннее великолепие, вошли в темный подъезд.

Эхо гулко разнесло по подъезду тяжелые шаги незнакомцев, которые, похоже, были кое-чем вооружены — карманы их оттопыривались. Они, не спеша, поднялись на второй этаж и остановились у двери, прислушиваясь.

— Здесь что ли? — с нетерпением спросил один из них, тяжело дыша, — только, чем открывать будем?

— Учить тебя что ли, — прохрипел другой незнакомец, — тебе только ломом работать! На, попробуй ключами.

В подъезде было по-прежнему тихо, не считая усердного сопения и позвякивание ключей.

— Ты че так долго!? — поторапливал хриплый голос.

— Уф! Есть! Наконец-то! — прошептал другой. — Только чем закусывать?

— Ты че ребенок, закусывать! Открыл?! Ну, с Богом!

— Со «ствола?».

— Со «ствола». Поехали!

Двое неизвестных вышли из подъезда так никем и незамеченные. Только теперь им было уже на это наплевать. Единственный тусклый фонарь высветил два обнявшихся силуэта. Похоже, дело прошло успешно.

Утром уборщица Фаина Куприяновна, как всегда убирала в подъезде и ругалась: «Чертовы алкаши, когда только успевают?». И бутылки из-под водки, белого и красного крепкого складывала в свою специальную корзину.

КАК ХОЧЕТСЯ КУРИТЬ

Бросаю курить, борюсь с самим собой. Дал слово очень дорогому мне человеку. Если я сказал, считай, что сделал. Буду лезть на стену, грызть камни, дуло к виску, но не сдамся.

Смотрю вдаль. Вот, Керр идет, курит. Ближе, теперь я уловил запах дыма. Собака на миг замерла, глянула, тряхнула головой, фыркнула и побежала прочь. Кошка не решилась перебежать дорогу. А вот и дама (иностранка) глянула на меня, щелкнула замком, взъерошила сумочку, нервно стала рыться, ища что-то важное, наконец, нашла, чиркнула и... с шумом затянулась... глаза заблестели... Как я понимаю ее. Моя рука по привычке потянулась за сигаретой, но ты снова встала между... Спасибо, что ты есть!

Жаль, что далеко...

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

— Не то! — сказал один из них, морщась и вытирая пот с лица, загорелого под цвет меди...

— Да, не то, — подтвердил громовым басом другой, усатый, такой же громадный ввысь и вширь, как и его товарищ, но более подвижный и в чистой рубашке.

Они поставили кружки и уставились друг на друга, соображая что-то. Ничто не могло отвлечь их от дела.

Я с шумом отодвинул стул, усаживаясь поудобнее. Они и не глянули в мою сторону, продолжая сидеть молча и неподвижно, похожие на две одетые цистерны.

«Наверное, истинные ценители», — подумал я, отхлебнув глоток. Пиво и в самом деле было не очень.

День только начинался, и в кафе было безлюдно. Усатый горестно созерцал пустой зал и барабанил по столу пальцами, выражая всем своим видом спокойствие и терпеливое ожидание. Меднолицый, пыхтя и отдуваясь, постоянно отирал пот со лба.

— Вчера было лучше, — прогремел, наконец, он.

Усатый в знак согласия махнул головой, но ничего не сказал. Наступило опять длительное молчание.

— Да пиво не то, — вступился я в разговор, — если б было чуть-чуть...

— Слышь, — угрюмо оборвал меня усатый, — не суй свой нос в чужие разговоры.

Я понимающе почесал затылок и закурил. Да ничего больше и не оставалось, кроме как сидеть и, молча, наблюдать за трапезой двух разговорчивых гигантов. Но разговор явно не клеился. Усатый по-прежнему вертел головой, а загорелый хищно уставился на мою сигарету, словно в ней был скрыт секрет плохого пива. «Может сигарет хотят?» — решил я.

Но меднолицый, не отрывая взгляда от моей сигареты, достал свои. Они закурили.

— А вы не смотрели вчерашний матч? — снова обратился я к ним.

Но усатый не дал договорить.

— Не лезь со своими глупыми разговорами! — При этом он покачал возле моего носа громадным, как огурец, пальцем. И затем, словно меня уже не существовало, обратился к другу: — С рыбой бы пошло.

— Да, — согласился тот, опустошая кружку.

Допив пиво, я хотел было встать и уйти, как вдруг меня осенила мысль:

— Может мы возьмем что-нибудь посолиднее пива?

Два друга переглянулись и внимательно посмотрели на меня. Кажется, я попал в цель.

— Вот! Это другой разговор! — сказал усатый, сверкая, как начищенный самовар, поглядел на меднолицего и добавил, — Васек! Доставай свою заначку.

ШВЕДСКИЙ СТОЛ

Свадьба! «Шведский стол» ломился по-русски — шашлык, рыба во всех видах, салаты, фрукты... Шампанское и водка в ведерочках со льдом манили прохладой и свежестью. Я потянулся — «моя атмосфера!». Ты мысленно встала передо мной... Звоны бокалов весело звали присоединиться. Я наблюдал, как пьянеет публика. А потом, а потом я пошел на сцену... Мне дали бубен (таков закон среди музыкантов). Я был трезвый, твои слова уравнивали меня. Я не пил, и мне это понравилось, хотя чувствовал себя предателем среди пьющих музыкантов... Пьяненькая певичка обернулась и, снисходительно улыбаясь, спросила:

— Че хочешь?

— Хочу с тобой спеть!

— Давай!

Мы пели «Леди ин блэк». Я думал о тебе. Время от времени ловил на себе женские взгляды, глаза певицы становились влажными, она завелась. Дальше пела уже не «программу», а пела для меня.

Я вышел из ресторана. Была ночь. Посмотрев на звезды, подумал, где-то далеко в другой стране, которую здесь мы называем «Большой землей», живешь ты, такая далекая и такая родная. Интересно, а по звездам далеко до Москвы...

Я снова окинул небо взглядом: звезды, как звезды, все на месте. Вдруг маленькая, как электрический разряд, точка появилась на небе. Она то увеличивалась, то уменьшалась, словно привлекая мое внимание, а потом застыла, поражая своей красотой. ОНА светила только мне!

Я вошел в ресторан, певичка потянула меня на сцену, и никому невдомек было, что я теперь пел для тебя, все вокруг померкло и поблекло. Меня ослепляла яркая звезда цвета «зеленый электрик». Это ты! Ты! Ты! Моя...

УТРО, ВОДКА, СИГАРЕТА

Утро... Выхожу на балкон. Как всегда, закурил. До открытия магазина десять минут, смотрю на прохожих. Пока накину куртку, спущусь с десятого этажа, магазин откроется, и, наконец, опохмелюсь. Как болит голова. Выбегаю на улицу. Вот-вот должна пройти она — дама моей мечты. Все! Сегодня брошу курить и пить! Вот только бы скорее открылся магазин. Она прошла мимо! Я хожу вокруг машины и тупо пинаю колеса, жду открытия отдела, где ждет моя спасительная «подружка». После обеда коллеги меня уже не воспринимают — нет в руках сигареты, я «в завязке». Терплю, убиваю время — лишь бы быстрее закончилась пауза...

Вечером снова выхожу на балкон, беру сигарету, делаю затяжку, еще одну, еще... Сбегаю по лестнице и прямо в магазин. Брошу пить и курить завтра. Вот только бы не закрылся магазин...

Хорошо...

Снова утро. Выхожу на балкон и опять тупо смотрю вдаль... Сейчас пройдет она! Скоро откроется магазин. Высоко громадное небо, над головой облако распласталось, как притаившийся крокодил, еще миг, и он прыгнет.

Как там у Блока — «улица, фонарь, аптека...». А у меня — утро, водка, сигарета...

Все! Надо завязывать. Завтра брошу...

Опять утро...

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Брэт был в завязке уже три месяца. Мучительное желание выпить хоть каплю подавлял силой воли. Зато с каждым днем без выпитого он чувствовал новизну жизни, которая приносила радость победы над собой. Но искустель не дремал, соблазняя, и в этом своем душепагубном замысле не знал покоя. Явившись к Брэту в виде страждущего Охмыря, стал склонять его к «успокоительному», так называл он «зеленого змия». И вот они уже сидели за столом и пили, пили, пили, отгородившись от мира пьяным угаром и дымовой завесой сигарет.

Утреннее похмелье принесло ему знакомые уже много лет ощущения: безоблачное настроение, душевный покой, а боли в суставах как рукой сняло. Он тут же повторил трапезу, такова была его привычка. А в это время пьяный Охмырь ликовал, потирая руки:

— Теперь этот снова наш человек! Дальше уже он пойдет сам по накатанной дорожке.

— Ты что там бормочешь? — очнулся Брэт, но никого не нашел рядом.

— Наш, наш!!! — ликовал уже невидимый искустель, — все наши идут этой дорогой. Скоро и его найду очокурившимся!

Для разнообразия Охмырь менял кончину своих: одного находили под забором бездыханного, другого в канаве, скрюченного и недвижимого, третьего — под мостом с остекленевшим взором и застывшей гримасой, а четвертого вовсе — в постели в позе мертвого фараона.

Теперь Охмырь придумывал смерть вчерашнему собутыльнику.

А Брэта все чаще и чаще будили смертельные судороги по ночам, резь, как горлышко разбитой бутылки, перекатывалась по всему животу. Хотелось пить, но вода не приносила удовольствия — она была, как в школьных учебниках, без вкуса и запаха. Брэт медленно умирал в одиночестве. Вот он с трудом вздохнул, и его слух уловил дуновение шепота: «Из любых капканов, которые ставит тебе Охмырь, есть спасение. Он охотится на тебя. Хочет забрать твои последние жизненные силы. Подавить волю. Поставить в зависимость, а потом уничтожить. Только ты, как больной зверь, должен сам себя спасти. Должен победить Охмыря. Не молить о пощаде! Не унижаться перед ним, а уничтожить! У тебя хватит сил сделать это. Ты справишься! Я верю! «Зеленый змий» — не спасение. Не лекарство для души, а твой враг!!! Охмырь — мираж. Ты — человек! Живи и борись!»

И вот Брэт, бородатый и посеревший, в истертой одежде, встал и побрел по мрачной пещере, согнувшись, как старик. А пещера, между тем все сужалась и сужалась, свод ее опускался с каждым шагом все ниже и ниже, словно желая прикоснуться к нему, взять его в свои влажные холодные объятия... «Неужели я больше никогда не увижу солнца, не улыбнусь утру, не услышу музыку опадающих листьев?» — ужаснулся он.

Сопrotивляясь невиданной силе, Брэт стал пробираться вперед. В дали пещеры туманно показался свет. Время, скорость, пространство, казалось, изменяются независимо друг от друга. Брэт не знал, сколько еще ползти, как долго он здесь. Полз уже на брюхе, извиваясь, как ящерица, перебирая руками и ногами. А когда свет вдали исчезал, понял, что наступила ночь. На пути попадались скелеты в странных позах: все лицом вниз, бывшим лицом. Они тоже когда-то ползли, но не доползли, не хватило сил. Охмырь победил их.

«Я доползу, у меня хватит духу», — думал он и, разгребая камни, продвигался вперед. Между тем пещера стала еще уже, превращаясь в нору, где он, вытянувшись во весь рост, впиваясь ребрами, как крючьями, в стены, полз.

«Скорей, скорей бы на свет Божий»,— мелькнула мысль, и сам удивился, ведь никогда не выражался так.

Шло время. Претерпевая невыносимую боль, мучаясь голодом и жаждой, он достиг выхода. Высунув руку наружу, Брэт ощутил солнечное тепло, оно передалось всему телу, наполняя каждую клеточку жизнью. Он высунул голову. Слезы потекли по щекам. Он плакал от радости.

Брэт пытался двинуться дальше, но каменные тиски пещеры крепко сжимали, словно громадная пасть. А под ним распахнулось живительное озеро, в котором отражалось яркое солнце и синее небо. Зеленел луг, манивший шелковистой травой...

Но силы стали покидать его. Тело перестало сопротивляться. «Нет!» Он вздохнул полной грудью, и камень под ним как будто шевельнулся, потом сдвинулся, а потом вовсе медленно пополз, оторвался от скалы и с грохотом рухнул вниз. Руки и грудь Брэта освободились, стало легче дышать... Он улыбнулся солнцу, и страх застыл в глазах. В следующую секунду Брэт летел в пропасть.

Прохладное озеро поглотило его, а потом словно выплюнуло наверх. Он, собрав все силы, барахтаясь, хватаясь за каждую травинку, плыл, понимая, что погибнет, если перестанет бороться.

Вдруг он увидел берег. Дыхание становилось ровным. Взгляд запечатлел, как коровы разом перестали жевать и уставились на него грустными глазами, бараны безмолвно сгруппировались в кучу, а пастух так и застыл возле костра с дудочкой во рту. Вот пьяный Охмырь прямо посреди огня, выставя скрюченное рыло. Языки пламени облизывали его, а Охмырь все выплясывал свой предсмертный танец, напоследок изрыгая шипящие, как фейерверк, разноцветные снопы искр.

Брэт открыл глаза. Он лежал весь измученный и голодный, что произошло с ним, не понимал. Страшно хотелось пить. Теперь вода приносила ему живительную силу. Бесцветный мир становился прекрасным, а за окном слышна была музыка падающих листьев.

Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)

ОБРЕТЕНИЕ СМЫСЛА

Под мостом вода играет листьями кувшинок и длинными шелковистыми прядями речных растений, завораживает причудливыми извивами и круговоротами. Безмятежно, замедленно клубится между бетонных опор таинственный мир скорее угадываемых, чем слышимых звуков, памятных с детства запахов, вольно бликующего света. Каждый день я люблю эту картину, да и не только я — мало кто из пешеходов, поспешающих по своим делам, пересекает мост, не бросив взгляд на струящийся внизу поток. И всякий раз река удивляет тем, как неразрывно соединяются глубинная философская константа ее русла и легкомысленно-сиюминутная изменчивость течения. А вот мы, люди, словно мусорная пена, крутимся лишь на поверхности, бездумно снуем челноками на работу и обратно, не видя конечной цели наших стремлений, не осознавая подлинного значения бытия. Баста! Сегодня я со всей остротой неизбежности понял, что необходимо прервать наскучившую, утомительную, однообразно повторяющуюся изо дня в день маету и сверить свое суетливое существование с чем-то значительным. Настала пора вынырнуть из затягивающей воронки обыденности, выскочить из безжалостных жерновов повседневности. Да здравствует стремление к смыслу! Да здравствует осмысленная, пусть и мимолетная, свобода!

Свернул вправо, нетерпеливо и неосмотрительно бросился через проезжую часть дороги. За решетчатой изгородью, на самой стрелке Пахры и Десны, призывно зеленел небольшой пойменный лужок, на который так хотелось ступить, словно это были поля елисейские. У калитки — развилка дорожек; одна, мощеная булыгами, карабкается вверх по склону крутого холма, увенчанного знаменитым собором, а другая, гравийная, обсаженная старыми липами, спускается к лугу. Ринулся по нижней тропе, несколько десятков метров шел в тени раскидистых крон. Над моей головой среди густых ветвей каменным туманом проступали стены храма Знамения Пресвятой Богородицы, а сквозь листву мозаично вспыхивало в лучах восходящего солнца золото наверхия. Когда же я вышел на открытое место, церковь перестала прятаться за деревьями и явилась во всей красе, приветствуя своим летящим силуэтом и причудливыми барочными кружевами, покоряя гордым замыслом и царственной непреклонностью. Храм парил в небе рядом с неподвижными облаками и медлительным самолетом. Парил целиком и каждой своей частью в отдельности: увенчанная крестом ослепительно сияющая корона уже давно устремилась к жаркому светилу, за ней потянулись ярусы сводчатых окон, а мощное основание здания только лишь готовилось к прыжку, сжавшись в мускулистую массу. Ангелы по углам всех четырех притворов что есть мочи махали известняковыми крылышками, стараясь поднять ввысь эту махину, ажурная белокаменная резьба, казалось, уже стала осыпаться с сотрясающихся фасадов...

Наглядевшись на чудо архитектуры, я двинулся дальше, туда, где по берегу Дес-

ны раскинулись ивовые кущи. Подойдя к зарослям, увидел у дерева чей-то велосипед. Кто-то, как и я, наслаждается здесь красотой и покоем. И где же мой неведомый сотоварищ? В ответ с реки, от мостков, послышался плеск. Одиноким в этот ранний час купальщик плыл на стремнину. Хотелось мне увидеть его лицо, коротко, но значительно посмотреть в самые глаза, намекая, что мы вдвоем хранители секрета сегоднешнего утра, однако над водой мелькал лишь затылок. Не стоять же над душой человека! И пошел я своей дорогой, словно скользя по течению, ощущая вместе с пловцом прелесть раннего купания, испытывая обжигающую радость, как если бы не его, а мое разгоряченное ездой на велосипеде тело погрузилось в студеную воду. Славно, славно!

Бреду вслед за током речной воды, никуда не спеша, любясь желтыми цветами кувинок и частым бором на противоположном берегу. Знаю, что это не так (сосны не назовешь вековыми), но воображаю, что среди деревьев есть и те, которые видели Петра I, побывавшего здесь на освящении вновь построенного собора. Представляется мне февраль 1704 года. Молодой монарх, на чью главу еще не возложен императорский венец, обходит невиданный ранее на Руси храм. За Петром Алексеевичем следуют приближенные. Не скрывая гордости постройкой, возводившейся полтора десятка лет на его деньги, вышагивает Борис Голицын, хозяин здешних мест, в прошлом дядька царя, поддержавший своего воспитанника в борьбе против правительницы Софьи, сподвижник, назначенный при отъезде самодержца за границу одним из управителей государства, воевода и кораблестроитель, наместник Казанский и Астраханский. Не ведает боярин, сколь переменчива судьба смертного, не подозревает, что уже в следующем, 1705, году он за недосмотр и нерадение будет удален от двора, что ни былые заслуги, ни буйное бражничество с немцами, ни учиненная по иноземному образцу церковь не вернут ему расположения государя, не защитят от крушащего все устои движения истории, и род Голицыных будет постепенно хиреть, а сам Борис окончит дни в монастыре.

На ходу обдумывает предстоящую проповедь в отстроенном храме один из любимцев Его Величества — Стефан Яворский, искусный в схоластике, велеречивый на латинянский манер местоблюститель патриаршего престола. Это уж много позже выяснилось, что, несмотря на причастность к униатскому просвещению, упрям Стефан, как все русские попы, и, сколь может, противится попыткам реформации. Пообтесался в Европах бородач, а не понял, что для воплощения царских замыслов непременно надобно скрутить в бараний рог несговорчивых церковников, хватающихся за святость предания. К вящей досаде государя, Яворский ничем не помог ему в учреждении столь необходимого надзора за душами подданных. Вот ведь и патриаршество было упразднено, и Святейший Синод создан по подобию гражданских коллегий, а все едино из стройной методы государственного управления выбивалось неподотчетное никому православие — последний рубеж противления монаршей воле, оплот тайной свободы, рассадник в народе вредной идеи, будто бы божеское неизмеримо выше и важнее кесарева... Да, не оправдал экзарх возложенных на него надежд, не благословил прямо и однозначно петровскую дубину, а потому, как доносили царю, тяготеет делами Синода, управлять коим ему было доверено. Но милостивый самодержец никак не взыскал с заскорузлого в своем упорстве архиерея, и держал его под рукой в качестве символа непреложной необходимости подчинения церковных властей властям светским. Долгонько томился Президент Духовной коллегии в веригах своего немощного владычества, исподволь вызревала в том томлении его главная книга, пока не распустилась витиеватым заглавием: «Камень веры: православной святой церкви сынам на утверждение и духовное созидание. Претыкающимся же о камень соблазна на восстание и исправление». Сочинение почти тайное, при

жизни императора так и не изданное, труд, в котором ученый проповедник рискнул намекнуть на то, что ощущалось многими, передавалось из уст в уста, невзирая на страх пыток и казней: мол, царь-антихрист преткнулся о камень своеволия, рухнул в пучину греха и чуть не утянул за собой весь крещеный люд. Только книга не о том. Яворскому важнее казалось не тянуться к заблудшему перстом указующим, а укрепить в вере свою паству, поддержать православных среди тотальной ломки устоявшихся понятий, призвать христиан к духовному восстанию, исправлению и созиданию. Но такие мысли приходят нескоро и трудно, сейчас же, зимой 1704 года, венценосец был для Стефана не иначе как камнем веры, ибо имя ему Петр!

Подтаявший февральский снежок сочится сыростью, наливаются водой отпечатки ног. Среди размашистых, деловитых, заискивающе семенящих, устало шаркающих следов — прихотливая цепочка детских. Чуть не бегом поспешает за царем сынишка Алексей, изумляясь затейливости чудного строения, а еще больше дивясь неожиданной милости к себе августейшего родителя. Государь и вправду впервые приблизил отпрыска постылой жены. Поди знай, что стало тому причиной... Может быть, недавний стрелецкий бунт воочию показал самодержцу, что смерть, как и в былые годы, когда те же стрельцы едва не подняли десятилетнего Петра на пики, по-прежнему таится прямо за дверями его покоев? Участи своей никто знать не может; нить жизни непрочна, глядь — и оборвется. А кто продолжит начатое? Кто претворит в дело дерзновенные замыслы в державе, снедаемой то буйством, то оторопью, то чрезмерной спесивостью, то юродским смирением?.. Начал царь приучать своего первенца к делам государственным, таская его за собой то на пышные торжества, то под осажденную Нарву. Только не в батюшку пошел изнеженный Алексей, подверженный какой-то непреодолимой лени. В учении не обнаруживал он отцовской смекалки и хватки. Повзрослев, с натугой, словно из-под палки, тщился со своими клеветками затмить разгулом всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор... Не был страстным наследник русского престола ни в законном браке, ни в объятиях крепостной девки, ни в стремлении отстоять право на трон, ни в попытке спасти живот свой, отвергая несправедливые обвинения в измене и покушении на отцеубийство. Даже в пыточном каземате оставался Алексей до обидного вялым, и лишь в руках убийц, говорят, стал вдруг красноречив и убедителен... Если бы мог отрок, засмотревшийся на каменные узоры паперти храма Знаменья, предвидеть, что детские игры как-то незаметно обернутся дворцовыми интригами! Если бы дано ему было предвкусить гибельную горечь грядущего! Но такого царевичу даже в страшном сне не привидится, как не может помыслить и Петр, что, наблюдая за сыном, испытает брезгливое раздражение, которое сменится жестоким разочарованием, а затем перерастет в ярую ненависть, что не покоробится он самолично допрашивать кровинку свою в жутком узилище, а затем предать в руки палачей. Отчего так случилось, что его ребенок оказался воплощением всего дряблого, прокисшего, подлого? Всю эту мерзость терпеть рядом с собой никак невозможно, ее следует выжигать каленым железом, рубить вместе с головами врагов, отрезать с языками, с коих срываюются непотребные слова, вырывать с ноздрями, учуявшими запах прежних порядков. Так остановит ли владыка Земли Русской карающую десницу, когда подвернулось под нее родное чадо?! Господи, за что ему такое испытание!

Однако это все треволненья зрелой, а то и предсмертной поры, сейчас же молодой преобразователь обходит дивный белокаменный храм во главе верных сподвижников. Он полон сил, стремлений и замыслов, он только лишь ступил на стезю грандиозных свершений. Правда, за плечами Петра Алексеевича уже Азов и Воронеж, Амстердам и Лондон, за плечами содрогнувшаяся от невиданных по размаху да жестокости стрелецких казней Москва. Далее для царя открыт лишь один путь — на чис-

тое место, на берега Невы, подальше от текущей кровью Москвы-реки, да и от Пахры с Десной, чьи воды так легко унесли в небытие дружбу и родство, несбыточные упования, сломанные судьбы, растоптанное величие, попранное благополучие — все то, что могло бы заилить русло великих гражданских подвигов... К храму Знамения, на обустройство которого он так щедро жертвовал, царь, которого потомки нарекут Великим, уже никогда не вернется.

Напоминая о дне сегодняшнем, о лете, плеснула волна, сверкнул мне в глаза солнечный зайчик, и растаяло февральское видение. Нет, не осталось в заречных лесах свидетелей петровской эпохи. Да и тех деревьев не отыщешь, что помнили бы пышный екатерининский поезд и обильный пир на всю округу, устроенный в честь императрицы. Над головой Екатерины шумели иные сосны, откуда матушка-государыня оценивающе оглядывала издавна обжитые да благоустроенные подмосковные земли, размышляя о том, кто из ее фаворитов достоин богатого голицынского имения, чьи статья и преданность могли бы быть вознаграждены столь щедрым подарком.

Нет, нынешняя буйная поросль на высоком берегу Десны застала, вероятно, лишь гораздо более поздние дни бедствий народных, когда грохотала под Москвой апокалиптическая битва, выигранная совсем не геройскими с виду, но недостижимыми по силе духа воинами, которые своими юными телами, как факелами, сжигали самолеты и танки со свастикой на броне... Десятилетия, века пролетели над этим безмятежным ныне уголком родной страны. И напоминает о былом лишь сумрак бора, хранящего хвойный, смолистый дух вечности да темно-зеленые всполохи нетленной памяти.

Вновь стряхнув с себя наваждение минувшего, иду далее, фланирую эдаким экскурсантом, оглядываю окрестности. На левом берегу Десны такие же дощатые мостки для купания, как и те, что остались у меня за спиной. Такие, да не такие! Пошире они, вроде бы, попрочнее... Интересно, почему другой берег всегда кажется более манким, более ухоженным и, уж во всяком случае, более таинственным, чем тот, на котором ты находишься? Увидишь на другом берегу старую лодку, наполовину вытасченную из воды, и сразу роятся в голове туманные романтические сюжеты. Разглядываешь домик у воды на опушке леса, и мнится, что непременно тихая да мирная, зажиточная да неспешная жизнь течет в нем. Так же, как прежде купальщику, я похорошему позавидовал владельцу сказочной избушки: вот ведь хитрец — устроился жить в раю, и никому не расскажет про свое счастье.

На самой стрелке дорожка делает поворот. Под ногами похрустывают камешки, сверкают капли на траве, и я в своем одиночестве почему-то ощутил вдруг себя в непривычной роли хозяина огромного поместья, для которого специально засыпали гравием тропинки, чтобы он не замочил росой ног, гуляючи поутру. И уже похозяйски стал разглядывать лежащие на пути ветки раkit: что такое? Уж не порубку ли кто учинил самовольно? Но нет, толстые концы сучьев сломаны, а не спилены. Видимо, недавний ночной ветер, принесший обильный дождь, пообтрепал деревья.

Полюбовался издали еще раз Знаменской церковью. Да, хороша! С этой точки обзора собор был похож на космическую ракету, стоящую на стартовой площадке в готовности взмыть в невообразимые высоты. И вновь пришел на ум Петр Алексеевич, некогда выделивший этот по-русски нерусский храм из множества других. Чем приглянулся он царю? Не только ведь красотой и пышностью. Похоже, в устремленном горе контуре угадал император, разглядел через века и запуски в небеса железных шаров, давших новую жизнь старинному слову «спутник», и легендарный взлет улыбчивого крестьянского паренька с княжеской фамилией, и непреодолимую мощь стерегущих страну от супостата батарей колоссальных единорогов, снаряженных испепеляющим огненным зельем. Каким образом Петр смог предвидеть высокий полет своей державы? Загадка! Но, надо полагать, именно в своем гениальном предви-

дении находил неумный самодержец силы для трудов и свершений, видел оправдание неисчислимых человеческих жертв на алтарь будущего.

Дребезжащий металлический звук вернул меня к действительности: давешний пловец ехал восвояси; разболтавшееся заднее крыло велосипеда билось о багажник. Счастливого пути, друг! А я еще пройду. Подышу сочным, вкусным воздухом, полюбуюсь искорками росы в траве, позабавлюсь, наблюдая за игрушечной жизнью птиц, резвящихся на лугу... Какие малозначительные, но яркие и психологически важные для человека впечатления! Ими, как корешками, врастает он в родную землю и, укрепившись, может претворить окружающий хаос в благодатный космос.

Но вот, замкнув круг хождения, я вновь оказался у развилки дорожек, подошел к калитке. Пора возвращаться к делам, к житейским сложностям. Странно, но часто возникающего в дорогах нам местам стремления задержаться еще хотя бы на миг я не испытывал. И не только потому, что ежедневно дважды прохожу мимо Знаменской церкви и заливного лужка рядом с ней, не только потому, что в любой момент могу вновь войти в волшебные свои владения, где в неспешном течении перемежаются давно отболевшее со злобой дня, мир человека с миром природы, великое с мелким, благородное с жестоким. Дело в том, что нежданная утренняя прогулка легла в памяти моментальным фотоснимком и отныне числится одной из важнейших единиц хранения в архиве самосознания. За несколько минут, проведенные здесь, я, может быть, навсегда стал обладателем величайшего сокровища. Теперь ощущение дарованного мне неимоверного богатства будет уверенно жить в моей душе вне зависимости от того, какие красоты и достопримечательности окажутся перед глазами. Напивавшись чудесным солнечным, речным ветерком, веявшим из минувшего в будущее, я почувствовал себя готовым к новым встречам с людьми; более того, мне хотелось идти к людям, чтобы при случае поделиться доставшимся мне достоянием. Так таинственная глубина бытия пришла в согласие с сиюминутностью. А всего-то и нужно для обретения смысла — однажды свернуть с обыденного пути, по которому сотни раз проходил вместе с сотнями сограждан, так и не ведающих о сказочном кладе, лежащем у них под ногами; всего-то надо сделать шаг в сторону от повседневного маршрута на работу и с работы.

ФИЛОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Субетто
(г. Санкт-Петербург)

НООСФЕРНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МИССИЯ XXI ВЕКА

Родился 28 января 1937 года в городе Пушкине Ленинградской области, ныне входящем в город Санкт-Петербург. В 1959 году закончил Ленинградскую Краснознаменную Военно-Воздушную инженерную академию им. А. Ф. Можайского по специальности «Строительство и эксплуатация аэродромов». С 1959 года по 1969 год строил космодром «Плесецк», а с 1969 года по 1992 год служил в родной академии на военно-научных должностях. С 1992 года на «гражданке». Полковник Космических войск СССР (в отставке), доктор экономических наук и доктор философских наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, имеет более 1000 научных работ, в том числе более 300 книг, брошюр, монографий. Выходит 13-томное Собрание сочинений под общим названием «Ноосферизм». Его перу принадлежит ряд литературно-публицистических работ и статей, в том числе «Непрошенные мысли» (7 книг, 2001—2007гг.), «Слово» (2012), «Дорогой совместной жизни длиной пятьдесят лет» (2009), «Исповедь последнего человека» (2011), «Слово о Вернадском» (2013) и другие. Женат. Имеет двоих детей, трех внуков, двух правнуков. Президент Ноосферной общественной академии наук. Лауреат Премии Правительства РФ за 2011 год по номинации образования за цикл работ по социально-психологическому обеспечению качества жизни (в составе исследовательской группы из шести человек).

XXI век — век необычный для всей истории человечества. У него есть миссия — миссия стать веком ноосферно-социалистического преобразования мира. Логике становления этой миссии и посвящена эта авторская работа. Каждый из разделов снабжен эпиграфами в основном из работ В. И. Ленина. Это неслучайно. Этим автор хотел «перебросить мост» от начала социалистического преобразования мира, которое началось из России под водительством Владимира Ильича Ленина и партии большевиков-коммунистов, к началу XXI века, когда социализм, но в новом ноосферном, экологическом и духовном качестве, становится единственным базовым условием выхода человечества из экологического тупика Истории.

Работа разбита на небольшие подразделы, чтобы читатель мог легче воспринять логику движения мысли.

1. КАКУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЭПОХУ ПЕРЕЖИВАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?

*Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь с конкретным опытом истории**

В. И. Ленин

Первый вопрос или проблема — это диагностика эпохи, которую переживает человечество, и в его составе — Россия. От правильности такой диагностики зависит правильность взглядов на движущие противоречия такой эпохи, прогноз развития исторических событий и задач, которые должна решать коммунистическая партия как передовой авангард не только рабочего класса, всех трудящихся, но и всего мыслящего человечества.

Какую эпоху переживает человечество?

На взгляд автора, эту эпоху можно назвать «Эпохой Великого Эволюционного Перелома». Ее суть состоит в том, что прежняя, стихийная парадигма Истории закончилась в XX веке. Ее «Конец» обозначился тем историческим фактом, что состоялась первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы. Это более радикальная констатация, чем фиксирование глобального экологического кризиса.

Что означает определение «первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы»? Оно означает, что «точка невозврата» еще не перейдена, и у человечества еще есть ресурс исторического времени «переломить» логику своего «погружения в пучину экологической гибели». Возник императив выживаемости человечества в XXI веке. Академик Н. Н. Моисеев называл его «экологическим императивом»**. Это означает, что не только рабочий класс («пролетариат») выступает «могильщиком» капитализма, как писал К. Маркс, но в XXI веке и сама Природа. Рынок, капитализм, частная капиталистическая собственность (частная собственность на средства производства и соответственно частная форма присвоения общественного капитала) отрицаются Логикой с большой буквы, которую можно назвать Большой Логикой Социально-природной Эволюции. Это означает, что императив выживаемости человечества и социалистический императив смыкаются, превращаются в единый императив XXI века. Вне социализма, но социализма нового качества — социализма ноосферного, духовного и экологического, у человечества и у России нет будущего, они могут не пережить даже середину XXI века.

О том, что человечество может войти в состояние двойного коллапса — социально-глобального (вследствие резкой поляризации «богатого» меньшинства человечества и «бедного» большинства человечества) и социально-биосферного (приближение процессов экологической катастрофы к точке «невозврата») — в 2025±5 году предупреждает целый ряд отечественных и зарубежных ученых***.

Эпоха Великого Эволюционного Перелома — это эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма, как по внутренним основаниям, так и по внешним, экологическим.

Эпоха Великого Эволюционного Перелома — это эпоха перехода к управляемой истории, т. е. «подлинной истории» в определении К. Маркса, которая в своем полном раскрытии и есть коммунизм. Но к управляемой истории в новом содержании

* Ленин В. И. Соч., т. 49, с. 329

** Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. — М.: «Молодая гвардия», 1990. — 351 с.

*** Федотов А. П. Глобалистика. Начала науки о современном мире. — М.: 2002. — 224 с.; Субетто А. И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. — СПб.: Астерион, 2010. — 544 с.

(о котором Маркс в XIX веке и не мог подумать, потому что экологические проблемы не носили того судьбоносного характера, который они приобрели к концу XX века), — а именно, как управляемой социоприродной (ноосферной) эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества. Теоретическое обоснование этого положения автором представлено в таких работах как «Капиталократия» (2000), «Глобальный империализм и ноосферно-социалистическая альтернатива» (2004), «Эпоха Великого Эволюционного Перелома» (2008), «Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма: ноосферно-социалистический прорыв или экологическая гибель человечества?» (2010), «Владимир Ильич Ленин: гений Русского Прорыва человечества к социализму» (2010), «Манифест ноосферного социализма» (2011).

Эпоха Великого Эволюционного Перелома — это эпоха Великого Отказа от ценностей, обслуживающих капитализм и так называемый «универсальный рынок» (Ж. Аттали), — ценностей частной капиталистической собственности, свободного рынка («торгашества» по Марксу), индивидуализма, безответственной свободы, доминирования прибыли (человек, предприятие как «центры прибыли») и т. д.

Эпоха Великого Эволюционного Перелома — это эпоха перехода человечества к социализму, доминированию плана над рынком, общественной собственности на общественный капитал над частной собственностью, к установлению социоприродных, ноосферных гармонических отношений.

2. ТРИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЛОГИКУ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

*Долой всякую колониальную политику, долой всю политику вмешательства и капиталистической борьбы за чужую землю, за чужое население, за новые привилегии, за новые рынки, проливы и т.п.**

В. И. Ленин

Второй вопрос или проблема — это определение фундаментальных противоречий, определяющих историческую логику развития человечества, его хозяйственного природопотребления в единстве с Природой.

Первое фундаментальное противоречие — это противоречие между хозяйствующим на Земле человечеством и Природой, которое приобрело форму глобального экологического кризиса, в свою очередь приобретшего черты первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

Второе фундаментальное противоречие — между капитализмом, в форме глобального империализма, и социализмом. Оно возникло сразу же, после Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 году, вместе с появлением первого социалистического государства в мире в лице советской России, а потом — СССР. Это противоречие сразу же изменило всю геополитическую картину мира, ее содержание. Если первая мировая война отражала противоречие между двумя стратегиями империалистической глобализации — англо-франко-американской («Антанта») и германской, то вторая мировая война, наряду с реанимацией этого противоречия, уже включала в себя, как главное, противоречие между капитализмом и социализмом. Гитлеровский фашизм, как «штурмовой отряд капитализма» против СССР, вырастил англо-франко-американским империализмом**.

Весь XX-й век прошел под знаком наступления первой волны Глобальной Со-

* Ленин В. И. Соч., т. 17, с. 231

** Ноам Хомский указывал, что по признанию представителей американской капиталократии «Мы вынуждены поддерживать Гитлера»; Хомский Н. Классовая война. — М., 2003, с. 133

циалистической Цивилизационной Революции (если так назвать социалистические преобразования в ряде стран мира в XX веке)*. Откат этой «волны» в 90-х годах не означает поражение социализма. Он сохранил свои позиции в Китае, Вьетнаме, на Кубе (до гибели Каддафи сохранял свои позиции в Ливии), его наступление просматривается в Латинской Америке.

В XXI веке второе фундаментальное противоречие входит неотъемлемой частью в первое фундаментальное противоречие. В каком смысле? — Только через победу социализма в мире может быть разрешено первое фундаментальное противоречие.

Третье противоречие — противоречие между Трудом и Капиталом, которое обостряется в системе глобального империализма, и одновременно глобализируется, поскольку в состав «мирового пролетариата» попадают эксплуатируемые народы экономических неокolonий глобального империализма — стран его «периферии», так называемых развивающихся стран. Его разрешение — это победа социализма, которое становится условием реализации императива выживаемости человечества.

Три указанных противоречия в своем единстве формируют своеобразную диалектику исторического развития современного мира человечества и являются важнейшими основаниями современного классового подхода.

3. СУЩНОСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА, ЕГО ИСТОКИ И ЕГО ФИНАЛ В XXI ВЕКЕ

*Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления — к господству, а не к свободе. Реакция по всем линиям...***

В. И. Ленин

Третий вопрос — какова сущность глобального империализма, каковы его истоки и каков его финал в XXI веке?

Появление глобального империализма на рубеже XX и XXI веков, историческое развитие империализма в XX веке только подтвердили правильность основных положений теории империализма В. И. Ленина. Аргументация данного положения была выполнена в коллективной двухтомной монографии, выпущенной по инициативе автора к 80-летию со дня смерти В. И. Ленина, «Ленинская теория империализма и современная глобализация» (2004, 756 с.).

Империалистичность капитализма и порождаемый им колониализм — закон бытия капитализма. «Капитализм» в чистом виде, в границах своей страны, воспроизводить себя, только за счет эксплуатации своего рабочего класса, не может. Этот вывод уже присутствовал в работе «Накопление капитала» Р. Люксембург, в скрытом виде в работе В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», в заостренной форме это положение в указанной коллективной монографии «высветил» С. Г. Кара-Мурза. Анализируя работу «Накопление капитала» Р. Люксембург, он подчеркивал: «...оказывается, что цикл расширенного воспроизводства не может быть замкнут только благодаря труду занятых в нем рабочих, за счет их прибавочной стоимости. Для него необходимо непрерывное привлечение ресурсов извне капиталистической системы (из деревни, из колоний, из «третьего мира»). Дело никак не

* Понятие Глобальной Социалистической Цивилизационной Революции автор впервые включил в теорию научного социализма в книге. Субетто А. И. Ноосферизм. Книга первая. Введение в ноосферизм. — СПб.: Астерион, КГУ им. Н. А. Некрасова, 2001. — 537 с.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., с. 419

ограничивается «первоначальным накоплением», оно не может быть «первоначальным» и должно идти постоянно»^{*}.

Иными словами, наличие колоний, из которых изымаются природные ресурсы, интеллектуальные и трудовые ресурсы, в том числе через нещадную эксплуатацию трудового населения колоний, есть закон бытия капитализма «метрополии». Империалистичность капитализма выражается в колониальной системе, как его необходимым внешним атрибуте. Капитализм производит себя за счет эксплуатации колоний.

Антиколониальные революции в мире в 40—70-х годах XX века, которые произошли под воздействием противостояния империализма и социализма, притягательного примера СССР, не отменили колониализм, поскольку сохранялся капитализм, а изменили его содержание.

Появился новый тип колониализма — экономический колониализм, частью которого выступают культурный и интеллектуальный типы колониализма. Д. Кортен (США) в работе «Когда корпорации правят миром» (2002) напрямую вводит понятие «корпоративный колониализм»^{**}, тем самым подчеркнув, уже, на языке автора, что система ТНК есть механизм неэкономической колониальной экспансии системы глобального империализма мировой финансовой капиталократии. Косвенно это признает и такой всемирно известный ученый, как Ноам Хомский («Классовая война», 2003), который подчеркивал, что во власти транснациональных компаний находится большая часть мира^{***}. Джон Перкинс в нашумевшей книге «Исповедь экономического убийцы» (2005) показал, как действует институт «экономических убийц», созданный империализмом США, задачей которого является экономическая колонизация стран и контролируемая «перекачка» ресурсов, капиталов, технологических «ноу-хау», денег в сейфы банков и ТНК США, уничтожение системы независимости стран-жертв «экономических убийц»^{****}.

Именно по схеме, описанной Джоном Перкинсом, осуществлялась экономическая колонизация России под вывеской рыночных реформ и построения капитализма в 90-х годах и до сих пор. Тайну этой схемы раскрыла Рейчел Дуглас в работе «Яд для России» (2010), подчеркнув, что логикой «реформ», в том числе приватизации, руководил институт лорда Ральфа Харриса из Лондона. По ее оценке «аксиомы, институты и методы действия, внедренные в экономику России выпестованными Лондоном «младореформаторами», по прежнему держат экономику мертвой хваткой»^{*****}.

Вот почему в статье «Возможен ли капитализм в России?» в «Советской России» автор указал, что капитализм в России невозможен: вместо его построения идет процесс империалистической колонизации России, ее деиндустриализации и деинтеллектуализации. Капиталистическая контрреволюция в России (1992—2012 гг.) оказалась на самом деле механизмом экономической колонизации России со стороны глобального империализма.

Империализм на рубеже XX и XXI веков превратился в глобальный империализм, и как часто бывает, на «вершине» своей зрелости, «вошел» в эпоху своего краха. Чтобы финал империализма не перешел в экологическую гибель человечества, необходима революционная воля не только рабочего класса, но и всех разумных сил человечества по переходу в эпоху ноосферного социализма.

Глобальный империализм, империалистическая глобализация — установление нового мирового порядка по империалистическим лекалам мировой финансовой ка-

^{*} Ленинская теория империализма и современная глобализация. Книга I. Под науч. ред. А. И. Субетто. — СПб.: Астерион, 2003, с. 104, 105

^{**} Кортен Д. Когда корпорации правят миром. — СПб.: Агентство «БиТ-принт», 2002

^{***} Хомский Н. Классовая война. — М.: Праксис, 2003. — 336 с.; с. 162

^{****} Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. — М.: Pretext, 2005. — 319 с.

^{*****} Дуглас Р. Яд для России // Завтра. — 2010. — Май. — № 19 (860), с. 2

питалократии только усиливает погружение человечества в пропасть глобальной экологической катастрофы. Вот почему борьба против глобального империализма есть борьба за спасение человечества от экологической гибели в XXI веке и реализацию ноосферно-социалистической альтернативы (по отношению к империалистической альтернативе) — единственной альтернативы, реализующей устойчивое ноосферное развитие человечества*.

4. ВОПРОС О СООТНОШЕНИИ КАПИТАЛОКРАТИИ, РЫНКА И ИМПЕРИАЛИЗМА

*...какими зверями становятся самые «цивилизационные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы масс против капитала, против капиталистической колониальной системы, т.е. системы порабощения, грабежа и насилия***

В. И. Ленин

Четвертый вопрос — это вопрос о соотношении капиталократии, рынка и империализма. Теория капитализма, по моей оценке, должна быть достроена теорией капиталократии. Ее контуры были представлены автором в «Капиталократии» (2000), и затем в работах «Глобальный империализм и ноосферно-социалистическая альтернатива» (2004), «Капиталократия и глобальный империализм» (2009).

Капиталовластие — особая форма бытия капитала, которая определяет неэквивалентность меновых отношений в пространстве капиталократии, процессы отчуждения финансового капитала от физического, промышленного капитала в XX веке. Совершившиеся 3-и «революции» в бытии капитала во второй половине XX века — монетарная, электронная, революция ТНК усилили отчуждение капитала от человека, породив двойное отчуждение финансового капитала от человека. К концу XX века в «мире Капитала» сформировался строй мировой финансовой капиталократии, с подчиненными ей «пирамидами» — пирамидой ТНК (транснационального капитала), пирамидой технологий, пирамидой рынков, пирамидой энергетической и информационной власти. «Парламентские демократии» — это «фасады», прикрывающие прячущиеся за ними мерзости строя капиталократии.

Примером, определяющим циничность российской капиталократии, ее манипулятивной власти, служит признание Германа Грефа, сделанное им во время его выступления на Международном экономическом форуме в июне 2012 года: «Вы знаете, господа. Вы говорите страшные вещи. Вы говорите, что следует передать власть в руки населения... Если каждый человек будет участвовать в управлении, то что же мы науправляем? Как только все люди поймут основу своего «я», управлять, то есть манипулировать ими станет невероятно тяжело. Люди не хотят быть манипулируемыми, когда они имеют знания... Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность судить напрямую... мы-то по-

* Субетто А. И. Манифест борьбы против глобального империализма. — СПб.: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2004. — 38 с.

** Ленин В. И. Соч., т. 17, с. 174—177

нимаем, что все СМИ... заняты построением страт...».* Не по этой ли причине, чтобы легче манипуляционно управлять «населением» России, по оценке представителя российской капиталократии Грефа, делается все, в том числе разрушается система высшего образования, чтобы погрузить общество и «демократию» в «пучину невежества» и было легче манипулировать его мнением?

Автором в теории капиталократии показано, что Капитал, если иметь в виду его проникновение во все поры общественной жизни, превращается в особый тип социальной мегамашины, которая по-своему рационализирует мир человека, вернее — капиталорационализирует человека, превращая его в капиталоробота, управляемого деньгами и функционалом прибыли** (А. А. Зиновьев назвал такого человека «западоидом»). Жак Аттали, формируя свою утопию «Цивилизации Рынка» и «Строя Денег», назвал такого «оденьженного человека» неокочевником, потому что в системе глобального перемещения капитала (Дж. Сорос) он должен передвигаться за потоками капитала по всему миру. Глобализация капитализма и рынка означает и появление Глобальной Капитал-Мегамашины***, которая, именно вследствие своей направленности на капиталорационализацию бытия человека и природы, вступила в экологический конфликт с Природой, уже приобретший черты первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

Фактически это означает собой новое явление в развитии капитализма на рубеже XX-го и XXI-го веков: противоречие между Капиталом и Трудом перешло в противоречие между Капитализмом и Человеком, потому что капитализм превратился в строй, отрицающий Будущее Человека в XXI веке.

«Мировой рынок» или «универсальный рынок» — инструмент мировой финансовой капиталократии. «Правила игры», как показал Дж. Сорос еще в 90-х годах, утверждаются на таком рынке игроками с большими деньгами, т.е. финансовой капиталократией. «Свободный рынок», как и «рыночная экономика», — это миф, используемый мировой финансовой капиталократией для экономической колонизации мира. «Рынок» становится все более регулируемым. Вместе с ростом наукоемкости, интеллектоемкости, образованиеемкости экономик развитых стран растет значение планового сектора экономики, развитие которого знаменует собой процесс отрицания рынка. Дж. Гэлбрейт оценил экономику США как планово-рыночную экономику, причем на 60 % — плановую и лишь на 40 % — рыночную. В той или иной степени плановая экономика присутствует в экономике Японии, стран Западной Европы. Социалистическая экономика Китая на 70 % — плановая, на 30 %-рыночная. Плановая экономика СССР сохраняла рынок на своем «нижнем этаже», как механизм распределения товаров первой необходимости, находящийся под контролем планово-регулятивных механизмов.

Монетарная революция сопровождалась развитием рынка денег и ценных бумаг. Отчуждение финансового капитала от физического, промышленного, появление «виртуальной экономики», сопровождается «возгонкой» разрушительной (стихийной) силы рынка на вершину пирамиды рынков, которая в моменты капиталистических кризисов проявилась с особой разрушительной силой.

Необходимо теоретическое осмысление того, что рынок, как механизм развития, исчерпал себя. Он исчерпал себя по внутренним основаниям вследствие роста интеллектоемкости и образованиеемкости экономики, воспроизводства капитала, за которым следует рост длительности цикла воспроизводства такого интеллектоемкого и образованиеемкого промышленного капитала, что требует так называемых «длинных» денег, планирования и новой формы долгосрочного кредитования и новой формы функцио-

* Где мы стоим? Чего мы стоим? // Аномалия. — 2012. — 315(505), с. 2

** Субетто А. И. Капиталократия. — СПб., 2000. — 214 с.

*** Там же.

нирования соответственно банковской системы с запретом на «ростовщичество». Рынок, а это было показано еще в 70-х годах XX века, нечувствителен к научно-техническому прогрессу (НТП), он в 6—10 раз более «тихоходен», чем НТП. Но самое главное, рынок исчерпал себя вследствие наступивших экологических пределов. На это указывали еще 50—60 лет назад И. А. Ефремов, Б. Коммонер. Но особенно жестко вердикт рынку прозвучал в докладе по заказу Мирового банка, написанный коллективом западных ученых во главе с Гудлендом, Дейли и Эль-Серафи в 1991 году, именно тогда, когда в СССР, а затем России, М. С. Горбачев, Ельцин, Явлинский, Гайдар, Чубайс и другие «младореформаторы» бредили «рынком» и «рыночной экономикой». В этом докладе было указано: в экологически насыщенной нише, которую занимает человечество на Земле (Биосфере), рынок как механизм развития исчерпал себя. Рынку подписала приговор Ее Величество Природа*.

К этому следует добавить, что по признанию Папского совета Римской католической церкви от 24 октября 2011 года, сделанному в специальном послании на тему мирового и финансового кризиса под названием «О реформе международной финансовой системы в перспективе публичной власти с универсальной компетенцией», причины мирового экономического и финансового кризиса заложены в «проявлении эгоизма, коллективной жадности и чрезмерном накоплении благ»**. В этом послании был осужден экономический либерализм без правил и контроля, а также господство трех «идеологий» — утилитаризма, индивидуализма и технократизма. Фактически за этим красноречивым признанием Ватикана в скрытом виде присутствует критика рынка, который, по Дж. Соросу, не может обходиться без эгоизма и жадности, без стремления заполучить как можно больше денег любыми средствами.

Это еще раз подтверждает вывод автора, сделанный им в работе «Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма» (2010), что «мир человечества вступил в Эпоху Краха рынка, капитализма и либерализма, длящуюся уже около 50 лет, и конец которой приходится на период с 2030 по 2050 годы, и который может оказаться Концом Бытия человечества на Земле»***. И выход из этой «Эпохи Краха рынка, капитализма и либерализма» связан только с ноосферным социализмом и «другой альтернативы Будущего у человечества нет»****.

В теоретических основах деятельности КИРФ должно присутствовать ясное отношение к рынку и рыночной экономике. Политика, построенная на рыночном фундаменте, а вторая волна приватизации в России, разрушающая окончательно системные основы ВПК, вступление в ВТО, рыночные реформы в сфере образования, науки и культуры, приватизация Сбербанка, в котором хранятся пенсионные сбережения многомиллионных масс пенсионеров, — есть блеф, невежество и преступление перед будущим России и ее народами****. Вопрос введения планирования, восстановления Госплана на новой теоретической основе — императив времени и вопрос жизни для всего российского общества, императив инновационного прорыва.

* Goodland R., Daly H., El Serafy S. (Eds.). Environmental Sustainable Economic Development. Building on Brundtland. Washington DC: World Bank, 1991.

** Жадность и эгоизм правящих элит — причина мирового кризиса Александр Аринин. <http://www.lawinrussia.ru/node143963> (Дата размещения: 31.10.2011 г.).

*** Субетто А. И. Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма: ноосферно-социалистический прорыв или экологическая гибель человечества? — СПб.— Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010.— 44 с.; с. 7.

**** Там же, с. 43.

***** Красноречивым является недавняя оценка А. Г. Лукашенко, президента Республики Беларусь: «...возникает мысль, что нам вот такую рыночную экономику и идеологию, главное — идеологию, а не экономику подкинули для того, чтобы уничтожить ту экономику, которая у нас была» / «Рыночную идеологию нам подкинули...» (Пресс-конференция А. Г. Лукашенко) // Советская Россия.— 2012.— 18 октября.— № 116(13769).— с. 1, 2; с. 2.

5. О ТЕОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЛЕНИНИЗМЕ: ВЗГЛЯД С «ВЫСОТЫ» XXI ВЕКА

*...бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть мертвое, раз навсегда застывшее, тогда как на самом деле только с социализмом начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем и всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни**

В. И. Ленин

Пятый вопрос — это вопрос о социалистической революции и связанный с ним вопрос о природе ленинизма, о значении Ленина, Сталина, Октябрьской революции для истории XXI века.

Теория империализма, ленинизм по-новому поставили вопрос о социалистической революции. Переход от капитализма к социализму начинается не со стран метрополии мировой капиталистической системы, где капитализм приобрел «классический вид», а со стран «периферии». И первой совершила прорыв человечества к социализму Россия, как особая евразийская общинная цивилизация — цивилизация «цивилизационного социализма»**.

В России растущий капиталистический уклад в начале XX века не только сопро-вождался захватом «командных высот» экономики западным капиталом и порождал процесс ее экономической колонизации, но и вошел в конфликт с ее цивилизационными основаниями, с ценностным геномом русского народа и других народов России.

Поэтому социалистическая революция в России, в первую очередь, началась как антикапиталистическая революция, и произошла она потому, что именно в России «узел» противоречий в развитии империализма, как глобальной системы, приобрел наиболее острый и обнаженный характер.

Отношение к русской революции разделило движение марксизма на два потока: «западный», догматический и творческий, «русский», ленинский потоки. Это раз-двоение марксизма на догматический, «западный» и ленинский, творческий, про-явившееся в дискуссиях Ленина с Плехановым, Мартовым, Каутским, Троцким и т.д., а также между большевиками и меньшевиками (последних антибольшевизм привел в «лагерь» воюющей против советской республики «белой» армии в годы Гражданской войны), снова с особой остротой заявило о себе в пространстве капиталистической контрреволюции в последнее 20-летие в России, почти 100 лет спустя. Снова возро-дились оценки, что Великая Октябрьская социалистическая революция (ее считаю возможным назвать Великой Русской Социалистической Революцией), вся эпоха со-ветской цивилизации,— были ошибкой, а вот капиталистическая контрреволюция якобы исправляла эту ошибку и возвращала СССР, страны СНГ в лоно «западной цивилизации», якобы истинного пути развития человечества. Грешат такими оценка-ми многие, не только оппоненты КПРФ в лице российских «либералов», но ученые, считающие себя истинными марксистами, и так называемые «социал-демократы» и «социалисты».

Взгляды на социалистическую революцию К. Маркса, как на революцию в стра-

* Ленин В. И. Соч., т. 33, с. 98

** Субетто А. И. Декларация Петровской академии наук и искусств «Современный мир и пути реше-ния проблем России на этапе движения к устойчивому развитию». — СПб.: Астерион, 2005. — 54 с.

нах, где капитализм достиг наибольшей зрелости и сформирован пролетариат — движущая сила такой революции, не подтвердились. Победное шествие социалистических революций в XX веке открыла Великая Русская Социалистическая Революция в 1917 году в России, а вслед за ней социалистические революции в Китае, во Вьетнаме, Монголии, в странах Восточной Европы, в Югославии и т.д. Империализм как глобальная система, состоящая из стран «метрополии» и «периферии», порождает антикапиталистические и социалистические революции не в странах «метрополии», а в странах «периферии», в которых эксплуатация и положение эксплуатируемых масс были особенно тяжелыми и невыносимыми.

В. И. Ленин в книге «Империализм как высшая стадия капитализма» указывал, что в наступившую эпоху империализма происходит перемещение основной массы физического труда, в том числе промышленного, из Западной Европы, «на плечи темнокожего человечества»*. Он приводил данные, что в Англии в 1901 г. число промышленных рабочих сократилось до 15 % населения, в то время как число рантье настолько увеличилось, что стало сравнимым с числом рабочих (1 млн. рантье против 4,9 млн. рабочих). В странах «метрополии» произошло, благодаря получению прибавочного продукта за счет эксплуатации колоний, его населения, «обуржуазивание» рабочего класса, потеря им своей революционности, что и явилось почвой для оппортунизма западного марксизма, против которого боролся Ленин. А. Грамши, который осознал новизну ленинизма и ленинской теории социалистической революции, в статье «Революция против «Капитала» 5 января 1918 года писал: «Эта революция против «Капитала» Карла Маркса. «Капитал» Маркса была в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который занес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось»**. Дело, конечно, не в Марксе, и не в историческом материализме. Здесь Грамши неправ. Еще сам Маркс в письме к Вере Засулич в 1881 году указывал, что его «Капитал» верен только для «капиталистической системы» Англии, в которой произошло «полное отделение производителя от средств производства» и осуществлена «экспроприация земледельцев». И «историческая неизбежность» прогноза «Капитала» «ограничена странами Западной Европы». И далее он, отвечая Вере Засулич, отмечает, что «анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, «доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины»***. Таким образом, Маркс перевернулся бы в гробу, если бы узнал, что его последователи, вместо диалектического развития его наследия, превратили это наследие в догму, в «мертвую схему», которую, конечно, «взрывала» живая диалектика реального исторического процесса.

Ленин и ленинизм — явление одновременно и русское, неотъемлемое от логики развертывания Эпохи Великого Русского Возрождения с ее космо-ноосферной устремленностью, и всечеловеческое, всемирно-историческое.

* Ленинская теория империализма и современная глобализация (коллективная монография). Под науч. ред. А. И. Субетто. В 2-х кн. Книга 1 — СПб.: Астерион, 2003.— 260с.; с. 106.

** Ленинская теория империализма и современная глобализация (коллективная монография). Под науч. ред. А. И. Субетто. В 2-х кн. Книга 1 — СПб.: Астерион, 2003.— 260с.; с. 106.

*** Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880-1892/ Отв. ред. П.Ю.Савельев.— М.: 2006.— 572с., с. 241, 242.

Три источника определяют происхождение ленинизма:

- *марксистско-европейский;*
- *русско-демократический или русско-революционный;*
- *евразийский, российско-цивилизационный.*

Во-первых, ленинизм есть развитие марксизма Лениным в эпоху империализма, несущее в себе и диалектическое снятие тех положений в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, которые не подтвердились последующим развитием капитализма, в частности о возможности социалистических революций только в развитых странах, когда капитализм исчерпал потенциал своего развития.

Во-вторых, ленинизм есть не только развитие марксизма, но есть явление самостоятельное, явление по своему происхождению чисто русское. В этом своем качестве он есть явление рядоположенное марксизму, рожденное русской культурой, российским культурно-историческим архетипом, системогенетикой России как самостоятельной цивилизации. Это хорошо и глубоко понимал русский философ Н. А. Бердяев, но не понимают многие идеологи современного русского национализма, например, такие как Н. А. Нарочницкая, М. Назаров, И. Шафаревич, война которых против Ленина и Октябрьской революции, оказывается войной, хотя они так не думают, против ценностных основ бытия России, — войной, являющейся частью основ установившейся колониальной капиталократии в России, направляющей ресурсы на Запад и разрушающей все основные системы жизнеобеспечения народа, обрекая его на медленное вымирание.

В-третьих, ленинизм есть научно-теоретическая система, объединившая в себе теорию империализма и теорию социалистической революции в отдельно взятой стране, вследствие неравномерности развития стран в системе империализма, — и тем самым обеспечившая стратегию и тактику победоносной Великой Русской Социалистической Революции — Русского Прорыва человечества к социализму.

Ленинизм как научно-теоретическая система включает в себя:

- 1) теорию империализма как высшей стадии капитализма;
- 2) развитие научного социализма;
- 3) развитие философско-научных основ, в том числе развитие диалектики, теорию отражения и др.;
- 4) теорию социалистической революции в отдельно взятой стране;
- 5) теорию создания и развития партии нового типа как руководящей силы социалистической революции;
- 6) положение о союзе рабочего класса и крестьянства как революционной силы и силы созидания;
- 7) теорию строительства социализма в России, в которую вошло учение о планомерной организации народного хозяйства, учение о культурной революции, положение о кооперации как форме соединения крестьянства с социализмом и др.;
- 8) положение о Советах и Советской власти как форме власти Труда — народо-власть как в период революции, так и в период социалистического созидания.

В-четвертых, ленинизм есть диалектика и практика Социалистической революции (от момента ее подготовки до момента ее свершения) и Социалистического созидания освободившегося от гнета эксплуатации трудового народа. Дьердь Лукач подчеркивал в работе «Ленин. Очерки взаимосвязи его идей», что «ленинизм означает небывалую прежде степень конкретного, несхематичного, немеханического, непосредственно устремленного к практике мышления. Сохранить это, и есть задача ленинцев»^{*}.

^{*} Лукач Д. Ленин. Очерк взаимосвязи его идей (Отрывок из работы) // Ленин. Человек-мыслитель-революционер. — М., 1981, с. 481 — 488; с. 488.

Ленин, ленинизм, по Д. Лукачу, дали «теорию, ставшую практической», дали «теорию практики», — и это есть то, что необходимо современным коммунистам.

Следует отметить, уже всматриваясь в прошлое «с высоты» начала XXI века, что конкретизацией ленинизма, его материализацией стала советская история, советская цивилизация, советский социализм, поднявший материальный, технологический, культурный и интеллектуально-духовный уровень русского народа и народов России на небывалую высоту, вырвав их из «царства тьмы, невежества и угнетения». Владимир Бушин в 2010 году, в дни празднования 140-летия со дня рождения В. И. Ленина, писал: «...за сорок с небольшим лет под солнцем ленинизма сбережения народа возросли в 30 раз»^{*}.

Сталин, как великая историческая фигура, вырос в школе ленинизма, что он неоднократно подчеркивал. Без Ленина не было бы и Сталина. Попытка оторвать Ленина от Сталина, противопоставить их друг другу, и тем более возвысить значительность Сталина и принизить значимость Ленина для истории России и русского народа, чем грешат некоторые патриоты, несостоятельна по своей сущности, ложна, и, в конечном итоге, «льет воду на мельницу» врагов России.

Нужно еще раз подчеркнуть следующие положения, вытекающие из опыта истории XX века, которые развивают марксистско-ленинскую теорию в XXI веке:

Социализм возникает в России, как отрицание капитализма по ее цивилизационным основаниям, поскольку капитализм нес с собой процесс ее колонизации, потерю Россией своей цивилизационной идентичности и затем гибель русского народа. Социализм возникает в России как альтернатива капитализму в метрополии империализма, т.е. в Западной Европе и США начала XX века, как иная форма бытия человека и хозяйственного развития (именно за это «Запад», мировая капиталократия возненавидела СССР), и это позволило России сделать рывок в историческом развитии, обогнать Запад в социальной логике исторического движения человечества;

Социалистическая революция в мировом масштабе как отрицание капитализма начинается не со стран метрополии, а со стран периферии. Иными словами, социализм рождается не как внутреннее отрицание капитализма в системе развитого капитализма — ядре глобального империализма, а как внешнее отрицание по отношению к внутренним формам бытия капитализма. Но одновременно, в соответствии с диалектической логикой, это внешнее отрицание становится внутренним отрицанием, если говорить о глобальной системе империализма, включая в нее некапиталистические формы хозяйствования, из которых империализм через колониальные (прямые или экономические) механизмы выкачивает для своего воспроизводства ресурсы.

Это означает, что Глобальная Социалистическая Цивилизационная Революция (социалистическая революция в глобальном масштабе, меняющая основания цивилизационного бытия человечества) начинает, в своем развитии, вначале охватывать страны «периферии» глобального империализма, т.е. страны, являющиеся экономическими колониями, в форме антикапиталистических, антиколониальных революций, постепенно переходящих в социалистические, двигаясь от «периферии» к «центру», к «метрополии», в которых социалистические революции произойдут тогда, когда сожмется ресурсная база, «питающая» капитализм метрополии.

Еще раз ответим на вопрос: почему именно такова логика социалистических преобразований?

Ответ: именно потому, что капитализм полностью воспроизводит себя на собственной основе не может и нуждается в «колониальной периферии», в странах которых, по этой же причине, капитализм в развитом виде невозможен, а наоборот, наря-

^{*} Лукач Д. Ленин. Очерк взаимосвязи его идей (Отрывок из работы) // Ленин. Человек-мыслитель-революционер. — М., 1981, с. 481 — 488; с. 488.

ду с отдельными анклавами капиталистического уклада в них развивается архаизация экономики, растет обнищание и вымирание населения.

По этой же причине он невозможен в России и капиталистическая контрреволюция 1992—2012 гг. предстает как эпоха деиндустриализации, деинтеллектуализации экономики и общества России, превращения ее в колониальный сырьевой придаток Запада, с вымирающим населением и процветающей, паразитирующей на деградации социалистической экономики, «кучкой» так называемых «олигархов», а это и есть то, что определяется понятием колониальной капиталократии.

Другое дело, что этот процесс ведет к «моменту истины», к точке бифуркации, в которой или Россия снова повернет к социализму, потому что вне его у нее нет будущего, или произойдет ее распад, здесь произойдет военный коллапс между «Востоком» и «Западом», из которого человечество живым не выйдет.

*Вот почему «Ленин», «Октябрьская революция» и «ноосферный социализм» как социализм XXI века — символы развития и России, и человечества в XXI веке.**

6. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК СОЗИДАТЕЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. СУБЪЕКТНОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

*...только то строительство может заслужить название социалистического, которое будет производиться по крупному общему плану, стремясь равномерно использовать экономические и хозяйственные ценности***

В. И. Ленин

Шестой вопрос — это вопрос о принципиальной новизне социалистических революций, их принципиальном отличии от революций буржуазных. Ответ на этот вопрос имеется в работах Ленина, например, в таких, как «Государство и революция», «Очередные задачи советской власти». В чем это различие состоит? В созидательности социалистических революций. Социалистическая революция, если вести речь о ней, не как о политической революции, заканчивающейся захватом власти, а как о революции социальной, есть революция созидательная. Неслучайно, в годы гражданской войны рождается план ГОЭЛРО, план научно-технических работ, открываются многие новые НИИ и вузы.

Капиталистическая контрреволюция в России демонстрирует полную импотентность к созиданию, вот уже 20 лет она паразитирует на мощи советской экономики, продолжая разрушать сложившиеся народно-хозяйственные связи, системы жизнеобеспечения общества, конвертируя общественный производственный капитал на денежный капитал, вывозимый «олигархами» через оффшоры за границу. Приватизация не породила эффективного частника. И новая волна приватизации также, как и вступление в ВТО, породят новую волну разрушения оборонного потенциала, системы продовольственной безопасности, образования, науки и культуры.

Но тогда встает вопрос: в чем состоит уязвимость социализма, где скрываются основания капиталистической контрреволюции в России, почему народ пошел за «вождями» рыночно-либеральных реформ, за вывеской которых осуществлялась капиталистическая контрреволюция?

* Субетто А. И. Ленин, Октябрьская революция и ноосферный социализм — символы развития в XXI веке.— СПб.— Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012.— 460 с.

** Ленин В. И. Соч., т. 36, с. 481.

Ответ состоит в следующем. Социализм есть общество, экономика более высокой субъектности, чувствительные к качеству человека, к качеству его сознания.

Вспомним матроса-анархиста из «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского, который вопрошал: как сделать так, чтобы «наше» для человека было таким же близким, как и «мое»? Еще Маркс обращал внимание на то, что социализм есть новая, невиданная до этого форма жизни, бытия человека, когда он становится истинным субъектом истории, поднимаясь до высоты личностного интереса в качестве общественного развития, от которого зависит благополучие, качество жизни всех.

Социализм поднимает коллективистское созидание на новую, невиданную до этого в истории высоту.

Чтобы человек поднялся на такую высоту, нужна человеческая революция.

Социалистическая революция в социально-цивилизационном содержании получает тогда свое завершение, когда она, внутри себя, реализует такую человеческую революцию.

Когда горбачевская «перестройка» стала обретать контуры явного предательства идеала социализма, хотя, именно в это время появился лозунг об установлении «социализма с человеческим лицом», в котором, как оказалось, «человеческим лицом» стало «лицо мещанина и потребителя», т.е. «мелкобуржуазное лицо», автором была написана в 1990 году работа «Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем, качества общественного интеллекта — социалистический императив», в которой он доказывал: устойчивость социалистического социально-экономического развития требует соблюдения требований нового закона, характерного для социалистического общества, — закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе.

Предпринимались ли меры для опережающего развития человека в СССР, хотя такой закон и теория общественного интеллекта в явном виде в марксистско-ленинской теории отсутствовали? Да, такие меры существовали. Они присутствовали в советской системе воспитания, в системе марксистско-ленинского образования.

Советская цивилизация породила человека особой формации, которого не знала история, — советского человека. Это «бросалось в глаза» всем, кто приезжал в гости в СССР и встречался с советскими людьми. Хорошо об этом написал в 1940-м году Юлиус Фучек, например А. А. Зиновьев справедливо заметил, что Великую Отечественную войну выиграл советский десятиклассник. Можно расширить эту оценку: Великую Отечественную войну выиграл советский человек, выиграла его духовно-нравственные, гуманистические начала, выиграла его вера в социалистические идеал и справедливость, которые базировались на опыте строительства социализма, роста культуры, науки, образования. Этот советский человек оказался выше человека — фашистского солдата, мотивированного избранностью германского народа, расизм которого восходил к европейскому расизму, который «цивилизывал» народы, осуществляя колониальные захваты в Америке, Африке и Азии в XVI—XX вв.

И, однако, эта человеческая революция не стала центральным пунктом внутренней политики. Начиная с 60-х годов, особенно с экономических реформ, происходил процесс «обуржуазивания» сознания «верхушки» КПСС и значительной части интеллигенции, особенно в Ленинграде и в Москве, породивший особое явление — «диссидентство». «Мое» побеждало «наше». Происходило «обуржуазивание» сознания и части рабочего класса, например, шахтеров Воркуты и Кузбасса, которые стали штурмовым отрядом ельцинской контрреволюции.

Социализм требует опережающего развития качества человека, подъема его интересов на уровень интересов развития всего общества (как поется в песне Пах-

мутовой «Была бы страна родная, и нету других забот», можно вспомнить и макаренковское понятие «труда-заботы»). А капитализм, наоборот, делает ставку на эгоизм, индивидуализм, на расчеловечивание человека, на понижение его образования, на культ наслаждений и потребительства, на «функциональную безграмотность» даже своей «элиты».

Исторический спор между социализмом и капитализмом — это борьба за гуманизм человека, за его великое предназначение, за раскрытие его творческого потенциала, потенциала созидания ради благополучия всех, своего народа и общества, затем — и всего человечества. Всечеловечность, как характеристика русского человека, сформулированная Ф. М. Достоевским в речи, посвященной Пушкину (при открытии памятника ему в Москве), приобрела в XX веке, в лице советского человека, социалистическую характеристику.

Это становится особенно важным, когда капитализму и рынку подписала приговор Природа в форме первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы. И, следовательно, она подписала Приговор рыночно-капиталистическому человеку — эгоисту и индивидуалисту, управляемому мотивом прибыли и получения как можно больше денег.

Человеческая революция в СССР, как важное основание социалистической революции, оказалась незавершенной. И это привело к перерождению как части коммунистов, особенно в «верхушке» партии, так и в советско-бюрократическом аппарате.

В соревновании между капитализмом и социализмом ставка делалась и в теории, и в политике — на производительность труда. Это важный показатель, но не первый. Главный показатель — это качество человека.

А за этим признанием стоит другое теоретическое признание — это исключительная роль для развития социализма образования, науки и культуры, того, что Н. Н. Моисеев назвал «Системой Учителя». И. В. Сталин это понимал, и советский учитель стоял в 40—50-х годах на 3-м месте по оплате труда. Но после 60-го года начинается медленный процесс отхода от высшего приоритета развития науки и образования во внутренней политике СССР, а затем и в Российской Федерации.

Этот урок истории XX века, в том числе истории СССР, коммунистам XXI века надо взять на свое теоретическое вооружение.

7. ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛИЗМА XXI ВЕКА. СОЦИАЛИЗМ XXI ВЕКА — НООСФЕРНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

*Ни Маркс, ни Ленин не «обобщали» то, что имеет лишь местное значение. Оба они в микрокосме одной страны, с ясным видением истинного гения, нашли макрокосм всеобщего развития**

Д. Лукач

Седьмое — это проблема социализма XXI века. Учение о коммунизме и социализме — развивающееся учение, отвечающее всегда на те вызовы, которые рождает история. Ответ на вопрос об облике социализма XXI века может быть сформулирован только после того, как мы ответим на вопрос: «В какую историческую эпоху мы живем, в чем состоит ее главный вызов человечеству?». Я уже подчеркнул выше, что мы живем в Эпоху Великого Эволюционного Перелома. Первая фаза Глобальной

* Лукач Д. Из письма в редакцию «Известий ЦИК СССР» // Ленин. Человек-мыслитель-революционер. — М., 1981, с. 489.

Экологической Катастрофы поставила экологический предел рынку, капитализму и либерализму, как идеологии их обслуживающей.

Действующий императив выживаемости человечества в XXI веке — это социалистический императив в единстве с ноосферным императивом. Россия в XX веке совершила не только первой в мире прорыв человечества к социализму, но и дала в 20-х — 40-х годах в лице творчества мирового гения Владимира Ивановича Вернадского, 150-летие которого человечество и Россия будут отмечать в 2013 году, научное учение о биосфере и ноосфере. Ноосфера — это новое состояние биосферы, в котором коллективный человеческий разум, вооруженный большой энергетикой хозяйственного потребления природы Планеты Земля, начинает выполнять гармонизирующую и управленческую функцию. Анализ, выполненный мною и другими отечественными учеными (издана монография «Ноосферная научная школа: итоги и перспективы» в 2012 году) показал, что ноосфера — сложная категория, и имеет несколько смысловых определений.

Важным является то, что императив выживания человечества требует от него перехода к цивилизации управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества, которая возможна только в форме социализма, который можно назвать ноосферным экологическим духовным социализмом.*

Итак, социализм XXI века является ноосферным, потому что он предстает базисом «Эпохи Ноосферы»** (по Н. Н. Моисееву), базисом ноосферного развития, как управляемой социоприродной эволюции (и социоприродной динамической гармонии соответственно), в которой общественный интеллект учитывает законы — ограничения (требования гомеостатических механизмов) Биосферы и Земли, как суперорганизмов.

Такой социализм является экологическим, потому что он решает глобальные экологические проблемы, стоящие перед человечеством.

В настоящее время заговорили об «экономике будущего», которая должна приобрести «зеленый цвет». 26 сентября 2012 года в рамках «Абалкинских чтений» состоялась «Круглый стол» на тему «Зеленая экономика: перспективы и пределы роста»***.

Ноосферная экономика, теория которой развивается в России, Беларуси и на Украине последние 15 лет (Н. Н. Лукьянчиков, Л. Д. Гагут, П. Г. Никитенко, В. Н. Тарасевич, А. И. Субетто, А. А. Горбунов, Ю. П. Григорьев и др.), шире и глубже понятия «зеленой экономики». Но само обращение к «зеленой экономике» свидетельствует о неудовлетворительном состоянии экономической науки, находящейся в «тисках» рыночно-либерально-капиталистической парадигмы. Решение экологических проблем, осуществление «экологической революции» (по Д. Кортену) вне социализма невозможно.

И, наконец, это социализм духовный. Данная характеристика означает, что действует принцип (закон) примата духовных потребностей над материальными, потребностей творчества и созидания над потребностями потребления. Мы живем не для того, чтобы потреблять, как было сказано недавно на дискуссии во время заседания «Изборского клуба», а потребляем для того, чтобы жить, созидать и творить.

Духовное измерение в социализме XXI века очень важно потому, что человек должен сознательно ограничить себя в потребностях (и здесь мы снова возвращаемся на новом витке развития к проблеме теории общественно необходимых потребно-

* Субетто А. И. Манифест ноосферного социализма. — СПб.: Астерион, 2011. — 108 с.

** Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. — М., 1990. — 351 с.

*** Абалкинские чтения: Круглый стол «Экономический рост России» по теме: «Зеленая экономика: реалии, перспективы и пределы роста» <http://www.veoruc.ru/conference-260912.html> (Вольное Экономическое Общество России (ВЭО))

стей, активно разрабатываемой советскими наукой и философией в 60-х — 70-х годах XX века) ради удовлетворения потребностей развития Биосферы, как суперорганизма и системы, частью которой является само человечество. С. Н. Булгаков в своей «Философии хозяйства» в 1912 году ввел понятие «метафизического коммунизма мироздания» или «физического коммунизма бытия», через которые показал эту соподчиненность хозяйства человечества законам Универсума, как целостности*. В настоящее время это положение С. Н. Булгакова оказывается востребованным, конечно, с изменением своего содержания с учетом современной научной картины мира.

8. ЛЕНИНСКИЙ ИМПЕРАТИВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

*...развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития***

В. И. Ленин

Коммунисты XXI века — это авангард, который в своей политике, в стратегии и тактике борьбы за социализм, опирается на все передовые достижения, выработанные наукой, культурой, философией, духовно-нравственным поиском коллективного разума человечества на протяжении его истории. В. И. Ленин в начале 20-х годов выдвинул требование к теоретической и духовной составляющим внутреннего мира коммуниста: коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память всеми богатствами, выработанными человечеством. Данный императив автор назвал в одной из своих работ «ленинским императивом»***.

В XXI веке этот императив адресуется не только к коммунистам, но и ко всем людям на Земле, потому что без реализации этого императива человечество не сможет шагнуть в «царство социоприродной — ноосферной — гармонии», и, следовательно, тогда окажется обреченным на экологическую гибель.

Вот почему Ноосферный социализм подразумевает становление образовательного общества, т.е. такого общества, в котором образование становится «базисом базиса» духовного и материального воспроизводства и реализуется вышеупомянутый закон — закон опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе.

Современные руководители российского государства делают все, чтобы (за «разговорами» о ЕГЭ и образовательных реформах, «модернизации», якобы заботе о качестве высшего образования) уничтожить все лучшее, что было достигнуто в сфере науки и образования в СССР, погрузить общество, под демагогическими лозунгами о свободе и демократии, в «пучину» невежества, отправляя молодежь, не востребованную ни системой образования, ни отечественным народным хозяйством, в «тюремные университеты», стоимость содержания в которых обходится государству намного больше, чем стоимость содержания учащейся молодежи в вузах. Сокращение вузовской сети в России, под видом ее рационализации, притом что ее плотность в 7

* Булгаков С. Н. Философия хозяйства. — М.: Наука, 1990, с. 65, 73

** Ленин В. И. Соч., т. 45, с. 401, 402.

*** Субетто А. И. Ноосферизм: движение, идеология или новая научно-мировоззренческая система (открытое письмо-ответ некоторым «борцам» против ноосферизма) — СПб.— Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. — 80 с.

раз ниже, чем в США, есть преступление против будущего России (я уже не говорю о ничем не оправданном уничтожении естественно-научного и математического образования в средней школе в то время, как власти США делают все, чтобы ликвидировать в этой области отставание, как условие конкурентоспособности страны).

Невежество государственной политики сопровождается «антисциентизмом» мировоззрения государственной «элиты», которая боится науки, делает все, чтобы ликвидировать научный потенциал России. Вот уже появились высказывания о ненужности РАН. Как тут не вспомнить, что именно по инициативе Сталина, во время Великой Отечественной войны, открывались новые вузы и была организована Академия педагогических наук.

Это что же за «демократия», которая приумножает невежество в обществе? Не является ли это отражением невежества правящей «элиты»?

Еще раз подчеркнем вывод, вытекающий из авторской теории глобального империализма и капиталократии: в России сложилась колониальная капиталократия и, соответственно, прозападная, колониальная по характеру, «элита». Отметим, справедливости ради, что А. А. Зиновьев предупреждал еще в 1990 году, что в результате контрреволюции в России установится «колониальная демократия». «Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции колонизируемой страны в силу внутренних условий и закономерности ее социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное в этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся тенденциям эволюции. Она поддерживается методами колониализма... Россию нынешние ее правители усиленно толкают на путь колониальной демократии», — писал он. Подтверждением данного вывода может служить заявление Збигнева Бжезинского, сделанное им в Москве осенью 2011 года, — заявление о том, что «российская элита хранит в американских банках около 500 млрд. долларов США». А потом с иронической улыбкой на устах задал журналистам вопрос: «...так это ваша элита или уже она наша?»*. Збигнев Бжезинский описал только один из механизмов действующей «пирамиды» мировой капиталократии, в которой колониальная капиталократия, находясь во власти мирового финансового капиталовластия, призвана выполнять одну функцию — поставлять ресурсы, в том числе энергоресурсы, на «Запад», в метрополию глобального империализма. Результатом капиталистической контрреволюции стало то, что «90,2 % российского народа балансирует на грани бедности»**. Известно, что мировая капиталократия в отделе Фермонт сформулировала модель «20 % : 80 %»***, по которой 80 % населения Земли являются «лишними» с позиций воспроизводства мирового капитала и обрекаются на медленную голодную смерть в XXI веке, поскольку по оценкам «неомальтузианцев» — идеологов мировой капиталократии на Земле должен остаться «золотой миллиард» — 20 %. По оценке автора, вымирание населения в России — это сознательно примененная фермонтская модель применительно к России, только в более жестком варианте — «10 % : 90 %».

Вот почему движение к ноосферному социализму России означает и движение против ее колониальной зависимости, возвращение народам России популяционного здоровья, включая и их историческое достоинство.

Автор поддерживает тезис Доклада Г. А. Зюганова о необходимости развертывания теоретической деятельности КПРФ, усилению ее связей с наукой.

* Зиновьев А. Коммунизм как реальность. — М.: Центрполиграф, 1994. — 495 с.; с. 488, 489.

** Жадность и эгоизм правящих элит — причина мирового кризиса / А. Аринин. <http://www.lawingrussia.ru/node/43963>. Дата размещения: 31.10.2011 г.

*** Там же.

**** Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию. — М.: Альпина, 2001. — 335 с.; с. 20.

Нужно отметить таких ученых, внесших значительный вклад в развитие современных общественных теорий и научного социализма, как В. Я. Ельмеев, В. Г. Комаров, В. Д. Комаров, М. В. Попов, В. Т. Пуляев, Ю. М. Осипов, А. В. Воронцов, В. Н. Волович, Н. Н. Лукьянчиков, Л. А. Зеленев, В. И. Табаков, С. И. Григорьев, В. Н. Бобков, П. Г. Никитенко, Р. И. Косолапов, И. Д. Алексеенко, В. Т. Рязанов, И. С. Лукьянов, А. В. Бузгалин, А. П. Федотов, Н. Н. Моисеев, А. А. Зиновьев, В. Н. Сагатовский, Н. А. Медведев, В. А. Воротилов, С. К. Булдаков, И. И. Сигов, Ю. В. Манько, Н. Ф. Минаев, С. Г. Кара-Мурза, И. Ф. Кефели, А. А. Белоусов, И. Я. Фроянов, В. А. Зубаков, В. П. Казначеев. Например, А. П. Федотов в «Глобалистике» (2002) формирует императив установления на Земле «Земной ноосферной цивилизации» и «экологического социализма», который в его определении есть «классический социализм (общественная собственность, плановое народное хозяйство, возвышение разума и духа над капиталом), установивший гармоничное, равновесное взаимодействие человечества с биосферой»^{*}.

9. ПРИЗВАНИЕ РОССИИ — СТАТЬ ЛИДЕРОМ НООСФЕРНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОРЫВА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В XXI ВЕКЕ

Собственно говоря, нам осталось только одно: сделать наше население настолько цивилизованным, чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладили это участие. Только это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму...^{**}

В. И. Ленин

Важно подчеркнуть положение, что Россия начнет свое восхождение к новым вершинам своего исторического развития только выдвинув идеологию XXI века, спасающую человечество от экологической гибели, — идеологию ноосферного экологического и духовного социализма.

«Манифест ноосферного социализма», написанный мною в начале 2011 года, заканчивается словами: «Над миром человечества бьет набат экологической тревоги! Времени на осознание ситуации, в которой оказалось человечество, остается все меньше и меньше! Снова над будущим человечества восходит солнце социализма, призванного решить экологические проблемы, возникшие в XXI веке. Это означает, что у человечества нет будущего вне ноосферного экологического духовного социализма! Обладая свободной волей, человек может спасти себя, проявив волю к воссоединению с целостностью космоса! Пробыл час «экспроприации экспроприаторов», т.е. экспроприации капиталократии, что и совершит человек труда в союзе с Ее Величеством Природой! Призрак бродит по планете Земля — призрак ноосферного экологического духовного Социализма. И это есть истина из России, которая обращена ко всем здравомыслящим людям на Земле!»^{***}.

Каковы движущие силы в движении к социализму XXI века — ноосферному социализму? Это — рабочий класс и крестьянство, трудовая интеллигенция, все наро-

^{*} Федотов А. П. Глобалистика. Начала науки о современном мире. — М., 2002, с. 28.

^{**} Ленин В. И. О кооперации// Полн. собр. соч., т. 44, с. 372.

^{***} Субетто А. И. Манифест ноосферного социализма — СПб., 2011, с. 107.

ды и мыслящие люди на Земле, все конфессии и религиозные системы, если они искренни в своем человеколюбии и природолюбии.

Идеология XXI века — идеология ноосферного социализма, это объединяющая идеология, философия и научно-мировоззренческая ноосферная система,— объединяющая всех людей на Земле, независимо от мировоззренческих ориентаций, перед опасностью экологической гибели.

История стихийная, на базе доминирования закона конкуренции и частной капиталистической собственности, закончилась. Наступает эпоха новой истории — истории управляемой, истории на базе доминирования закона кооперации и общественной собственности, но истории нового качества, когда она будет реализовываться в форме управляемой социоприродной эволюции — единственной модели устойчивого развития, которую так ищет человечество последние 20 лет!

Заслуга русского народа перед историей человечества состоит в том, что он стал народом-руководителем, «сплотителем» всех народов России в социалистическом прорыве в 1917—1936 гг., в организации социалистического строительства в сталинскую эпоху, всех сил на достижение Победы в Великой Отечественной войне, в созидании в послевоенную эпоху. Вот почему идеология рыночного либерализма в России, капиталистической контрреволюции, за «спиной» которой прячется процесс колонизации России, «беременна» русофобией, боится русского народа, русского вопроса.

Русский народ по своей сути никогда не был колонизатором, в чем иногда его хотят обвинить. Наоборот, будучи народом-строителем российской цивилизации, российской державности, он ко всем народам на территории России относился как братьям. Социализм стал основой дружбы народов, которая поддерживалась и укреплялась в СССР, превращаясь постепенно в качественно-новое образование «советский народ». Русский народ был главным цементирующим «каркасом» в становлении советского народа.

В настоящее время, и об этом свидетельствуют дискуссии в «Изборском клубе», некоторые патристически мыслящие писатели и философы пытаются создать идеологию «новой «империи», идентифицируя СССР, как «красную империю». Думаю, что категория империи не есть то «Слово», которое мобилизует массы. Более того, оно рождает подозрения. Причем СССР был мощной державой, но не империей. Россия не была «империей» в ее колониальном содержании никогда. Более того, русский, белорусский и украинский народы находились под давлением угнетения в царской России не в меньшей степени, чем другие народы и народности.

Автор глубоко убежден, что речь может идти о прогрессивном развитии в XXI веке российской цивилизации, имеющей свои законы развития и антикапиталистическую направленность. На путях рыночно-капиталистической «модернизации», которая есть с позиций истинной модернизации «симулякр», Россию ждет катастрофа, которая, как уже указывал автор, может оказаться процессом, гибельным для всего человечества, потому что Россия — центр устойчивости и неустойчивости мира.

Единственной моделью устойчивости развития, спасающей от экологической гибели человечество и Россию, является ноосферный экологический духовный социализм, реализуемый в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества.

Идеология XXI века, которую Россия предлагает всему миру,— это идеология ноосферного экологического духовного социализма.

Ричард Иванович Косолапов, философ-марксист, осознал, что ноосферный вектор — это вектор развития марксизма-ленинизма в XXI веке. Он подчеркивает: «Эволюция Ноосферы предполагает, можно сказать, распространение понятия «потребительная стоимость» на весь тот опыт человечества, в котором в той или иной

форме была достигнута гармония между историческими силами природы и социальной практикой. Это значит, что в преддверии строительства Мира разума уже не просто неверно, а просто преступно рассматривать в качестве объективной реальности лишь материальную практику человечества, до сих пор отделяемую от его духовной работы, то есть главным образом лишь физический труд и его результаты... исторический материализм призван отбросить невежественное неприятие в качестве объективной реальности также всей истории общественного сознания...».*

В. Г. Комаров в монографии «Правда»: онтологическое основание социального разума» (2001) расширяет основания диалектического и исторического материализма, вводя понятия «космо-био-антропо-социо-ноосферогенеза» и «космо-био-антропо-социо-ноосферные корреляции» и формируя ноосферную диалектику** взаимодействия социальной и природной историй. Он обращает внимание, что «не обладая универсализмом и всеобщностью правды истории, ее антипод — ложь истории — все-таки существует, но только как несостоятельная, паразитарная форма бытия псевдоправды истории, выдающей себя, разумеется, за правду»***. Но приходит историческое время, «когда правда в очередной раз достигает возобладания над неправдой, когда начинается процесс генерализации правды истории, что происходит обычно в периоды демократических подъемов революций, выглядящих катастрофами в глазах господствующих «верхов», тогда ложь истории рассыпается и раскрывается ничтожность ее внутренней определенности»****, происходит разоблачение «пустой внешней видимости»*****.

Такой «несамостоятельной, паразитарной формой бытия псевдоправды истории» предстает переживаемая Россией рыночно-капиталистическая контрреволюция 1992 — 2012 гг., вся цепочка «рыночных реформ» и «модернизаций» в России за этот период.

В своем научном обобщении «Владимир Ильич Ленин: гений русского прорыва человечества к социализму» автор подчеркивал: «Ленинский, Русский Прорыв человечества к социализму в начале XXI века, в соответствии с Логикой Онтологической правды, которую русский разум очень остро чувствует, перерастает в ленинско-вернадскианский Русский Прорыв к ноосферному социализму или Ноосферизму»*****.

XXI век несет на себе печать императива ноосферно-социалистического преобразования мира в XXI веке!

И новый Русский Прорыв — Ноосферно-Социалистический Прорыв — есть Общее Дело (если воспользоваться этим понятием Николая Федоровича Федорова) всего человечества.

* Косолапов Р. И. Истина из России.— Тверь: Научно-изд. компания «Северная Корона», 2004.— 666 с.; с. 357.

** Субетто А. И. Ноосферная научная школа в России: итоги и перспективы/ Под науч. ред. Л. А. Зеленова.— СПб.: Астерион, 2012.— 76 с.; Владимир Иванович Вернадский и Лев Николаевич Гумилев: Великий синтез творческих наследий (коллективная научная монография)/ Под науч. ред. А. И. Субетто.— Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012.— 662 с.

*** Комаров В. Г. Правда: онтологическое основание социального разума / Под ред. В. Я. Ельмеева.— СПб.: СПбГУ, 2001.— 556 с.; с. 144.

**** Там же.

***** Там же.

***** Субетто А. И. Владимир Ильич Ленин: гений Русского Прорыва человечества к социализму.— СПб.: Астерион, 2010.; с. 486, 487.

10. ЭПИЛОГ

*«Чистой» демократии, которая сводится к свободе печати для имущих и к праву подавать ничего не стоящие избирательные бюллетени, Ленин противопоставил подлинное государство народа, немыслимое без передачи средств производства в общее пользование**

Леон Фейхтвангер

Геннадий Андреевич Зюганов в Докладе Председателя ЦК КПРФ на Октябрьском Пленуме 2012 года «Актуальные вопросы совершенствования идейно-теоретической работы партии» отмечает: «Советский социализм — это не только прошлое, но и будущее России. КПРФ еще предстоит в полной мере теоретически исследовать его великие ценности, его наследие, его неиспользованный, но богатый и разнообразный потенциал. Достижения реального социализма должны стать основой того образа будущего, который мы создадим и пронесем через все рифы и штормы».** Автор в вышеупомянутой работе, посвященной научному обобщению всемирно-исторического значения «совершенного Исторического деяния Владимира Ильича Ленина для Будущего России и человечества», писал: «Советская цивилизация», «советская история», СССР, советский социализм, Дело Ленина — Сталина, — не исчезли, их история «не засыпала песком», как хотели бы думать, как желают нынешние «водители» капиталистической (либеральной) контрреволюции, а наоборот, подлежа онтологической правде истории, они перенеслись в Будущее и, неожиданно, в начале XXI века превратились в «маяк из будущего», указывающий нам магистральное направление Истории, потому что вне Социализма — Социализма Ноосферного, Экологического, Духовного человечество, как и народы России в его составе, ждет экологическая гибель»***

Автор глубоко убежден, что человек — это особое живое существо на Земле, а именно — живое разумное существо, постоянно преодолевающее Пределы собственного Бытия, которое становится прошлым.

Переживаемые кризис, первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы — это только историческое испытание человека на его разумность, испытание его способности преодолевать самого себя, свои пределы.

Человеческий Разум из «Разум-для-Себя» должен превратиться в «Разум-для-Биосферы, Земли, Космоса», а это требует, в свою очередь, чтобы человек «вылупился из яйца эгоизма, жизни-для-себя», чтобы он вышел на коллективистско-соборные ценности жизни и Бытия — ноосферно-социалистические ценности!!!

Лауреат Нобелевской премии академик РАН Жорес Иванович Алферов выпустил в 2012 году книгу с красноречивым названием «Власть без мозгов. Отделение науки от государства», в которой подчеркнул, что отказ от СССР и, соответственно, — от социализма, отбросил «страну в экономическом отношении на десятилетия назад.

* Фейхтвангер Л. Из статьи «Ленин и социалистический гуманизм// Народы мира о Ленине.— М., 1980, с. 76, 77.

** Г. А. Зюганов. Актуальные вопросы совершенствования идейно-теоретической работы партии. Доклад Председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова на XIV (октябрьском) 2012 года пленуме ЦК КПРФ // Советская Россия.— 2012.— 11 октября (Вкладыш).— 16 с.; с.11.

*** Субетто А. И. Владимир Ильич Ленин: гений Русского Прорыва человечества к социализму.— СПб.: Астерион, 2010.— 492 с.; с. 488.

Это реальность, остальное — мифы».* Теперь Россия стоит перед императивом нового скачка качества в своем развитии, но для этого, необходим отказ от капитализма и рынка. У Ж. И. Алферова есть интересное наблюдение, по его оценке — принадлежащее его знакомому: «...когда реформы проводятся сверху — это контрреволюция, а когда снизу — это революция».**

Сейчас История поставила вопрос именно о ноосферно-социалистической революции, в которой заинтересованы сами люди, заинтересован Человек с большой буквы, если он хочет сохраниться на Земле и выполнить свое космо-ноосферное предназначение, подготовленное самой Эволюцией! Капитализм превратился в антигуманный, античеловеческий строй глобального империализма мировой финансовой капиталократии, а индикатором этой оценки служит развивающийся процесс первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

Поэтому «императив ноосферно-социалистического преобразования мира в XXI веке» (название, предлагаемой читателю этой работы) и есть императив выживаемости и России, и человечества в этом XXI веке, в котором мы живем, страдаем, мыслим и творим!

* Алферов Ж. Власть без мозгов. Отделение науки от государства.— М.: Алгоритм, 2012.— 224 с; с.11.

** Там же, с. 25.

**ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25
В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»**

Григорий Шувалов
(г. Москва)

СТИХИ

Григорий Шувалов выпускник Литинститута 2009 года, основатель поэтической группы «Разговор», активный участник Клуба писателей Литературного института.

* * *

Да, все начинается с малого,
И вроде бы мелочь, пустяк,
Что вы не читали Шувалова
И как-то обходитесь так.

И как-то живете и дышите,
Смеетесь, растите детей,
И дождь над московскими крышами
Для вас, безусловно, родней.

Его бесконечная жалоба
Струится на спящий квартал,
Но вы не читали Шувалова,
И вам он стихи не читал.

Но все же, но все же, послушайте —
Зачем же так больно колоть?
Любовь ощущается душами,
Как телом смиряется плоть.

* * *

Старики, братаны, пацаны,
не подав на прощание руку,
я свалил из дворовой Шексны
и глотаю московскую скуку.

Эх, налиться бы ей по глаза,
оглянуться, расчихать, качнуться,
и в Шексне на скамейке очнуться,
и узнать пацанов голоса.

Кто-то снова ушел за вином.
Так все просто, до боли знакомо:
мы собрались у пятого дома,
до утра никуда не уйдем.

* * *

Так ночь перерастает в ссору,
и вот из-за чужих проблем
кровь разлилась по коридору,
а я не думаю: «Зачем?»

С ногами лезет на окно
студент с разбитыми губами.
О, как же грустно и темно,
и завтра что-то будет с нами.

НОВЫЙ ГОД

Вроде потеплело —
вот и благодать.
Снег ложится белый
на земную гладь.

Чувствами простыми
комната полна.
Мы с тобой застыли
около окна.

Вспоминаем опыт
уходящих дней.
— Слышишь мерный топот
ледяных коней?

Снег укрыл постройки
и идет, идет.
На хрустальной тройке
мчится Новый год.

* * *

Я пустотой себя огородил,
я одинок, мне не хватает Бога.
Стрелец летит за тенью Козерога,
как трещина по мрамору могил,

как трещина по мрамору души,
а может быть по мрамору призванья.
Когда слова не очень хороши,
нас выручает искренность звучанья.

* * *

Живу в суете и обмане
с надеждой на лучший исход,
а девушка с фигой в кармане
любви, как спасения, ждет.

Хорошей любви, не обломной,
а я загоняю ей бред
на лестнице грязной и темной,
в которой спасения нет.

Пусть жизнь как открытка убога,
но я тебе честно скажу:
я выломлю правду у Бога
и в руку твою положу.

ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

Раздел ведут Сергей Лебедев и Сергей Прохоров

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

ДЕТСТВО НА ВЕТЛУГЕ*
(Главы из повести «Мой отец — офицер»)

Глава 3. Хлеба созрели

Дарья прибиралась в избе. Вымыла некрашенные полы с песком, отскоблила столешницу до белизны и принялась наводить блеск на образах. Седобородый Николай Чудотворец смотрел на нее с отцовской нежностью. Скоро жатва, и она старалась, что-бы к самому ответственному этапу крестьянского земледельческого труда в избе было празднично, светло и чисто. С особенным тщанием и любовью убиралась Дарья в переднем углу. Икона Святителя Николая, хотя и не очень богатая, в медном окладе, но особо ею почиталась, потому как была передана матерью вместе с преданием, которое запомнилось Дарье на всю жизнь.

Как-то мать Дарьи, будучи еще молодницей, отправилась на раннюю службу в Варнавинский монастырь. А деревня Бархатиха находится километрах в тридцати от Варнавина на противоположном берегу Ветлуги. Дорога, которая ведет на речную переправу к монастырю, петляет по лесистому берегу среди сосновых и еловых зарослей. По ней-то в то утро под пересвист ранних птишек, под свои девичьи думы и шла к переправе мать Дарьи.

Где-то на полпути, из лесу неожиданно выскочил страшный мужик, загородив дорогу. Был он космат и грязен. Испугалась девушка и стала горячо молиться: «Отче Николае, помоги!». После первых слов произнесенной молитвы, из леса вышел небольшого роста седенький старичок с палкой в руке. Взмахнул своей палкой в сторону лихоедя, а девушке говорит: «Не бойся ничего, раба Божья, ступай дальше на молебен». Глянул косматый мужик на старичка, отшатнулся. А обращаясь к ней, сказал, зловеще сверкнув глазами из-под косматых бровей: «Ну, девонька, моли Бога и своего заступника святого, а то бы...». После этого скрылся в лесу. Старичок, а это был не кто иной, как Николай Угодник, тоже пропал, как и не было его...

* Окончание; начало в «ПЗ» № 1, 2013.

Дарья чистила икону, вспоминая сейчас о случившемся с матерью чуде. Невольно всплакнув, смахнула слезу и горячо прошептала молитву.

В 1934 году колхоз «Красная звезда» не имел ни одного трактора. Все работы в поле выполнялись вручную силами новоявленных колхозников. На правлении колхоза было принято решение по указке из района о начале жатвы в понедельник. Но на собрании колхозники воспротивились, долго шумели, говорили, что это не по-божески, что так дело не пойдет, если нарушать старые обычаи крестьянской жизни. Председатель до хрипоты спорил с ними, говорил, что попов давно прогнали, и хватит цепляться за темноту и суеверие, которые тянутся со времен староверов. Но крестьяне стояли на своем, и председатель предупредил, что завтра поедет в Варнавин за уполномоченным.

Но к вечеру другого дня председатель вернулся один и сказал, что жатву колхозники начнут в субботу, но всех зачинщиков смуты он возьмет на заметку. Крестьяне в ответ ему только смеялись и говорили, что наши-то ветлужские леса местами будут страшней сибирских, потому и бояться им нечего.

Издавна к началу жатвы ветлужские крестьяне относились со всей серьезностью. Ведь жатва — один из самых ответственных этапов крестьянского труда. Считалось, что зажинать надо только в «легкие» дни. А это — вторник, четверг или суббота. Иногда — воскресенье.

— Ну, в субботу, так в субботу, — сказал вечером за столом отец, принеся эту новость с собрания.

— Ты, Сано, не спеши, когда резать-то будешь, — продолжал Николай, — режь со скольжением, вроде как пилишь. Сжатые стебли отделий от стоячих. А левую-то руку поднимай вверх и клади на подготовленную вязку.

Саша уже год, как колхозник, всякую работу ему приходилось выполнять. Да и с серпом знаком не понаслышке. Но работал этим изогнутым ножом с рукояткой пока на небольших делянках: при уборке полеглых колосьев или когда помогал матери в огороде. А теперь предстояла большая, трудная крестьянская страда. Хлеба созрели, и всем миром выходит деревня на толоку. Так называли совместную работу в поле.

И сейчас, слушая отца, ему казалось, что он эту работу знает и сумеет жать не хуже взрослых. Но что такое целый день работать серпом, он еще мало себе представлял. Не приходилось ему участвовать раньше в большой жатве.

— Рано-то в первый день все равно не пойдем. После обеда, — отозвалась мать, ставя на стол варево.

«Я уж и яиц наварила с собой в поле-то. А как без них. Начнем немного, потом все вместе поедим, а шелуху разбросим по загону, чтоб вновь выросла рожь».

«Оно, конечно, Дарья, дедовских обрядов может забывать и нельзя, да только приедет уполномоченный на жатву, он ведь не даст нам особенно расхолаживаться. И то хорошо, что не в понедельник начнем. А уж первые колосья ты, Сано, принеси домой. Поставим перед иконой. Нам ведь на поле-то не позволят оставить пожинальную бороду. Все, сказывал председатель, до последнего колоска государству сдадим».

В старину крестьяне Югаров на каждом поле оставляли несжатым пучок колосьев, его называли пожинальной бородой и предназначали Илье-пророку, покровителю деревни. Для этого стебли свивали жгутом, а колосья втапывали в землю. Затем сверху клали кусок хлеба, посыпанного солью. При этом женщина — крестьянка приговаривала:

*Вот тебе, Илья, борода,
Расти овес на прок,
Корми доброго коня.*

На смену языческим крестьянским обрядам пришли уполномоченные районного Заготзерна. Пришли со своей агротехникой и могучим желанием стать хозяевами природы. И не стало сельского хозяйства. Перестал крестьянин верить в свою силу, а пошел на поводу у одержимых комиссаров, устраивавших пресловутый рай на земле под названием «коммунизм».

Но пятнадцатилетнему колхознику Саше Лебедеву завтра выходить на свою первую взрослую жатву. И работать он будет не за коммунизм, а за трудодни, что бы помочь отцу и матери в их нелегкой крестьянской жизни.

— Товарищи колхозники, молебнов совершать не будем. Кончилось время слепого повиновения религии. Долой попов, даешь свободный колхозный труд! — с таких слов начал свое выступление районный уполномоченный.

Потом он долго говорил о том, что единоличный труд под царским игом превратил крестьян в рабов империализма. Только коллективизация дает крестьянам безбедную и сытую жизнь...

Слушал его Николай, и с горечью вспоминал свое кирпичное ремесло, которое пришлось оставить. И все из-за того, что коллективизация превратила его в наемного работника, отучила от земли и от этого доходного промысла. Пропал интерес к труду. А сколько изгнали лучших хлеборобов с наших полей? Сколько искалечила человеческих судеб, душ и погубила человеческих жизней эта насильственная коллективизация?

Пока сохранились, но бездействуют из-за отсутствия у крестьян зерна многие водяные и ветряные мельницы, маслобойни. Продолжает угасать кустарный крестьянский промысел. Говорят в народе, что по району не работают многие заводы сухой перегонки древесины. Владельцы их давно в Сибири.

Вернулись недавно в деревню Василий и Павел Соловьевы, уходившие на заработки. Работали на дегтярне, заработок был приличный. Но образованный государством леспромхоз заменил кооперативную артель, заработки резко упали, да и сама работа вроде и та, а вроде и не та. Приехали братья в деревню, но в колхоз не захотели вступать, посмотрев на то, что стало с отцовским хозяйством. И решив, что так будет лучше для них, уехали в кадровые рабочие Варнавинского леспромхоза.

— На основании имеющихся успехов в работе колхозов района, особенно в связи с распределением доходов от урожая прошлого года, партия призывает развернуть работу по дальнейшему вовлечению бедняков и середняков-единоличников в колхозы. Сделаем все, чтобы наш край стал краем сплошной коллективизации! — закончил свое выступление уполномоченный.

После первого дня почина, в который вышли в поле после обеда, к жатве приступили рано — часов в шесть, по холодку. Пучок ржи сжимался левой рукой, захватывался серпом, перегибался и подрезался. Пучки соединялись в тяжелые снопы, а из них ставили ставушки, непроницаемые для дождя. Работа монотонная, утомительная, внаклонку и тяжелая.

Солнце обжигало горячими лучами спину, по лицу тек ручьями пот. Уже неделю Саня работает на жатве. Крестьяне стараются закончить жатву как можно быстрее. Полтора трудодня записывалось каждому колхознику за сжатые двенадцать соток ржаного поля.

И не до песен уже, про которые говорила мать, когда собирались они сегодня рано утром в поле. «Раньше-то, бывало, по молодости, по дороге на работу, да и обратно, пели специальные песни, в которых обращались к зерну», — говорила Дарья, и пела низким голосом:

*«И говорило, и говорило Ржаное жито
Не хочу я в поле стояти,
Не хочу я колосом махати,*

*А хочу я во пучок завязаться,
В засеку ложиться,
А чтоб меня ржаное жито —
Во пучок связали
Из меня рожь выбирали»*

Мать долго смотрела в окно на утреннюю деревенскую дорогу, на кур, копошащихся в ее пыли, на крытые дощаником избы. Вдоль по всей улице росли высокие березы, шелестевшие ветками от слабого августовского ветерка. Что она думала, где была в своих мыслях, Саша не понял. Только улыбнувшись и поправив платок, она негромко добавила:

— Саня, закончишь жатву, да пойдешь с поля, ты серп-то оберни былинками ржи. Голых серпов домой носить нельзя. Урожая не будет.

Сегодня, когда он вышел на улицу и пошел в поле, дорогу ему перебежала младшая дочь Михаила Соловьева — Валентина. От внезапности он даже вначале остановился, как вкопанный. И сразу вспомнил отцовы слова о том, что если кто пересечет дорогу на жатву, считается плохой приметой — руку обрежешь.

Потому он сегодня весь день резал серпом очень аккуратно, и вдруг услышал голос Пашки Воронова.

— Саня, гляди, что я нашел,— Пашка протягивал к нему руку с медным крестом. Вдруг острая боль пронзила левую руку Саши. Из глаз брызнули слезы. Колосья ржи свисали из левой руки багровыми кистями. Рукав рубахи на поднятой руке был окрашен красным цветом до самого локтя. Из ровного разреза под большим пальцем кровь хлестала фонтаном. Отбросив серп, Саша зажал рану правой рукой. К нему уже бежала мать, срывая с головы платок.

— Ох, ты горе мое луковое! Давай скорее руку»,— подбежав, Дарья крепко завязала платком рану.— Пашка, беги скорее кровавника нарви,— крикнула запыхавшаяся Дарья. Тот опрометью бросился к дороге, около которой белел головками тысячелистник. Пашка с силой рвал его за упругие стебли, вдыхая разливающийся полевой запах горькой травы. И горько стало ему самому, и нахлынули слезы от набежавшей жалости к товарищу.

— Держи, тетя Дарья,— сунул он ей охапку пахучего тысячелистника и отвратился. Дарья сорвала со стеблей листья и стала крепко разминать их в своих больших крестьянских ладонях. Осторожно сняла платок с руки Александра и на кровоточащую рану наложила получившуюся кашицу. Снова крепко забинтовала ладонь сыну. Потом взяла его за порезанную ладонь большим и указательным пальцем правой руки, крепко сжала и проговорила заговор: «Дерн дерись, земля крепись, а ты кровь у раба Александра уймись».

Дарья повторила заговор три раза, отплевываясь после каждого в правую сторону. Посмотрела на Пашку и спросила:

— Теперь понимаешь, почему эта трава называется «кравник»? Да потому, что даже в поле, где и не очень чисто, раны быстро заживают, если на них приложить тысячелистник.

Мать велела сыну идти домой. Она сама сказала бригадире о случившемся несчастье, бригадир недовольно пробурчал, назвав Саню криворуким, но в трудовой день записал все, что было сжато парнишкой в этот день.

Саша не хотел уходить, хотя почувствовал, что руку начало «дергать», боль стала разливаться вверх от пораненной ладони.

— Да не больно, мама, я работать смогу,— пытался он уговорить мать не отправлять его домой.

— Молчи уж, работник. Твоя жатва на этом поле закончилась.

Через неделю рана поджила, видно тысячелистник и вправду обладал чудодейственной силой, и Саша снова вышел на работу. Но жатва в колхозе заканчивалась. Пришлось ему возить снопы на ригу, молотить зерно, свозить его в амбар.

Всю жизнь оставшийся на левой ладони шрам от пореза напоминал ему о жаркой жатве в августе, о колхозной юности, о нелегкой крестьянской доле. Вспоминая, Александр каждый раз с благодарностью думал о матери — простой ветлужской крестьянке, мудрой и молчаливой женщине, которой пришлось многое пережить, постоянно находясь в трудах и заботах.

Как поздно мы порой замечаем, что не хватает рядом близких и родных людей. Только время спешит вперед, делая зарубки в нашей памяти, какие мы делаем в лесу, чтобы не заблудиться. Благодарность к родным и близким людям, которые любили и понимали нас, как никто другой, молча прощали нам все обиды, горькие слова, жалели нас и желали добра — это те зарубки, которые не позволяют нам забывать прошлого.

Глава 4. Рыбаки Ветлуги

Дорога жирно чавкала под усталыми, расползающимися копытами лошади. Нудно моросил мелкий сентябрьский дождь. Лошадь не слушалась, часто останавливалась перевести дух. Да и сам Александр выбился из сил, рука нехотя поднималась и падала плетью, надоело понукать и подгонять лошадь вожжами. Смеркалось. Деревенские избы медленно, вдоль улицы двигались навстречу подводе. И вдруг лошадь фыркнула несколько раз и, откинув уши, уставилась с удивлением на выплывающий из дождя знакомый дом. Она резво ускорила свой ход.

Да и Александр внезапно ощутил всем своим телом тепло родного уюта. Даже хлебный дух почувствовал. И на него как будто дохнул жар из печи в родительском доме. Вот еще немного на горку и ему улыбнулись слабо светящиеся окна дома. Значит, не ложились, ждут его.

Сегодня он припозднился. До дождя не успели перевезти весь выкопанный картофель с поля, пришлось месить грязь. Бригадир за каждым мешком, за каждой картофелиной следил. Тщательно пересчитывал мешки в подводе, а потом после окончания перевозки, снова все проверил и пересчитал в хранилище.

— А что вы хотите? В нашем сельсовете безобразное отставание с картофелепоставками», — кричал он на колхозников. — Вы свою личную картошку вместо того, чтобы сдавать, как положено на государственные склады, прячете в погребах. Чего ждете? Чтобы милиция по дворам пошла? Так хоть с колхозного поля без потерь все свезем на склад.

Почти два года прошло с того дня, когда 7 декабря 1934 года для городского населения отменили продовольственные карточки на хлеб, муку и крупу. И в колхозах немного жизнь улучшилась. Но борьба ВКП (б) по выполнению зернопоставок не ослабевала. Продолжались репрессивные меры против единоличников. Нарушители закона о зернопоставках приговаривались к лишению свободы, к принудительным работам.

В деревне шутили: «Прикончилась жизнь слезная — новая пошла колхозная». Правда, были и свои положительные моменты. В Горкинской школе начал работать агротехнический кружок, в котором обучали крестьянскую молодежь близлежащих деревень. В числе первых Александр был принят на учебу, которую через полгода закончил.

А сегодня, когда он, нагрузив полную телегу, повез последний воз, на картофельное поле приехал председатель. Остановил, посмотрел на него внимательно и по-отечески. Потом сказал, что в селе Богородское организуются от Варнавинской МТС курсы трактористов. От каждого колхоза Горкинского сельсовета будет направлено по одному человеку.

— Ты, Лебедев, парень грамотный, шесть классов закончил да курсы агротехников, вот и решили на заседании правления послать тебя учиться на тракториста в Богородское. Поедешь в следующем году, когда тебе восемнадцать стукнет» — огорошил Александра председатель. Но в душе парня такая волна поднялась!

Вот и торопился Саша домой. Знал, что отец тоже будет рад этому известию. Такая новость дорогого стоит. Семья получала взрослого кормильца с серьезной профессией. Хоть Лебедевы и работали в колхозе вдвоем, но если бы не огород, на трудодни вряд ли обеспечивались питанием. Все забирало государство от колхозов, а по трудодням совсем нечего было распределять.

Шел сентябрь 1936 года. Еще весной, в конце марта был совершен большой арктический перелет из СССР в Америку. Водопьянов, Махоткин, Фарих своим подвигом прославляли мощь Советского Союза, а на Пленумах ЦК ВКП (б) сетовали на то, «что мало расстреливаем». Борьба с голодом в стране сводилась к ужесточению, к репрессиям и чистке от «врагов народа».

При создании машинотракторных станций ставилась задача по оказанию помощи колхозам и единоличникам: технической, агрономической и ветеринарной. А основная задача — проводить в деревне партийную линию по искоренению кулаков, как класса.

Всех этих премудростей классовой борьбы деревенский парень Саня Лебедев не ведал. Он просто радовался тому, что его первого в Югарах посылают учиться на тракториста.

— Саня, да ты вымок до самых костей. Разболокайся скорее, да на печку греться,— встретила его мать в сенях,— Николай, распрягай лошадь. Видишь, Саня-то совсем обессилел.

Переодевшись в сухую одежду, Александр присел к столу. Мать подала ему ломоть хлеба, картошки, соленых грибов. Уже перебравшись на печь, он сквозь сон почувствовал, что под бок к нему приткнулся Миша. «Большой уже,— подумал Саня,— В ноябре девять стукнет. Завтра расскажу ему про то, что сказал председатель. И матери с отцом все поведаю».

Наступил ноябрь. В двадцатых числах начались морозы. И довольно крепкие, ночью опускалась температура до минус десяти и ниже. На Ветлуге в заводях появилась ледяная корка. А с первым осенним льдом в конце ноября, иногда гораздо ранее санного пути, начинается самый главный лов рыбы — неводный. Все количество рыбы, пойманное весной, летом и ранней осенью ничтожно в сравнении количеством, добываемым в это время неводами ветлужских рыбаков. Именно поздней осенью и зимой. А летом рыбу ловили мало, потому что сельскохозяйственные работы, естественно, занимали все летнее время, дорогое для крестьянина.

Николай Лебедев был настоящим неводчиком. Оканчивались работы на полях, и он собирал югаровских мужиков на ловлю рыбы. Ловили рыбу на артельных началах. А объединялись в артель по двум причинам: во-первых, для лова рыбы неводом, а особенно зимой, требуется немало участников; во-вторых, изготовление рыболовных снастей было накладным делом для одного. В артель привлекалось до десяти-двенадцати человек.

— Сано, завтра собирайся со мной на Ветлугу. Двое рыбаков в артели и рыбы будет больше при разделе улова. Иван-то свою рыбу в Поляки повезет, а мы для себя будем стараться,— отец сидел на лавке, в руках его ловко ныряла деревянная игла. Он в последний раз проверял невод и завязывал на нем прорехи обыкновенным рыбачьим узлом.

Этому ремеслу — вязать сети — Александр был обучен с самого детства и мог вязать не хуже отца. Многим югаровским мальчишкам зимой вязал он наметки — большие сетчатые кошелки. Их прикрепляли на трехсаженные шесты и ловили рыбу, опуская с берега.

Утром Николай запряг лошадь, погрузил невод на телегу, в которую посадил Александра с Иваном. На вторую телегу уселись мужики и всей артелью двинулись к реке. Бодрил небольшой морозец. Лошадью правил брат Иван, Александр сидел, привалившись на грудь невода.

Год назад брат вернулся из Красной Армии. За прошедший год успел жениться, и теперь жил самостоятельно в деревне Поляки, которая находилась километрах в двух от Югаров. Иван много интересного рассказывал Александру после возвращения из армии. И про военную технику, и про службу, и про жизнь в других местах Советского Союза. Внимательно слушал Саня про армейский устав, про караульную службу, про чистоту в казармах. А такие слова, как тир, парикмахерская, буфет он впервые в жизни услышал от брата.

— Так что, Саня, не бойся, Красная Армия сделает из тебя грамотного, твердого бойца. Главное — слушаться отцов-командиров, и служить тебе, братка, будет не трудно. Такими словами почти всегда заканчивал рассказы Иван о своей армейской службе.

— Ну, мужики, с Богом. Пусть помогает Он нам сегодня», — Николай, идя рядом с подводой, похлопал Александра по плечу, — Вот у нас сегодня Сано обрыбиться должен. Как-никак впервой ему невод придется тягать. Хватит удочками баловаться, пора и бережника попробовать. Настоящего рыбного промысла почувствуй, сынок.

Выехав на берег, распрягли лошадей. Сняли невод с телеги. Привязали за один конец бережник (тяга у невода от берегового крыла). Прикрепили его за кол, вбитый в землю, чтобы ненароком не стянуло в реку при заводе сети. Невод с ходовым кодом уложили в лодку, Николай сел на весла. Двое артельщиков запрыгнули за ним, оттолкнув ее от берега. Невод, точно сам собою, начал сползать за лодкой в воду. Артельщики поправляли и сбрасывали сеть за борт.

Мокрые поплавки ныряли и вновь показывались над водой. Николай молча и сосредоточенно греб против течения. Ему давно известна каждая зацепина на дне, всякий подводный камень. Артельщики изредка переругивались. Вот опущено правое крыло и лодка поворачивает поперек течения. Сбрасывают мотню, лодка делает полукруг на середине реки и направляется по течению к берегу. Пошло в воду левое крыло. Пристают к тому же месту на берегу.

Здесь мужики подхватили ходовой кодол от правого крыла, из лодки на берег выпрыгивает Николай, за ним артельщики, и начинается самая трудная работа. Рыбаки, ухватившись за оба кодола, тащат невод. Пятясь, выволакивают на берег его мокрые крылья, обвешанные водорослями.

— Кажись, есть, есть рыбка-то! — весело кричат рыбаки. И Саша чувствует, как исходящие от них азарт, напряженность и веселость передаются ему. Он еще сильнее упирается, передвигая ноги. И вдруг становится видно, что в полукруге, обозначенном поплавами невода, бьется и переливается серебристое и живое ветлужское богатство. Рыбы столько, что невод встает, как вкопанный. Артельщики прикладывают последние силы, но он — ни с места. Веревки впиваются в ладони и звенят, как натянутые струны. Переругиваясь, они кричат, не в силах вытащить на берег мотню.

— Пудов двадцать будет! А шука-то что делает, ведь повыпрыгивает вся!.

— Черти, невод порвем! — надрывая голос, кричит Николай и в азарте прыгает в это серебряное, бьющее хвостами, хлюпающее жабрами рыбное царство. Отталкивая плавающие осколки льда руками, он начинает сузьгой (сачок большого размера) выбрасывать рыбу на берег в запорошенную снегом траву. Еще трое рыбаков следуют его примеру. Вчетвером они орудуют сачками, стоя по пояс в ледяной воде.

— Сано, разводи костер! Мужики, подтягивайте невод! Как пойдет, тяните без остановки на берег! — кричит Николай, не чувствуя в азартной работе обжигающего холода ветлужской воды.

Большая гора рыбы на берегу трепещет хвостами, шевелится и растет. Рыбы, как никогда, много — здесь и окунь, и лещ, и щука, и извивающиеся черными телами сомы.

Александр натаскал хвороста, запалил костер. Наконец, мужики выволокли невод с оставшейся рыбой. Ото всех идет пар, тяжело дыша, они собираются вокруг костра. Николай с мужиками, работавшими в воде, раздеваются догола. На них набрасывают сухую одежду, мешки, приготовленные для рыбы, и пропускают к самому жару костра. Саня подбрасывает охапку валежника, пламя жарко поднимается вверх. От сохнувшей одежды поднимается пар, пахнувший рыбой и рекой.

— Вот, Сано, и обрыбился ты. Богат нынче улов! Пудов пятьдесят будет,— Николай оглядел ворох рыбы.— Одним разом, конечно, все не увезти. Придется еще две подводы запрягать. На сегодня шабаш мужики. Завтра тоню другим неводом сделаем — побольше. Бог даст, еще возьмем рыбки-то. А там уж по льду будем ловить.

Всю осень и зиму Александр работал в рыбацкой артели. Зимой особенно тяжело дается рыба. На холоде и ветру приходится прорубать лед, собирать рыбу.

На середине Ветлуги прорубали большую прорубь — мойну, в которую опускали невод. Во всю длину невода, поперек реки, в нескольких местах, в виде овала делали небольшие проруби. Шестом протаскивали сеть подо льдом. У берега, там, где по расчету, должны сойтись оба крыла, прорубали другую мойну и здесь вытягивали весь невод.

Александр навсегда запомнился, конечно, тот осенний лов неводом, когда отец, стоя в ледяной воде, выбрасывал сузьгой на берег рыбу. И он всю жизнь восхищался отчаянным поступком отца, который, не раздумывая, бросился в ледяную воду Ветлуги ради общего дела.

«Героев не надо искать на стороне, герои рядом с нами. Может быть, даже наши родные. Так же, как в студеную воду кинулся отец, любой из нас бросится на спасение своих детей, родителей, близких нам людей. Только готовность к этому надо воспитывать в себе повседневной любовью и бережным отношением друг к другу», — порой думал Александр, вспоминая тот ноябрьский мороз и смелый поступок отца.

Глава 5. Первый тракторист

Ноябрь 1937 года выдался холодным. Уже с пятого ноября ударили настоящие морозы, и даже днем температура не поднималась выше минус восьми градусов. Александр, которому два месяца назад исполнилось восемнадцать лет, уезжал, как и обещал председатель колхоза, на курсы трактористов в село Богородское. Дарья напекла сыну в дорогу кокурок — пресных булочек, сварила десяток яиц, отрезала кусок рыбного пирога. Все это она сложила Александру в дорожную холщевую сумку. Перекрестив Александра, Дарья долго смотрела вслед мужу и сыну, которые шли по замерзшей деревенской улице. Николай решил проводить сына до почтового тракта, и Дарья, глядя на широкие спины родных ей до боли мужчин, думала о том, что по стати сын мало чем отличается от отца. Правда, Николай был немного повыше шедшего рядом с ним сына.

— Ну, Сано, мог ли я когда-то и помыслить, что мой сын будет учиться на тракториста? И что станешь ты первым трактористом в наших Югарах?» — отец по-прежнему, как в детстве, звал его Сано. От этого у Александра что-то защемило в груди, жаль было уезжать из дома. Еще никогда в своей жизни не приходилось ему надолго покидать родительский дом. И хотя в Богородском жила родная тетка, Матрена Киселева, сестра матери, но взгрустнулось ему не на шутку.

Николай понял настроение сына, тепло, по-отечески обнял его за плечи.

— Вот что, сынок, ты уже не малой, а жизнь она не только в Югарах. Повидал я ее в Петрограде, на военной службе в Семеновском полку. Много хороших людей на свете, их и держись. Не спасет Бог тебя и от дурных людей, умей только разли-

чить — кто тебе добра желает, а кто только так, лишь бы что-нибудь получить от тебя. В общем, ступай в жизнь, Сано. А мы будем тебя ждать.

Вскоре подошла колхозная подвода, Александр ловко запрыгнул в нее, помахал отцу рукой. И телега с ним и еще двумя такими же молодыми парнями из деревень Антониха и Пospelиха скрылась за ельником.

Тетка встретила Александра приветливо. Двоюродные братья Михаил и Иван сразу же сказали, что спать он будет с ними на полатах. В первый же вечер повели его на посиделки, но Александр, по скромности своей, весь вечер просидел молча. Старшему Михаилу было двадцать три года, и он только этой осенью вернулся из Красной Армии. Еще не успел нагуляться, поэтому и тянул Александра на вечерки. И хотя младшему Ивану было всего-то двенадцать, но он неотступно повсюду сопровождал старшего брата. И на вечерки ходил вместе с ним.

Через два дня началась учеба на курсах трактористов в МТС. Первое, что бросилось в глаза Александру, когда он входил на территорию станции — большой плакат, вывешенный над крыльцом школы трактористов. В верхней части плаката были изображены крестьянки, жнущие рожь серпами, а под ними волны бескрайнего хлебного поля, по которому шел комбайн с молодым парнем за штурвалом. Обе эти картины разделяли красное полотнище, по которому белыми буквами шла броская надпись: «РУКАМИ РАНЬШЕ РОЖЬ ЖАЛИ, ТЕПЕРЬ КОМБАЙНЫ ЗАШАГАЛИ!».

Вновь прибывших на учебу молодых колхозников Варнавинского района встречал директор МТС Павел Егорович Павлов, который был родом из города Чкаловска. Когда начался митинг, из уст в уста передавали крестьянские парни то, что они узнали о своем директоре от работавших на станции трактористов. А был он сверстником и другом знаменитого на всю страну летчика Валерия Чкалова.

Ребята молча слушали немного хрипловатый, но полный оптимизма голос директора.

— Большим достижением для вас, молодых колхозников, является организация в пределах нашего Варнавинского района машинотракторной станции. Вокруг ее организации сейчас развертывается ожесточенная классовая борьба. Единоличники, которые еще остались в деревнях, видят, что МТС ускорит перевод деревни на социалистические рельсы. Они выдумывают всякие небылицы. Но мы построим МТС наперекор всем врагам. Сейчас наша МТС оснащена двадцатью четырьмя тракторами колесниками, но уже следующей весной мы ждем пополнения, в том числе и гусеничных тракторов. Вы становитесь первыми трактористами в районе. Успехов в труде и в колхозном строительстве ждет от вас товарищ Сталин.

После первых же дней учебы на курсах прикипел Александр всей своей крестьянской душой к трактору. Особенно на практических занятиях по вождению и изучению устройства двигателя. Помыть детали, покопаться в моторе, а позже и самому проехаться на колесном «Фордзоне» — о чем еще мог мечтать деревенский парень. И все ему хотелось быстрее узнать и освоить. И увлекшись новым делом, он все свое природное упрямство направил на желание выучить то, что не довелось узнать за школьной партой. Страсть к изучению и овладению трактором поглотила все помыслы и чувства Александра. Ни о каких вечерках и посиделках не было и мысли. И как не подбивал его Михаил по вечерам идти на деревенские гулянки, Александр всегда отнекивался, объясняя это своей усталостью на занятиях. А сам читал книги, которые выдавали на курсах.

— Трактор «Фордзон» самый распространенный в мире», — курсанты внимательно слушают преподавателя в учебном классе, — «поэтому и был он выбран в качестве прототипа нашего «Путиловца». Выпускается он на крупнейшем машиностроительном предприятии «Красный Путиловец» города Ленинграда. Задние колеса трактора — ведущие, а передние — направляющие. Поэтому задние колеса намного

больше и мощнее передних. Основное назначение трактора — работа с плугом и другими сельскохозяйственными прицепами.

А зима 1938 года на ветлужскую землю пришла с обильными снегами и трескучими и морозами. Дорога по селу проходила между высоких сугробов, как по снежному коридору. Но и они начали дружно таять с приходом весеннего тепла. Время учебы пролетело незаметно. Пришла пора практических занятий в поле. Вот здесь-то и узнал Александр вместе с остальными деревенскими парнями, что такое настоящая работа тракториста. Несладко пришлось молодым колхозникам при практическом освоении тогда еще несовершенной техники. А техника эта казалась тяжелой даже для них, рано познавших крестьянский труд. Здесь и пригодились природная сметливость и мужицкая хитрость Александра. Они-то и научили его упреждать поломки, которые частенько случались на тракторе. Чуть остановка — он сразу с тряпкой и ключом к мотору: протереть, подвинтить, закрепить, смазать.

И вот начались занятия в поле. В начале апреля учились курсанты МТС на полях Богородского колхоза пахать и боронить. Однажды, далеко от села, у Александра в поле поломался трактор. Он внимательно осмотрел двигатель, коробку передач, задний мост и понял, что здесь ему с поломкой не справиться. Сняв деталь, в мешке через вспаханное поле потащил ее в МТС. Ну, а потом обратно, по этому же полю за многие километры.

Незадолго до окончания курсов, кроме «Путиловца», пришлось курсантам осваивать еще один тип колесного трактора — СХТЗ-15/30. В начале тридцатых годов вступили в строй Сталинградский и Харьковский тракторостроительные заводы, которые и выпускали для подъема механизации сельского хозяйства трактор с этой маркой. Несколько штук поступили в МТС. Работать на нем было нисколько не легче, чем на «Путиловце». Заводился он вручную, причем очень долго. Трактористы, острые на язык, тут же придумали новую расшифровку аббревиатуры ХТЗ — «хрен трактор заведешь».

Учеба на курсах трактористов подошла к завершению. Александр вместе с другими курсантами сдал экзамен по материальной части тракторов «Путиловец» и СХТЗ-15/30, по агротехнике вспашки, посева, уборки. Впереди остались практические экзамены по качеству вспашки и боронования.

Апрель почти на исходе. Весна. Настоящая, теплая. Днем воздух прогревается до двадцати градусов тепла. Деревня в это время года преображается. На березах, стоявших всю зиму белыми истуканами вдоль деревенской дороги, появились первые листочки. И как будто зеленой кисеей, украшенной бахромой сережек, оделись они, встречая погожие солнечные деньки. В палисадниках — цветение, благоухание.

Нарушая деревенскую тишину металлическим грохотом и стуком, проехали четыре трактора улицей села Богородского, и остановились на краю не вспаханного поля. Сегодня предстоял, пожалуй, самый ответственный экзамен для ребят из Горкинского сельсовета. А все потому, что в Богородское приехал Петр Федорович Кузнецов, который работал в Варнавинской МТС со дня основания. А теперь он был назначен руководить тракторной бригадой на территории Горкинского сельсовета, а значит и нынешние выпускники богородских курсов уже входили в ее состав.

— Ну, давай, Александр Лебедев, покажи, чему ты научился за полгода учебы. А то родители ждут — не дождутся первого тракториста в Югарах, — почему-то к нему первому обратился Кузнецов. — Не тушуйся, Саша, почувствуй себя настоящим трактористом, учеба закончилась. Оправдай доверие колхозников «Красной звезды», которые послали тебя на тракториста учиться. И ждут на весеннюю пахоту.

Александр уверенно подошел к трактору, с молодецкой удалью рванул за ручку стартера, и мотор, на удивление, затарахтел без перебоев, с четким равномерным стуком. Прицепив к трактору двухкорпусной плуг, он сел за штурвал, выжал сцепле-

ние и начал пахоту. За месяц практических занятий, которые проводились под присмотром инструктора или самостоятельно, Александр успел освоить и понять характер «железного коня». Так что теперь юноша делал уверенно то, чему его научили на курсах. Заканчивая пропашку второй полосы, он увидел, что Кузнецов, сняв фуражку, махнул ему рукой. Александр остановил трактор, но мотор не заглушил, и, спрыгнув на землю, подбежал к бригадиру.

«Уверенно, молодец. Пойдем теперь замеры сделаем».

Взяв линейку, Петр Федорович в нескольких местах проверил глубину вспашки. Удовлетворенно подмигнул молодому трактористу. Протянул руку и крепко пожал ладонь Александра.

— Собирайся, Саша, в Югары. Заждались тебя там колхозные поля. Пора пахать. А то мужики лошадей совсем заморят. Вот где тебя ждет настоящее дело. Скажу прямо — придется туго. Трактор, хоть и железный механизм, но понововистей любого коня будет. Думаю, ты понял за полгода учебы, что собой представляет колесный трактор. Но ты, Александр, парень крепкий, здоровья тоже не занимать. И я уверен — справишься.

В Горки они приехали на двух «Путиловцах» и одном «Фордзоне» еще засветло. Когда выезжали из Богородского, Александру достался «Фордзон», который он думал оставить на центральной усадьбе колхоза, но Кузнецов рассудил по-своему.

— Александр, поедешь домой на тракторе. Все равно пахать поле под лен около Коровихи. Завтра привезу горючее, ты и начнешь. Да и родители пусть сегодня за тебя порадуются — вернешься в деревню трактористом! — Кузнецов дружески хлопал Александра по плечу.

Со стороны деревни Поляки в Югары въезжала грохочущая, дымящая трубой машина, из-под колес которой отлетали комки грунтовой дороги. Навстречу ей по улице деревни бежала толпа мужиков и баб. Они что-то кричали, некоторые при виде трактора, останавливались и осеняли себя крестным знамением. Мальчишки, те, что посмелее и полюбопытнее, пытались на ходу запрыгнуть на трактор. К трактору была прицеплена двухрядная сеялка и закрепленная в нерабочем положении борона. Когда Александр на тракторе въехал на деревенскую улицу Югаров, вдоль нее, встречая трактор, стоял народ. Каждому хотелось посмотреть на невиданную машину. Прибытие трактора для колхозников стало важным событием большой радостью.

Около родительского дома Александр остановил и заглушил трактор. Из ворот вышел отец, за ним мать с младшими детьми Валюхой и Мишкой. Александр, устав от грохота трактора в долгой дороге, сидел, положив руки на штурвал, и с радостным чувством от возвращения домой смотрел на родных. После полугода разлуки на него нахлынуло щемящее чувство любви к этим, самым близким и родным для него людям. Он увидел, что отец и мать уже немолоды, и не только от прожитых на свете почти шести десятков лет, а скорее от тяжелого крестьянского труда, на их лицах время нарисовало глубокие морщины. Мать стояла, опустив руки, крепкие, сильные руки женщины-крестьянки с узловатыми венами. Александр подумал, сколько она пережила: и голод, и две войны, и долгие два года ожидания мужа, и все время работала, работала. Совестьливо и честно, и так же воспитывала детей. В отце, несмотря на возраст, чувствовалось жизнелюбие. Он немного иронично улыбался сыну.

— А что, Сано, правду говорят мужики, что хлеб будет пахнуть керосином, ежели его посеять на земле, вспаханной трактором? — спросил он с мужицкой усмешкой. Но Александр почувствовал, что за этим сарказмом отец хочет спрятать свою гордость за сына. Пусть, мол, не очень задается оттого, что стал первым трактористом в Югарах.

На следующее утро приехал Кузнецов, привез на лошади горючее для трактора. Выехали на поле, прицепили плуг. Для Александра началась первая самостоятельная пахота.

С давних пор время весенней пахоты для русских земледельцев было временем одной из тяжелейших, обременительных работ. Пахали на лошадях, идя за плугом. И вот на смену лошадиной тяге пришли трактора. И, когда Александр начал сегодняшнюю пашню, на краю поля собралось почти полдеревни. Народ смотрел на работу трактора с большим интересом. Многим эта стальная машина была в диковинку. Крестьяне увидели, как легко трактор может пахать и по холмам, и в округе. Они убедились, какая это полезная, чудотворная и мощная машина.

Александр работал с наслаждением. Он чувствовал каждое движение трактора. Оглянувшись назад, удовлетворенно про себя отметил, что пласт земли, вывернутый плугом, получается ровным и блестящим. Хорошая пашня.

Вспомнился вчерашний разговор с отцом, когда в избе стало сумеречно и пришлось зажигать лампу. Дети давно спали, а мать что-то стряпала и возилась около печи.

— Раньше-то помню, еще парнишкой когда был, отец на запашку приглашал священника отслужить молебен о поле. А самую-то раннюю запашку, в Степанов день начинали, двадцать шестого апреля,— начал свой рассказ о былом Николай,— А до этого ходили крестным ходом с иконами от храма в Горках до поля. Потом и на засеив, уже в день Еремея запрягальника, священник первый бросал зерно при посеве, да зерно-то кропил водой из водосвятной чаши. Брали икону Николая Чудотворца и в его день ходили по полям. Это уже по засеянным полям, девятого мая. Всякое дело начиналось с молитвы. С этого же начиналась и пашня. А сыновья-то, отправляющиеся на пашню, кланялись родителям и просили благословения. Самый последним был сев льна в день Олены леносевки двадцать первого мая. Это сейчас все перепутали уполномоченные, не хотят старых правил крестьянских принимать. Все теперь по-новому. Вот и ты завтра, сказывают, под лен начинаешь пахоту, а это рановато. Ну, им видней, нынешним-то земледельцам.

Отец тяжело вздохнул, посмотрел на икону Святителя Николая.

— Все порушили: и веру, и церкви. В Горках нету храма-то, взорвали его. Растащили по кирпичику на нужды свои. Никто Бога не боится. Ну, ладно, Сано, давай ложись, а то намаялся сегодня, а уж завтра — в поле. Успехов тебе, сынок, в нашей нелегкой крестьянской доле.

Через неделю Александр заканчивал пахоту. Остановив трактор около березового островка среди поля, он посмотрел вокруг. Черная бесконечная пахота, а над нею висело яркое голубое небо. «Какая красота, Господи!» — вздохнул он полной грудью. Сквозь редкий березняк пахота чернела землей, отваленной его плугом. Александр заглушил трактор, по вспаханной земле прошел на этот островок из больших и маленьких берез, оставшийся нетронутым среди поля. Сел на теплую землю, привалился спиной к белоствольной березе и посмотрел в голубое прохладное весеннее небо. На душе было светло и свежо. Работа закончена. Завершена первая самостоятельная пахота. И радостное чувство охватило его, оттого что он это сделал — впервые в жизни самостоятельно вспахал огромное поле. Мог ли он, деревенский парень, думать еще два или три года назад о том, что будет работать на тракторе и станет первым трактористом в Югарах? Вдыхая апрельский воздух, приносимый с черных полей, Александр слушал вороний гай с верхушек берез, с наслаждением шурился от солнца. Оно светило во всю мочь, согревало землю и благословляло труд человека, занятого самым нужным и благородным делом на земле — выращиванием хлеба.

Александр отдохнул, посидел еще немного, вслушиваясь, как высоко в небе, невидимые глазу, трепещут и звенят жаворонки. Поднялся с теплой земли, завел трактор и поехал по грязной полевой дороге в деревню. Улыбка озаряла радостью молодое, красивое лицо первого тракториста в деревне Югары, что притулилась в ветлужских лесах, у самого тракта между старинными уездными городами: Варнавином, Ветлугой и Макарием на Унже.

Олег Яковлев
(г. Орск Оренбургской обл.)

АВТОНОМНОЕ ПЛАВАНИЕ
(Повесть*)

Глава 5

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

28 сентября. Северная Атлантика.

Вторую линию ПЛО проскочили благополучно. Она не так напичкана противолодочными средствами, как первая. Вместе с подводными течениями проплывают обычные, размеренные будни. Стоим на вахтах, обедаем, чаевничаем. Проводим занятия по специальности. По вечерам свободные от вахты смотрят в кают-компаниях фильмы.

На лодке тишина, если не считать вгоняющего в сон гуда приборов. Мы сейчас в нейтральных водах где-то у берегов Северной Америки. В наших шахтах наготове ракеты с ядерными боеголовками. В каждой заранее заложена программа, определена цель. Практически, им доступна любая точка земного шара. Мы — остроотточенный меч в ножнах прочного корпуса лодки.

Час назад подвсплывали на сеанс радиосвязи. Кроме обычной служебной информации, мы получаем последние новости с материка. Американцы, как всегда, кричат о советской ядерной угрозе. Мы тоже в долгу не остаемся. Их подлодки так же патрулируют вдоль наших берегов. И у них у нас руки на красных стартовых кнопках. В пространстве витает напряженность. Особенно остро она ощущается здесь, в океане. (Холодная война, будь она неладна!)

29 сентября. 4 часа утра.

Только что сменился с вахты. Сегодня на посту видел «чудо». Раньше я только слышать мог о подобных явлениях. Вроде сна наяву... Рули, по обыкновению, на автопилоте. Есть возможность поразмышлять некоторое время. Смотрю в угол центрального поста. Вижу, стоит Надя. Моя первая девочка, первая юношеская любовь. Познакомились мы, когда мне минуло пятнадцать лет. Когда мне исполнилось девятнадцать, проводила она меня на флот и ждала четыре года. А когда до демобилизации осталось два месяца, вышла замуж! Не злая ли воля судьбы? А ведь как любили друг друга. Так можно любить только в юности, в первый раз.

— Так вот, гляжу я в угол ЦП и, вдруг, увидел ее. До того ясно и отчетливо было это видение, что от неожиданности опешил. Она стояла в голубой блузочке, черной расклешенной юбке, и смотрела прямо на меня. Во всей ее фигуре было стремление шагнуть ко мне. Даже улыбалась она как-то напряженно, но не могла сделать ни шага. Тряхнул головой, видение не исчезло. Я даже привстал в своем кресле. Фантом

* Окончание; начало в «ПЗ» № 2, 2013.

моей Нади слегка покачнулся. Зыбко, словно туман. Я отвел глаза, осмотрел приборы на пульте, когда снова посмотрел в угол — Нади уже не было. Вот и не верь после этого в астральный мир... А может, это хрономираж? Видение из прошлого? Иначе человек не может в полном бодрствовании и здравом уме увидеть такое... Да, такое запоминается на всю жизнь! Тем более видение явилось ко мне еще раз и даже спасло мне жизнь. Но об этом позже...

30 сентября. Атлантика.

И все-таки случилось то, чего я всегда боялся. Заклинило большие горизонтальные рули.

Корабельные часы показывали 12 часов 10 минут. Я только что пообедал, быстро посетил курилку и заступил на вахту. Мои четыре часа обещали быть спокойными. Никто никаких тревог не ждал. Но разве можно быть застрахованными от неожиданностей... Тем более здесь, в мрачных океанских глубинах. Дежурного офицера сменил капитан второго ранга Вишняков. Моряк довольно молодой для такого высокого звания. Но что поделаешь, на атомоходах офицеры растут быстро — ответственная должность и сложность техники... Хотя, чисто мореходного опыта им порой не хватает.

Мои рули в режиме автомата. Глубина обычная, рабочая, скорость порядочная... В ЦП тихо, никто не разговаривает. Люди молча переваривают обед и делают свое дело. Мерно пощелкивает эхолот. Как всегда тянет подремать. Указатели перекладки рулей слегка покачиваются. В раздумьях я не заметил, как начал сползать со своего кресла. Бросил взгляд на приборы и обомлел. Указатель больших горизонтальных рулей стоял на погружении, и лодка быстро набирала глубину.

— Заклинило большие горизонтальные рули! — закричал я.

Вся вахта центрального поста сгрудилась за моей спиной.

— Аварийная тревога! Заклинка рулей! — пронеслось по отсекам. Прерывисто заголосили звонки громкого боя. Лодку все круче заваливало на нос. С холодной испариной на лбу перекалываю все остальные рули на всплытие. Вбежал КЭП:

— Обе турбины полный назад!

Пока сработал реверс на турбинах, лодка провалилась на критические глубины. Защелкали динамики:

— Центральный, в десятом текут сальники клапанов!

Те же тревожные доклады из других отсеков. Командир уселся рядом со мной в кресло вертикальщика: — Что случилось, боцман?

В растерянности развожу руками и объясняю суть дела...

— Старшине первой статьи Проворникову срочно явиться в центральный пост! — Это стармех по громкой связи вызвал мне подмогу.

— Продуть среднюю группу!

Воздух высокого давления заревел в балластных цистернах, выдавливая из них воду. Отчетливо слышится потрескивание корпуса субмарины. Чувствую, как по спине стекают струйки пота. Еще он заливает глаза. Тихий такой, противный липкий страх выдавливает из меня последние капли влаги. Лицо командира смертельно бледное, но, на удивление, совершенно спокойное. Мне бы такую выдержку! Наконец, лодка остановила падение, и стрелка глубиномера повисла на цифре, о которой даже подумать жутко. Держась за все возможные выступы, бегу через весь корабль в десятый. Лодка висит, высоко задрав корму. В отсеках сорвалось с места и улетело к носу все, что было не закреплено. Люди, естественно, тоже. Первое, что необходимо осмотреть, это насосы переменной производительности...

Кое-как добираюсь до десятого. Так и есть! Раскрутился и вывалился болт на тяге перекладки руля. Запрашиваю центральный на временную остановку насоса. Ка-

кой-то салага не поставил контргайку. Или Рязанов, или Киселев... Потом разберусь. Все, слава Богу, что неисправность небольшая и не пришлось долго ее искать. Включил насос. Рули ожили, и лодка немедленно выровнялась!

По отсекам прошелестел вздох облегчения. Защелкали динамики:

— Отбой аварийной тревоги! Осмотреться в отсеках!

Глава 6

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

15 октября. 13.00. Атлантика.

У нас на траверзе Южная Америка. Вода за бортом как парное молоко. Это, конечно, если сравнить с водами Ледовитого океана.

Моряки устроили себе своеобразный бассейн. Выбрали самый большой и просторный трюм. Натянули огромный, водонепроницаемый брезент так, чтобы образовалась большая, глубокая чаша. Наполнили ее забортной водой и купаемся. Наш бассейн пять метров в длину и три в ширину. Можно даже немного поплавать. Приятно и, главное, полезно для здоровья! Мы даже загораем в походах. В кают-компании наш корабельный доктор устанавливает кварцевую лампу, и мы в защитных очках, дозированных порциями получаем недостающий нам кусочек солнца. Так что, к концу похода мы все немножко загорелые. Молодой штурман лейтенант Забурин шутит:

— Вернусь домой, жена не поверит, что в автономке был, скажет: — Признавайся, где пропадал, подлец?

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

20 октября. 23.00.

На траверзе Гибралтарский пролив. Здесь вход в Средиземное море. Когда-то давно, еще на срочной службе, мне пришлось побывать в этих местах. На «дизелях» я тогда служил. Ходил в средиземку для усиления нашей тамошней эскадры. Полгода любовались тогда тропическим побережьем чужих стран, изумительным цветом воды Адриатического моря и другими чудесами. Для нас, северян, все это было ново и страшно интересно! Сейчас бы туда!.. Всплыть и окунуться в чудесный, теплый мир средиземноморья. Но всплытие для нас, в любом случае, исключено! И чем дальше мы уходим на юг, тем сильнее тоска по твердой земле под ногами. Пока что время для нас летит быстро и незаметно. Оно тянуться будет потом, когда останутся последние десять дней до всплытия. Потом будет томительное ожидание, праздник последних часов под водой, кульминационный момент похода — всплытие! Оно произойдет в той же самой точке, где мы когда-то погрузились. А пока... Пока утомляющее однообразие, порой тоска. Встряхивают учебные боевые и аварийные тревоги. И времени для безмятежного отдыха не так уж и много. Читать книги надоедает. Смотрим фильмы. Некоторые по несколько раз. «Белое солнце пустыни» побил все рекорды. Восемнадцать раз за автономку посмотрели! А сегодня решили поразвлечься — прокрутили фильм задом наперед. Вот смеху-то было!

26 октября. 2 часа ночи.

Акустики услышали шум винтов нескольких кораблей. Объявлен режим тишины. Лодка опустилась на предельную глубину. Оказалось, что это американский авианосец в сопровождении чуть ли не эскадры боевых кораблей. Армада медленно двигалась с юга на север. Мы замедлили ход до минимального. Разбудили командира. КЭП втиснулся в рубку акустиков и пребывал там, пока опасность быть обнаруженными

не миновала. Сладко позевывая, он обошел центральный пост и удалился досматривать свои земные сны. Дали средний вперед, и лодка помчалась дальше, к Индийскому океану!

Вспомнил жену с сыном. Как она там? Интересно, беспокоится ли за меня Александра? Думаю, что нет. А что, деньги имеются, сына есть кому поручить. Гуляй — не хочу!

Что-то нехорошее зашевелилось на сердце, «заскребли кошки». Мрачные мысли полезли в голову... Говорить о них не хочется. Они промелькнули и исчезли. Это я их сам прогнал! Да какое я имею право думать нехорошо о женщине, о жене? Черт побери, чего только не взбрет в голову с тоски!

Разболелась голова. После вечернего чая сижу в своей каюте и думаю. Обо всем понемногу. До моей вахты два с половиной часа. В ноль-ноль мне заступать. Лег, уставившись в потолок.

— Нет, наверное, отслужу свой контракт и на ДМБ, домой! Хватит! А, с другой стороны, что на гражданке делать? Здесь хоть зарплата приличная... Не заметил, как провалился в вязкую массу полусна-полубодствования. И вдруг, словно разрядом электричества:

— Сереженька...

Открываю глаза. В каюте около двери стоит моя Надя. Да, да, опять она! Наваждение? Может быть! Но приятное, черт побери!

Так вот стоит она, безвольно опустив руки, и печально улыбается. Я понимаю, что не могу встать и подойти — она тут же исчезнет. Затаив дыхание, боясь пошевелиться, смотрю на нежный девичий образ. Готов поклясться, губы у нее не шевелились, но в моей голове явственно прозвучал ее голос:

— Мальчик мой... Мальчик мой,— эхом пронизало все мое существо. Глаза наполнились невольными слезами, и вот уже соленые капельки текут по щекам, обжигают так, что даже сердцу горячо стало. Фигурка девушки качнулась неверной дымкой и стала пропадать:

— Береги себя, милый,— коснулось моего мозга теплой волной, и мираж исчез. Лежу ошарашенный и плачу как мальчишка. Боже ж ты мой, что же это такое? Все ли со мной в порядке, не спятил ли я? Происходит ли с другими подобное? Только намного позже я узнал, что иногда и с другими это происходит. Но тогда я ничего не понимал. Надя ведь любила меня! Даже когда замуж вышла! Так получилось, что ее вынудили это сделать. Проходили годы, но мы так и не смогли забыть друг друга. Она была моей первой девочкой и, ах, Боже мой, как прекрасно было это время!

В центральный пост я шел слегка одурманенный пережитым явлением.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

28 октября. Южная Атлантика.

Сегодня пересекли экватор, устроили праздник Нептуна! Наш ракетчик Петя Павлов, мой одноклассник, нарядился царем морей и океанов. Набедренная повязка, корона, борода, трезубец были заранее изготовлены, и Нептун получился хоть куда! Свое шествие он начал с первого отсека. Его сопровождала шумная, измазанная сажей, хвостатая компания «водяных чертей». В отсеках гремели взрывы смеха. Вид переодетых для праздника матросов был настолько живописен и забавен, что даже никогда не улыбающийся капитан 1 ранга Вязов прыснул со смеху, когда процессия ввалилась в центральный пост. «Черти» кривлялись и прыгали вокруг своего повелителя, который громкогласно поздравил всех присутствующих с приходом в его владения. Потом вручил КЭПу огромную памятную медаль со своим изображением и бутылку шампанского. Деловито осведомился, есть ли на сем корабле провинившиеся,

не соблюдающие морских законов и впервые вышедшие в море? Вопрос был задан Вязову. Тот серьезным тоном назвал количество молодых матросов и попросил не казнить их, а миловать, так как моряки они старательные и делают все, чтобы не опозорить флот! Нептун выслушал и приказал:

— Посему повелеваю — всем салагам явиться на крещение к корабельному бассейну!

— Есть! — старпом шутливо козырнул царю и шелкнул тумблером «каштана»:

— Молодым матросам, свободным от вахты, явиться к бассейну, — разнеслось по кораблю.

В трюме уже собрались моряки и, обступив бассейн, с интересом ожидали начала представления. Впервые вышедших в море на лодке было четверо. Двое из них мои подчиненные — Киселев и Рязанов.

Нептун грозно обвел взглядом собравшихся:

— Все ли в порядке на этом корабле, чисто ли, сытно ли?

— Все у нас в порядке, ваше величество! Чисто и сытно!

— Добро пожаловать в мои владения, матросы! Обещаю вам мое покровительство и благоволение! — Нептун сделал шаг вперед, пристукнул трезубцем. — Есть ли среди вас отроки, посетившие мои владения в первый раз?

— Есть, — заговорили со всех сторон и вперед вытолкнули четырех «счастливи-ков».

Салаги смущенно улыбались и с опаской поглядывали на устремившихся к ним «чертей».

«Черти» с кривляниями и воплями схватили молодых матросов и подвели к Нептуну. Один из «чертей» деловито откручивал с переборки здоровенный плафон.

— Готовы ли вы принять морское крещение, дети мои? — спросил царь, грозно оглядывая именинников.

Те вытянулись по стойке «смирно»:

— Готовы, ваше величество!

Один из «чертей» протянул Нептуну плафон, заполненный забортной водой.

— Дабы укрепился ты телом и духом и стал истинным сыном моря, испей сей кубок!

Матрос взял плафон обеими руками и нерешительно огляделся.

— Пей, пей, — разом заговорили кругом, — если не хочешь остаться салагой до конца службы.

Первым оказался мой Киселев. Он понюхал воду и посмотрел на меня. Я ж стоял с самым серьезным видом и кивнул утвердительно.

Когда-то мне тоже пришлось принимать подобное крещение. Только не на экваторе, а в Баренцовом море, при первом погружении. Здесь же решили дойти до нулевого меридиана.

Киселев прильнул губами и, зажмурившись, стал пить. Было видно, как судорожно дергается его кадык. Тут, главное, чтоб не стошнило, иначе крещение будет считаться недействительным и процедуру придется повторить снова. Но мой парень оказался молодцом! Выпил-таки все до капли! «Черти» подскочили к моряку с воплями восторга, подняв его за руки и за ноги в воздух, раскачали и бросили, как есть, в одежду, в бассейн!

— Да будет так! — провозгласил Нептун, и все весело захлопали в ладоши. Ту же процедуру повторили с остальными. Царь поздравил посвященных со званием истинного моряка и в сопровождении свиты ушел. Все направились в столовую, где уже ожидал праздничный обед! На каждом столе стояли бутылки с сухим вином, красовались в глубоких тарелках румяные яблоки, и в центре высились живописные торты, на которые наш кок, мичман Самохин Коля, был мастак!

Глава 7

Давно миновали экватор, и лодка продолжала свое патрулирование. Справа по траверзу Бермудские острова. Знаменитое местечко!

Сколько кораблей и самолетов стигнуло здесь бесследно... Океанское дно в этих местах, наверное, усеяно обломками цивилизаций. А, может быть, все это досужие домыслы? Никто толком не знает! Вот мы идем, и все у нас нормально. Приборы не зашкаливают, аппетит у всех отменный! Никто не болеет и с ума не сходит. Ну, хоть что-нибудь для разнообразия произошло бы... Не смертельное, конечно. А то, типун мне на язык.

А встряска какая-то нужна. Все надоедает — вахты, обеды, занятия, тренировки. Все всем обрыдло. А друг другу надоели — ужас! Одни и те же лица мелькают изо дня в день. Глаза бы не смотрели! Кое-кто начинает психовать, срываться по пустякам. Понимаю, что это издержки подводного быта. И давно бы пора привыкнуть, сколько уже автономок пройдено! Но нет, привыкнуть к этому невозможно. Синдром замкнутого пространства захватывает весь экипаж. На что наш КЭП человек выдержанный и спокойный, и тот время от времени становится нетерпимым, и тогда на глаза ему лучше не попадаться. Начинает строжничать, придирается ко всяким мелочам, недовольно ворчать.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

10 ноября. Район Бермудских островов.

Наступила ночь, и мне, как обычно, с нуля часов заступать. После вечернего чая лег вздремнуть перед ночным бдением. Немного почитал, пока не почувствовал, что глаза слипаются. Проснулся словно от толчка в плечо. У двери стояла Надя и тянула ко мне руки. Я улыбнулся уже привычному миражу и посмотрел на часы. Было половина двенадцатого. Несколько минут мог бы еще поспать. Надя тянула руки и звала за собой. Ее голос звучал в голове умоляюще настойчиво:

— Мальчик мой, вставай же, иди на вахту, — девушка сделала приглашающий жест рукой. Один раз, другой... Но каким зыбким и неверным было на этот раз видение. Словно дрожь пробежала по нему. Потом вся нижняя часть тела исчезла. Осталась голова и протянутые в мольбе руки. От моего сна не осталось и следа. Я встал и шагнул к двери. Видение тут же исчезло! Как в тумане подошел к умывальнику и плеснул в лицо порцию холодной воды. Голова прояснилась, я неторопливо оделся и вышел. Сменю Рязанова пораньше. Со мной ничего не случится, а молодому моряку лишние минуты отдыха за праздник!

Конечно, Рязанов удивился моему раннему приходу:

— Что, товарищ мичман, не спится?

— Иди, иди, отдыхай!

Довольный Рязанов сдал пост, мы доложили, как положено, о смене вахтенному офицеру, и матрос выбежал из центрального поста. Сейчас покурит и спать! И тут:

— Центральный пост, пожар в девятом отсеке, — загремели динамики.

— Аварийная тревога! — тут же среагировал центральный.

Звонки громкого боя всполошили весь корабль! У меня внутри все похолодело. Я ж только что ушел оттуда... Жилой отсек! Там же народа полно! Боже ж мой, что там могло загореться?

— Центральный! — голос вахтенного из девятого снова прорвался в ЦП, — горят химические фильтры! Дым... Я ничего не вижу.

Сквозь треск и шум в динамике прослушивались встревоженные голоса моряков.

Командир, старпом, замполит и особист появились в ЦП почти одновременно. Вслед за ними вбежал старший механик. Командир склонился над переговорным устройством:

— Девятый, всем надеть изолирующие дыхательные аппараты, приступить к тушению пожара. Отсек никому не покидать. Это приказ! Вы меня поняли?

В ответ динамик что-то то ли пробурчал, то ли пробулькал...

— Старпом, выставить часовых у выходов из аварийного отсека! Никого не впускать и не выпускать. Боцман, всплывать на перископную глубину!

Перекалдываю рули на всплытие. Лодка медленно поползла вверх.

— Черт побери, а ведь, действительно, девятый открывать нельзя,— подумал я, напряженно следя за приборами,— соседние отсеки мгновенно заполнятся дымом. Еще больше людей пострадает.

— Девятый! — кричит КЭП, сколько у вас людей? Доложите обстановку!

— Центральный,— голос вахтенного был приглушен, моряк кричал через маску аппарата,— в отсеке двадцать четыре человека. Пытаемся тушить пожар, есть опасность возгорания регенеративного вещества. Сильный дым, ничего не видно...

— Иванов, ты молодец! — голос командира был спокоен, но видно, как побледнело и вмиг осунулось его лицо,— главное, без паники,— продолжал КЭП,— поставьте подключить систему ВПЛ. У вас полные баллоны смеси! Ты меня слышишь, Иванов? Будь на связи, докладывай обо всем, что у вас делается.

— Понял, слышу, товарищ командир!

Вахтенный в девятом на время замолчал. Динамик доносит грохот падающих предметов, крики людей.

— Центральный! Десять человек лежат в каютах... Задохнулись, не успели надеть аппараты...

В ЦП на миг повисла напряженная, гнетущая тишина. Командир посмотрел на часы. Дыхательной смеси у них в баллонах на два часа. Еще час люди продержатся, а потом?

Лодку сильно закачало. Всплыли под перископ. На поверхности шторм баллов шесть или семь. КЭП вызвал радиста и набросал на бланке текст радиограммы:

— К шифровальщикам и в эфир!

Радист убежал. Через две-три минуты о ЧП на лодке будут знать в Москве, в генштабе.

В аварийном отсеке люди дрались за жизнь. Иванов доложил еще о пяти погибших. Там вспыхнуло сильное пламя. Регенерация, все же, загорелась. Доступ к очагу пожара недоступен из-за сильного жара. Резиновые маски аппаратов нагревались и жгли кожу моряков.

— Центральный! — докладывает восьмой! В девятом стучат в люк, просят выпустить. Им дышать нечем. Переборка накалилась, на ней пузырит краска... — Голос часового из восьмого перешел на крик: — Товарищ командир, там у них настоящий ад! Что же делать?

Я знаю, что там, у люков в восьмом и десятом часовые с автоматами и заклинены кремальеры. Позже я узнал, что ребята плакали как дети, от своего бессилья что-то сделать, помочь своим друзьям.

Вижу, как побелели виски командира. Он сидел на глазах. Будто кто невидимый мазал его серебряной краской.

— Восьмой, десятый! Говорит командир корабля! Ребята, хлопцы, потерпите. Открывать люки нельзя! Иначе и в ваших отсеках то же самое будет! Через динамики доносятся отчаянные удары металла о металл. Погибающие моряки стучат чем-то металлическим в закрытые намертво люки.

Изменили курс, началась килевая качка. Держать лодку на перископе стало намного труднее. Головка перископа то ныряет в воду, то показывается на поверхности.

— Боцман, твою мать, держать глубину точнее... — Это старпом. Он припик глазами к окулярам и обзоревает горизонт.

От напряжения у меня разболелась голова. Боль толчками бьет в виски, в глаза. По телу струйками стекает пот. В обычной обстановке держать корабль на перископе не составляет большого труда. Сейчас же всеобщее напряжение усложняет любую работу.

Вбежал мичман Селезнев, радист. С растерянным видом протянул КЭПу радиogramму. Это пришел ответ из штаба флота. Командир обвел взглядом ЦП и прочитал вслух:

«Патрулирование продолжать! Бороться за живучесть корабля. В 6.00 доложить обстановку».

Все застыли с каменными, серыми лицами. Если и была у людей надежда на всплытие и спасение, то теперь эту надежду у экипажа отняли. Лодка на боевой службе. Экипаж, естественно, на военном положении. Скрытность, черт бы ее побрал...

— Девятый! Иванов, что у вас? — закричал командир в микрофон.

— Центральный! Иванов погиб, расплавилась маска... Докладывает старшина первой статьи Сохнин! Пять человек еще держатся, остальные... Товарищ командир, остальные погибли... — говоривший крепко выругался. — Потушить пожар... — голос осекся и умолк. В динамике что-то громко щелкнуло, и воцарилась тишина. Проводка «каштана» или порвалась, или сгорела.

Мозг ожгло словно молнией:

— Боже мой, там же мои Киселев и Проворников... Голова похолодела, кровь отхлынула от лица. Хорошо, Рязанов не успел добраться до своей каюты. Начало пожара застало его в курилке. Вдвоем мы с ним остались из боцманской команды. Вдвоем!

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

11 ноября. Юг Атлантики.

Легли на обратный курс. Путь теперь лежит в сторону дома, к северным морям. Но никого уже не радует возвращение. Тоска, подавленность и отрешенность сдавили подлодку жестче океанских глубин. Погибло двадцать четыре парня. На этот раз огненная стихия оказалась сильнее. Когда стало ясно, что в живых там никого не осталось, командир дал приказ — отсек затопить! Это было последним ударом, последней точкой в трагедии.

Что это? Бермуды? Удар судьбы, предназначенный нам свыше, или нелепая случайность? Девятый был затоплен почти полностью. Отяжелевшая лодка едва держала глубину. Но воду из отсека почти сразу откачали за борт. Можно было входить в отсек. Но рука не поднимается описывать картину, которая предстала нашим глазам. Это не для слабонервных. А те, у кого нервы покрепче, отворачивались, потрясенные.

Впереди нас ожидал переход к родным берегам длиною почти в месяц!

Глава 8

Лязгнув буферами, поезд «Москва-Орск» отошел от Казанского вокзала. Ох, уж эти пересадки... Двенадцать часов кряду на ногах! Ни отдохнуть, ни даже присесть. Ноги гудят! Все тело словно ватное. Да и голод дает о себе знать. На вокзале перехватил пару раз всухомятку... Что это для мужика.

С нетерпением дождался отправки поезда, и вот теперь еду в свой очередной отпуск. Позади автономка, дом отдыха и теперь... домой! Впереди два месяца свободного времени!

Поезд постепенно набирает ход. Сажу в купе, дожидаясь, когда откроют вагон-ресторан. Привожу в порядок свои записи, черновики и... вспоминаю. Хотя, стараюсь

не возвращаться памятью назад. Увожу себя от некоторых назойливых дум. Лучше подумать о доме, о семье — ждут ли? О родителях!

И еще о Наде! Давненько мы не виделись... Ах, Надя, Наденька, ведаешь ли, что приходила ко мне туда, в прочный корпус субмарины? Ты ведь спасла мне жизнь, моя первая девочка. Смогу ли я тебе, когда-нибудь, рассказать об этом? Да ты просто не поверишь. Посмеешься и скажешь, что это плод моего больного воображения. Ну и что! Может быть, и так. Хотя что-то доброе и светлое должно быть в жизни у человека? Пусть даже это мираж. Какая разница? Лишь бы потеплело на душе, задело сердце мягким крылышком, обожгло горячей слезой, коснулось сознания светлой печалью ушедшей юности.

Иначе невозможно жить — нет смысла! Нельзя же, чтобы всегда до боли, всегда на пределе, с бесконечными разочарованиями и утратами. Напряженкой будней и риском...

Надо пойти, поужинать. Шагаю через грохочущие тамбуры вагонов. Ресторан уже открылся, и первые посетители неторопливо занимают столики. Сажусь на свободное место, к окну. Заказываю бутылку коньяка, закуску, кофе, сигареты и отодвигаю занавеску. За окном, под вечерним небом, мелькают сплошные березняки. Мне нравится Подмосковье за его березовую теплоту и негу. Даже сейчас, когда вокруг лежит снег и царствует холодный ветер, чувствуется это тепло. Будто незримые энергетические волны исходят от пестрых березовых стволов.

В Карелии совсем другое. Конечно, тамошние леса поражают своей красотой, но суровой и неприхотливой. Можно сказать — мужской!

А здесь ощущается женская, теплая красота и каприз.

Заказ принесла полноватая, не первой молодости официантка в застиранном переднике. Угрюмо поставив передо мной коньяк и закуску, удалилась, перекатывая бедрами и на ходу смахивая со столов невидимые крошки.

Наливаю полный фужер и выпиваю. Но обычной терпкой горечи не чувствую. Так себе... Закусил ломтиком лимона, подождал, пока градусы не ударят в голову, и только тогда принялся за еду. Насытившись, отодвинул на край стола тарелки и закурил. Теперь можно неторопливо посидеть, потягивая коньяк с кофе. Посидеть и подумать. Скорее бы доехать до дома! Там можно расслабиться. Будем ходить с Шурой в кино, театр, в гости. Сами пригласим к себе кого-нибудь. Два месяца пролетят незаметно. Господи, лишь бы не ссориться. Теперь мне это совершенно ни к чему. Вон, до сих пор руки трясутся, и нервы ни к черту.

А потом соберемся и поедем вместе назад, в Заполярье. Хорошо, что семья есть. Там без семьи очень трудно. Пропадешь! Да и спиться можно запросто. После дальних походов всегда хочется расслабиться покруче, забыться на время... М-да...

Штурманенка жалко. Молоденький совсем лейтенантик. Только училище закончил. Это была у него первая автономка. Хороший парень был, душевный. Я видел его потом. Маска на одной половине лица совсем расплавилась, прикипела к коже. Пустые глазницы, судорожно, словно в крике, распахнутый рот... Господи, да что ж это я... Ведь дал себе зарок не думать об этом. Постарался похоронить в себе, на самое донышко души.

Не заметил, как допил кофе. Заказал еще чашку, смотрю в окно, в сгустившиеся сумерки.

— Можно к вам, не занято? — подошли две девушки в сопровождении высокого, изысканно одетого парня. Компания была уже навеселе и, получив мой утвердительный кивок, со смехом уселась за мой столик.

— Вы меня извините,— с улыбкой обратилась ко мне светловолосая и круглолицая, что расположилась напротив меня,— какое у вас звание? — и указала пальцем на мои погоны.

«Господи,— думаю,— сейчас начнется: что, да где, да как?» — Обычно мне нравятся большие, шумные компании, но сейчас я не был расположен к разговорам. Поэтому буркнул с недовольным видом:

— Мичман!

— Ой, вы, наверное, на корабле служите? — вмешалась вторая, темноволосая девушка, сидящая рядом со мной.

Я уставился в невидимую точку за окном и еще недовольнее ответил:

— Да!

— Ой, как интересно! — всплеснула руками первая.

— Галя, ну что ты пристала к человеку, — вмешался парень, с иронией глядя на меня, — не хочет он с нами разговаривать. Не видишь, что ли?

Подошла официантка принять у моих нежеланных соседей заказ. Заодно рассчитался и я:

— Большое спасибо, — сказал я ей, взял недопитую коньяка и встал. Извинившись перед девушками и слабо улынувшись, поплелся в свое купе.

* * *

На вокзале, в Орске меня никто не встречал. Телеграмму я решил не давать. Приеду сюрпризом, так сказать... Сначала навещу родителей, а потом уже к себе. За год успеваешь отвыкнуть от города. Все тебе здесь знакомо и, в то же время, ново и необычно. Сажу у трамвайного окна и с интересом наблюдаю за изменениями, происшедшими в городе. Хотя изменилось не так уж и много, если не считать нескольких новых девятиэтажек, растущих тут и там среди хрущевских коробок. После встречи с родителями направляюсь домой. Шагаю по морозцу к семейной общаге, и от волнения сердце чуть не выскакивает из груди. Сейчас моя удивится, всплеснет руками, бросится на шею... М-да! Если бы так... Подобные проявления чувств моей жене незнакомы. Слегка поднимет брови, изображая удивление, чмокнет наскоро, и примется накрывать на стол. Или нет... Скорее всего, она сейчас спит. Время уже довольно позднее. А она любит лечь пораньше. Я потихоньку зайду и тихо-тихо поцелую ее в губы. Шура проснется и радостно обхватит меня за шею, со сна такая теплая и расслабленная. А, может быть, ее вообще нет дома. Тогда надо придумать новые варианты встречи и подготовить все самому; сбежать в ресторан за спиртным, накрыть на стол и ожидать ее прихода. А вдруг, она сегодня ночует у матери? Не заметил, как ноги принесли меня к дому. Наша комната на третьем этаже. Вот и полутемный, длинный коридор. Те же горшки и мусорные ведра у дверей. У нашей тоже ведро и Шурины шлепанцы. Наверное, дома! Достану ключ и тихонько поворачиваю его в замочной скважине. Предательский щелчок в замке... Попробуй тут зайти тихонько! Делать нечего, открываю. Посреди комнаты с электрической плойкой в руке стоит моя Александра и смотрит широко открытыми, испуганными глазами:

— Сумасшедший, ты же меня до смерти напугал! Слышу, кто-то в замке ковыряется. Ну, разве ж можно так? — она положила плойку на стол и подошла ко мне.

— Вот теперь как мужей встречают, — смеясь, говорю ей и принимаю в свои объятия.

— Сережа, да ну тебя! Смотри, до сих пор руки трясутся... — и поцеловала сначала в одну щеку, потом в другую.

— Это еще что за поцелуйчики, — укоризненно говорю я и впииваюсь в ее губы. Господи, никакого ответного движения. Просто подставила их и все! И такими эти губы показались мне холодными и жесткими! Неужели долгая разлука не сделала ее теплее и сердечнее? Ничего этого я вслух говорить не стал. Стоит ли... Не надо прямо с порога обострять отношения.

— А где Юрик?

— Да к бабушке увела, чтоб не мешал. Целый день стиркой занималась.

Шура принялась хлопотать, готовя стол к ужину:

— Ты сильно проголодался? А то в холодильнике суп стоит. Если хочешь, «замори червячка», пока я картошку почишу.

— Да нет,— говорю,— я немного в поезде подкрепился. Может в магазин надо сбегать?

— Так магазины закрыты уже! А ты что хотел?

— Надо ж к столу что-нибудь...

— Ты знаешь, Сережа, у меня вчера подруга была...— Шура открыла холодильник и достала початую бутылку с шампанским,— может, хватит нам?

— Ну, уж нет,— говорю,— мы так долго не виделись, а ты мне, черт знает что, предлагаешь. Я сейчас быстренько на такси до ресторана и обратно...

Александра лишь молча пожала плечами. Я быстро поймал такси и уже через полчаса был снова дома. Выставил на стол шампанское, коньяк, бутылочку ликера и коробку конфет — гулять, так гулять!..

— Ты так и разъезжаешь в форме? Надо бы в гражданское переодеться.

— Успею еще! Дай с дороги очухаться!

Александра накрыла на стол, и мы подняли первый бокал за встречу. За ужином разговаривали мало. Я начал было рассказывать об Эстонии, где экипаж отдыхал после похода, но лицо ее было каким-то отсутствующим и мои рассказы ее явно не интересовали. Шура слушала вполуха, и мысли витали где-то далеко. Я замолчал, налил в рюмки, мы чокнулись и выпили.

В каких же облаках она витает, о чем думает? Вроде, я куда-то на один день отлучался, а не на четыре с лишним месяца. Что-то мне подсказывало, что не с проста все это.

— Ты здорова, милая, у тебя все хорошо?

И тут огорошила меня жена:

— Ты знаешь, Сережа, я изменила тебе! Скрывать этого не могу. Все равно ты бы сам все узнал!

Выпала у меня вилка из рук, захолонуло сердце:

— Погоди, как это изменила, с кем?

Я ведь не знаю, что говорить в подобных случаях, как вести себя. Александра смотрела, не мигая, в какую-то точку на стене и молчала.

— Ну, рассказывай, коли так,— удивляясь сам себе, спокойно потребовал я.

На ее глазах навернулись слезы:

— Что же тут рассказывать... Соседа нашего знаешь? Ну, Генку с тридцать первой комнаты?

— Н-ну,— выдавил я.

— Вот, с ним! У него день рождения был. Пригласил соседей. Меня тоже.

— Постой, а жена то его где?

— Уехала в отпуск! Посидели мы, выпили, песни пели. Все, вроде, нормально было. А когда все стали расходиться, он попросил меня остаться. Не хотела я, Сережа, прости меня! Как затмение какое нашло...

Александра уронила голову на руки и громко расплакалась. Я налил себе коньяка, выпил, но никакого вкуса не почувствовал. Выпил еще. Мысли в голове перемешались. Ни о чем конкретном не думалось. Так, мешанина какая-то. Погладил жену по голове:

— Ладно,— говорю,— успокойся, чего теперь убиваться? С кем не бывает...— Говорю эти слова и будто говорю не я, а кто-то за моей спиной. Может, Ангел, а мо-

жет, Дьявол... Душа съежилась, а сердцем было жаль Александру. Удивительно, но злости совершенно никакой. Лишь комок недоумения и досады застрял где-то между желудком и горлом.

— Давай постараемся забыть все это и спокойно жить дальше.

Шура удивленно вскинула голову и посмотрела на меня мокрыми от слез глазами. Я смотрел на нее пристально и серьезно. Она снова расплакалась:

— Прости меня, Сереженька, дура я! Ох, какая же я дура!

Спать мы легли уже в третьем часу ночи. Но до самого утра никто из нас так и не сомкнул глаз. О случившемся не хотелось думать. Такими мелкими, не стоящими внимания казались мне и частые разлуки, и ее измена...

Непослушная и строптивая моя мысль-лошадка снова уносила меня из теплой постели туда, в отсеки подводной лодки.

Эпилог

Так получилось, что живу теперь у родителей. До отъезда на север осталось две недели. Говорят, что беда не приходит одна. Не любит она ходить в одиночестве. Заговорили мы с супругой о скорых сборах, о чемоданном настроении и так далее, и снова постигло меня разочарование.

— Зачем я, Сережа, туда поеду? Дослужи свой срок, поживи без меня. Будешь в отпуск приезжать. Мне ведь нелегко с ребенком туда-сюда мотаться.

Не понимает она, что нельзя мне сейчас там одному, наедине со своими мыслями...

И с фляжкой «шила» на столе. Мне тыл нужен! Теплый и надежный. Мне нужно, чтобы было кому из похода встретить и в море проводить.

Уговоры не помогли, и это переполнило мою чашу терпения. Да нет, скорее, отчаянья и безнадёги!

— Если не поедешь,— говорю,— подам на развод! А сам думаю: «С соседом своим не хочет расставаться...»

Пожала она плечами, усмехнулась этак, с недоверием:

— Ну и подавай,— говорит.

А когда принес ей повестку в суд, опешила. Думала, что шутил я...

В тот же день я перебрался к родителям. Удивительно, но как-то спокойно расстались, без шума. Сына только жаль! А что же делать прикажете?

Вся возня, связанная с разводом, заняла одну неделю — я ж в отпуске...

На вопрос судьи, согласна ли она на развод, ответила отрицательно. Но я настаивал! И предполагал, что потом, возможно, буду жалеть об этом. Но будущее меня несколько не занимало. Впереди был флот, новые походы и старые воспоминания. Из кабинета судьи мы шли уже поврозь. Я впереди, она метров на сто позади. Стоя на задней площадке трамвая, я с грустью наблюдал, как Александра провожает взглядом мой уходящий трамвай — свое, теперь уже, прошлое. Мое же прошлое осталось позади. Оно становилось все меньше и меньше, пока не исчезло за поворотом. Мама, сокрушенно вздохнув, постелила мне на диване. Перед этим я долго бродил по городу и спать лег, когда стрелка часов миновала цифру «три».

Окна секли злые ночные снежинки. Я долго ворочался, пока постель моя не согрелась и, оглушенный тяжестью всего пережитого, провалился в тревожную полынью небытия.

И мне что-то снилось...

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Игорь Герасимов
(г. Донецк, Украина)

Игорь Григорьевич Герасимов не является профессиональным литературоведом, писателем, историком словесности и пр. Он — ученый-биохимик, доктор биологических наук, профессор, долгое время работал в НИИ медицинских проблем семьи Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького. В настоящее время — профессор Донецкого национального университета. Признанный ученый в области изучения биохимических и биофизических основ памяти. Автор многочисленных патентов на изобретения и научных публикаций, в том числе монографий, изданных на Украине, в России и Германии. Научную деятельность совмещает с занятиями историей и литературой. Участвует в археологических экспедициях на юге страны (Украина + Россия = бывш. СССР). Имеет ряд публикаций в литературных изданиях. В «Приокских зорях» публикуется впервые, но зато в каком качестве? — В качестве автора первого поэтического перевода «Слова о полку Игореве»: именно поэтического перевода, а не стихотворного пересказа, что не есть синонимы. Это сделано И. Г. Герасимовым впервые за почти двухвековую историю пристального изучения самого поэтического произведения — памятника литературы Древней Руси.

СЛОВО ПРО ПОХОД ИГОРЕВЫЙ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Пристало¹ песню, братья, щебетом начать словами старины нам,
повесть горькую про поход Игоревый, Игоря Святославича!
Начаться же песне этой по былицам сего времени,
а не по мыслям-замыслам Бояна.
Боян же вещий, если кому сложить он песнь задумал,
то растекался он мысливью² по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облака.

Помнил он, говорят, прошлых времен уособицы.
Тогда пускали десять соколов на стадо лебедей.
Которая настигнута первой, песню³ поет та
давнему Ярославу, храброму Мстиславу,
что враз зарезал Редедю пред косожскими войсками,
и Роману-красному Святославичу.
Боян ж, братья, ведь не десять соколов
на стадо лебедей пускал, нет:
легко вещими перстами живые струны он лелеял,
они же сами князьям славу рокотали.

Итак, повествовать, братья, начнем
от давнего Владимира до нынешнего Игоря,
что ум свой выковал своей же крепостью и, заострив его
сердца своего мужеством, наполнился воинским духом,
и повел свои храбрые войска
на Поле Половецкое⁴ за землю Русскую он.

О Боян, о соловей слов давнего времени!
Как бы ты про те войска прощebetал,
скача соловьем по замысла древу,
взлетая умом под облака,
сплетая обе славы времени старинного,
рыща тропой Траяна через доли в горы.
Спеть пристало песнь Игорю, что того внук он⁵:
«Не буря соколов занесла через степь широкую,
галочки стада бегут к Дону великому».
Или иначе спеть пристало, Боян, внук Велесов вещий:
«Заржали кони за Сулою, взвенела слава в Киеве,
трубы вструбили в Новгороде и встали стяги в Путивле».

Игорь ждет брата, мил всем, Всеволода.
И сказал ему яр-тур Всеволод:
«Один, брат, один свет светлый ты, Игорь мой,
оба с тобой Святославичи!
Седлай, брат, ты своих борзых коней скорей,
а мои-то готовы, оседланы, стоят под самым Курском, ждут.
А мои-то куряне, бывалые в ратях, под трубами повиты
и под шлемами взлелеяны, с конца копья куряне вскормлены,
пути известны им, овраги знакомы им,
луки у них натянуты, тулы⁶ открыты их, сабли их наточены,
сами скачут они, как серые волки в поле,
чести себе ища, а князю славы.

Тогда Игорь глянул на светлое солнце и видит:
от него всех воинов его тьма закрыла.
И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и ты, дружина!
Лучше убитым быть нам,
нежели плененным быть нам.

Так сядем, братья, мы на своих борзых коней быстрее
да на Дон синий посмотрим».
Пало князю на ум желанье (жажда ему знамение заслонила)
испить из Дона великого.
«Хочу,— говорит,— я копье преломить о край Поля Половецкого
с вами русичи;
хочу или сложить свою голову, или испить хочу шлеом Дона».

Тогда взошел князь Игорь в стремена золотые
и чистым поехал он полем.
Солнце ему дорогу тьмою заграждало,
ночь, стенаючи ему грозою, птиц разбудила,
свист зверей поднял;
взвился Див, кличет с кроны древа,
велит послушать весть земле неведомой Волге,
и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, эй, идол, Тьмутараканский столб!

А половцы непроторенными тропами побежали к Дону великому;
кричат телеги в полуночи как вспугнутые лебеди.

Игорь к Дону войско ведет.
Уже взроптали ему беду птицы дубравами,
волки таят угрозу по оврагам,
орлов клекот зверей на кости зовет,
лисицы лают на червонные щиты.
О Русь-земля! по-за семью холмами шлемы уже!

Меркнет, длясь, ночь, зари свет запылал и мгла поля покрыла.
Соловьев щелк уснул, говор галочий пробудился.
Русичи простор степей без меж червонными щитами оградил,
чести себе ища, а князю славы.

А в пятницу утром потоптали поганые полки половецкие
и, разлетясь стрелами по полю,
погнали девок, красавиц половецких в плен,
а с ними золото и атласы, с ними жемчуг драгоценный.
Покрывалами и кожухами их и плащами
принялись мостить настилы, по болотам и топям гатить,
и разными украшениями половецкими.
Червон стяг, бела хоругвь, червон бунчук на солнце,
серебрян скипетр⁷ — все храброму Святославичу!

Храбрых братьев Олегово гнездо дремлет в степи.
Далеко залетело!
Не было оно печали порождено ни соколу, ни кречету,
ни тебе, черный ворон и нехристь, половчанин.

Гза бежит серым волком,
Кончак ему путь стелет к Дону великому.

На следующий день утром кровавые зори возвещают свет,
черные тучи с моря идут, хотят закрыть все четыре солнца,
а в тучах молнии синие мечутся.
Быть тут грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям преломиться, тут и саблям притупиться
обо шлемы половецкие на реке на Каяле у Дона великого.
О Русь-земля! по-за семью холмами шлемы уже!

Вот ветры, Стрибожьи внуки,
веют с моря стрелами на храбрые войска Игоревы.
Земля стонет, реки мутно текут,
поля пыль и тлен покрывают, стяги стенают.
Половцы идут от Дона и от моря,
со всех сторон русские войска обступили.
Дети бесовы кличем степь перегородили.
У русичей храбрых своя преграда: червонные щиты.

Тур ярый Всеволод! Ты стоишь на поле брани,
осыпая войско стрелами,
громыхая о шлемы мечами булатными.
Тур, куда подсакивал, яр, золотым ты шлемом посверкивая,
там лежат тех нехристей головы половецкие.
Растрошены саблями калеными
их шлемы аварские, и все тобой,
тур ярый Всеволод, презревший раны славные.
Братья, позабыл и почет и жизнь,
и город Чернигов, стол золотой отцовский,
и своей милой жены, красавицы Глебовны, почести и обычаи.

Были века Траяна, минули года Ярослава,
были Олега битвы, Олега Святославича.
Ведь тот Олег мечом выковывал сговор
и стрелы землей рассеивал.
Ступал в золотое стремя он в Тьмутаракани,
звон этот слышал давний великий Ярослав,
а Владимир, что ни утро, уши заващивал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела,
устлав Канинин ручей зеленополым плащом
за обиду Олега, храброго, молодого.
А с той же Каялы Святополк перевозил тело отца своего
меж иноходцами венгерскими к собору святой Софии в Киеве.
При том же Олеге Гориславиче
как сеялось, так и возрастало все усобицами,
погибало наследие Даждьбожьа внука,
в княжьих раздорах годы сократились человечии.
Тогда по Русской земле редко пахарей перекличка,
но часто вороны каркали, меж собой деля мертвецов,
а галки о своем говорили, пиршества желая, полететь хотели на тризну.

То было в те битвы и в те походы,
такой же битвы неслыханно.

С рассвета и до вечера, с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли, круша шлемы,
трещат копья с хряском булатные
в землях неведомых Поля средь Половецкого.
Копыта бьют черну землю,
костями она засеяна, она кровью ран полита,
горем взошли всходы по Русской земле.

Что мне шумит, что мне звенит там
из дали рано предтечей зорь?
Игорь войска на попятную:
жаль ведь ему милого брата Всеволода.

Бились весь день, второй весь день бились;
третий день полудень близил, когда пали стяги Игоревы.
Тут расстались оба брата на склоне быстрой Каялы.
Тут кровавого вина нехватка,
тут пир завершили храбры русичи;
сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую.
В жалости трава никнет скорбно
и в горе дерево к земле приклонилось ниц.

Тогда-то, братья, и наступило невеселое время,
тогда пустошью силу сломило.
И встала Обида средь силы внука Дажьдобжя
ступила девою на землю Траяна и всплеснула лебедиными крыльями,
в Синем⁸ море у Дона плещучись, разметав изобилья век.
Пришел борьбе князей с нечестивыми тут конец,
ибо молвил брат брату: «То мое и это тоже».
И тогда же князья про малое говорили «великое»,
чем сами для себя коварство ковали,
и со всех нечестивцы сторон пришли за победами на землю Русскую.

Далеко залетел сокол, птиц бья, к морю!
А Игоревы храбрые войска не воскресить.
О нем с кличем Карна, и Жля скакали землею Русской,
меча жар из пламенного рога людям.
Жены русские, запричитали, заплакали:
«Уже нам любимых своих ни мыслью не вымыслить,
ни думой не выдумать и ни взглядом не углядеть,
и вовсе не коснуться золота и серебра нам».

Застонал, братья, стопами Киев горестно,
от напастей Чернигов в стон.
Тоска разливалась по Русской земле,
печаль обильно землей Русской растекается.
А князья сами для себя коварство ковали.
Нечестивцев же стаи победные
набросились на Русскую землю,
взимая дань по белке⁹ со двора.

И оба те храбрые Святославичи,
Игорь и Всеволод, уже ложь разбудили,
которую, казалось, приспал отец их
Святослав, князь грозный, великий киевский;
грозою словно, не пощадил
врагов своих он воинов силой и булатом их мечей,
наступил на землю Половецкую, истоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера, иссушил протоки и болота.
Нечестивого Кобяка у лукоморья
от железных великих полков половецких,
словно вихрь выхватил:
и упал тот Кобяк навзничь в Киеве в gridнице Святослава.
Тут немцы и венецийцы, тут греки и моравы
поют славу Святославу, хаот князя Игоря;
он ведь утопил благодень в Каяле,
реке половецкой, засыпав ее дно русским золотом.
Игорь князь пересел из седла золотого
во седло невольника.
И стены городов унылы, а веселье и вовсе сникло.

А Святослав, он мутный сон видел:
«В Киеве на горах с вечера одевают к ночи меня,—
сказал,— в черное одеяние на кровати тисовой,
черпают мне синее вино, смешав с кручиною,
ссыпают мне из полых тул нечестивых толмачей
жемчужин крупных на грудь груды, после плачут по мне.
Без князька уже крыша в моем тереме златоверхом.
Всю ночь от вечера серые вороны каркали
у Плеснеска в полной пойме,
погребальные сани¹⁰ понесли меня к Синему морю».

Сказали бояре князю:
«Уже, князь, пленили скорбные раздумья,
ибо два сокола слетели
с золотого отчего стола на поиски ль Тматорокани;
испить ли надумали шлемами Дона.
Уже крылья соколов пообрезаны нечестивых саблями,
а их самих опутали железными путами.
Темно стало в третий день:
Двух солнц померкла яркость,
оба столпа багряных сникли, погасли
и с ними молодые месяцы, Олег и Святослав,
заволокло которых тьмою,
все в море погрузились,
чем в безумье большое повергли куманов.
На реке на Каяле закрылся свет тьмою,
по Русской земле рассыпались половцы,
как гепарды из засад.
Уже насела хула на хвалу,
уже взъелась нужда на волю,

уже сверзился Див на землю.
Вот готские девицы красны запели,
бряца золотом русским, у Синего моря,
поют время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.
А мы, дружина, ждем-недождемся празднества¹¹».

Тогда великий Святослав,
со слезами смешав, золотое слово сронил; сказал:
«О мои племяши, Игорь мой и Всеволод мой!
Очень рано начали Половецкую землю мечем пробовать,
а себе славы искать вы.
Не с честью одолели,
не с честью и кровь вы проливали нечестивых.
Ваши храбры сердца
разящего булата выковки, закала несмирненного.
Что с моею стало серебряной сединой,
Я уже не вижу власти ни сильного, ни богатого,
ни со многими брата моего Ярослава
черниговскими вельможами,
могутами, татранами и шельбирами,
с топчаками, ревурами и ольберами,
что вовсе без щитов лишь с засопожником
кличем войска побеждают,
звеня во прадедову славу.
А вы же: «Мы сами возмужали,
прежнюю славу сами присвоим,
грядущую же сами поделим!»
А не чудо ли, братья, чтоб старцу омолодиться?
Даже сокол в линьки период
высоко птиц отгоняет,
не дает гнезда своего в обиду.
Беда: князя мне не помощники.
Времена нынче явно наыворот».

В Римове кричат под саблями половецкими,
а князь Владимир под ранами.
Горе и печаль сыну Глебову.

Ты, князь великий Всеволод! Не надумал ли ты
прилететь к нам ты издалека
золотой отчий стол защитить?
Ты разьять можешь Волгу веслами на капли,
а Дон повычерпать шлемами.
Будь ты здесь, была бы наложница по полполушки,
а невольник по грошу.
Ты ведь можешь на суше¹², князь,
стрелять живым огнем корабельным
с удалью сыновей Глебовых.

Ты, яр Рюрик, и с ним Давид, брат!
Не ваши ли воины в шлемах золоченых
по крови плавали?
Не ваши ли храбрые дружины
рыкают, словно туры,
ранены саблями калеными на поле неведомом?
Вступите властно в золотые стремяна за все беды сего времени,
за землю Русскую, за раны Игоревы, ярого Святославича.

Осмомысл Ярослав, князь галицкий, яр!
Высоко сидишь ты на своем златокованом столе,
замкнул горы Угорские замком войск железных накрепко,
заступил королю дорогу, затворив к Дунаю ворота,
меча через тучи тяжести, суда направив в Дунаю.
Грозы твои по землям текут,
открываешь путь Киева гостям,
с отцова стола стреляешь султанов ты, бьешь иноземцев ты.
Стреляй нечестивого холопа Кончака победно,
за землю Русскую, за раны Игоревы, ярого Святославича.

А ты яр Роман, с тобой Мстислав, брат!
Смелая мысль разумом вашим движет.
Твой высок взлет, ты плывешь на подвиг в ярости,
словно сокол на ветрах взметнувшийся,
чтобы птицу закогтить, взъярившись.
А на вас надеты железные панцири, на вас — шлемы латинские.
Задрожала земля тогда и страны!
Куманы, литва, ятвяги, деремела и половцы сулицы свои уронили,
а головы низко склонили под теми мечами булатными.

О князь Игорь! свет померк уже солнечный,
деревья не ко благу сронили прочь листву.
Сулой и Россью города поделили,
а Игоревы храбрые войска не воскресить.
Князь, тебя Дон кличет и зовет князей на победу.
Потомки Олега, храбрецы, успели на битву.

Ингварь князь, с тобой Всеволод и все Мстиславичи,
славного гнезда, шестикрылы!
Не победными жребьями себе волости вырвали.
Золотые куда дели шлемы и сулицы польские и щиты?
Загородите Полю ворота своими острыми стрелами
за землю Русскую, за раны Игоревы, ярого Святославича.

Уже и Сула не течет, звеня серебром струй, в пределы Переяславля,
в город к грозным полочанам под клич нечестивых.
Один лишь Изяслав, сын Васильков, он
прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские,
превзошел славу деда своего Всеслава,
а сам под червонными щитами в крови на траве
мечами литовскими сражен.

<Некто, имярек>¹³ с любовницей на кровати сказал:
«Дружину твою, князь, придели птичьи крылья, знай,
а звери кровь ей полизали».
Там не было брата Брячислава, ни другого — Всеслава,
один ты¹⁴ уронил из тела, храбрый,
сквозь гривну золотую душу жемчужную.
Унылы голоса, поникло веселье и
тубы трубят городенские лишь.

Ярослава внуки все и Всеслава!
Да опустите вы стяги свои,
позора мечи свои вонзите;
ведь вы бежали славы дедовской прытко;
следом ведь сварами, смутами начали наводить нечестивых вы
на землю Русскую, на веси Всеслава;
поэтому и сталося насилие, Половецкого Поля зло.

По седьмому веку Траяна
бросил Всеслав жребий о девице ему любой.
крюкотворством подперся, конем стал¹⁵
и скоком в город Киев, где золотой стол Киевский
тронул жезлом княжеским,
прыгнул от них лютым зверем в полночи из Белгорода,
окутался синей мглою,
фарта урвал с три куска,
открыл Новгороду ворота,
разметал славу Ярослава,
прыгнул волком до Немиги, реку пил.
На Немиге снопы стелют головами,
молотят цепами булатными
и жизнь на току кладут, вея душу из тела.
Немиги кровавые берега, нет, не благом засеяны,
засеяны костями русских сынов.
Всеслав князь суд людям творил и князьям рядил уделы,
а сам себе волком в ночь рыскал.
Из Киева петухов до — уже в Тмуторокани,
и перебегал он дорогу волком даже Хорсу.
Ему утром ранним звонили заутреню из Полоцка
Софии Святой все колокола,
а он в Киеве звон слышал.
Хоть и душа, что в ином теле, вещь,
часто горе он мыкал.
Ему вещий Боян еще прежде припевку сложил:
«Ни хитрый, ни премудрый, ни вспорхнувший птицей
суда божьего не минует».

О, стонать же Русской земле,
вспомянувшей прежде что бывало и прежних князей!
Того давнего Владимира нельзя было бы распять на горах киевских;
его ведь стяги ныне стали Рюриковы, а иные Давыдовы:
бунчуки им рознь ныне пашут, копыя рознь поют.

На Дунае Ярославны голос слышен,
зегзицею¹⁶ неведомой утром кычет¹⁷.
«Полечу,— кричит,— зегзицею по Дунаю вдаль,
омочу бобровый мех в Каяле реке,
оботру князю раны, скорбя, кровавые на теле изнуренном».
Ярославна рано плачет в Путивле, на стене стенаючи:
«О Ветер-ветрило!
Зачем, господин сильной силой веющий,
зачем ты меташь куманские стрелы
на своих быстролетнейших крыльях
в мной любимого дружину,
Мало, что ль, тебе властвовать в вершинах над тучами,
баюкая корабли на Синем море?
Зачем, господин, ты веселье, радость, счастье развеял ковылями?»
Ярославна рано плачет в Путивле городе, в нем на стене стенаючи:
«О Днепр, о Славутович!
Ты пробил землей Половецкой путь свой сквозь гряды гор каменных;
ты лелеял-качал на себе Святославовы лады в станы войск Кобяковых;
возврати, господин, мной любимого мне,
тогда б не слала к нему слез на море рано».
Ярославна рано плачет в Путивле на стене стенаючи:
«Светлое и трисветлое Солнце!
Всем тепло и красиво всем.
Зачем, господин, распростер горячие лучи на милого дружину,
жаждой им в безводной степи луки скукожил,
горечью им тулы запер?»

В полночь море беснуется,
во мгле смерчи мечутся.
Князю Игорю бог путь указывает
из земли половчан в землю русичей
к золотому столу отца.

Ночь, погас свет вечерних зорей.
Игорь спит, Игорь бдит, Игорь и мыслью путь в степи мерит
от великого Дона до малого Донца.
Коней позвал в ночи Овлур, свистнув за рекою,
и князю сигнал тем давши.
Князю Игорю не быть здесь!
Кликнул: гул по земле, и шумит трава,
и шатры половецкие позадвигались.
А Игорь князь скоро проскочил горностаем в тростники
и — белым гоголем на воду,
на коня он вскочил борзого
и спрыгнул с него быстрым волком,
и побежал к луке Донца,
и полетел соколом туманами,
побивая гусей и лебедей
к завтраку, и обеду, и ужину.
Игорь только лишь соколом полетел,

как Овлур волком побежал,
с трав отряхая студеную росу:
утомили ведь они своих борзых коней.

Донец сказал князю Игорю:
«Немало славы у тебя, у Кончака бесславия,
а в Русской земле веселости!»
Игорь сказал Донцу так:
«Немало славы у тебя, качавшего князя на волнах,
выстилавшего свои берега в серебре травой зеленой,
одевавшего туманами теплыми под сенью зелени деревьев,
стерегшего лысухами на воде, чайками на вихрях, чернетями на ветрах.
Не такова ль,— сказал,— река Стугна
с течением злым, недобрым,
нажравшись чужих ручьев и речек, троясь у устья.
юного князя Ростислава закрыла на дне темным берегом.
Плачет мать князя Ростислава по юному князю Ростиславу.
Увяли цветы от жалости,
склонилося дерево к земле, опечалившись.
То не сороки затрещали:
По следу Игореву едут Гза с Кончаком.
Тогда вороны не каркали,
галки позамолкали,
сороки не стрекотали,
полозы заползали только лишь.
Постуком дятлы путь к реке правят,
веселым свистом, песнями свет соловьи предвещают.
Молвит Гза Кончаку, мол,
если сокол к гнезду летит,
соколенка расстреляем золочеными стрелами нашими.
Сказал Кончак, мол, Гза,
если сокол к гнезду летит,
соколка опутаем красавицей-девицей мы.
И сказал Гза Кончаку, мол,
если опутаем красавицей-девицей мы,
нам не видать ни соколенка, ни девицы-красавицы¹⁸,
и начнут даже птицы бить нас в Поле Половецком.

Уходя¹⁹ к Святославу, песнотворец
былых времен Ярослава, Олега, молвил
Боян любовнице кагана:
«Тяжело голове, что без тела, плохо телу, что без головы»,
Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небесах,
Игорь же князь — в Русской земле.
Девы поют на Дунае,
выются их голоса над морем до Киева.
Игорь князь едет по Боричеву к святой Богордице Пирогощей.
Города и страны радостны.

Спевши песню былым князьям,
нужно нынешним петь песню.
Слава Игорю Святославичу,
яр-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Будут же здравы князья с дружиной, бились что,
с нечестивыми во благо христиан!
Князьям слава и дружине!
Аминь...²⁰

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ

Смею думать, что мною сделан первый поэтический перевод «Слова о полку Игореве» (далее — «Слово...»). Не стихотворный (ритмический и/или рифмованный) пересказ, а именно поэтический перевод. Поэтический перевод и стихотворный перевод — не синонимы. Стихами можно перевести хоть бы и "Улисса". Поэтический перевод предполагает передачу другим языком ритма оригинала без существенного искажения смысла. Требование передачи ритма при переводе выдвигали великие переводчики — М. Зенкевич, В. Лозинский. К великим (пусть бы по аллитерации) отношу и В. Левика, и, хотя его суждения по этому поводу я не встречал, он следовал этому принципу.

Для перевода за основу взят текст первоиздателей «Слова...». Такая оговорка важна, поскольку существует множество, так называемых «реконструкций» древнерусского текста. К реконструкции текста следует относиться с осторожностью. Любая реконструкция чего бы то ни было, любое восстановление и даже реставрация — искажение подлинника, оригинала. Тем более реконструкция литературная. Если судить по количеству поправок, сделанных в «Слове...» редакторами «Библиотеки поэта (большая серия)», то приходится принять, что текст «Слова...» писали и переписывали крайне малограмотные люди. Это очевидно не так. Даже в современных изданиях, когда корректоры (если они есть) только деньги получают, опечаток куда как меньше, чем видят в «Слове...» искажений первоначального текста авторы реконструкций. К счастью, реконструкция литературного текста не уничтожает оригинал, если оригинал не уничтожен независимо от реконструкции.

При переводе избегал использования неканонических ударений (вольной расстановки ударений, допустимой в поэтическом тексте, чем, вероятно, пользовался автор «Слова...»), а также архаизмов или «высокого» стиля (брань, шело и проч.). Не отказывался и от простого переписывания текста оригинала, заменяя ер (ѣ) и ерь (ь) подходящими гласными. Существенная вольность — ничем не аргументированное разбиение текста на строки и строфы (абзацы), что оправдано, в первую очередь, тактическими соображениями: законченностью (по моему мнению) строки или строфы.

Что же касается ритма «Слова...», то он и в переводе может быть услышан по-разному. В первую очередь это относится к фрагментам, в которых преобладает дольник. Правда, возможностей для такой вариативности оказывается куда меньше, чем при стихотворном переложении текста, когда о ритме оригинала и речи нет.

Во времена писания «Слова...» на Руси устоявшихся поэтических ритмов не было (равно как не было их до, ни много после). Во всяком случае, мы о таких ничего не

знаем. Поэтому изменять ударения или, например, выбрасывать/добавлять гласные ради ритма, подгонять звучание слов под ритм,— во всем этом необходимости у автора «Слова...» не было, а слова звучали, как звучали. Наоборот, ритм складывался, определялся, задавался подбором слов.

И еще одно, что учитывал при переводе: твердый и мягкий знаки (ер и ерь) тогда тоже читались (А. Фасмер. Этимологический словарь. Т. 4.), причем последний не только в середине слова, но очевидно, и в его конце, или, по крайней мере, предполагали цезуру, как, скажем, в именах собственных (Игорь), которую передавал слабым гласным.

Впрочем, любой мало-мальски грамотный филолог (равно как и, со своей стороны, историк), занимающийся соответствующими вопросами, при желании может в пух и прах разбить все мои построения. Только вот читатель, в основном, не филолог и не историк.

КОММЕНТАРИИ

Комментарии касаются почти исключительно особенностей перевода, а не реалий, которые прокомментированы достаточно.

¹ — Ср. с аналогичным прочтением зачина Александром Пушкиным в его заметках о «Слове...».

² — Мысливь — некая животица, которая пожирает мысей (мышей либо мышеподобных белок). Mustela (лат. — куница). Мыс — звериная мода. Отсюда — мысливец и промысел. В общем, как медведь, который остался медведем, в отличие от мысливи. То есть некто, владеющий срединной областью надземного мира (орел — верх, небо; волк — низ, земля), и, к тому же, хищник, как волк и орел.

³ — Вот она, лебединая песня (первое (?) употребление идиомы).

⁴ — Здесь и далее Поле Половецкое (или Поле в контексте) — название государственного образования половцев; потому (в отличие от поля битвы, поля брани) с большой литеры.

⁵ — Не ясно, кто чей внук и кто песню спел бы.

⁶ — Тулы — сумки для хранения стрел, дротиков и любого метательного оружия, например, легких копий — сулиц. Колчан (что общепринято) — предназначен только для хранения стрел. Потому «тулы» не переводится, а остается тулами.

⁷ — Читаем: «скипетер».

⁸ — Синее (Азовское нынче) море, имя собственное.

⁹ — Белка — монета, скорей всего.

¹⁰ — Обычай хоронить на санях восходит, очевидно, к доколесному времени.

¹¹ — Думается, что ратного (празднества).

¹² — Очевидно, корабельный огонь (греческий огонь) был использован на суше с привлечением специалистов — удалых сынов Глебовых, которые только и могли с ним на суше управляться.

¹³ — Перевожу по редакции первых издателей: «и с хоті ю на кровать». Князь, имя которого не названо, бежал с битвы или не пришел на нее (первое более вероятно), забрался в кровать с любовницей (с хОтей, желанной А. Фасмер) и оттуда произнес следующую затем явно издевательскую фразу, адресуясь к Изяславу. Иначе вовсе не ясно, кто и кому эту фразу говорит. Если, как перевели, ее произносит сам Изяслав, то обращается он к самому себе. Конечно, в предсмертном бреду чего только не скажешь. Но, судя по теплоте отношению к Изяславу автора «Слова...», он, автор, вряд ли надумал бы вкладывать в уста его, Изяслава, откровенный бред. Имя же сказавшего князя позднее удалено из текста по цензурным соображениям. Не слу-

чайно, в екатерининской копии это место испорчено. Кто именно этот князь, пусть выясняют историки. Но не исключено, что Всеволод — тоже брат Изяслава, которого в отличие от Всеслава и Брячислава, автор «Слова...» далее избегает упоминать.

¹⁴ — Возвращение к Изяславу.

¹⁵ — Обернулся конем, в коня превратился.

¹⁶ — Зегзица — птица неведомая самому автору «Слова». Зегзица — может быть, эвфемизм, птица, называть которую по имени нежелательно (ср. с медведем, но в отличие от него, не прижившаяся названием). Чайку, например, называть чайкой опасно, потому как чайка — душа, улетевшая чайка — улетевшая душа. О тоскующей кукушке (традиционный образ мировой народной поэзии) много сведений у Афансьева (Поэтические воззрения славян на природу, т. 3).

Хитрее всех в этом отношении оказался Тарас Шевченко. В его переложении плача Ярославны, она плачет (кукует) как кукушка, а летит чайкой (зегзицей). Приводим соответствующее место из «Плача Ярославны»:

*В Путивлі-граді вранці-рано
Співає, плаче Ярославна,
Як та зозуленька кує,
Словами жалю додає.*

*Полечу, каже, зегзицею,
Тією чайкою-вдовицею...*

¹⁷ — Потому и кычет, что не кукушка и не чайка, а зегзица.

¹⁸ — Не могу удержаться, чтобы не процитировать Виктора Соснору. Из цикла «По мотивам «Слова о полку Игореве»:

*...И сказал Кончаку Гза:
«Ты держи начеку
глаза
Бабу соколу
не подсовывай,
Половчанки к русичам слабы,
Убежит половчанка
с соколом
И не будет
Ни князя,
Ни бабы».*

¹⁹ — При соответствующем прочтении можно обойтись (что обычно делают комментаторы) без привлечения некоего Ходыны (соратника и сопесенника Бояна). Смысл фразы примерно такой: уходя (служить) к Святославу, Боян ... сказал любовнице (хоте) князя (кагана), у которого служил (или жил). А сказал по сути вот что: «Дура ты, дура».

²⁰ — Прочтение мягкого знака в слове «аминь» заменяем многоточием, и читать следует примерно так: амин-нь.

Елена Соколова
(г. Тула)

О ЕВАНГЕЛЬСКИХ КАРТИНАХ ПОЛЕНОВА

Елена Вячеславовна Соколова, родилась в Туле в 1976 году. Окончила художественную школу и 41-ю среднюю школу с серебряной медалью. С 1993 по 1996 обучалась на факультете русской филологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого, окончила факультет психологии, сдала экзамены кандидатского минимума. В 1999 дипломант городского конкурса молодых поэтов, имеет положительные отзывы поэта Григория Вихрова, в 2012 участница Толстовских чтений в Ясной Поляне. Занимается книжной графикой, редактирует материалы сайта Тульской детской художественной школы им. В. Д. Поленова, автор ряда электронных публикаций. В марте 2013 года подготовила к печати собрание своих стихов с собственными иллюстрациями.

Когда фарисеи потребовали от Христа запретить ученикам велегласно славить Его как Царя, «грядущего во имя Господне», Он ответил: «Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют» (Лука 19: 40).

Словно изнутри светящиеся, белые стены и скалы на картинах Василия Поленова — это и есть евангельские камни, поющие Осанну Спасителю.

Александр Бенуа, говоривший о пейзажах Поленова, что «никто до него не передавал такой легкости в тенях, прозрачности красок и воздушности перспективы», при этом со свойственной ему безапелляционностью называл обширную библейскую серию мастера «легковесными иллюстрациями Евангелия».

Но задача художника, взявшего на себя миссию сопровождения Книги Книг зримыми образами, исполнена православного смирения. «Се, Царь твой грядет к тебе кроткий» (Матфей 21: 5) — Христос Василия Поленова поистине «не для того пришел, чтобы Ему служили (как Христос Исаака Аскназия, 1879), — но чтоб послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Матфей 20: 28).

В восьмидесятые годы прошлого века отечественными лингвистами было проведено исследование частотности употребления фонем русской речи. Священный трепет объял ученых, когда выстроенный порядок звуков образовал значимый корень прост-, со всей полнотой передающий характер русской ментальности.

Именно евангельской простотой и ясностью проникнуты композиции Василия Дмитриевича Поленова, при взгляде на них вспоминаются самые трепетные библейские слова о Христе: «Се, отрок Мой, которого Я избрал, возлюбленный Мой, которому благоволит душа Моя. Не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его. Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит. — И на имя Его будут уповать народы» (Исаия 42: 1—4).

Православное смирение и внутренняя скромность не позволяют художнику со-

средоточить преимущественное внимание на произвольно выбранных сюжетах Евангелия. Он стремится восславить каждый шаг Спасителя на земле.

Объем этой задачи настолько широк, что требует определенной условности исполнения. Естественно, что крупноформатное живописное полотно Генриха Семирадского «Христос у Марфы и Марии» технически более совершенно, чем графичный этюд В. Д. Поленова «У Марии и Марфы».

С точки зрения герменевтики, всякий связный знаковый комплекс представляет собой текст, что бы ни служило в нем средством выражения — слова, линии или цвет. Так, рассматривая полотна Нестерова, Бенуа называет его художником, «сказавшим немало дивных и вдохновенных слов», подобных просветленным словам Достоевского.

Отрешась от всякого тщеславия и жертвуя внешней эффектностью ради величия внутреннего замысла, В. Д. Поленов создает живописный текст, ничем не затмевающий и не затеняющий собой Книгу Книг.

Пространство в композициях Поленова необыкновенно приближено к зрителю: чтобы ощутить себя присутствующим в этом пространстве, достаточно одного взгляда на такие работы, как «Остались в покое», «За кого Меня почитают люди?», «Иосиф ночью взял Младенца и Мать», «Повели на казнь».

В. Д. Поленов не только достоверный этнограф, точно воспроизводящий палестинские ландшафты, — в его картинах нетрудно узнать и согретые евангельским светом окрестности Оки («Решили идти», «На горе», «Удалился в пустынное место»).

Спокойная, твердая ясность черт Иисуса, вдумчивые любящие взгляды учеников резко контрастируют с напыщенными, злыми и мрачными лицами фарисеев. При их изображении меняется даже знаменитая поленовская текстура письма: оно теряет прозрачность и становится более жестким и плотным.

Художник делает осязаемым столкновение двух вероисповеданий — иудаизма и христианства, — первое из которых ориентировано на зримое земное благоденствие — и второе на полет духа.

«Ищите же прежде Царства Божия и правды его — и это все приложится вам» (Матфей 6: 33), — звучит обетование нашего единственного Учителя (Матфей 23: 8), которое так важно расслышать во времена кризиса художественной культуры нового тысячелетия, — и картины Василия Дмитриевича Поленова доносят его до нас чистым и внятным.

Кирилл Усанин
(г. Москва)

ПРАВДА ЖИЗНИ

Рецензия

на книгу Николая Макарова

«Записки батальонного врача».

Вице-губернатор Тульской области вручает Николаю Макарову диплом лауреата премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Член Союза писателей России, академик Академии российской литературы, постоянный автор «Приокских зорь»

Зайдите в любой книжный магазин и на переполненных стеллажах найдете десятки воспоминаний. Большинство из них принадлежат перу бывших актеров, эстрадных певцов, несостоявшихся литераторов, политических деятелей и прочих-прочих. И все такие воспоминания, как правило, заполнены всякого рода тусклыми, бледными впечатлениями пусть и бурной, но личностной, мелкотравчатой жизни, где в центре событий — бесконечные интриги, сплетни и прочие «красивости». Такие воспоминания низкопробны, далеки от настоящей жизни, и не могут представлять широкого читательского интереса.

И редко, очень редко встретишь среди таких воспоминаний истинные, честные, правдивые книги. А чаще всего даже и не встретишь, так как такие книги издаются малым, «семейным» тиражом, чаще всего за свой счет.

Ко мне совсем случайно попала книга воспоминаний Николая Макарова, озаглавленная просто, буднично — «Записки батальонного врача». Не скрою, я открыл эту книгу с предостережением, но уже с первых же страниц увлекся, и как верно подметил в предисловии главный редактор журнала «Приокские зори» Алексей Яшин, прочитал «на одном дыхании».

Начинается книга воспоминаний, как и положено, с истоков: когда родился, в каком краю, кто твои родители. И мы узнаем, что родился Николай в трудные послевоенные годы, родина его — Тамбовская область, город Мичуринск, отец — участник Великой Отечественной войны, инвалид, учитель, мать — тоже учительница, оба всю сознательную жизнь проработали в Ново-Торбеевской средней школе. Это — общий штришок к биографии родителей.

А если взять самую жизнь, то она была и трагической, и счастливой. Особенно у отца. Восемнадцати лет ушел на войну, был фронтовым разведчиком, но воевал только два месяца. Был тяжело ранен, случай — но (уж не мистика ли это?) обнаружен проходившими мимо бойцами, попал в госпиталь, там ему ампутировали обе ноги, долго лечился, но не сдался — «заново учился ходить, отстаивая свое человеческое право на полноценную жизнь». И там, в тыловых госпиталях, стал писать стихи, посылал их в журналы, и однажды его творчество похвалил сам Самуил Маршак, который в письме написал: «Будут новые стихи, пришлите мне».

Правда, отец Николая не стал поэтом, зато стал настоящим учителем, как бы памятуя строки Николая Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином

быть обязан». И он стал настоящим гражданином, подлинным воспитателем молодого поколения,— вместе с женой уехал учительствовать в сельскую глубинку, его незря называли «Мичуринским Маресьевым».

Честно, правдиво, искренне поведал Николай Макаров в главе «Истоки» о своих героических родителях. И потому он не смог не стать и сам таким же гражданином, патриотом своей Родины. И о своей жизни, о школьных товарищах, о товарищах по учебе в институте и о друзьях по службе в воздушно-десантных войсках, о своей профессии военного врача рассказал просто, доверчиво, с любовью и уважением к тем людям, что встречались ему на его жизненном пути.

На этом долгом пути случались не раз такие события, которые приемлемо назвать мистическими. И эти мистические случаи были весьма драматическими, но заканчивались вполне счастливо.

Родился Николай в тифозном бараке. И мать, и он выжили. А через три года мальчик умирал от дифтерии, и мать каждый день ждала страшного приговора врача: «До утра не доживет». А он — выжил. В восьмилетнем возрасте он тонул, но случайно (вспомните, как тоже случайно наткнулись на умирающего отца проходившие мимо бойцы) был спасен. А позже, окончив институт, стал военным врачом, и это в то время, когда штамп стоял в паспорте: «Не годен в мирное время, ограниченно годен в военное время». И более тридцати лет прослужил Николай Макаров врачом в воздушно-десантных войсках. Вот таким мистическим образом складывалась жизнь.

А то, что он стал писать, — сначала очерки, а потом и рассказы, то мистики тут никакой нет. Сказались гены отца. Всю жизнь отец писал стихи, а сын стал журналистом, правда, нештатным. Ведь его судьба за время долгой службы в армии была насыщена интересными, примечательными событиями, и о этих событиях, а скорее всего о встречах с людьми хотелось ему рассказать. Вот хотя бы одна из них. Памятная встреча с гвардии майором Нестеровым Виктором Васильевичем, первым комбатом, который учил молодого врача не только военным наукам, но и жизни, так, что на всю жизнь запомнились начинающему врачу простые, но с глубоким человеческим смыслом слова комбата: «Мне люди важнее всякой железяки».

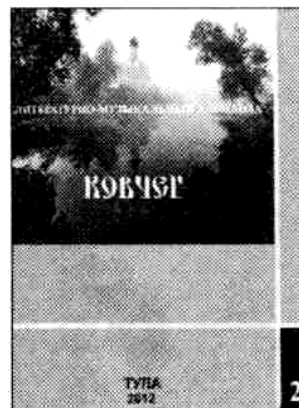
Очерки Николая Макарова печатались в популярном тогда журнале «Советский воин», а позже — в областной газете «Молодой коммунар». После того он побывал на армейском семинаре в Юрмале, обратился к жанру рассказа. Первый рассказ был напечатан в литературном приложении газеты «Молодой коммунар» — «Ясная Поляна». Стал готовить книжку рассказов в Тульском издательстве, но издательство рухнуло, как и рухнула сама страна под названием «СССР».

Нет, не сдался Николай, все же выпустил книжку малым тиражом и «частным порядком», весь тираж был сдан в «Союзпечать», где вскоре и был распродан. И по сей день он не сдаётся, продолжает писать, в течении пяти лет главы из книги воспоминаний печатались в журнале «Приокские зори», и вот итог — есть книга воспоминаний «Записки батальонного врача». К сожалению, все тем частным порядком и малым, «семейным» тиражом. Но почему-то верится, хочется верить, что в жизни уже сложившегося писателя случится все тот же мистический, а значит, счастливый поворот, и настоящая книга, с дополнениями и с необходимой редакторской правкой, будет обязательно в скором времени переиздана.

Алексей Корнеев
(г. Чехов)

**ПЛЫВИ, «КОВЧЕГ»,
И НЕ СБИВАЙСЯ С КУРСА!**

К сожалению, первый выпуск новорожденного в Туле альманаха с привлекательным названием «Ковчег» увидеть не пришлось, но вот в моих руках этот «младенец» под номером 2. Издание оформлено, я бы сказал, культурно, «интеллектуально», на бумаге добротного качества, с четкими фотографиями авторов на внутренних сторонах обложки. Это члены Союза писателей России и Союза российских писателей (бессмысленную разницу тут понимайте как хотите), а также литераторов непрофессиональных, начинающих, в том числе студенческого и школьного возраста.

Как я понял, альманах является приложением к журналу «Приокские зори», и посвящен «Православию в наших душах», потому, видно, и открывается вступительной статьей ученого, богослова и литературоведа М. М. Дунаева, в которой рассматриваются роль и значение Православия в русской литературе XVII—XX веков. Оттуда, по словам автора, идет «признание совести мерилom всех жизненных ценностей». Статья задает тон содержанию альманаха, подтверждение чему читатель найдет в произведениях авторов. Ну, к примеру, у патриарха русской поэзии Виктора Пахомова. В подборке его стихотворений — героизм и стойкость туляков, отстаивавших родной город от нашествия гитлеровских полчищ, сочувствие людским страданиям, будь то девочка, плачущая по любимому («Как поют песни»), или старуха, оставшаяся без дров для обогрева избы («Родное»).

Я уж не говорю о таких его стихах, как «Сергий» (тот самый святой, который благословил Дмитрия Донского на битву с татарской ордой), как стихи «Старый храм на продрогшем угоре...», « Приди!», « Кому-то эти вот поля...».

Сердечным сочувствием ветерану, дожившему до глубоких преклонных годов, наполнено одноименное стихотворение М. Дубинского; а в стихах В. Савостьянова — боль за милую сердцу природу, будь то дерево или травинка, за малую родину и большую с ее непарадной красотой. Представленной ну хотя бы полем, ивушкой у ручья...

*И за что же так
безоглядно
Я горжусь тобой, Русь моя?..*

И словно вторит ему В. Алтунин в стихотворении «Малая родина»:

*Ну и что ж, что
красот тут немного.
Отупев в суете городской,
Умолял об одном
я лишь Бога:*

*Что привел меня
в этот покой.
В эту тихую,
бедную местность,
К этим скудным,
забытым полям...*

Отзвуками на перипетии нынешней жизни исполнены стихи О. Пантюхина («Русская деревня — боль души России»), О. Бугримовой («Что мы видим?..») и др.

В разделе «Проза» публикуются рассказы А. Яшина, Г. Маркина и других авторов, так же, как и поэты, затрагивающих нравственные и бытовые стороны жизни людей, разных по возрасту, профессиям и социальному положению.

Они дополняют раздел поэзии с его зримой попыткой признания совести мериллом жизненных ценностей...

В альманахе представлено несколько произведений для детей, а также публицистика Л. Алтуниной, раздел литературоведения и критики, в котором, в связи с юбилеями В. Пахомова, Е. Ростопчиной (Сушковой), В. Ходулина, Э. Георгиевского, рассматривается их творчество.

Завершается альманах публикацией двух песен — З. Пыряевой и В. Пашутина на стихи Я. Шафрана.

Тираж «Ковчега» более чем скромнен. Его едва хватит лишь для самих авторов, для десятка городских и районных библиотек. Но таково сегодня общее положение в литературно-издательском деле — нехватка или отсутствие его финансирования.

Тем не менее творческий «вулкан» прорывается сквозь все препоны, и свидетельство тому — рождение «Ковчега».

Верного ему курса в обширном и беспокойном море российской литературы

Николай Струна

(г. Тула)

СТИХОВ

НЕОБОРИМЫЙ СВЕТ

(Палитра современной тульской поэзии)

Обзор Тульской поэзии невозможен без анализа творчества наиболее ярких ее представителей. В ряд таких замечательных поэтов прошлого века, как Николай Браун (1902—1975), Василий Галкин (1911—1982), Степан Поздняков (1913—1996), Евгений Вдовенко (1926—2003), Николай Дружинин (1924—2005), Владимир Большаков (1924—2001), Борис Голованов (1938—2011), сейчас можно уверенно поставить ныне здравствующих поэтов, таких как Виктор Пахомов, Валерий Ходулин, Валерий Савостьянов, Сергей Галкин, Владимир Родионов, Валентин Киреев, Валентин Пудовеев, Александр Новгородский.

В своем творчестве по существу каждый тульский поэт (а может, и не только тульский) вольно или невольно сравнивает себя с правофланговыми, равняется на них. И, в первую очередь, к таким правофланговым относится *Виктор Пахомов*.

Особое место у В. Пахомова занимает военная тематика. Читая его военные стихи, представляешь, что сам являешься непосредственным участником тех зловещих событий. Как художник слова, поэт отмечает не только хронологию событий, он умеет увидеть духовную сущность русских людей, проявивших в годы лихолетья свои лучшие черты — самоотверженность, героизм, сострадание. Вспомним, хотя бы его некоторые стихотворения из сборника «Что на роду написано»:

* * *

*Нас выгнали немцы из дома
На снег, на мороз из тепла.
Овинов ржаная солома
Тогда нас, бездомных, спасла.
Когда же однажды под вечер,
Заслышав возмездья грома,
Бежала фашистская нечисть,
Сжигая в округе дома,
Вернулись мы, жалки и нищи,
Продравшись тайком
сквозь кусты.
И страждущий дым пепелища
Забил нам кричащие рты.
Мяукала кошка знакомо,
Качался обугленный вяз.
Вот все, что осталось от дома,
От детства осталось у нас.*

* * *

*У нас у всех с войною счеты.
Шел сорок первый горький год...
В разгар уборочной работы
Кружил над нами самолет.
Мы, падая в изнеможенье,
Кричали «мама!» каждый раз.
И мама от крылатой тени
Собою закрывала нас.
Он не стрелял, он развлекался —
Патроны, видимо, берег.
Но вдруг из облаков прорвался
Наш краснозвездный «ястребок».
Как мама плакала от счастья,
Сестренку и меня обняв,
Когда, рассыпавшись на части,
Стервятник вспыхнул среди трав.
Мы, подбежав, глядели немо,
И ноги налились свинцом:
Из-под разорванного шлема
Белело женское лицо.
Открытый рот, вставные зубы
И струйка пота — не слеза,
И ярко крашенные губы,
И подведенные глаза.
Испуганно шептались травы
В тени разбитого крыла...
Не верилось, чтоб эта фрау
Кому-то матерью была.*

По праву занимает достойное место среди певцов земли тульской *Валерий Ходулин*. Всем своим существом он впитал традиции и славу города оружейников, самоварщиков, потомков и наследников легендарного Левши, поэтому его стихи прославляют наших тульских мастеров.

*У мастеров — не просто мастерство.
Для них работа — счастья торжество.
И к счастью в продолжение веков
они ведут своих учеников.*

Начиная с первых сборников стихов, вышедших в шестидесятые годы минувшего века («Гравюра», «Веснушки», «Рыжая метель») постоянной темой стихотворений В. Ходулина были труд и мастерство тульских умельцев.

В поэзии Валерия Ходулина значительное место занимает жизнеописание замечательных личностей, оставивших неизгладимый след в истории Тулы. Сильное впечатление оставляет стихотворение «Памятник», посвященный Петру I:

*Он летит на холеном коне у Невы.
Он идет по Кронштадту
В заморском камзоле,*

*Но такого, как в Туле,
Не встретите вы,
Чтоб с кувалдою царь,
Чтобы руки в мозолях,
Чтобы волос,
Густой, как в июне трава,
Падal чуть не до плеч
Водопадом волнистым,
Чтобы выше локтей
У царя рукава,
Чтобы фартук прожгли
Раскаленные искры...*

(Валерий Ходулин «Памятник»)

В более поздних своих стихах с исторической достоверностью В. Ходулин писал о наладчике и кузнеце Иванове, зодчем Федосееве, «владельце поля Куликова» Степане Нечаеве, «финансисте, чиновнике, просветителе» Николае Ждановском.

А когда-то:

*Рачительные, крепкие хозяева,
Способные на добрые дела,
Блистали в Туле братья Ермолаевы,
Их память до сих пор не умерла.*

Среди поэтов, посвятивших свое творчество патриотизму, и, в особенности, военной теме, следует также отметить *Валерия Савостьянова*. В его стихах поражает подробная проработка сюжетной линии, обнаружение неожиданных связей между различными временами и событиями. Например, неизгладимое впечатление оставляет стихотворение «Край рощи перекопан...»:

* * *

*Край рощи перекопан,
Взглянул и вздрогнул аж:
Заросшие окопы,
Заваленный блиндаж.
Давно прогнили бревна,
Давно пустует дзот,
Но ощущение, словно
Война еще идет...
В огне не ищут броду —
И показалось вдруг,
Что поднимает роту
В атаку политрук.
И я, хоть нет патронов, —
Винтовка — со штыком, —
Бегу, бегу по склону
Вслед за политруком.
Не яблоки — осколки,
И пули свищут, но
Прочнее гимнастерки*

*Брони нам не дано.
И там, где гарь пожарищ,
Где мертвые тела,
В живот меня ужалит
Железная пчела.
Винтовка скользкой станет
И выпадет из рук,
Зато штыком достанет
Фашиста политрук...
...Земля, земля, земля —
Березовый озон.
Просвечивают лица
Родной нечернозем.*

Ощущения, впечатления настолько сильно переполняют автора, что он мысленно переносится в другую эпоху — эпоху военных лет, где он всеми органами своих чувств воспринимает те далекие события.

В. Савостьянов хорошо ориентируется в современном литературном мире. Вот почему у него так много стихов с посвящениями как живущим, так и ушедшим из жизни писателям. Вообще, следует признать, что по части общения с нетульскими литераторами В. Савостьянов превзошел, пожалуй, многих своих земляков-поэтов.

Среди поэтов особое место занимает *Сергей Галкин*. У него богатый опыт как редакционной, так и писательской деятельности. За плечами работа в редакциях разных газет, литературные выступления по городам страны, встречи с разными людьми, поездка на строительство Байкало-Амурской магистрали. В его ранней поэзии много лирики, такого мальчишеского ухарства. В более поздних стихах значительное место занимает осмысление окружающей действительности.

Сергей Галкин — думающий поэт. Мне кажется, что каждое его стихотворение это плод долгих раздумий о судьбах поколений, о новых веяниях в развитии общества, порою безнравственных и даже жестоких:

* * *

*...Как странно вертится Земля —
Терпима ко всему:
К убийству,
к песне соловья,
К улыбке и вину.
Росинку пьет,
но пьет и кровь,
В цветах и пепле вся.
Я сладко спал,
а где-то кров
Обрушился, горя.
Кого-то он прикрыл собой
Надежней тяжких плит.
Не думал я,
что чья-то боль
Мне сердце прищемит,
Что чей-то крик
пройдет по мне*

*С макушки и до пят.
И нет огня,
а я в огне
И чем-то виноват.
Я виноват перед Землей,
Что так грешна Земля,
Что все смешалось в ней —
и боль,
И песня соловья.*

Сложную обстановку в окружающей действительности, свои личные переживания, связанные с этим, угрюмое душевное состояние С. Галкин сравнивает с «сырой непроходящей ночью», где он пытается найти «звезды необоримый свет»:

** * **

*Ночь переплыть...
Кидаюсь в омут сна.
И сразу тьма.
И водоросли бреда
Сознание опутать норовят,
И давят грудь,
И щупальцами душат,
Как будто поджидали, затаясь.
Набросились со всех сторон,
Как только
Я окунулся в темень с головой.
Как переплыть?
Где нежный берег утра
С реальностью знакомых голосов,
Улыбок человеческих и смеха.
Плыву к нему,
и страшно — не доплыть.*

** * **

*Ищу звезды необоримый свет
Во мгле сырой непроходящей ночи.
Ни зги не видно.
И угрюмый кочет
Не прокричал желаемый рассвет...
И зябко все!
Над речкою ветла.
Последние листы с нее кружатся,
Текут во мглу.
И в поисках тепла
Так хочется к родной душе прижаться.*

(Из сборника «Ночь переплыть»)

Поиск необоримого света звезды — это поиск надежды на лучшее, на то, что снова наступит утро и откроются горизонты светлой и чистой поэзии.

Своеобразный, совсем неординарный поэт *Александр Новгородский*. Его стихи

как бы преломляются через призму мироощущения, философского осмысления окружающей реальности. Следует также отметить, что многие стихи А. Новгородского напоминают былинные песни, которые раньше исполняли барды. Именно поэтому сам автор исполняет их нараспев, подбирая к каждому тексту какую-либо незатейливую мелодию. Например, хорошо сочетаются с мелодией такие строки:

*Все поляны в кукушкиных слезках,
Что ей разлюбезный не пророчь
В поле одинокая березка
Бесприютна день и ночь,
Бесприютна день и ночь.
У старушки ветер в кружке,
Очи — ночь средь бела дня,
Потому что, потому что
Бабку кинула родня,
Бабку кинула родня.
Ох, неужто, да неужто
В речках вспать пошла вода?
Потому что, потому что
Без руля в морях суда,
Без руля в морях суда.
Ох, неужто, да неужто
Черту в омуте труба?
Потому что, потому что
Бурей сломлена верба,
Бурей сломлена верба.*

(Александр Новгородский «Потому что»)

Поэт из г. Узловой Владимир Родионов пишет просто, ненавязчиво. Его стихи проникнуты глубокой любовью к родному краю, к малой родине. Нельзя без щемящей грусти читать такие его строки:

* * *

*Радости в жизни немного.
Надо суметь воспринять,
Словно подарок, дорогу
К дому, где ждет тебя мать.
Ей недосуг до окошка —
Хлопотно в доме своем.
На подоконнике кошка,
Греясь, следит за дождем.
Бьет по стеклу что есть духу,
Страсти ловцу не унять:
Каплю — ползучую муху —
Хочется лапкой прижать.
Мокнут покровы, и плоть их,
Просинь приспело излить,
Верой исполнен, как подвиг,
Клин — журавлиная нить.
Не изучав геометрий,*

*Жизнью паденье познав,
Крылья устало над ветром
Режут границы держав.
Им ли, желанным, приснится
Радость людская по ним
В бабке с больной поясницей,
Занятой делом земным!*

Нисколько не сомневаюсь, что большинство стихов В. Родионова идут от сердца. В краю, где «хлеб с водою — святы» и на самом деле душа поет:

*Тревожусь в огородине,
Топчусь лесной болотиной,
Не думая о Родине —
Я переполнен Родиной.
Здесь мне грехи отпущены,
И все заклатья сняты.
Здесь правит духом — сущее,
А хлеб с водою — святы...
(Владимир Родионов «Душа поет»)*

Валентин Киреев, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, возглавляет Новомосковское литературное объединение. Это объединение является одним из самых многочисленных и плодотворных в Тульском крае, что можно отнести к заслугам В. Киреева. Межобластной литературно-музыкальный альманах «НЛО» представляет собой одно из самых солидных неперiodических изданий в нашей области. В 2010 году ежегодник «НЛО» отметил свой десятилетний юбилей.

Несомненны творческие достижения поэта В. Киреева. Он — поэт-песенник, многие стихи которого переложены на музыку. Очень свежо, непринужденно звучат его лирические стихи о любви, о природе. Тема «лирика заключенного», я думаю, тоже сейчас актуальна и то, что эта тема заинтересовала В. Киреева, характеризует широкий диапазон его поэтического дара:

*Вновь между нами завывает вьюга —
Закона равнодушное табу,
А мы с тобой не можем друг без друга
И не умеем изменить судьбу.
Здесь, у меня, нет даже телефона
И голос твой я слышу лишь во сне,
И с каждым утром убивает зона
Все чистое и светлое во мне.
И я шагаю в кирзачах по кругу,
За годом год — поверка да развод,
А мы с тобой не можем друг без друга
Который год уже, который год.
Пишу письмо,
и горечь в каждом слове,
Да жаркой кровью
нежность между строк,
Но ты не плачь, ты береги здоровье —
Когда-нибудь окончится мой срок.*

*Ворвусь к тебе, измученный и шалый,
И сброшу ненавистное тряпье,
И припаду к твоим ногам устало,
Единственное солнышко мое.
Пусть будет выть и бесноваться вьюга,
Пусть снег влетит за мной
в дверной проем,
Я выдохну, — я вырвался из круга,
Я верил — мы до встречи доживем.*
(Валентин Киреев «Доживем»)

И все-таки большинство стихотворений В. Киреева посвящены малой Родине, своим заветным местам, с которыми связано детство.

*Такой мне запомнилась родина:
Сиреневый куст у плетня,
В бидончике горкой смородина,
На лавке у дома родня.
И пес, головою лобастой
В колени уткнувшийся мне,
И стол с деревенскими яствами,
И снимков рядок на стене...*
(Валентин Киреев «Родина»)

Приведу еще стихотворение, которое поражает своей теплотой, своей искренней, чистой любовью:

*Снег на ресницах,
на пушистой шапочке,
Снегурочка, я даже петь готов,
Согрею я твои ладошки-лапочки,
Озябшие от зимних холодов.
Ты в этот зимний парк пришла
с подарками,
Своей неповторимостью маня,
Сияешь ты любви глазами яркими
И счастлив я, что это для меня.
И пусть в аллеях снег лежит сугробами,
Твое я сердце лаской растоплю,
И будем тем согреты жаром оба мы,
С которым я восторженно люблю.
Я вовсе не хочу, чтоб ты растаяла,
Исчезла легкой дымкой в вышине,
Хочу, чтоб жизнь все
по местам расставила,
И ты навек принадлежала мне.*
(Валентин Киреев «Снегурочка»)

Следует отметить, что патриотизм в поэзии многих наших земляков — это не дань моде, не заигрывание в переживания читателей. Это действительно искренняя позиция авторов, выстраданная всем укладом их жизненного пути. Патриотизм находит свое

отражение в различных ипостасях их творчества: здесь и военно-патриотическая тема, и лирика, и ностальгия по советскому прошлому, и песенный жанр.

В 2008 году вышел в свет сборник «Наши современники (Антология тульских поэтов)». В этой книге нашло свое отражение творчество наиболее ярких тульских поэтов. Авторы «Антологии» поместили в нее наиболее сильные свои произведения, и по ним можно судить об уровне поэзии членов писательских союзов. Тульская поэзия, представленная в «Антологии», хотя и разнообразна по тематике, но обладает определенной целостностью. Это здоровый патриотический стержень, пронизывающий все стихотворения. Представлю выдержки из некоторых из них, этакий «экспрессобзор», который передает общее впечатление о представленной в «Антологии» поэзии:

*Увял цветок
на закате лета
И вот устало
прильнул к окну,
В немом вопросе
ища ответа,
В немом ответе
ища вину.
А я в защиту и оправданье
Веду нелепый
ненужный спор.
Увял цветок,
и его молчанье —
Красноречивый немой укор.
(Александр Вишневецкий)*

*Встану поздней порой
Средь грозы и удачи,
Посмотрю просто так
В неба пасмурный свод...
По усопшим родителям
Сердце заплачет,
И к безмолвной земле
Голова припадет.
(Александр Земцов «Радунца»)*

*Вот и август — и крутится мошка,
И над гнилью тундровых болот
Золотыми огнями морошка
Над травой и мхами встает.
Под ногами качаются кочки,
Каждой кочке поклоны дарю,
И трехперстно беру огонечки,
Будто крестное знамя творю.
Сколько ягод-то, ягод-то сколько —
Запоздалый созрел урожай.
Отражает зеркальным осколком
Озерцо этот нежный пожар
(Александр Меситов «Морошка»)*

* * *

*Русые зори
И синие грозы,
Русские,
Вросшие в сердце березы,
Крик перепелки
И трель соловья —
Родина, родина —
Радость моя!*

* * *

*Смотрю опять в твое лицо, Россия, —
За далью даль — просторы не объять!
Чтоб все создать, сберечь места святые,
Каких сынов ты призвана рожать!*

*Века за нами, песни и свобода, —
Ничто с тобою не сравнится, Русь!
Перед величием русского народа
Я — русский молча плачу и молюсь...
Я зоревал
У костров с косарями,
Шире шагал
Под шальными дождями.
К белому телу
Прижавши висок,
Пил я
Веселый березовый сок...
И не заметил,
Как в солнечной сини
Кровью и сердцем
Прирос я к России.
Сердце мое,
Словно розовый плод,
Силу и свет
У России берет!
(Владимир Савронов)*

*Увалы, излоги — степная дорога.
Короткие ночи темны.
А кони несутся, как черные птицы,
И топот погони вдали.
Степная дорога — холмы и овраги.
Готовят арканы враги.
И кровь закипает, в себя принимая,
Весь жар раскаленной земли.
А кони в полете, удила все в пене,
Размокли от пота ремни.
Давай развернемся.*

*Пусть будет, что будет!
Напоим их кровью мечи.*

(Евгений Трещев «Степная дорога»)

*Утро. Лесополоса.
Соловьи не спят...
Окати меня, роса,
С головы до пят.
Я к березке подойду,
К ней щекой прильну,
Майский воздух на меду
С жадностью вдохну.
И пойду я, как хмельной,
К дому не спеша.
И о прелести земной
Запоет душа!*

(Иван Прасолов. «Наедине с весной»)

*Горячий кадмий!
И краплак,
и стронций!
Какой могучий,
яростный закат!
А посредине
польхает
солнце!
И брызги солнца
мир вокруг кропят.
И кажется,
над дымной пеленою,
над лентами
размеренных дорог,
над полусонной
будничной землею
еще один
художник
сердце сжег!*

(Ирина Гаврилова)

*То ли блещут зарницы
Там, где черная мгла,
То ли это жар-птицы
Расправляют крыла?
Ярко вспыхнув, сиянье
Потухает вдали,
За чертою слиянья
Неба с краем земли.
Так, по воле природы,
Что-то давнее, друг,*

*Сквозь минувшие годы
Память высветит вдруг.*

(Михаил Крышко «Зарницы»)

*Смотрю опять в твое лицо, Россия,—
За далью даль — просторы не объять!
Чтоб все создать, сберечь места святые,
Каких сынов ты призвана рожать!
Века за нами, песни и свобода,—
Ничто с тобою не сравнится, Русь!
Перед величием русского народа
Я — русский молча плачу и молюсь...*

(Николай Боев)

Практически все стихотворения «Антологии» по своему интересны, обладают внутренним душевным напряжением. Хотя каждое из них передает свой, определенный оттенок переживаний автора.

У многих тульских поэтов значительное место занимает духовная тематика. Многие поэты в буквальном смысле посвятили свою поэзию этому направлению. К таким поэтам относится, например, *Серафим Лавров*.

С. Лавров — человек православный, верующий. Поэтому в его творчестве все настойчивее высвечивается вера в Бога, в его предназначение на земле. Он живет с Богом в душе, с Богом в поэзии:

* * *

*Труден путь по стезе одинокой,
Когда сбитые ноги в крови,
От тропинки — к дороге широкой,
От неверия — к Вере глубокой,
От Надежды — в объятья Любви.*

* * *

*Спасибо, Господи, Тебе
За то, что я на свет родился,
Что русский я и что крестился.
Что Ты один в моей судьбе.*

*Спасибо за Россию-мать,
Ее подъемы и паденья,
За боль, за муки, за спасенье,
За то, что с ней могу страдать.*

*Спасибо, что люблю рассвет,
Грозы целебные раскаты,
Что дети есть и есть внучата,
Что зла и зависти в них нет...*

(Серафим Лавров «Спасибо, господи!»)

У поэтессы *Татьяны Хлопковой* все окружающие события преломляются через призму отношения к Богу. Наследие для нее «не от властителей земли», «не родословие семьи», а молитвы и надежды ее мамы:

*Ее молитвы и надежды;
Луча молитвенного нить
Светила мне во тьме крошечной.
Но также тихо, как жила,
Она ушла, ее не стало.
А я уж прежней не была,
Я что-то, мучаясь, искала.
Все обесценилось, как дым.
Едва светила жизнь искра.
Была сокровищем моим
Молитвы сила материнской.*

(Татьяна Хлопкова «Наследство»)

Впечатляет чудо, описанное Т. Хлопковой. Погибает рыбак в одинокой и утлой лодке.

*Мать старушка и плачет, и молится,
Рвется к небу души ее крик:
Бог Всевышний, прости меня, грешную...
Только сына спаси и верни.*

И в старый домик ударила молния, «и взметнулся огонь в синеву».

*Но из мрака беды и отчаянья,
Как бесценный подарок небес,
Вдруг разбитая лодка причалила,
Сын зовет ее: мама, я здесь.
Там, в пучине его потрясения,
Он увидел единственный знак.
Указуя дорогу к спасению
Дом горящий светил как маяк.*

(Татьяна Хлопкова «Маяк»)

Стихов на духовную тему сейчас достаточно много. Общей духовной тематикой объединены члены литературного объединения «Ковчег», да и у многих других литературных объединений духовная тема стоит на одном из ведущих мест. Однако, наряду с общей тенденцией духовного осмысления окружающей действительности, в поэзии наблюдается антитеза духовности, неприятие Бога, а подчас и надругательство над чувствами верующих. Характерен для этого отрывок из так называемой мистической драмы «Уриан» Сергея Гордеева (сборник «На крыльях «Пегаса», 2005»), который, на мой взгляд, является попыткой сатиры на библейскую тему.

В тульской поэзии как никогда остро встал вопрос о творческих преемниках поэтического наследия классиков, о становлении новой плеяды молодых поэтов. Появляются ли в наших поэтических рядах новые звездочки, а может даже и звезды, затмевающие своим светом разношерстную поэтическую палитру? Я думаю, звездочки появляются, о чем свидетельствует обилие интересных, незаурядных произведений поэтического жанра в журнале «Приокские зори».

Помимо известных и давно зарекомендовавших себя членов Союза писателей России Владимира Сапожникова, Александра Хадарцева, Константина Струкова, Николая Боева, Михаила Крышко, членов Российского союза писателей Сергея Галкина, Ирины Гавриловой, Виктории Ткач на страницах журнала печатаются менее известные поэты, такие как Борис Рубцов, Алексей Троицкий, Эдуард Мартынов, Владимир Резцов, Игорь Мельников. У этих поэтов есть свое видение мира, свое поэтическое восприятие действительности.

Как, например, рельефно, метафорично описывает город *Борис Рубцов*! Здесь и городская тема язв и страданий в условиях варварского капитализма и городская лирика:

*Скелеты трасс и жилы проводов,
Эритроциты красные трамваев:
Чихают трубы — город нездоров
И площадью Восстания зевает...
Завелся в нем какой-то паразит
И гложет изнутри его здоровье,
И бледен он бетоном серых плит,
И фонари горят у изголовья...
Ему бы подогреть себе вина,
Попить антибиотиков недельку, —
Покоя не дает ему вина:
Зачем продал предместьев душегрейку?!
(Борис Рубцов «Простужен город»)*

А строки из приведенного ниже стихотворения *Алексея Троицкого* действительно затрагивают какие-то глубокие нотки в душе. И написаны они достойно, четко выверенными словами, легко, без видимого напряжения:

*Печаль не скрою! Без нее мне одиноко.
Я как отшельник меж искусственных огней...
Порою жизнь бывает так жестока,
но Рай в душе, когда я рядом с ней.
В ее глазах — пространные равнины,
чудесный вечер, радужный закат...
Она мне станет верною Мальвиной,
которой, как Пьеро, я буду рад.
Она прекрасна, словно птички трели,
она дурманит мозг, как метадон.
Характер, как у дикой орхидеи,
в который я без памяти влюблен.
(Алексей Троицкий «Единственной»)*

А стихотворение «Весну подайте» *Эдуарда Матрынова* — свежее как ветер — импонирует своим весенним напором, звучит как гимн жизни, обновлению, свету:

*Весну подайте, хочется весны,
Ручьев желаю слышать переливы.
Смешны они, по-детски торопливы,
Мечтами делятся, рассказывают сны...
Я с малых лет, люблю их голоса.*

*Они меня всегда в дорогу звали,
В те тридесятые края, миры, и дали,
Где медом пахнет поутру роса...*

(Эдуард Мартынов «Весну подайте...»)

Теперь о светилах первой величины, поэтических звездах, способных безоговорочно войти в плеяду наших выдающихся поэтов. Считаю, что я не вправе назвать того или иного поэта новой звездой, это сделают большинство маститых писателей и благодарные читатели, которые, конечном итоге, и являются основными судьями творчества поэтов. Я думаю, не стоит спешить с восхвалением того или иного начинающего автора. Как говорится, покажет время.

А вот мэтр нашей поэзии Виктор Пахомов, не скрывает своего восхищения от произведений тульского стихотворца Алексея Гусакова (журнал «Приокские зори», №1(30), 2013г.). Конечно, встречаются в стихотворениях А. Гусакова новые словесные обороты, свежие мысли, некоторый специфичный взгляд на окружающие события и явления. Однако, безоговорочно, со всеми выводами В. Пахомова о его поэзии, я не могу согласиться.

В этом же номере журнала представлена подборка стихотворений А. Гусакова. И она начинается со стихотворения «Казюки».

Вообще, тема «казюков» не нова. Например, можно вспомнить замечательное стихотворение Валентина Пудовеева «Оружейный завод»:

*Тула, твой казенный Оружейный
Первый на Руси большой завод,
Вырос вдруг из кузницы келейной
И набрал высокий оборот.
Все свое: металл, станки и привод,
Да уменье деловой руки,
И плодился мастера на вывод
Под завидным званьем — казюки.*

Или можно напомнить четверостишие из известного стихотворения Виктора Пахомова «Юбилейное»:

*...И в Туле шутят остряки,
Коль в чистом небе гром грохочет:
Знай, это кто-то чаю хочет.
И сахар колют казюки!*

В нашей поэзии, даже без использования слова «казюки», очень много написано о Тульских оружейниках. Большое внимание нашим оружейникам уделяет Валерий Ходулин. Его даже можно назвать «певцом тульских оружейников». Уроженец семьи потомственных мастеров, В. Ходулин всем существом впитал традиции и славу города оружейников, самоварщиков, потомков и наследников легендарного Левши. Венцом поэзии Ходулина о тульских оружейниках можно считать его сборник стихов «Гравюра», где он прославляет труд и мастерство людей оружейного дела.

Читаем теперь стихотворение Алексея Гусакова «Казюки».

*Без оглушительных прелюдий,
Как наложилось — так пою:*

*Мой город жив, куда люди,
В него вливают кровь свою.*

Шутки ради, я бы это четверостишие отнес к проблеме донорства, которая сейчас осложнилась тем, что за сдачу крови донорам платить или вовсе перестали, или в разы уменьшили, хотя, на мой взгляд, это несправедливо.

«Как наложилось — так пою», — с эти тезисом я абсолютно не согласен. Если ему следовать, не обязательно работать над стихом, совершенствовать форму и содержание, а просто сочинять по настроению, «как наложилось»...

*Пока мир бряцает оружием,
Деля порфиры и венцы —
Визжат в горячем многостружье
И состригаются резцы.*

Честно сказать, я не все понял из этого отрывка. Какая связь между бряцанием оружия и визжанием резцов? Термин «горячее многостружье» относится к механической обработке металлов или еще к какой области? И почему резцы «состригаются»?

Последующие четверостишия я пропускаю без комментариев, хотя к ним тоже остаются некоторые вопросы... А далее читаю:

*Одна выходит на злосчастье,
Последним воином, земля.
Мой город взял ее запыстье
И обернулся, как темляк.*

Почему на «злосчастье» земля выходит «последним воином»? И разве «выходить на злосчастье» требует творительного падежа? И вообще, на мой взгляд, такая форма построения предложения не совсем удачная. Теперь — второе предложение. Город взял запыстье земли и обернулся... Город, что ли, обернулся? Каким образом? Как можно город сравнивать с темляком? Абракадабра какая-то.

И последнее в этом стихотворении четверостишие:

*Легко ль тебе, певец досужий,
Смотреть на свет из-под руки?
Там, самым главным из оружий,
Идут на смену казюки.*

И опять возникают вопросы. На какой свет «из-под руки» должен смотреть «певец досужий»? И почему он досужий? Ведь досужий означает «свободный от дела, праздный», короче говоря — бездельник.

И наконец, я начинаю догадываться, что казюки, идущие на смену, — это самое главное из оружий. Каких оружий или оружия? Не того ли оружия, каким бряцает весь мир?

В другом стихотворении А. Гусакова «Дед»

*танки шли, огнем плюясь,
вода в ложбинах тлела,
железо ввинчивалось в грязь,
выщупывая тело.*

Я понимаю, что глагол «плююсь» больше всего рифмуется со словом «грязь», но ассоциация от слова «плююсь», на мой взгляд далека от обстановки военного боя. От плевков люди не погибают.

И потом... Как это «железо ввинчивалось в грязь»? По какой резьбе — правоходовой или левоходовой? И какое тело могло «выщупывать» железо? Абсолютно непонятно, даже если подразумевать использование аллегорий. Существует глагол «выщипывать» (например, выщипывать курицу), также глагол «ощупывать». Но глагол «выщупывать» я что-то не припомню, тем более «выщупывать тело». Может быть, это есть очередное «открытие» автора?

Наверно много можно говорить о находках автора, его «открытиях». Но также можно говорить о его жонглировании словами, о явных шероховатостях, заметных невооруженным взглядом. Поэзии А. Гусакова можно посвятить отдельную дискуссию, в которой могут принять участие и другие поэты и писатели. А заодно затронуть в ней вопрос о соотношении в поэзии сложного и простого, в хорошем понимании этого слова.

Однако, признавая в целом положительную, плодотворную сущность тульской поэзии, следует отметить большое количество серых, бездарных стихотворений наших авторов. Вероятно, на творчество многих поэтов оказывает влияние социальная среда, современные рыночные отношения, сложившиеся в обществе. И в этих отношениях стали цениться такие черты современного человека, как прагматизм, рационализм, бездуховность.

И снова хочется вернуться к вопросу о качестве произведений наших многочисленных литераторов, которыми заполнены не только их авторские сборники, но и коллективные сборники тульских писателей. Чтобы не быть голословным, процитирую некоторые стихотворения:

*Повсюду пробки из машин,
А мы спешим, чего-то добывая,
Ползем до призрачных вершин,
От суеты безмерно уставая.
Я знаю лес и озеро внутри,
Бывает, любоваться приезжаю:
Туман шевелится вдали
И образы поэту навеивает...*
(Игорь Боронин «Туманалия»)

*Ты опять ушел с Еленой,
Я с Вадимом у костра
В этот вечер незабвенный
Засиделись до утра.
Не такой он принц, твой Мишка,
Говорит Вадимка-свет.
Ты пойми меня, глупышка,
Что в Елене толку нет.
Все мечты его растают,
И тогда, дружок, «привет»!
Ленку деньги только манят,
А у Мишки денег нет,
Ну, давай мы сходим к речке,
Посидим на берегу.*

*Успокой свое сердечко,
Я читать стихи могу.
...Вечер тихий и спокойный,
Над рекой туман бежит.
У Вадима взгляд влюбленный,
Что-то личное таит.*

(Тамара Дик «Старый друг»)

*Все чаще в роли зрителя;
Антре попсово-грустно...
Пиши привет родителям —
Как там прижились чувства?
Шарахаются новости
От хроник криминальных;
Кто первым скажет доблестно,
Что их лелеем сами?*

(Виктор Фролов)

Невооруженным взглядом видно, что приведенные стихи либо слишком наивны, либо отражают какие-то молодежные «разборки», либо запутывают читателя своими «попсово-грустными» впечатлениями. Приведу еще несколько четверостиший из тех, над которыми, на мой взгляд, авторам следовало бы более тщательно поработать. Пусть эти строчки оценит непредвзятый читатель:

*С тобою мне одни лишь стрессы,
Медузная моя душа.
А я ведь значусь поэтессой,
Сонет держу в руках, дрожа.
(Зинаида Выводовская)*

*Я ревную тебя к цветам,
Что прилипли к твоей руке.
Я ревную тебя к словам,
Что живут на твоём языке.*

* * *

*Но королеве не пристало
Платить изменой королю.
Я, королевой если б стала,
Любила б вечно и люблю,
Люблю тебя, как короля.
Корона только где моя?*

(Алла Куликова)

*В дальних окнах горячие свечи
Душат ржавую бронзу заката.
Раздаются тоскливые речи,
Улетая сквозь щели куда-то.*

*Закрой глаза, и ты увидишь вечность,
Не вспоминай, не думай обо мне.
Я только сон, мгновения беспечность,
Мелькнувшая в небесной глубине.*

(Ирина Сергеева)

*Не боюсь я красавицу-смерть!
Мне знакома ее круговерть.
Вновь на землю отправит меня
Среди самого светлого дня.*

(Валерий Власов)

Хочу сказать, что многие из приведенных четверостиший легче и понятнее было бы изложить в прозе, тогда хотя бы было ясно, что этими строчками хотел сказать автор. А некоторые такие произведения настолько прозаичны, темы их настолько традиционны, что на этом поэтическом поле сеять что-либо разумное, доброе, вечное можно только, тщательно выверяя полет своего поэтического вдохновения и форму изложения.

Я приводил отрывки или полные стихотворения из сборника «На крыльях «Пегаса», 2011», издания литературного объединения «Пегас». Аналогичное можно встретить в сборниках других литературных объединений.

Хочу еще привести несколько стихотворений, читая которые хочется сказать: «Поэт! Отходи от мелкотемья дней текущих, берись за темы вечные, от того не менее важные для тех же дней текущих...»

*Дело было давным-давно,
Однажды, проснувшись с рассветом
Отворил человек окно
И вздохнул, подумав при этом:
«Вот опять новый день пришел,
Список дел все длинней и длинней.
Ах, как было спать хорошо!
Жизнь — как поезд, поспеть бы за ней.
Может мне поболеть слегка?
Вот тогда отдохнул бы я вволю,
Отлежал на диване бока,
Но не стал бы ругать свою долю.
Может отпуск взять за свой счет
И уехать в дальние страны?
Пусть зарплату жена подождет,
А себе на гудеж я достану!..»*

(Изольда Агибалова «Ленивое утро»)

*Радует и манит с юных лет
Мир прикосновений, тайн, соблазнов.
Только вот в тумане сигарет
Мысль порой бывает несурзной.
Настежь отворив души врата,
Можешь стать жертвой тяжелой ноши.
Вспомни про распятого Христа,*

*В памяти слегка Он припорошен.
Выйди с упоением к мечте
Без уподобленья в жизни птице,
Что сидит голодной на шесте,
Потому что пугала боится.*
(Николай Кашин «Мир прикосновений»)

На это стихотворение я также отвечаю четверостишиями:

*Манит с юных лет
мир соблазнов, искушений,
Да и взрослых манит
мир прикосновений.
Только сигаретный ядовитый дым
Может привести вас
до большой беды.
И поэтому курить
решиительно бросайте!
Но врата души, друг мой,
не отворяйте!
Ведь от дыма гибельного
ваших сигарет
Только несуразица и прочий бред.
И не надо все вспоминать Христа,
И порошу с вашей памяти смахнуть.
Птицу же скорей
снимите с голого шеста,
И своею стихотворной крошкой
накормите.*

А вот стихотворение Елены Грислис из ее сборника «Волокна нервные дрожат»:

*По надобе тебя,
По надобе меня,
По надобе мы вместе.
Лет через десять взвесьте:
Есть надоба тебя —
Нужна была меня?
По надобе мы вместе?
Лет через двадцать взвесьте...*

Думает, думает поэт: как сделать, чтобы твои стихи ложились на душу читателя!

Но, в конечном итоге, за свои авторские сборники отвечают сами авторы и единственными судьями здесь являются читатели. Но вот, если такие стихи попадают в коллективные сборники тульских поэтов, то кроме самих авторов ответственность за качество стихосложения несут составители сборников и, конечно, руководители тех литературных объединений, в которых состоят эти авторы. Ведь не исключено, что эти сборники читают не только жители Тулы и области, но и литераторы других регионов страны. И по этим сборникам будут судить об уровне в целом поэзии наших земляков. Вот почему ведущее наше издание «Приокские зори» так тщательно отбирает авторов-поэтов.

Однако, не только литераторы — члены литературных объединений, но и их руководители не следят за произведениями своих воспитанников, в нужной степени не отслеживают качество стихотворений, отобранных для коллективных сборников. Поэтому в тульские сборники подчас попадают произведения не самой высокой пробы. Отсутствует объективная конкурсная система отбора произведений, нет надлежащей работы над отобранными в сборники стихотворениями, отсутствует помощь в этой работе со стороны руководителей литобъединений.

А иногда сами руководители грешат ляпами в своем творчестве. Приведу одно стихотворение известного литератора, члена Союза писателей России, хорошо известного в литературных кругах Тулы.

*Мы идем с тобой по травам,
Месяц улыбается,
На плече твоём на правом
Мой пиджак болтается.
Нам легко. Знобит прохлада,
Не унять любовный пыл,—
Поцелуй тому награда,
Кто сильнее полюбил.
Как же мы с тобой поступим? —
Целоваться хочется...
Мы друг другу не уступим,
Пока ночь не кончится.*

Интересно, какого года это стихотворение? Мне кажется, написано оно лет 50 — 60 назад, но это не снижает «актуальности» темы.

Таким образом, чтобы не засорять наши поэтические сборники таким многоликим квазипоэтическим суррогатом, руководителям наших объединений следует строже относиться к качеству стихосложения, заставлять многократно исправлять, переделывать, а то и просто исключать такие произведения из сборников. Ведь эти сборники — лицо нашей тульской поэзии.

Мы живем в нелегкое время перемен, реформ, «перезагрузки». Перемены эти происходят везде — в политике, в экономике, а главное в очень тонкой сфере — в литературе и искусстве. Культ денег, культ наживы стал проникать в сознание читателей и в особенности — в сознание молодежи. В средствах информации происходит массированная психологическая обработка, в основе которой — смакование сценами насилия и жестокости.

В литературе нашли свое отражение те же самые процессы, которые охватывают промышленность и торговлю. Более жизнеспособными становятся коммерческие проекты, рассчитанные на среднестатистического читателя, который газету просматривает по диагонали, обращая внимание исключительно на жареные факты и желтую прессу. Литература стала подстраиваться под такого читателя, она становится потребительской. В последнее время литература, в том числе и поэзия, стала терять свое лицо, она девальвируется, освобождая место низкопробным произведениям ширпотребовских жанров. Как говорится, имея деньги или богатых спонсоров, можно издать практически все что угодно и с хорошими тиражами.

Читательский интерес к серьезной поэзии заметно поубавился. Именно поэтому серьезные произведения тульских писателей, многие из которых входят в союзы писателей России или в литературные объединения, издаются, к сожалению, малыми тиражами и чаще всего на средства самих авторов. Например, в прошлом 2012 году

так и не был издан сборник произведений тульских писателей «Иван-озеро», а ежегодник «День тульской поэзии», выпускаемый на средства авторов, издается небольшими тиражами 200 — 250 экз, что, естественно, недостаточно для большой аудитории тульских читателей. Следует отметить, что в издательстве («Гриф и К»), где были изданы эти сборники, самые различные произведения московских авторов или авторов других областей, не имеющих каких-либо финансовых затруднений, выходили в десятки и сотни раз большими тиражами. Во все эти процессы вмешивается, к сожалению, ее величество «коммерция».

Тульская поэзия, как и вся Российская литература, испытывает большие трудности. Сейчас не самое лучшее время для поэзии. Из-за больших стремительных перемен в политике и экономике пошатнулись моральные устои в обществе. Произошла переоценка ценностей не в пользу классическим, традиционным направлениям в духовной жизни. Читателям, в особенности молодым, трудно сориентироваться в потоке информации, поступающей из различных средств СМИ. В такое сложное время Тульская поэзия, несмотря на все ее недостатки, должна стать оплотом духовного возрождения. А для этого любыми способами она обязана завоевывать все большую аудиторию читателей, прививать у них любовь к нашим русским традициям, к нашим духовным истокам. Ведь впереди нас ждет «звезды необоримый свет», светящийся гранями палитры Тульской поэзии.

...Автор выражает глубокую благодарность редакции журнала «Приокские зори», выразившей желание напечатать столь пространный очерк.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ЕГО СТЕЗЯ

«Нужное дело свершай, лучше бездействия — дело...»

Дхамманада

В предисловии к книге Э. Георгиевского «Своя стезя» В. Сапожников дал достаточно четкое определение: автобиографическая повесть.

Зная Э. Георгиевского более 40 лет по совместной работе в областной больнице, поначалу казалось непонятным изменение им фамилий, имен и отчеств, названий учреждений, городов и самой области. Но потом стало ясно, что автор, как врач, соблюдал этический принцип нанесения вреда вероятным читателям, которые, правда, наверняка узнают самих себя в персонажах повести. К тому же это произведение — не мемуары, в которых описывается преимущественно тот или иной отрезок времени. В «Своей стезе» ощущается желание отразить действительность — через личное восприятие автора. Несмотря на идентичность ситуаций, лиц — с реальными, все-таки ощущается не сторонняя, мемуарная, а авторская, художественная их трактовка. Видимо, литературоведы найдут повод для критических высказываний по компоновке книги, по схематичности некоторых персонажей, по корректуре (наличие пробелов перед запятыми, например на с. 383, после открытия скобок — с. 323, там же отсутствие пробелов перед скобками, отсутствие полного текста на 47 и 342 с. — *в доступном мне экземпляре*), но это вопросы в большей степени к литературным критикам и издательству. Все-таки авторская верстка и корректура всегда будут отставать от профессиональных.

Умышленно начал с критических замечаний по оформлению книги, чтобы с чувством особого удовлетворения перейти к описанию сущности повествования Э. Георгиевского.

Это и хроника жизни нашего поколения врачей: этапы обучения, начала трудовой деятельности, становления специалистов на фоне послевоенной разрухи, хрущевских кукурузных новаций, брежневской хронической застойности, горбачевской недоперестройки, ельцинской бандитской вседозволенности. Но это и время первых спутников, полетов в космос, кубинского кризиса и грандиозныхстроек.

Это предтеча переломного времени: самоубийства СССР и возникновения периода неопределенности со скрытой внутри надеждой.

Наше поколение, рожденное до, во время и сразу после войны — относится теперь уже к середине прошлого века. Но, посмотрите с какой юношеской непосредственностью описываются автором время службы в армии и обучения в институте. Через все ушедшие времена прослеживается теплое отношение к сокурсникам с их разными судьбами, но с тем чувством локтя, которое сохранилось в течение нескольких десятилетий.

А вот — память первой, на всю жизнь продолженной любви: «Вадим сразу увидел Татьяну. Она была настолько привлекательна в своем синем платье с елочной гирляндой на плечах и блестящей брошью возле левого плеча, что Вадима сразу потянуло к ней. Он подошел и вежливо пригласил на вальс. Они кружились так, как будто бы танцевали всю жизнь». Это кружение по жизни, воплощенное в детях, вечной спиралью проходит от первой до последней страницы.

И, все-таки, главный лейтмотив — врачебная деятельность, прочно связанная и с сахалинскими медучреждениями, и с областной тульской больницей, независимо от ее места нахождения: вначале в Заречье, затем в Глушанках. С первых же страниц даются емкие характеристики как внешние, так и внутренние, главных врачей и ведущих специалистов. Перед глазами легко узнаваемые портреты Ивана Акоповича Тумаяна, главного врача областной больницы на ул. Дрейера, Льва Самойловича Рубинштейна — легендарного врача-проктолога, увиденные главным героем, еще студентом-практикантом.

И вот — направление на Сахалин, где он переживает самые впечатляющие и запоминающиеся встречи с природой, бушующей летом, с равнодушными людьми круглогодично и всепогодно. Сахалинские впечатления четкие, емкие, достоверные. Могу судить об этом, поскольку сам жил и в Углегорске, и в Южно-Сахалинской области с 1945 по 1952 гг. Мои детские и авторские юношеские представления о сахалинской действительности настолько совпадают, что не чувствуешь временной разницы. Но в «Своей стезе» — описан период врачебного становления автора уже под углом зрения взрослого человека. Радость от получения первой квартиры, хлопоты обустройства, первый пациент, больной тифом, первое дежурство, будничная работа врача, прерываемая незабываемыми встречами с природой, богатой сопками, речками, красной рыбой, икрой, овощами, ягодами, «буйной растительностью», хорошими людьми и бывшими зеками. Ловля корюшки, взрыв перегретого баллона, встречи с пограничниками, браконьерами, трагедия с утонувшей по неосторожности девочкой, подледный лов рыбы, поездки на лесовозе, тоннели в сугробах после многодневной пурги, замерзшие под снежным вихрем дети, поездки к морю, обрушивающему многометровые волны на берег. Работа на здравпункте. Встречи с однокашниками и вновь воспоминания о работе в стройотряде на целине, песни под гитару, рождение сына-первенца. Смерть матери, трудная дорога от Сахалина к материнской могиле. Безрезультатная охота на лису. Утомительный путь на круглое озеро, ловля форели. И вновь работа с больными. «Медики — народ нищий. Но благородный». Отдых в Бердянске, на Азове. Забытый и купленный новый спиннинг.

Вновь встреча в Туле с И. А. Тумаяном, а также с зав. отделением терапии, великолепным диагностом Т. А. Белолипецкой, оформление на работу в облбольницу зав. приемным отделением, по совместительству — в терапию, где наставник — В. Д. Вахомская, ранее тоже трудившаяся на Сахалине. Врачебная конференция, на которой автор сделал доклад о стенокардиях, вызванных остеохондрозом позвоночника в присутствии тогдашних мэтров тульской медицины: Н. К. Борисовой, Л. С. Рубинштейна, Н. М. Курочкина, И. И. Геца, В. Я. Драпкина, З. И. Киршеевой, И. Д. Ройзена и других. Полученное одобрение — за выступление. Поездка на строительство нового здания областной больницы. Специализация в Ереване по инфекционным болезням.

Как в калейдоскопе чередуются самые разнообразные факты из реальности. Иногда это только намеки на ситуацию, иногда — развернутая характеристика явления, особенно в отношении природы, семейных коллизий, врачебных дел.

Особо близка всем нам тема областной больницы, функционирование которой в новом здании в кратчайшие сроки было осуществлено энтузиастами, возглавляемыми главным врачом Илюхиным С. Д. — беспокойным, активным, равнодушным человеком, мобилизовавшим собственные силы и возможности своего окружения для

достижения цели создания флагмана тульской медицины. В книге об этом сказано немало и подробно. Открытие инфекционно-диагностического корпуса с тремя отделениями, неврологического, а затем и главного корпуса, их оснащение и пуск,— показаны как итог сплоченной деятельности заведующих отделениями, медицинских сестер, санитарок, сумевших обеспечить своевременный ввод в строй самого крупного объекта здравоохранения. Каждому из них дана соответствующая оценка автором. Видны отчетливо его симпатии и антипатии к отдельным личностям, но эти оценки всегда корректны, этически выверены, и, пожалуй, объективны.

Воспоминания несут заряд оптимизма и чередуют личные радости (пребывание в санатории в Рязанской области) и беды (болезни), но они, как и в жизни, уравновешивают друг друга. Даже несправедливые решения нового руководства больницы в отношении автора, описаны детализировано, но с пониманием тогдашних взаимоотношений между реальными людьми.

Автором используются не розовые и не черные очки при взгляде на прошлое. Он водружает на глаза читателя очки объективности. Он по доброму и искренне пишет о многих коллегах, радуясь их успехам. Это находит убедительное подтверждение в аккуратном вкраплении собственных стихотворений в мозаику повести. Они просты, написаны на основе сиюминутных ощущений в те относительно далекие времена, и в превосходной степени характеризуют самого автора, который и в 30-летний юбилей окончания вуза встречается с одноклассниками в Москве, помня их, радуясь их успехам, сохраняя в памяти мельчайшие подробности встречи и донося их до читателя.

Автор искренен. Он делится трудностями внедрения нового («живая» и «мертвая» вода), связанным с непониманием, бюрократическими препонами, да и с нежеланием брать на себя ответственность, даже во имя здоровья пациентов. Это явление общее и проходит через все времена. До сих пор новое, несмотря на призывы к инновационному внедрению, с большим трудом пробивается сквозь бумажные преграды, становящиеся монолитно-каменными для новаторов. Все ждут, когда из-за рубежа или из министерских кабинетов появится одобрительный папирус за многими печатями. Подробно описывает перипетии своего обучения автомобильному вождению, почти по-детски радуясь своим успехам. Радость познания и обучения сохранена им в неизменности. Автор не чужд и новым веяниям, описывая свое участие в информационно-консультативном центре «Арго».

Он нашел «Свою стезю». Пусть будут у читателей различные точки зрения на стиль, компоновку, на точность характеристик этой повести. Обращусь к вероятным критикам повести: «Пусть смотрит он не на ошибки других, на сделанное и несделанное другими, но на сделанное и несделанное им самим», как говорилось в «Дхаммане». В древней философии есть тезис: «Свой долг, даже неисполненный, лучше чужого, хорошо исполненного». Наш современник и коллега — Э. Георгиевский дал художественное описание жизни, в которой мы все жили, переживали аналогичные ситуации, продолжали в своих детях начатое. Это достаточно ответственно, но открытость автора позволяет легко воспринять написанное, независимо от возраста читателя, ибо для одних в книге найдется познавательная информация о прошедшем времени. Для других — это повторное проживание жизни, возможность сравнения личных впечатлений с авторскими. Э. Георгиевский свой долг выполнил и продолжает выполнять. Это — его стезя!

И опять из Дхаммады: «Немногие среди людей достигают противоположного берега. Остальные же люди только суеются на здешнем берегу».

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

СВЯТОЙ ПРОТИВ ЛЬВА

Член Союза писателей России, лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова

«Святой против Льва: история одной вражды» так называется новая книга известного российского писателя и журналиста, ведущего литературного критика, редактора отдела культуры «Российской газеты», лауреата литературной премии «Большая книга» Павла Басинского, презентация которой прошла 17 мая 2013 года в Центральной городской библиотеке имени Л. Н. Толстого города Тулы. Книга увидела свет в 2013 году в «Издательстве АСТ» (Москва), тираж книги составил 12500 экземпляров.

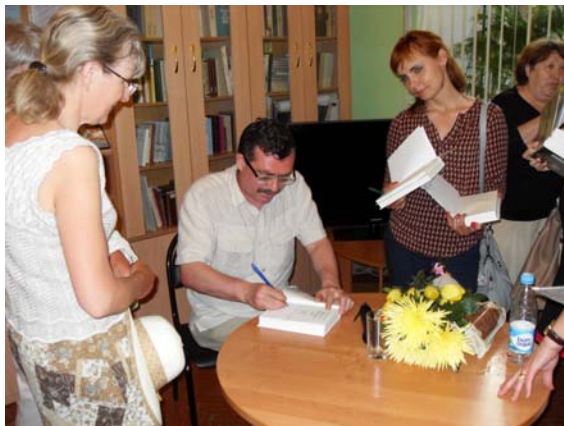

Павел Валерьевич — автор нескольких книг как художественной, так и документальной прозы. Предыдущая его книга «Лев Толстой: бегство из рая», вышедшая в 2011 году в «Издательстве Астрель» (Москва), тираж книги составил 5000 экземпляров, вызвала огромный интерес среди литераторов, критиков и читателей. Книга была отмечена литературной премией «Большая книга».

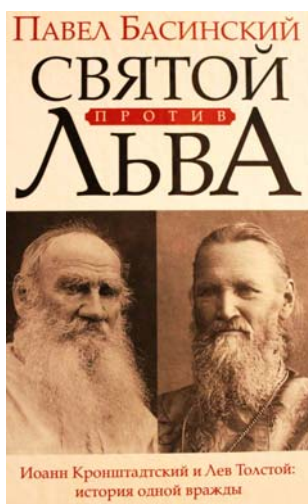
Книга «Святой против Льва: история одной вражды» — повествование о сложных взаимоотношениях двух великих людей живших в одно время — Святого Иоанна Кронштадтского и великого яснополянского мыслителя Льва Толстого. В книге Павел Басинский проводит не только пристальное исследование жизни и творчества автора «Войны и мира», но и обращается к очень важному и противоречивому периоду его жизни — сложному взаимоотношению с Русской Православной церковью. Два великих человека — Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой, два великих

ума, два разных взгляда на жизнь, на веру, на обстоятельства. Два титана того времени, среди которых порой даже меркнет образ царя Николая Второго, встали на путь непримиримой вражды друг с другом. Толстой и вера, Толстой и духовенство. Об этом книга-исследование Павла Басинского. Исследование показательно не только своими тенденциями и методами, своей постановкой отдельных социальных и политических проблем того времени, но и призывом к современному читателю, к его сердцу и душе, как напоминание о святом и грешном. И трудно порой понять в том жизненном переплетении чувств, где святость,

а где греховность.

материалах и чудом сохранившихся дневниковых записях людей — свидетелей того времени. Она иллюстрирована уникальными фотографиями, хранящимися в архивных фондах. Книга вызовет немалый интерес среди историков, литераторов, критиков, толстоведов и простых читателей.

Во время презентации Павел Басинский ответил на ряд вопросов присутствовавших в читальном зале библиотеки многочисленных гостей.

В заключение встречи заведующая читальным залом библиотеки Оксана Владимировна Амелина поблагодарила Павла Басинского за интересную и познавательную беседу, пожелала ему дальнейших творческих успехов и быть частым гостем библиотеки.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почтить и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится в второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотеку работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Кульпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

— Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);

— Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);

— Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201):

— Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);

— Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);

— Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);

— Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);

— Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);

— Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36);

— 14 филиалов названных выше библиотек.

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на

сайте www.pz.tula.ru Интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «День литературы», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сизтла, а также Национальная библиотека Израиля в Иерусалиме.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культурно-просветительских учреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому обладает возможностью и материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

- это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;
- поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;
- как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;
- наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресам обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2013, — №№ 3, 4.
2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский альманах (г. Бийск Алтайского края).— 2013.— № 2 (38).
3. *Истоки*: Литературно-художественный и публицистический журнал (Красноярский край).— 2013.— № 21.
4. *Гаммер Е. А.* Осужденный на жизнь: Проза ассоциаций. Триптих.— Иерусалим — Москва: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской (Э.РА), 2008.— 396 с.
5. *Викорук А. В.* Ковчег жизни. Роман с наукой.— М.: ГУП МО «Коломенская типография», 2005.— 238 с.
6. *Субетто А. И.* Вернадскианская революция как научно-методологическая основа формирования ноосферного общества (научный доклад) / Под ред. В. Н. Бобкова.— СПб: Астерион, 2013.— 56 с.
7. *Субетто А. И.* Теория социализма XXI века: начала и проблемы становления / Под ред. Л. А. Зеленова.— СПб: Астерион, 2013.— 40 с.
8. *Кальянов Л. К.* Русь моя златоглавая: Сб. стихотворений.— Тула: Папирус, 2012.— 116 с.
9. *Огрызко В. В.* Против течения: Статьи и заметки о современной литературе / Вступ. статья Ивана Гобзева.— М.: Литературная Россия, 2010.— 544 с.
10. *Пространство любви создавая*: Стихотворения, поэмы, проза.— Вологда, 2012.— 196 с. (Сборник произведений членов литературного объединения «Среда», Вологда).
11. *Емельянов В. И.* Топтыжка: Повесть для детей.— Ижевск: «Удмуртия», 1984.— 28 с., илл.
12. *Емельянов В. И.* Родство: Стихи / Предисл. Н. Старшинова.— М.: Современник, 1984.— 61 с. (Серия «Первая книга в столице»).
13. *Емельянов В. И.* Лирика Кузубая Герда: Стихи и переводы с удмуртск.— Ижевск: Библиотечка журнала «Луч», 1998.— 28 с.
14. *Ефим Самоварицков* (Болтышев В. А., Емельянов В. И., Старшинов Н. К.). Стихи.— Ижевск: Библиотечка журнала «Луч», 1998.— 28 с.
15. *Емельянов В. И.* Савелий и Левиафан: Роман.— Ижевск: «Удмуртия», 1992.— 638 с.
16. *Емельянов В. И.* Русская зима: Новая книга стихов.— Ижевск: «Удмуртия», 1998.— 368 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Алексей Яшин*. Видение на Патмосе: Роман-предвидение / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 407 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин*. Квадратная пустота: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 333 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Алексей Яшин*. Будни главного редактора: Публицистика 2008—2012 гг. / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 517 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— В печати.

4. *Ирина Пархоменко*. Маски: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2012.— 127 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *Ирина Пархоменко*. Лепестки сакуры: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2012.— 167 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Алексей Яшин*. Дэкаф: Северные повести (Шестая книга рассказов Николая Андреевича) / Предисл. Л. В. Ханбекова; Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 300 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори»» вышли следующие книги:

1. *Лебедев С. А.* Течет Ветлуга в памяти: Сборник стихотворений / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2012.— 176 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

2. *Макаров Н. А.* Мои коллеги — военные медики / Предисл. А. А. Яшина.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 149 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

3. *Георгиевский Э. П.* Своя стезя: повесть: Книга первая / Предисл. Владимира Сапожникова.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 387 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

4. *Лебедев С. А.* Исповедь: Сборник стихотворений / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2013.— 174 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут

принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2012-го года уже объявлены в № 1, 2013 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2013-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

Тульская областная газета «Тульская правда» в № 19 (745) от 15 мая 2013 года посвятила всю полосу стр. 7 журналу «Приокские зори»: поздравления членам редколлегии с литературными наградами, поздравления Г. А. Зюганова, Н. Д. Парыгиной, Л. И. Чусовой, Евгения Воропаева и Виктора Еремина главному редактору «Приокских зорь» с Юбилеем.

* * *

Газета «Тульская правда» в № 18 (744) от 8 мая 2013 года поздравляет Почетного радиста России Алексея Афанасьевича Яшина с Днем Радио.

«ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ»

(Общероссийская литературная газета, № 3 (197), 2013)

Номер № 4.2012 «Приокских зорь» начинается «Колонкой главного редактора», где дается введение к публикуемым материалам интереснейшей дискуссии «Что написано пером...», интеллектуальная планка обсуждения которой по-прежнему высока. Здесь же на примерах истории Руси и войны 1812-го года показывается как «аналоговое» мышление помогает противостоять «компьютерному» пониманию истории.

К 100-летию со дня рождения выдающегося русского поэта Я. В. Смелякова дана подборка его неповторимых стихотворений. Поэту, судьба которого связана с Тульским краем, посвящено эссе Н. Боева «Ярослав Смеляков в Новомосковске». Тепло и обстоятельно, легко и мастерски владея пером, честно пишет автор о судьбе и творчестве поэта, неразрывно связанного со своим временем, друзьями и соратниками. Значительная часть эссе отведена новомосковскому периоду Я. Смелякова. Мы видим, что, невзирая на долгие годы заключения и унижительные обстоятельства жизни, поэт не любил вспоминать о них. «Я унижаться не умею!» — девиз этого понастоящему духовного, мужественного и талантливого человека, Государственного Поэта. Впечатляет «Сирень моего детства» — лирическое отступление Н. Боева, навеянное стихами героя его эссе.

В рубрике «Актуальное интервью» Г. Маркин по-журналистски талантливо представляет членов СП России: известного литературоведа и критика, редактора отдела культуры «Российской газеты» П. Басинского и поэта и прозаика, главного редактора «На крыльях Пегаса» Э. Георгиевского.

Впечатляет прекрасный язык Р. Мусаева в пьесе «Курица». Заставляет задуматься, как мы используем дар свыше, «Химера» Е. Хисамовой. Увлекательны научающие детские рассказы О. Корниенко, размышления о раскаянии Н. Кожемяко и «Беседы с Достоевским» И. Павлова.

В рубрике «Современный русский рассказ» морской былью «Первый после боя» — отрывком из будущего романа порадовал нас мастер прозы, известный писатель, недавно ставший лауреатом литературной премии «Белуха» им. Гребенщикова, А. Яшин.

Здесь же яркий рассказ Г. Маркина — «пейзаж» современной действительности — «Заплеванная старость и невоспитанные дети». Продолжена публикация глав из нового романа Я. Шафрана и А. Каретникова «Круг замкнулся». Это размышления о духовных причинах многих политических и социальных неустroений, актуальные и поныне.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» поздравляет зав. реакцией Якова Шафрана, ставшего лауреатом литературного конкурса «Тульский самовар» 2012-го года, проводимого Общественным движением «Конгресс интеллигенции Тульской области» и редакцией альманаха «Тула литературная». Также поздравляем Якова Наумовича с приемом в Творческий союз поэтов-песенников России. Ниже приводим список авторов — членов Союза:

*Александров Анатолий, г. Теплое Тульской обл.,
Апраксина Людмила, г. Щекино Тульской обл.,
Бондарь Александр, г. Ессентуки,
Гаммершмидт Арнольд, г. Щекино Тульской обл.,
Данилюк С., г. Киев,
Зульфикаров Тимур, г. Москва,
Илюшкина Любовь, г. Тула,
Кираль Олег, г. Щекино Тульской обл.,
Леонова Татьяна (Абинякина), г. Щекино Тульской обл.,
Мацнева Ирина, г. Москва,
Мацнева Дарья, г. Москва,
Мирошниченко Геннадий (Геннадий Мир), г. Щекино Тульской обл.,
Попов Василий, г. Тула,
Семичаснов Максим, г. Щекино Тульской обл.,
Скороход А.Н., г. Минск,
Трофимов Александр, г. Щекино Тульской обл.,
Тедеев Шалико,
Федоров Павел, г. Саратов,
Филимонова Люсьяна, г. Щекино Тульской обл.,
Хадарцев Александр Агубечирович, г. Тула,
Шафран Яков, г. Тула,
Шейбухова Галина, г. Тула,
Шумейко Владимир, г. Нефтегорск, Самарской обл.,
Шпартова Татьяна, г. Минск.*

* * *

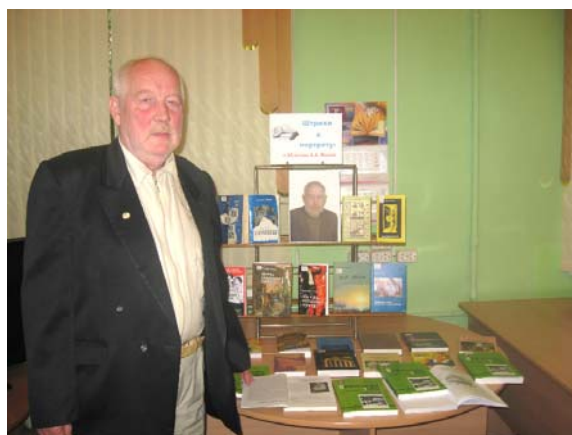
В марте 2013-го в гостях у тульских писателей был главный редактор альманаха «Бийский Вестник» (Алтайский край), исполнительный директор Демидовского фонда Алтая, Бийское отделение Виктор Васильевич Буланичев — с целью установления творческих контактов писателей Тулы и Алтая. Одновременно он выполнил почетную миссию: вручил главному редактору «Приокских зорь» Алексею Яшину знаки лауреата всероссийской литературной премии «Белуха» имени Г. Д. Гребенщикова, учрежденной Союзом писателей России, Ассоциацией писателей Урала и Сибири, Администрацией города Бийска и редакцией альманаха «Бийский Вестник» (см. в № 2, 2013 «ПЗ» и фото ниже).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Центральная тульская городская библиотека им. Л. Н. Толстого организовала 21 мая 2013-го года творческий вечер известного современного русского писателя-прозаика и публициста, главного редактора «Приокских зорь» Алексея Яшина (фото с мероприятия — Якова Шафрана). Информация о творческом вечере была опубликована в официальной областной газете «Тульские известия» и в общегородской газете «Тула».

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: ПИСЬМА НАШИХ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ В «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Высылаю Вам наконец-то вышедший из типографии очередной сборник стихов «Исповедь» — в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Сборник новый, а стихи в него я собрал написанные на протяжении почти всего своего периода творчества. В этом году я поучаствовал в Международном поэтическом конкурсе «Звезда полей». И к своему удивлению и радости, конечно, вошел в число лауреатов, а по номинации «Пора любви...» стал победителем.

Сергей Лебедев, г. Тольятти

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Ваши книги и журналы неделю тому назад переданы в библиотеку Бременского университета. Поручено передать Вам благодарность, что и делаю.

Наум Ципис, г. Бремен, Германия

300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А.

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Примите нашу искреннюю признательность за Ваше постоянное внимание к музею Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», за очередной номер журнала «Приокские зори» (№ 1, 2013 г.), который Вы любезно прислали в дар музею.

Очередной номер журнала представляет большой интерес.

В соответствии с доброй традицией, подготовкой номеров к юбилейным литературным датам, в журнале представлены материалы, посвященные 150-летию со дня рождения Ф. Сологуба.

Привлекают внимание рубрики «Современный русский рассказ», «Образы и тропы поэзии».

С большим интересом мы прочитали интервью с тульским писателем, секретарем Тульского отделения «Союза писателей России» В. Ф. Пахомовым.

Отрадно, что на страницах журнала представлен широкий спектр литераторов Тулы, Поволжья и Сибири, русского литературного зарубежья.

Все переданные Вами выпуски журнала «Приокские зори» хранятся в фондах нашей научной библиотеки.

Желаем Вам, Алексей Афанасьевич, здоровья и благополучия, творческих успехов и всего самого доброго!

С благодарностью,

научный сотрудник отдела книжных фондов Бочарова И.А.

Добрый день, глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Рада снова приветствовать Вас и еще раз поздравить с Юбилеем и сердечно пожелать долголетия и новых творческих побед.

Вернулась из Болгарии неделю назад и сразу же уехала в Дмитров, так как еще продолжались мероприятия ко Дню Победы и 70-летию Курской и Сталинградской битвы. А я еще до поездки участвовала в конкурсе. Было награждение победителей. Получила дипломы и статуэтку «Золотая Ника» с формулировкой «За творчество и большой вклад в организацию досуга жителей района».

Поездка в Болгарию оказалась очень плодотворной и насыщенной впечатлениями и встречами, так что апрель и половина мая промчались незаметно.

Участвовала в конкурсе-фестивале искусств «Звезды Камчии» и победила в номинации «Дивное слово», получив Золотую медаль и Диплом первой степени.

Фестиваль состоялся 2 мая 2013 г. в 25 км от города Варны — традиционного центра проведения фестивалей искусств. Камчия — это заповедное место Болгарии, охраняемое ЮНЕСКО в рамках программы «Человек и биосфера». Фестиваль был приурочен к историческим майским праздникам, среди которых отмечаемый 6 мая болгарским народом День Храбрости и болгарской Армии, День Георгия-Победоносца и День Победы над фашизмом — 9 мая. А этот год для Болгарии юбилейный. Широко отмечают 135 годовщину освобождения от османского (турецкого) ига.

Торжественная церемония и праздничный концерт участников фестиваля проходили в концертном зале «Артриум» на 400 мест в современном красавце — отеле «Лонгос». В этом зале с уникальной акустикой и оригинальным интерьером проходят спектакли, праздничные программы, творческие встречи. Свободных мест в зале не было, и около сцены расставили дополнительные стулья в несколько рядов.

Жюри конкурса должно было отобрать по три лучших номера в многочисленных номинациях, среди которых «Звездный голос», «Дивное слово», «Волшебный музыкант», «Золотая кисточка», «Золотые руки» и другие.

Среди организаторов фестиваля «Звезды Камчии» — известная болгарская пе-

вица Грета Ганчева, которую русские слушатели старшего поколения помнят еще с Московского фестиваля молодежи далеких 60-х годов, где она пела свою веселую песню, современный хит-шлягер «Тумбала-лайка» и выступала со своим будущим мужем Эмилем Димитровым, ставшим известным композитором Болгарии. Среди организаторов и Бисер Киров, заслуженный артист Болгарии, легенда болгарской эстрады, которого хорошо помнят в России, и как певца и композитора, и как общественного деятеля, который до 2010 г. был советником по культуре Болгарии в Москве, а с 2010 г. послом доброй воли республики Болгарии в РФ. К проведению фестиваля причастны и многие другие деятели культуры Болгарии, среди которых поэт, бард, композитор Владимир Стоянов, исполнительница народных песен и романсов Саша Табакова и другие писатели и артисты, часто выступающие на этой сцене.

Весь период пребывания в Болгарии сотрудничала с журналом «Друзья Камчии», где за это время напечатали несколько моих статей, очерк, интервью и большую подборку стихов. В окружении великолепной природы писалось как никогда. Родилось более 50 стихотворений болгарского цикла. В отеле «Орфей палас» организовали мой творческий вечер и выступление в совместном с болгарскими артистами концерте «Орфей и Эвридика», за что администрация отеля вручила мне Грамоту «за существенный вклад в культурную жизнь отеля» и Благодарственное письмо.

От журнала «Друзья Камчии» на прощальной встрече получила Грамоту и благодарность «за профессионализм и активное сотрудничество в создании журнала». К слову, рассказывая о состоянии нашей российской литературы и журналистики, я, конечно, рассказала и о «Приокских зорях», сказав, что с материалами журнала можно знакомиться в Интернете. Принимала участие в диспутах и дискуссиях, которые проходили в современных залах для конференций «Москва» и «София».

Интересны были встречи с писательницей Женей Констандиновой, поэтом и композитором Владимиром Стояновым, поэтессой Павлиной Йосевой, которая подарила свою книгу глубокой философской поэзии «По ту сторону тишины», стихи из которой я сейчас перевожу на русский. Познакомилась с доктором исторических наук преподавателем вуза из Софии Эмилией Лазоровой, которая читает лекции по истории болгарско-российских отношений и от которой много узнала о современном состоянии болгарской экономики, социальных проблемах. А их немало. Конечно, перестройка тоже «хорошо» прошла по болгарскому народу. Пенсии маленькие, льгот нет, жизнь дорогая. Памятники боевой славы тоже сохраняли всем миром, дежуря ночами у того же памятника Алеше в Пловдиве. Удалось сохранить около 400 памятников боевой славы, намеченных к сносу. Пообщалась с Винеттой Каларовой, с которой судьба свела меня в Пхеньяне в 2012 году, когда мы получали Литературную премию им. Ким Ир Сена. Винетта, живущая в Софии связана с антифашистским блоком Георгия Димитрова, который активно действует, выпускает свою патриотическую газету «Жирода». Они с Эмилией взяли изданный в Москве сборник «Литературная мозаика», в котором моя большая подборка болгарских стихов, в основном написанных в период моих командировок в Болгарию еще по линии Союза советских обществ дружбы, а также несколько новых. Там есть стихотворения, посвященные Георгию Димитрову, и отрывки из поэмы о Шипке и ее героях. Эти стихи и ряд новых патриотического содержания, написанных теперь в Болгарии, хотят перевести для своей газеты.

Очень трогательными были встречи с болгарскими ветеранами войны и труда из Варны и Бургаса. Мы вместе пели песни военных лет, и столько было воспоминаний!

В их сердцах жива любовь и дружеские чувства к русским, освободившим от фашизма. Хотя день Победы 9 мая практически не отмечается в стране официально, как и 8 сентября — день освобождения Болгарии. Широко отмечается 3 марта как День освобождения от османского ига в русско-турецкой войне 1877—78 г. и 24 мая — День славянской письменности и болгарской культуры — день Памяти братьев Кирилла и Мефодия — создателей славянского алфавита.

Удалось увидеть и изменившиеся города, узнать, как живет болгарская провинция и сельские местности, посетить культурные и исторические достопримечательности, послушать солистов Варнской оперы, побывать в открывшемся Международном Учебно-воспитательном центре им. Ю. А. Гагарина, где есть великолепный музей Космонавтики и работает планетарий, увидеть оздоровительные центры с комфортабельными гостиницами, уникальными спортивными комплексами, построенными в заповедной зоне Болгарии решением Московского правительства, где ежегодно отдыхают 20 тысяч детей и около 3 тысяч ветеранов войны и труда, где построен поселок Пирин для многодетных семей из России. И хотя огромные изменения во всех сферах и не всегда в лучшую сторону, самое главное, в народе сохраняется желание сотрудничать и не разрывать братских узы, заложенные столетиями.

Сохраняется желание сотрудничать с российскими литераторами и у болгарских писателей. Их интересует возможность издания своих книг в российских издательствах, желание быть переведенным на русский язык. Благодаря активности председателя Союза писателей Болгарии известного писателя Николы Радева болгарские литераторы выразили желание стать членами Международного сообщества писательских организаций, а сейчас приветствуют запланированное открытие в Болгарии отделения Академии российской литературы, что, безусловно, расширит творческие контакты и культурное сотрудничество между нашими странами.

У меня установились хорошие творческие контакты с болгарскими друзьями, от которых уже получила электронные письма, да и в Москве активно работает Болгарский культурный центр при Библиотеке Иностранной литературы, где часто бываю. Они провели замечательные дни духовной культуры Болгарии с участием известного дирижера Павла Балева и солистов оперы Камена Чанева, Владимира и Красимиры Стояновых. Неоценима деятельность и посла Болгарии в Москве Бойко Кацева, который предложил назвать парк на Старой площади, где стоит памятник героям Плевны, парком — российско-болгарской дружбы. Этому предложению тоже посвятила стихи. А новую книгу из болгарского цикла, над которой сейчас работаю, думаю начать своим маленьким стихотворением, которое опубликовал вместе с другими журнал «Друзья Камчии».

*Навеки вместе в мудрости и силе
Болгария с подругой Россией.
Мы были вместе в самой тяжелой битве,
И языки слились в одной молитве.*

*Герои Шипки в памяти и в сердце.
У нас одно великое наследство —
История, культура, православие.
Мы две сестры — Россия и Болгария.*

Людмила Авдеева, г. Москва

* * *

Привет, Алексей! Спасибо за книги! С удовольствием прочитал книгу Леонида Ханбекова. Добротное, очень обстоятельное исследование. Проникся уважением к автору и герою... Порадовали фотографии. Вспомнил славное институтское время. Увидел знакомые лица, многих помню — с Толей Кузьмичевским учились в одном семинаре. А Виктор Пахомов (один из любимейших моих поэтов, передавай привет ему). Ходулин, Панькин — приезжали в Удмуртию не раз (я их, помнится, свел с Михаилом Тимофеевичем Калашниковым), да и в Туле пришлось побывать неоднократно.

кратно (вместе с тем же Михаилом Тимофеевичем), и на съездах писательских встречались... Приступил к чтению твоих книг. Особенно заинтересовало «Видение на Патмосе».

Отправил тебе несколько своих книжиц. К сожалению, относил на почту посылку жена и отправила не те, которые подготовил с дарственными надписями. Но в следующей посылке исправлю оплошность. Часто вспоминаю наши с тобой годы учебы в Литературном институте — нашей писательской *alma mater*.

Владимир Емельянов, г. Москва

* * *

Алексей Афанасьевич! Я тоже в некотором роде североморец. Морскую купель проходил в Баренцевом и Карском морях, ходил, должно быть, мимо вашего маяка на рижском танкере из Мурманска в Североморск и Амдерму, видел над советскими боевыми кораблями НЛО. Обо всем этом на ссылке. Рад, что книга наконец дошла. Сейчас с доставкой большие сложности на почте России. По три месяца уходит на доставку бандероли. И не все доходит. По ТВ передавали, что сняли руководство. Но это положение пока что не меняет. Творческого настроения! Поздравляю Вас с Днем рождения, желаю крепкого здоровья, творческого горения и благополучия в жизни. В эти майские дни, когда весь мир отмечает День победы, я рад, что до Вас «дошла» моя книга о войне с фашизмом, о Победе.

Ефим Гаммер, г. Иерусалим, Израиль

* * *

Редакция «Приокских зорь» получила много поздравлений журналу с майскими Праздниками: от Нины Поповой (г. Москва), Владимира Федорова (г. Москва), Натальи Квасниковой (г. Москва), Наума Циписа (г. Бремен, Германия), Ефима Гаммера (г. Иерусалим, Израиль), Федора Ошевнева (Ростов-на-Дону), Сергея Прохорова (Нижний Ингаш Красноярского края), Владимира Трусова (г. Мончегорск Мурманской области) и многих других наших авторов и читателей.

Спасибо! Ответим Вам девизом нашего журнала — словами апостола Павла: «Не нам, не нам, а Имяни Твоему».

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 16 лет.

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.09.2013
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посылить помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Ctr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все компоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

ХРАМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ СТОЛИЦЫ РОССИИ
(Фото Виктории Кузнецовой)

Храм в честь Св. блгв. князя Александра Невского

Храм Двенадцати Святых Апостолов

ХРАМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ СТОЛИЦЫ РОССИИ
(Фото Виктории Кузнецовой)

Богоявленский зимний собор Тульского кремля (свыше сорока лет в здании располагался Тульский государственный исторический музей оружия)

**ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
«ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА**

Поэт Сергей Александрович Лебедев после вручения ему диплома лауреата премии в библиотеке предприятия «КуйбышевАзот» (г. Тольятти), где лауреат работает главным специалистом